

63.51(5 Каз)

И 827

Б.Б. Ирмуханов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

У 827

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АБАЯ

Б.Б. ИРМУХАНОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

Издание 2-е, дополненное

АЛМАТЫ,
Издательство «МИР»
2010

2.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
И 82

Ирмуханов Б.Б.
И 82 Этническая история древнего Казахстана. – Алматы:
ИД “МИР”, 2010. – 320 стр.

ISBN 978-601-7013-88-2

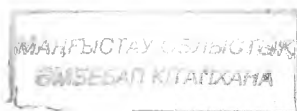
Книга доктора исторических наук, профессора Беймбета Бабикиевича Ирмуханова посвящена одной из сложных, малоисследованных проблем отечественной историографии – этнической истории древнего Казахстана, которая начинается с эпохи бронзы. В это время страну населяют племена: арии, тура, сайрима, хьона, даха (даи), саина. В эпоху раннего железа их сменяют саки и савроматы, в последующем – кангюй, яньцай, усунь и хунны (гунны). Последние были тем новым этническим элементом, положившим начало процессу тюркизации населения Казахстана и потому они занимают центральное место в исследовании.

Книга рассчитана на студентов, специалистов и на всех читателей, интересующихся историей Казахстана и его народа.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-7013-88-2

© Ирмуханов Б., 2010
© Издательский дом “МИР”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
1. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ЭТНОСА, ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.....	13
«Теория этничности». Конструктивизм.....	13
«Теория этноса» Ю.В.Бромлея.....	18
«Теория этногенеза» Л.Н.Гумилева.....	22
2. ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ.....	35
История учит и “проучивает”.....	35
Исторический процесс и историософия.....	41
История: казахстанские реалии.....	51
3. ДРЕВНЕЙШАЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: НАЧАЛО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.....	72
Популяция Казахстана в эпоху палеолита.....	72
Эпоха бронзы: начало этнической истории Казахстана.	
Арья.....	85
Ранний железный век: саки и савроматы.....	106
Образование и распад империи хунну.....	148
1. Китайские источники:	
достоверность и тенденциозность.....	148
2. Политическая история государства Хунну.....	161
3. Гунны в Европе. Держава гуннов. Атиллы.....	190
4. Этнополитическая обстановка на Северном Кавказе (70-е годы IV –70-е годы VI вв.).	
Гуннское наследие.....	213

5. “Белые гунны”: хиониты и эфталиты.....	224
6. Происхождение и этническая принадлежность хунну (гуннов).....	235
Усунь: государство и этнос.....	257
1. Политическая история Усунь.....	257
2. Территория расселения усуней.....	269
3. Происхождение и этническая принадлежность усуней.....	277
Кангюй и Яньцай. Происхождение и этническая принадлежность.....	290
Заключение.....	300
Приложение.....	314

ОТ АВТОРА

Этническая история Казахстана является одной из наиболее слабоисследованных проблем отечественной историографии. Тому есть свои причины. У казахов, как преимущественно кочевого народа, отсутствовала письменная история. Свои исторические познания они в основном черпали из богатого устного народного творчества – фольклора. Однако даже такой фольклор не может заменить отсутствие исторической науки, формирование которой началось лишь в XIX веке. С другой стороны, усложняют и затрудняют исследование истории кочевых народов и следующие обстоятельства: подвижность кочевников, частые перемещения их с места на место в поисках новых пастбищ и т.д. Непостоянными были у номадов не только территория расселения, но и их этнонимы. Зачастую они принимали имя очередного выдающегося вождя или государя. Так, по имени своего царя Кидары, захватившего верховную власть в распадавшейся Кушанской империи, хиониты стали называться (или их называли) кидаритами. Эфталитами были названы подданные царя Эфталана. Потомки огузов-туркмен – по имени основателя империи стали называть себя османами. Это имя они сохранили в течение почти шести веков и только в начале 20-х годов XX века приняли современное имя турков. По имени хана Золотой Орды Узбека стало называться все население государства в последующем – только кочевники Восточного Дешт-и-Кипчака. Узбеками продолжает называть себя самый многочисленный тюркский народ Средней Азии. Нередко покоренное племя принимало имя победителя. Так, хунны становились сяньюби и наоборот.

Этническая ситуация в Казахстане еще больше осложняется географическим положением страны. Территория Казахстана была не просто мостом, связывающим Европу и Азию, она была своеобразным природным накопителем, где останавливались, переводили дух, набирали силы кочевые племена, двигавшиеся с запада на восток и обратно. Поэтому этногенетический процесс в регионе представлял своеобразный калейдоскоп, который еще больше усложнял изучение этнической истории.

Необходимо также отметить, что большой хронологический разрыв между историей страны и историей народа порождал неадекватное восприятие этногенетического процесса, что выражалось как в попытках умалить глубокое прошлое казахского народа, так и в стремлении «удревнить» его историю и происхождение. Действительно, история Казахстана – страны казахов – по материалам археологических изысканий насчитывает несколько тысячелетий, в то время как история казахов – всего пять-шесть столетий. Получается, следовательно, парадоксальная ситуация, когда современная территория Казахстана становится родиной казахов лишь в XIV-XV веков, то есть когда казахи сформировались в этнос и создали свою государственность – Казахское ханство. В таком понимании они могут предстать как неавтохтонное, а пришлое население, к тому же неизвестно откуда и когда появившееся – прошлая история, которая покрыта мраком. Таким образом, история Казахстана и прошлое казахского народа как бы несовмещаются, и его древняя история невольно подвергается сомнению, более того, она может показаться даже необоснованной претензией на древность.

Ненаучный характер подобных представлений и подозрений очевиден. Однако следует учитывать, что такие ассоциации возникают у тех, кто исходит из представления о происхождении народа от одного общего предка, то есть генеалогического подхода или из идеи постоянного пребывания народа на одной территории, то есть “теории автохтонности”, отрицающей влияние на этногенез миграции и метизации народов. Оба подхода, популярные в XIX веке, устарели в науке. Однако они были фактически реанимированы в советской историографии в 20-30-х годах XX века, благодаря “стадиальной теории” Н.Я.Марра и его последователей, а также “установке” С.П.Толстова о генетической преемственной связи между населением среднеазиатской античности и современными тюркскими народами региона. Таким образом, недостаточная методологическая разработка проблем этногенеза и этнической истории порождала не-

адекватное ее восприятие. История казахского народа, разумеется, не ограничивается последними пятью-шестью столетиями. Народ наш является историческим и генетическим преемником племен и народов, издревле населявших территорию Казахстана, но не всех, а только тех, с которыми казахи были близки по происхождению и этнической принадлежности.

Разрыв в истории страны и народа – не специфический феномен казахской истории, он явление универсальное, присущее истории любого народа, не говоря уже о современных нациях Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, сформировавшихся относительно недавно. Кстати, формирование большинства современных народов планеты, в том числе и казахов, относится к XIV-XV векам. С образованием государственности – Казахского ханства в 1465 году термин «казак» («казах») становится этнонимом-самоназванием народа. Отныне начинается история самого казахского народа. Таким образом, история Казахстана объемлет историю народа, давшего ему имя, предшествует и продолжает ее, составляя непрерывный процесс во времени и пространстве.

Сложность и трудность исследования этнической истории определяется и тем, что население древнего Казахстана: (2 тысячелетие до н.э. -V век н.э.) было европеоидным по происхождению и ираноязычным по этнической принадлежности. Следовательно, этногенетические процессы происходят внутри этой общности. С эпохи бронзы начинается этническая история Казахстана, когда вместо безымянных популяций предшествующих эпох появляются племена с отчетливо выраженными этническими признаками и названиями-этнонимами. Действительно, носители андроновской археологической культуры (XVIII- IX века до н.э.) почти синхронной эпохе бронзы (XX-IX века до н.э.), которых сегодня, на наш взгляд, большинство ученых по праву отождествляют с племенами, указанными в Авесте – священном писании зороастризма; арии, тура, сайрима, хьона, даха (даи), саина были европеоидны и ираноязычны. В науке прочно утвердилось также мнение о генетической преемственной связи насельников эпохи раннего железа (VIII-III веков до н.э.) – скифов (саков и савроматов) с арья – собирательное название племен эпохи бронзы. Европеоидными и ираноязычными были также насельники древних государственных образований на территории Казахстана: Кангюя, Яньцзя и Усуни. Лишь с начала нашей эры постепенно просачиваются на территорию Казахстана тюркоязычные монголоидные племена центральноазиатского происхождения. Ими были

хунны и гунны, которые положили начало процессу тюркизации и частичной метизации местных кочевников. Утверждения некоторых исследователей, как в прошлом, так и особенно сегодня о тюркоязычности отдельных племен древнего Казахстана объясняются, на наш взгляд, не только стремлением «удревнить» происхождение казахского народа, но и желанием сохранить хотя бы лингвистическую связь между европеоидными ираноязычными племенами древности и монголоидными тюркоязычными этносами средневекового Казахстана. Однако подобная точка зрения основывается не на достоверных научных аргументах и фактах, а представляет чисто умозрительную конструкцию.

Рассматривая миграцию как составную часть этногенетического процесса, активно влияющую не только на формирование этнических общностей, но и на их взаимоотношения, мы обратили внимание на два момента. Первый из них связан с неоднократной миграцией индоевропейских и индоиранских кочевых племен в 3-2 тысячелетиях до н.э. с запада на восток и юго-восток в азиатские степи. Каковы были их истинные причины, мы, к сожалению, точно не знаем. Специалисты обычно называют таковыми природно-климатические условия. Однако в 1 тысячелетии до н.э. можно наблюдать и другую картину: из обжитых на востоке земель возвращаются на запад и юго-запад потомки этих племен. “Виновники” этих миграций известны в VIII-VII веках до н.э., ими были аримаспы – народ скифского происхождения, которые заняли земли исседонов, последние оттеснили скифов на запад, скифы же, в свою очередь, заняли земли причерноморских киммерийцев. Кто же заставил сдвинуться со своих земель аримаспов, и где была территория их расселения, пока остается загадкой, хотя большинство специалистов полагает, что аримаспы населяли Алтай. Мигранты середины II века до н.э. – асии, пасиаки, тохары и сакаравлы (по китайским источникам они обозначены общим названием – юэчжи) бежали на территорию Средней Азии и Казахстана под давлением хуннов – тюркоязычного монголоидного этноса. Отступавшие на запад народы, как в первом, так и во втором случае были ираноязычными европеоидными номадами. Прибывшие в 120-е годы до н.э. в Семиречье с северных отрогов Восточного Тянь-Шаня усунь, постепенно покинули свою новую родину и окончательно затерялись в V веке н.э. на Памире. Экспансия эфталитов в начале V века была последним историческим актом перемещения с востока европеоидных номадов. Покорив хионитов-кидаритов, нанеся тяжелые поражения Сасанидскому Ирану, эфталиты создали

могущественную державу, которая была разгромлена в конце 50-х годов VI века, объединенными силами тюрков и иранцев. Эфталиты, сменившие к тому времени кочевой образ жизни на оседлый, растворились в окружающей их родственной этнической среде. Оставшиеся на востоке европеоидные насельники (динлины, древние кыргызы), были ассимилированы тюрками, монголами и тунгусами. Отныне с востока мигрируют (совершают завоевательные походы) тюрко-монгольские народы. Джунгарская экспансия в XVIII веке стала их последним историческим нашествием. Таким образом, V веком завершается древняя история Казахстана, когда население его составляли различные индоиранские кочевые племена.

Второй момент, вытекающий из анализа миграционного процесса в древности, связан с тем, что в силу как недостаточного развития этнического сознания, так и наличия обширных незанятых земель, малочисленности того населения, захват или занятие чужих территорий происходили в основном мирным путем или при слабом сопротивлении. Иногда достаточно было услышать имя грозного противника, как кочевое население быстро снималось с места и уходило прочь, благо все их богатство – скот и юрта – были при них. Могло быть и по-другому: подчиниться врагу, сохранить свои земли, принять требования победителя и даже назваться его именем. Зачастую кочевые племена составляли союзы, конфедерации племен, в которых гегемоном было самое сильное многочисленное племя. Конечно, и в древности были случаи кровавых этнических конфликтов, когда истреблялся целый народ. Так, в III веке до н.э., наступавшие с востока сарматы, полностью уничтожили скифов. Но такие случаи были редки. Правилем, скорее, был вынужденный уход с земли и поиск новой родины. Так, к VI веку н.э. степи Казахстана окончательно покидают ираноязычные европеоиды-кочевники. Отныне, начинается средневековая история Казахстана, в которой этногенетический процесс развивается уже на новой тюркской основе при заметном участии монгольского, тунгусского и угро-финского элементов. Их взаимоотношения определяют генезис казахского народа и этническую историю средневекового Казахстана.

Древняя, не говоря уж об этнической теме, история Казахстана практически не была предметом специального исследования, поэтому надеемся, что данная книга заполнит в какой-то мере существующую в отечественной историографии. Лакуну наш очерк об этнической истории древнего Казахстана (1998 г.) был скорее “пробой пера” по указанной проблеме. Необходимо было привлечь но-

вые дополнительные материалы, в том числе и труды зарубежных авторов (английских, французских – в оригинале, китайских – в переводе), расширить диапазон рассматриваемых вопросов, например, включить в работу хазарскую проблематику, более углубленно рассмотреть вопросы о хуннах, гуннах и усунях, в особенности их этнические аспекты, углубить теоретико-методологическую сторону исследования. При написании данной работы мы исходили из хронологической последовательности исторического процесса: этническая история в эпоху бронзы, раннего железного века, периода древних государственных образований. Учитывая сложный, нередко остродраматический и даже трагический характер современных этнических отношений и процессов, особенностей дискуссии по поводу изучения этноса и этногенеза и высказываемые не только в западной социальной и культурной антропологии, но и в российской этнологии сомнения в реальности этносов, наций и даже рас, мы сочли целесообразным “вооружить” читателя необходимой информацией и по этим вопросам. Поэтому и включаем в работу главу из нашей предыдущей работы “К вопросу о происхождении казахского народа” (2008г.), которая представляет необходимую информацию о теоретико-методологических проблемах исследования вопросов этноса, этногенеза и этнической истории, как в прошлом, так и настоящем. Мы сочли также необходимым включить специальную главу “История Казахстана: подходы, проблемы”, которая даст читателю нужные сведения об истории, историческом процессе, вообще особенностях подходов к изучению кочевого социума, задачах, состоянии, проблемах отечественной историографии. Надеемся, что читателей заинтересует приводимый в книге иллюстративный материал.

Данная монография, как и предыдущая, – не специальное этнографическое исследование. Автор – историк, а не этнограф, однако ему не чужд и объект этнографии – этническая история. Опубликовав 12 книг и монографий по различным аспектам истории Казахстана, в том числе четыре работы, непосредственно посвященные древней и этнической истории Казахстана (“Этническая история древнего Казахстана”, “Древняя история Казахстана”, “Усунь и этногенез казахского народа”, “К вопросу о происхождении казахского народа”), автор надеется, что имеет моральное право посвятить свой новый труд исследуемой проблеме, не забывая, что между историей и этнографией нет “китайской стены” и что этнография в советский период была, не только объявлена вспомогательной исторической

дисциплиной – она ею стала. Действительно, в царской России этнография занималась “пережитками” прежних эпох в современности и в глазах общественности, как справедливо указывают специалисты, она практически отождествлялась с музеем. Уже при советской власти в конце 1920-х годов предпринимается попытка, заменить этнографию этнологией. Последняя была объявлена главной исторической наукой, которая должна заниматься не только прошлым, но и настоящим. Однако этот эксперимент продолжался недолго – этнология была объявлена “буржуазной наукой”, и этнография занялась прежним предметом – “первобытным обществом” и его “пережитками”. С 1950-х годов задачи этнографической науки вновь подвергаются ревизии: главным предметом науки становится “национальная проблематика”. В 1960-1980-х годах этот подход получает теоретическое обоснование в форме “теории этноса” Ю.В.Бромлея, которая провозгласила этнос (народ) едва ли не главным субъектом истории. Взятая на вооружение этнографами “теория этноса”, позволила еще раз заявить, что этнография является некой супернаукой, которая исследует все и вся. В 1990-е годы в России и других постсоветских государствах этнография была переименована в этнологию. В большинстве западных стран, в частности, в США, вместо этнологии используется термин антропология, которая включает четыре дисциплины: археология, физическая (биологическая) антропология, лингвистическая антропология и культурная антропология. В ряде стран антропология называется социальной антропологией. Антропология (этнология) как гуманитарная супернаука нигде не преуспела, зато она все больше приобретает определенные черты современной социологии, выполняющей задачи текущей политики. Как показал V Конгресс этнографов и антропологов России, этнография раскололась на многие небольшие группы и направления, показывающие ее кризис и раздробленность (“Восток”, 2004, № 2, С. 167-170). Что касается казахстанской этнографии, то она, будучи составной частью советской этнографии, продолжает по-прежнему заниматься “пережитками” или описанием быта, обрядов, обычаев современных казахов.

Замкнувшись на этих проблемах, этнография объективно сузила поле своей деятельности. Недаром основоположник “теории этноса” русский этнолог С.М.Широкогоров, провозгласив нежизнеспособность традиционной этнографии, стал соотносить деятельность этнолога с работой историка. Необходимо одновременно признать, что этнос, этногенез и этническая история как сложные естественные

исторические явления не могут быть объектом только одной какой-нибудь науки. Еще дореволюционная русская этнография пришла к принципиально важному положению о необходимости комплексного изучения проблем происхождения и этнической истории народов, использования данных и таких наук, как археология, антропология, лингвистика. К сожалению, в исследовании этнических проблем указанные науки, в силу специфики их методов и целей, не смогли добиться решающих успехов, что еще больше усиливает значение именно исторических исследований.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ЭТНОСА, ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

«ТЕОРИЯ ЭТНИЧНОСТИ». КОНСТРУКТИВИЗМ

Как уже подчеркивалось, вопрос о происхождении казахского народа является одним из сложных и актуальных в отечественной историографии, впрочем, как и проблема этногенеза многих современных этносов. Между тем, накоплен огромный массив этнографических материалов практически по каждому народу планеты, однако недостаточная разработка теоретических проблем этногенеза, правильнее будет сказать, различия в подходах к исследованию вопроса не позволяют достичь желаемой цели. В настоящее время они находят свое отражение в положениях двух теорий: конструктивизма и примордиализма. В прошлом два подхода к историческому процессу – формационный и цивилизационный – разделяли историков. Сегодня указанные теории разделяют этнологов (антропологов). Когда в начале 90-х годов XX века в исторической науке постсоветских республик произошел отказ от марксистской парадигмы как единственной теоретической основы понимания истории, историки довольно быстро осознали, что ни один из этих подходов не является универсальным и что основы теории познания истории, их формирование, связаны с необходимостью сочетания элементов различных теоретических подходов – формационного, цивилизационного и др. /1/. Но этого не произошло в этнографической науке. Дискуссия между конструктивистами и примордиалистами при напористом наступлении первых приобретает весьма острый характер, напоминая по своему накалу, ожесточению – идеологическую борьбу времен холодной войны. Это особенно заметно, когда речь идет о теории этногенеза Л.Н.Гумилева, которому оппоненты прочно наклеили ярлык примордиалиста.

Конструктивизм, который рассматривает этнос, нацию как явления, в первую очередь, социальные, возникающие под влиянием политического фактора, в частности государства, доминирует в западной социально-культурной антропологии. С конца 1980-х годов,

с приходом в руководство Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) В.А.Тишкова, стали активно внедряться и в России принципы радикального конструктивизма и, связанной с ним теории этничности, отрицающей сам факт существования этноса как явление реальности /2/. По словам Тишкова, существование само по себе коалиции людей есть результат целенаправленных усилий со стороны активистов социального пространства: элиты, управленцев и ученых, результат так называемого социального конструирования. Народ, нация, меньшинства (этнические), раса, диаспора и т.п., на самом деле представляют собой не реально существующее тело со своим “самосознанием”, “характером”, “волей”, а человеческие отношения. Заявляя, что «раса, как биологическая реальность, не существует», а представляет собой «социально-культурную категорию и академическую конструкцию», он вынужден все же признать существование «тех или иных форм псевдонаучного и улично-бытового расизма в России», что «основанные на биологизаторстве представления о расе, расиалистском мышлении и расизм, как практика есть самые жесткие реалии» /3/. Трудно поддается восприятию казуистический тезис: «расы нет, но есть расизм», как и стремление видеть главной причиной распространения расизма некую псевдонауку, которая столь могущественна, что способна творить из ничего “жесткие реалии”.

Известно, что в последние годы в мировой исторической науке одним из главных ее направлений признают мифологизацию истории, конструирование национальной идентичности, что наглядно продемонстрировал XX Международный конгресс исторических наук (Сидней, 2005 г.). По словам К.Лоренца (Нидерланды), интерпретируя историю, творили мифы, самым крупным из них был миф нации и последующее писание национальной истории /4/. Таким мифом в западной историографии было объявлено понимание нации в этническом смысле. В его критике и формировании нового представления “нация – государство” видную роль сыграл Карл Поппер. Исходя из своей концепции “открытого общества”, он подверг резкой критике прежние представления о нации, национальном государстве и национализме. «Ни одна из теорий, утверждающих, что нация объединена общим происхождением, или общим языком, или общей историей, не является приемлемой или применимой на практике... принцип национального государства – миф, иррациональная романтическая и утопическая мечта, это мечта натурализма и племенного коллективизма», – заявил он /5/. Если Поппер прав в от-

рицании общего происхождения нации, которое сегодня кажется не более чем анахронизмом, то отрицание им таких объективных признаков нации как общий язык и общая история представляется недостаточно обоснованным. Не убеждает и его тезис о национальном государстве. Создание национальных государств на этнической территории было, как известно, целью национально-освободительных движений европейских стран XIX – 1-й половины XX века – Латинской Америки, во 2-й половине XX века – стран Азии и Африки. Принцип национального государства заложен и в Уставе ООН.

Карл Поппер – убежденный противник национализма. Его критика эмоциональна: «Английский или американский, австрийский или немецкий и особенно, еврейский, национализм или расизм – это зло и идиотизм» /6/. Решительное осуждение автором национализма любого вида естественно не может не импонировать. Однако национализм, как нам представляется, исторически претерпел заметную эволюцию, как и его творение – национальное государство. Он вначале представлял составную часть демократического процесса и связан с общественным прогрессом. Великий российский востоковед В.В.Бартольд, например, причинами принятия в 20-е годы XX века османами нового имени (турок) считал не только рост их национального самосознания, но, главным образом, упрочнение национализма. «Под влиянием европейской культуры у османов, российских турков наблюдается стремление к возрождению национальных преданий, склонность к национализму», – писал он /7/. Национализм, следовательно, был частью европейской культуры. Известно также, что в западной историографии, в том числе и американской, лидеров национально-освободительных движений предпочитали называть националистами, а не коммунистами, резонно отмечая, что они ставили перед собой задачи освобождения своих народов и создания независимых государств, которые могли быть естественно только национальными. Крайним проявлением национализма был великодержавный шовинизм (по имени французского солдата Жана Шовэна) и фашизм, соединявший в себе черты шовинизма и расизма. Разумеется, в условиях продвижения к политической демократии говорить о каких-то прогрессивных моментах национализма не приходится, ибо он является реакционным антидемократическим идейно-политическим течением. Нельзя, однако, сводить к национализму любое выражение национального чувства, достоинства, стремления к политической, в особенности экономической, независимости, сохранению самобытной культуры и традиционной религии.

Выражение “нация – государство” полностью доминирует сегодня в западной антропологии и социологии, и пробивает себе путь в постсоветских республиках. По справедливому замечанию французского исследователя Эрве ле Браса, “нация – государство” означает определенный тип политического устройства, и вовсе не ставит знак равенства между государством и нацией. “Государство – это узаконенное право на насилие, право на власть”, – подчеркивает он /8/. Образование на Западе гражданского общества как результат длительного исторического развития, реальные достижения в политической, экономической, социальной, культурной областях объективно приводят к тому, что рамки национальных государств становятся тесными для дальнейшего продвижения вперед. И концепция “нация – государство”, по которой первичным является гражданство, название страны, а не этническая принадлежность, естественно является не просто привлекательной, но и убедительной. Глубокие интеграционные процессы, устранившие национальные границы, объединяющие экономики стран, их политические, государственные структуры, естественно оказывают решающее воздействие на то, чтобы рассматривать проблемы этноса, нации не исторически, а с достигнутого уровня развитых стран. На такую трактовку “работает” и процесс глобализации. Вот почему важно понимание того, насколько применимы теории “нация – государство”, этничности для стран, реалии которых далеки от развитых стран.

В России усилиями В.А.Тишкова и его последователей активно внедряется концепция “российского народа” как некий эквивалент “нация – государство”. Он пишет: «Существует и должна быть признана наукой и государством культурно-социальная общность российского народа или россиян, чья этническая идентичность может определяться, в том числе сложными словами: русские-евреи, украинно-русский, татаро-башкирин и т.п.». Автор признает, что, по мнению некоторых специалистов, подобные люди относятся к категории этнических маргиналов. Он также отмечает: «Этнонационалисты (по мнению Тишкова, между отечественными специалистами – этнологами, психологами, социологами и этнонационалистами – разницы фактически нет) подвергают сомнению российскую идентичность, выраженную в самом слове россиянин, и представляют ее как некий уродливый эвфемизм /9/. Что касается концепции российского народа, последовавшей после провала идеи советского народа, логично было бы ожидать, что пройдет как минимум 50 лет, чтобы увидеть развитие этнического процесса в России, при обязательном условии

демократического развития страны. Не надо забывать о влиянии “имперского синдрома” и “улично-бытового” расизма. Ответственность России как евразийской державы велика, и для многих постсоветских республик она остается по-прежнему не только могучей опорой, но и моделью изучения и решения этнического вопроса. Казахстан тоже пытается решить указанную проблему, но в отличие от России, где она стала предметом научного обсуждения, в РК власть, не мудрствуя лукаво, объявила, что в стране создается казахстанский народ, хотя по данным социологического опроса 2002 года, то есть через 10 лет после независимости лишь 60%, проживающих в Казахстане этнических русских, признали себя гражданами республики /10/.

Таким образом, можно констатировать, что связанная с конструктивизмом теория этничности (слово «ethnie» означает народ, этническая группа) приобретает все большее значение и популярность не только в социальной и культурной антропологии западных стран, но и в этнологии постсоветских республик. В прошлом западная антропология, впрочем, как и русская этнография, для обозначения народа часто использовала термины: «раса», «нация», «племя». В 70-е годы XX века сначала в США и Великобритании, позже в других странах начинает распространяться теория этничности. Термин «этничность» и производные от него, скажем, этнический конфликт, этническая принадлежность или идентичность, этническая группа или этническая общность, этнический фактор, этнические группы или меньшинства и т.д., а также ссылки на этничность и этнический фактор все чаще и чаще начинают встречаться, помимо прочих, и в таких дисциплинах как психология, политическая наука, историография, педагогика, социология и пр. В то же время, по мнению чешского исследователя П.Скальника, наблюдаются серьезные разногласия по поводу того, что эти слова означают и существуют ли объективно группы людей, которые могут быть обозначены исключительно как этнические. Говоря о массе определений этничности и этнической идентичности, Скальник замечает, что «этническое» как таковое, не объясняется удовлетворительно ни одним из этих определений. По его словам, в западной литературе этничность означает незначительный, хотя и важный компонент социальных процессов. Между тем, в Советском Союзе, утверждает он, этническая принадлежность групп, которые наделялись с виду ученым наименованием “этнос”, рассматриваются как объективные феномены, действующие в реальном мире /11/. Автор, в целом, верно отразил суть различия двух подходов, двух теорий к исследованию проблем этногенеза.

«ТЕОРИЯ ЭТНОСА» Ю.В.БРОМЛЕЯ

Вторым таким подходом, как уже отмечалось, был примордиализм (семантический смысл слова означает «укорененность», «исконность»), как и связанная с ней теория этноса. Ю.В.Бромлей признает первичность этноса, считает, что в основе этнических характеристик лежит, в первую очередь, биологический, природный, а не социальный фактор. Примордиализм или эссенциализм, по мнению В.А.Тишкова, есть учение и практика, верующее в существование этносов или рас – архетипических человеческих коллективов. На Западе примордиалистское понимание означает старую расовую концепцию народов /12/. Россия, думаю, не выстрадала теорию этноса, как она выстрадала марксизм, однако именно русские советские ученые не только создали ее, но и ввели в первой половине XX века в научный обиход сами термины «этнос», «этногенез» (Н.М.Могилянский, Н.Я.Мартен).

В последнее время российские ученые вернули народу творческое наследие С.М.Широкогорова (1887-1939), имя которого как эмигранта в 1920-1960-х годах в советской этнографии подверглось «умолчанию». Как отмечает известный этнолог А.М.Кузнецов, не только у нас, но и за рубежом, так и не были восприняты в полной мере теоретические идеи российского этнолога и, прежде всего, концепция этноса /13/. Широкогородов считал этнос группой людей (этническая общность), как первичную целостность через отношения с различными видами среды. Поэтому для него этнос не набор признаков, меняющихся в зависимости от обстоятельств, а сначала устойчивый набор отношений приспособления как базовая универсальная форма объединений людей. Этнос, по его мнению, является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду существовать. К середине 30-х годов XX века Широкогородов окончательно формулирует свою концепцию этноса, в основе которой и созданного на ее базе дискурса лежит идея о том, что человек – существо этническое, а уже потом – социальное, культурное, политическое и др. «Новаторство в области теории и методологии, – пишет Кузнецов, – позволяет Широкогороду органично совместить примордиалистский (признание биологических основ этноса, роли материальных компонентов культурной и социальной организации) и конструкти-

вистский подходы (теория психоментального комплекса: этническая общность как реальное явление, занимаемая территория, группа людей) с этносом как процессом». Одновременно он подчеркивает, что многие критики упрекали и упрекают Широкогорова за представление этноса как группы, основанной на биологических началах, за недооценку реального значения политического фактора /14/. Концепция этноса русского этнолога была создана вдали от родины, следовательно, без какого-либо влияния, воздействия Советской власти, и на несколько десятилетий раньше одноименной теории советских этнографов, в которой по отношению к Широкогорову специалисты находят определенную близость и даже совпадения.

В формировании советской теории этноса заметную, если не решающую роль сыграли труды И.В.Сталина, которые служили для советских этнографов методологическим основанием для интерпретации этнических феноменов. Известно, что Сталин еще до Октябрьской революции дал свое определение “нации”, которая понимается им, как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры» /15/. Советские этнографы интерпретировали сталинское определение нации как определение стадиальной формы этнической общности и экстраполировали названные признаки нации на этнос. /16/.

В самом начале 50-х годов, XX века в разгромной статье по поводу “яфетической теории” Н.Я.Марра в языкознании, Сталин, описывая эволюцию языков, их развитие от родовых к племенному языку, к языку народностей и, наконец, к национальному языку, указывал, что каждая стадия в развитии языков жестко соответствует той или иной общности экономической формации. Как отмечает В.Р.Филиппов, сразу же после статьи Сталина видные советские этнографы С.А.Токарев, Н.Н.Чебоксаров опубликовали статьи, в которых речь идет уже не о стадиях развития языков, а о стадиальности в развитии этнических общностей (род, племя, народность, народ, нация) и о соответствии этих стадий стадиям развития общества /17/.

По сложившейся в советской исторической науке традиции, стадии этнической общности: племя, народность (народ), нация, род, родовая община являются первой формой социальной организации человечества. Род – коллектив кровных родственников – ведет свое происхождение от общего предка, носит общее родовое имя. Племя – тип этнической общности и социальной организации людей.

Для него характерны: кровнородственная связь между его членами, деление на роды, общность территории, некоторых элементов хозяйства, самосознания и самоназвания, обычаев и культов. Образование союзов племен, завоевания и переселения ведут к смешению племен и возникновению более крупных общностей – народностей. Народность – исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации. Народности возникают в различные исторические эпохи, начиная с рабовладельческой вплоть до современности /18/. Как видим, термины «народ», «народность» используются в литературе как синонимы, хотя слово «народ» (от греческого-го «ethnos» – народ) имеет несколько значений – все население страны, народные массы, этническая общность. В исторической науке прочно утвердилось мнение о том, что этнообразовательный процесс может быть весьма длительным и, что нет этноса, происходящего от одного корня, общего предка.

Советская теория этноса была окончательно сформулирована в 70-80-е годы XX века усилиями Ю.В.Бромлея, бывшего в 1966-1988 годах директором Института этнографии АН СССР. Его определение этноса не претерпело кардинальных изменений. В 1972 году он писал: «Этнос – исторически возникшая общность людей, обладающая общими относительно устойчивыми особенностями культуры, также хорошо осведомленными о своем сходстве и отличии от других подобных общностей». В 1978 году: «Этносы, народы... появляются в результате естественноисторического процесса, а не как результат воли определенного народа». Позже: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся устойчивая межпоколенная совокупность людей на определенной территории, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психику, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) /19/. Как мы видим, этнос определяется в основном совокупностью определенных признаков, которые не очень-то отличаются от характерных черт в сталинском определении нации. В этих определениях наибольший интерес представляет собой указание на этнос как на результат естественноисторического процесса, который как бы открывает возможность синтеза известных двух подходов к исследованию этногенеза – происхождения народов. Этногенез включает как начальные этапы возникновения какого-либо народа, так и дальнейшее формирова-

ние его этнографических, лингвистических и антропологических особенностей. Теория этноса Бромлея стала “официальной” в Советском Союзе, но, тем не менее, она подверглась критике в последние годы существования советской власти – годы “перестройки”.

Мы разделяем мнение тех российских и западных этнологов, которые, отмечая недостатки как теории этничности, так и теории этноса, приходят к выводу, что каждая из них в отдельности не может полноценно решить проблему. Так, по мнению С.А.Арутюнова, споры о сути этноса, которые ведутся в отечественной науке, при всем своем накале, в общем, бесперспективны, как спор между примордиалистами и конструктивистами. Различные существующие концепции этничности, отмечает А.М.Кузнецов, не снимают значения теории этноса – они помогают анализировать определенные явления на разных уровнях, но с теорией этноса они вместе не стыкуются. Все названные выше определения этноса, подчеркивает В.Р.Филиппов, методологически ущербны и не позволяют раскрыть сущность данного феномена. Перечисление “объективных” признаков в определении этноса было результатом того, что под “этносом” понималась совокупность различных социальных общностей со своими имманентными для этих общностей признаками. Именно поэтому вычислить собственный имманентный признак для этого “этноса” не смог ни один исследователь. В качестве такового называется субъективный признак – “этническое самосознание”, но и в этом случае сохраняется “порочный круг” в определении понятия “этнос”. Нельзя определить этнос, не определив “этническое самосознание”. “Этническое самосознание” нельзя определить, не определив “этнос”. Столь же непродуктивными оказались и попытки конструктивистского истолкования “этничности” и “этнической идентичности”, отмечает Филиппов. По мнению голландского исследователя В. ван Мейрса, если борьба за нахождение неуязвимого определения этноса с помощью, которого можно было бы выявить эволюцию этнических групп и предсказывать всплески национализма, представляется несостоятельным делом, то конструктивистский пафос часто приводит к настолько же непродуктивному отделению националистического дискурса от социально-экономической реальности и политических условий /20/.

«ТЕОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА» Л.Н.ГУМИЛЕВА

В конце 60-х годов XX века в Советском Союзе возникает альтернативная версия концепции Бромлея – “теория этногенеза” Л.Н.Гумилева, которой предстояло испытать ошеломляющий успех и яростную критику. О накале страстей свидетельствуют и материалы “Этнографического обозрения” (2006, № 3), посвященные специальной теме номера под характерным названием: “Уроки Гумилева: блеск и нищета теории этногенеза”. Французская исследовательница Марлен Ларюэль, четко определившая свою позицию по этой теории, тем не менее, задается далеко нериторическим вопросом: «Популярность трудов Гумилева в современной России и некоторых постсоветских государствах, например, в Казахстане – феномен, пока недостаточно изученный на Западе, и вызывающий множество вопросов, относительно причин влиятельности и путей распространения гумилевского наследия» /21/.

Есть много причин, объясняющих влияние и популярность указанной теории, главная из которых заключается в ее оригинальной научности, подкрепленной блестящим литературным талантом. Труды Гумилева появились на фоне неутоленной интеллектуальной потребности советского общества. В то время, как демократический Запад далеко продвинулся в вопросах исследования общественного развития, выдвинув из своей среды таких мыслителей как А.Тойнби, К.Ясперс, М.Блок, Л.Февр, К.Поппер и др, обстановка в Советском Союзе была совершенно иной, здесь творческий потенциал марксизма был предан забвению, и на его месте пышно расцвели схематизм, догматизм, начетничество и демагогия. Выдающаяся заслуга Гумилева в том, что и в этих условиях он сумел создать свою теорию. Открыто не противопоставляя ее господствующей идеологии, Гумилев сумел достойно объяснить свою позицию, заявив: «В трудах основоположников марксизма содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она еще не применялась» /22/. Новаторский революционный подход Гумилева к этногенезу не встретил поддержки, понимания со стороны профессиональных этнографов, а наоборот, они встретили программу системного подхода в штыки. Крупный советский этнограф Р.Ф.Итс констатирует: «Среди советских этнографов нет никого, кто принял бы концепцию Гумилева».

Такая позиция специалистов имеет, конечно, свое объяснение. Гумилев доказывал, что этнос – явление природное, и он отказался от решения проблемы обоснования знания об этносе как о единстве, сумме известных признаков: язык, территория, происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религия, самосознание и т.д. Традиционная этнография считала этногенез, завершившимся процессом формирования народа, между тем как Гумилев считает этногенез проявлением многообразных процессов возникновения, становления, развития и исчезновения народов. Он сравнивает этногенез с природой человека: рождение, детство и юность, зрелость, старость и смерть. Таким образом, этногенез имеет свое начало и конец. В этом смысле он и терминологически, и содержательно перекликается с цивилизационной теорией Тойнби, по которой цивилизация как исторический процесс имеет свои этапы, стадии развития: генезис, рост, надлом и разложение /23/.

Этнография, использующая традиционный метод описания быта, обрядов, обычаев и т.д., по мнению Гумилева, должна быть заменена новой наукой – этнологией, изучающей становление этносферы земли как результат процессов этногенеза в историческую эпоху. В центре внимания этнологов – исследование разнообразных импульсов поведения этнических коллективов. Для этого необходима новая методика. В отличие от исторического исследования, базирующегося на источниках, этнологическое исследование, подчеркивает Гумилев, основывается на сумме достоверных фактов, почерпнутых из монографий, где они прошли проверку путем исторической критики /24/. Блестящий стилист, Л.Н.Гумилев изящно обыгрывает содержание понятий «этнос», «этногенез»: от иронически научного до доступного для понимания определения. Так, для любителей «точных» определений он пишет: «Этнос – феномен биосферы или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий». А вот его не нарочито научное определение: «Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система, противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» /25/. Как видим, сущность этноса у Гумилева – это определенный стереотип поведения этнической общности. Он подчеркивает, что различие эт-

носов между собой определяется не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой адаптации человека к ландшафту. Разнообразие ландшафтов – вот причины удивительной этнической мозаичности антропосферы.

Взаимоотношения этносов определяются комплиментарностью (ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющих деление на «своих» и «чужих»). Комплиментарность, по Гумилеву, бывает – положительная, отрицательная и нейтральная. Первая означает безотчетную симпатию, без попыток перестроить структуру партнера, принимая его таким, какой он есть. В этом варианте возможны: симбиоз (близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый имеет свою экологическую нишу) и инкорпорация. Чтобы установить симбиоз, надо иметь воображение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют акматической фазе этногенеза, т.е. молодости этноса. Вторая – это безотчетная антипатия с попытками перестроить структуру объекта либо уничтожить ее. При этом варианте возможны химеры (наличие в одной экологической нише двух или нескольких этносов). У химеры нет отечества. Этнические химеры крайне агрессивны, они могут приспосабливаться к изменяющейся обстановке, часто побеждают политически и экономически, но никогда – идеологически. Химеры представляют питательную среду для возникновения антисистем (теории безукоризненно логичные, образующие псевдоэтнические целостности). Принцип антисистем – ложь, всегда присутствует в химерах. И, наконец, третья – это терпимость, вызываемая равнодушием, что означает потребительское отношение к соседу, либо игнорирование его /26/. Такую точку зрения выдвинул Гумилев об идее комплиментарности.

Говоря о происхождении этносов, Гумилев утверждает, что они не происходят от одного предка, что со времен палеолита население любой страны сменилось несколько раз. Потомки, пишет он, есть у всех, и они живут, но в составе других этносов, ибо этносы – система, а не человеческое поголовье с условным названием, которое можно менять по произволу. Конец этноса не означает физическую гибель его членов. Несомненный интерес представляет вывод автора о дискретности (прерывности) этнического процесса. По словам Гумилева, «лишь социальное развитие идет по спирали, а этническое – дискретно» /27/. Именно дискретностью этнической истории можно объяснить по каким причинам такие близкородственные народы как хунну и древние тюрки не знали друг друга.

Что касается этногенеза, то Гумилев определяет его как «последствие негэнтропийного импульса, т.е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы, в результате которого появляется пассионарность – рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет». Признаками «толчков» могут быть мутации, вернее – микромутации. Мутация, как правило, касается не всей популяции своего ареала, а мутируются относительно немногочисленные особи. Говоря о природе этих импульсов, Гумилев пишет: «Заранее можно отбросить гипотезы о влиянии Солнца, подземной, не имеет значения и уровень социального развития этноса. Остается одна гипотеза – переменное космическое излучение» /28/. Таким образом, космическое излучение как бы заряжает отдельных людей, придает им особую страстность, делая их пассионариями.

Понятно, что пассионарность – это не только страстность, но и страсть. Пассионарный толчок, будучи явлением природы, охватывает людей независимо от рода занятий, социального статуса и происхождения. Пассионарии – это незаурядные личности, таланты и гении, проявляющие исключительную активность. Повышенными пассионарными чертами Гумилев называет честолюбие, жертвенный патриотизм, творческое воображение, стремление к переустройству мира так же, как неудовлетворенность разных степеней, жажда правды и справедливости. Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения. Именно оно поддерживает системные связи в этногенезе, обеспечивая его устойчивый и творческий акт. Избыточная пассионарность влечет ужасы перегрева. Очень важна мысль Гумилева о том, что пассионарность – эффект энергии, безразличный к добру и злу /29/.

Пассионариям, вдохновляемым великими целями ради достижения, которых они готовы пожертвовать даже собственной жизнью, не говоря о чужих, противостоят субпассионарии. Они, по словам Гумилева, – особи с потребительской психологией, и их эгоизм, основанный на инстинкте самосохранения, не выходит за рамки рефлекса самоутверждения. Мироощущение субпассионариев – равнодушие, их характеризует безразличие к чужой судьбе, судьбам народа, родины, природы. Они презирают и часто ненавидят своих соседей, и говорят про них гадости. При снижении пассионарного напряжения в этносе, подчеркивает Гумилев, возникает стихийная война между гармоничниками и субпассионариями. Если побеждают последние,

идёт распад этноса, при этом выживают единицы. Если побеждают гармоничники – этнос превращается в реликт, если же он находится в изоляции, то люди живут долго в гармонии с вмещающими ландшафтами, оставаясь храбрыми, сильными, умными, добрыми, удовлетворенными жизнью, но совершенно беззащитными перед хищными, инициативными, алчными и воинственными соседями /30/. Говоря о пассионарной теории этногенеза Л.Н.Гумилева, можно без преувеличения сказать, что ряд его выражений: «Сила этноса прямо пропорциональна количеству пассионариев и обратно пропорциональна числу субпассионариев», «уцелевает серая посредственность, прозябающая до очередного пассионарного взрыва», «когда же тупость становится элементом поведенческого стереотипа, то это симптом финальной фазы этногенеза – обскурации (преждевременная старость), после которого этнос переходит в гомеостаз, в реликт» – стали афоризмами. Полный цикл развития этногенеза, если не происходят катастрофы, продолжается около полутора тысяч лет – для человека это 60 поколений. Нет ни одного этноса, который бы не испытал подъема пассионарности, и нет ни одного, который бы не превратился в реликт, если только он не рассыпался на куски раньше, подчеркивает Гумилев.

Интересно, что исследователи пытаются не только определить место, фазу нахождения своего народа в цикле развития этногенеза, но и строить на ее основе отношения с нынешними соседями. Так, на вопрос, – на какой из фаз этногенеза Гумилева находится русский этнос, исследователи дают различные ответы: одни допускают, что он вошел в фазу обскурации, другие считают, что это фаза инерционная. Некто Ермолаев, исходя из различия якобы фаз этногенеза двух стран, спешит определить геополитику России в отношении Казахстана: «Для России любая интеграция с Казахстаном неизбежно выльется в дополнительные затраты российской пассионарности на компенсацию казахской обскурации... России пора отбросить ненужные «евразийские» сантименты потому, что в противном случае ценой стабилизации Казахстана вполне может стать дестабилизация России».

Сравнение этносов возможно лишь по возрасту или фазе этногенеза, отмечает Гумилев, но ни один из них не вечен, каждому предстоит пережить пусть по-своему, но один и тот же жизненный путь. Следует интерпретировать историю смены этносов не как прогрессивное развитие, а как серию дискретных энтропийных процессов (своеобразный процесс потери энергии), то есть возмущений жи-

вого вещества антропосферы. И каждое такое возмущение уносит в небытие накопленную этносом культуру – кристаллизованную пассионарность /31/. Говоря, что этническая история есть продление истории биосферы, с поправкой на свободную волю (совесть) людей, проявляющейся в деталях этногенеза, взаимно компенсирующихся на уровне суперэтнических целостностей. Гумилев выделяет в этнической истории три типа: 1) процесс адаптации каждого этноса во вмещающем и кормящем его ландшафте; 2) этногенеза – энтропийного процесса, начинающегося со вспышки пассионарности, образующей новый поведенческий стереотип (этнос) и проявляющегося в последующей ее утрате, что всегда сопряжено событиями, которые фиксируют источники; 3) процесс этнических контактов /32/.

Возможность сравнения этносов по возрасту, а для этого возникает необходимость использования диахронного, а не синхронного метода, по мысли Гумилева, решающий способ избежать не только ошибок при исследовании этнической истории, но и эффективное средство против расистских, европоцентристских взглядов и представлений. Ведь никому не приходит в голову удивляться, пишет он, почему юноша сильнее старца или ребенка, но при анализе межэтнических коллизий это обстоятельство всегда упускается из виду. Синхронные сравнения бессмысленны, так как этнические процессы дискретны. Следует сравнивать явления диахронно: начало процесса одного этногенеза с началом другого: середину с серединой, конец с концом, даже если эти фазы у разных этносов имели место в разных столетиях. Начало отсчета – это пассионарный толчок, начинающий этногенетический процесс. Таким образом, естествознание дало истории скелет, необходимый для обобщений /33/.

Д.С.Лихачев, чей моральный авторитет среди советской интеллигенции был неоспорим, видел большой позитивный вклад концепции Гумилева и в том, что она «смягчает противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор». «Противопоставление» – сказано, конечно, мягко. В русской националистической литературе и в летописях оскорбления степняков, народов Востока были обыденным явлением. Непреходящая заслуга Л.Н.Гумилева состоит в том, что он раскрывает механизм высокомерия, мнимого превосходства христианского мира, апологетов европоцентризма. «О неполноценности», «отсталости» степных народов можно говорить, только исходя из предвзятости европоцентризма, согласно которому весь мир – варварская периферия Европы, пишет Гумилев. Сама идея «дикости» может возникнуть только при использовании син-

хронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки. Но если принять принцип диахронии – счета по возрасту – и сравнить первоклассника со студентом и профессором, когда им тоже было по семь лет, то сопоставление будет иметь не только смысл, но и научную перспективу. Так же обстоит дело в этнологии. Диахрония всегда напомним, что цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы, и гордятся накопленной веками культурой, как и все этносы в старости, но она же напомним, что в своей молодости они были дикими франками и норманнами, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров» /34/.

По словам Гумилева, европоцентризм базируется также и на представлениях и предрассудках обывателя, по которым степень совершенства иных культур определяется похожестью на европейцев. А индивидуальные особенности этносов иных складов забываются как ненужные, как дикость, которые незачем хранить и помнить. Отсюда еще одна абберрация, пишет Гумилев, – люди II века были глупее людей XX века, потому, что остатки их культуры куда беднее того обилия предметов техники, науки, искусства, которые существуют в наше время, и для всех очевидны. Предостерегая от подобной самооценки современников, он справедливо отмечает, что люди прошлых эпох не сохранили информацию для будущего поколения, и до нас дошла лишь ничтожная часть их наследства. Если Землю постигнет катастрофа, то через 12 тысяч лет исчезнут даже рельсы, и потомки будут говорить, что никакой цивилизации до них не было потому, что ничего ценного не сохранилось. Говоря так, он приходит к следующему заключению: «Простое изучение материальной культуры неизбежно ведет к искаженному видению прошлого, а этнологическая реконструкция становится единственно возможным путем его понимания» /35/.

Гумилев предостерегает от соблазна подменить изучение этносов, людей, живших, творивших и погибавших, описанием памятников, то есть вещей, сотворенных этими людьми, говоря, что творение рук человеческих, культура и явления природы, этногенез имеют разные характеры развития. Целые народы исчезли с лица

земли. Жизни сопутствует смерть, а смерти – жизнь. Но в истории культуры мы этой диалектики не видим. В отличие от природы люди способны создавать только статические предметы, не имеющие способности видоизменяться и самопроизводиться. Вывод автора: «Все теории культурного прогресса не могли бы существовать, если бы не игнорировали феномены вырождения, ослабления и вымирания целых народов и распада их цивилизаций». Л.Н.Гумилев часто подчеркивает, что традиционная методика исторических исследований позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период, в то время как этнологическая методика дает целостную картину этнического процесса. Опираясь на эту методику, он создает и свою теорию евразийства, которая включает идеи об уникальности России и полицентричности мира. Они, по мнению автора, делают бессмысленными гипотезы об общечеловеческой мировой культуре. Идея Гумилева о единстве евразийского суперэтноса, не принадлежащего ни к Западной Европе, ни к Азии, а являющегося уникальным, по мнению ряда исследователей, представляется весьма плодотворной в методологическом плане /36/.

Хотелось бы сказать, что вызывает глубокое уважение не только замечательное творческое наследие Л.Н.Гумилева, но и его личность, яркий, полный суровых испытаний и героизма, жизненный путь. Лев Николаевич Гумилев (1912 -1992) родился в знаменитой семье. Его отец – известный поэт Николай Гумилев был расстрелян в 1921 году как участник контрреволюционного заговора. Мать – поэтесса Анна Ахматова. В 1935 году Лев Гумилев, студент первого курса Ленинградского университета, был арестован и освобожден через две недели по письму матери на имя Сталина. В 1939 году – второй арест. Вновь Ахматова обращается к Сталину, умоляя освободить сына. В ее письме есть и такие строки: «...мой сын – даровитый историк. Академик Струве и профессор Артамонов могут засвидетельствовать, что его научная работа, принятая к печати, заслуживает внимания...». Письмо не доходит до адресата. Л.Гумилев и еще два студента были осуждены на пять лет по стандартному обвинению за антисоветскую деятельность. После отбытия срока в Норильском ИТЛ, он остался на поселении в Туруханском крае и в 1944 году, добровольно уходит на фронт. По возвращении с фронта Гумилев оканчивает ЛГУ и поступает в аспирантуру в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР по специальности «История цивилизации хунну и древних монголов». В том же году он был исключен из аспирантуры. В 1948 году защищает

кандидатскую диссертацию, но через год – опять арест и тюремное заключение на 10 лет. В 1956 году освобожден и реабилитирован. В 1961 году защитил докторскую диссертацию по теме: «Древние тюрки VI-VII вв.», в 1974 году – вторую докторскую диссертацию по географическим наукам – «Этногенез и биосфера Земли». Не может, не восхищать проницательность, честность и гражданское мужество Гумилева. Так, когда к власти пришел М.Горбачев, Гумилев пишет: «Теперь вижу, пришел «реформатор». Пришел заурядный человек, который будет все время говорить о здравом смысле. Но это же Октавиан Август (римский император – 27 году до н.э.-14 году н.э. – сосредоточил в своих руках власть, сохранив, однако традиционные республиканские учреждения). При нем расцветут куртизанки, все будет покупаться и продаваться... Я, слава Тебе, Господи, не доживу, не увижу» /37/. Дожил все же Лев Николаевич до распада великой державы и последующей политической, экономической, социальной, морально-нравственной вакханалии, от которой Россия начала освобождаться только при президенте В.В.Путине.

Исключительная эрудиция, большой писательский дар, воображение не только ученого, но и художника обеспечили его трудам заслуженный успех и широкую популярность. В его трудах содержатся весьма ценные идеи, замечания и по истории и происхождению казахского народа, которые мы с большой пользой использовали в своих работах /38/. Л.Н.Гумилев был настоящим патриотом своей родины, умным, тонким апологетом Руси. Он дает, например, явно преувеличенное представление о силе и мощи Киевской Руси, ее политической и исторической роли, не точно интерпретирует «миры», заключенные Мономахом с половцами. В его трудах, как и в любом исследовании, можно найти и погрешности, не всегда убедительные выводы и спорные положения, и даже фактологические ошибки. Однако не они определяют истинную ценность его работ. Поэтому невозможно не согласиться с Д.С.Лихачевым, когда он пишет: «Спорить с Л.Н.Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л.Н.Гумилев строит широкую картину и ее нужно принимать или не принимать как целое» /39/.

Отношение к творческому наследию и личности Л.Н.Гумилева и сегодня остается неоднозначным. Разброс мнений здесь громадный: от восхищения и поклонения до крайне отрицательных оценок, зачастую глумливо-уничижительных. Его действительно называли властителем дум, культовой фигурой без всяких кавычек. Советские

историки, особенно философы, высоко оценивали методологическое значение его теории этногенеза, подчеркивая, что она «снимает противоречия между материализмом и идеализмом в вопросе о первопричине этногенеза». С конца 1980-х годов XX века для 99 % географов страны ведущим этнографом, хотя и незаслуженно гонимым официальной наукой является Л.Н.Гумилев, а этнографией (этнологией) в этом случае считается изучение причин и последствий пассионарных толчков для этногенеза. Место академической этнографии в общественном сознании образованных слоев населения (прежде всего естественно-научной и технической интеллигенции) заняли взгляды Гумилева, справедливо подчеркивает А.Н.Ямсков /40/. В этой оценке нет никакого преувеличения, нам, свидетелям тех и последующих лет это хорошо известно.

Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались, гласит старый афоризм. Каковы эти интересы – нам неведомо. Однако невосприятие идей Гумилева выражается некоторыми исследователями вполне откровенно. Так, по мнению В.А.Шнирельмана, не проведя ни одного полевого этнографического исследования, он (Гумилев) считал себя основателем этнологической науки. Отнюдь не случайны многочисленные параллели, обнаруживающиеся между идеями Гумилева и рассуждениями нацистских авторов. «Теория этногенеза» в гумилевском понимании ведет в тупик, глобальная концепция этногенеза рассыпается при соприкосновении с действительностью. Его (Гумилева) «теория этногенеза» идеально вписывается в парадигму этнического национализма, большинству представителей западной академической идеи мало интересны, он для них лишь экзотическая фигура, с прочно наклеенными ярлыками «примордиалиста», «русского националиста» и даже «расиста», считает В.А.Коренько. Посчитав, по-видимому, что указанных эпитетов недостаточно или они не совсем убедительны, Коренько решил добавить несколько эпитетов собственного производства: антисемит, графоман, непризнанный гений. Оппоненты (враги) Л.Н.Гумилева выдвигают против «пассионарной теории этногенеза» 13 замечаний (обвинений) и, тем не менее, вынуждены признать: «В России критиков Гумилева гораздо меньше, чем его почитателей», «тираж сочинений Гумилева на два, если не на три порядка выше совокупного тиража публикаций его критиков» /41/.

От указанных отечественных критиков соблюдением правил научной этики и научного анализа отличается французская исследовательница М.Ларюэль. Прежде всего, она отмечает, что теория Гу-

милева представляется перспективной, следовательно, ее не следует предавать анафеме, а необходимо изучать, находить в ней полезное. Говоря, что Гумилев не только евразиец, Ларюэль подчеркивает, что в его высказываниях помимо попыток доказать существование «Евразии» как единой сущности, содержится особое видение истории и нации. Показав, таким образом, объективность и культуру научной дискуссии, Ларюэль показывает свое видение позиции Гумилева, говоря, что его вполне можно считать носителем этницистских и натуралистских концепций, полностью вписывающихся в традицию советской этнологии. Его теория этноса ярко иллюстрирует существование биологизаторских концепций в советской гуманитарной науке. Представляет несомненный интерес следующая мысль французского автора: «Если во Франции радикальный национализм перешел от этноцентристских воззрений к паневропейскому национализму, можно задаться вопросом, не является ли евразийство в какой-то мере русской версией того же феномена? Стремления преодолеть этнический и шовинистический русский национализм, заменив его модернизированным национализмом в масштабе континента». С другой стороны, Ларюэль твердо высказывается против предположения некоторых исследователей о том, что теория Гумилева вписывается в доктрины западноевропейских «новых правых», заявив, что принципиальное расхождение между ними состоит в том, какое место они отводят культуре, недооцениваемой Гумилевым и чрезмерно превозносимой «новыми правыми». В то же время, считает Ларюэль, эссенциалистское видение культуры теоретиками «новых правых» и биологизаторская концепция этноса Гумилева имеют немало общего: примат группы над индивидом. Утверждение о том, что истинными действующими лицами истории являются национальные общности, отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме, примордиалистское понимание народов, отказ от смешения во имя сохранения уникальной специфики каждой национальной группы /42/.

Таким образом, анализ «теории этничности» западных антропологов, «теории этноса» Ю.В.Бромлея и «теории этногенеза» Л.Н.Гумилева показывает их различия в подходах и вытекающих отсюда оценках этносов, наций и даже рас как объективных или субъективных явлений. Последователи «теории этничности» считают указанные категории частью социального процесса, отрицая сам факт их реального существования. Они придают решающее значение политическому фактору. Сторонники двух последних теорий отдают

приоритет естественному природному фактору, считая первичным этнос, этническую общность. В этих различиях, на наш взгляд, сказывается не только опыт исторического развития западных стран и России (Советского Союза), но, главным образом, разный уровень их социально-экономического и политического развития. Для западных стран проблемы этничности решаются в общем русле демократического развития с позиции гражданского общества и современного развития интеграционного процесса и глобализации. Не свидетельствует ли об этом тенденция определенной социологизации самой западной антропологии, когда объектами ее исследований все больше становятся социальные вопросы. Так, с 1980-х годов XX века антропологи Франции исследуют проблемы городов и пригородов, иммиграционную ситуацию, спортивные события, современные политические организации и т.д. /43/.

Источники и литература

1. Новая и новейшая история. 2007, № 2. С. 140.
2. Этнографическое обозрение. 2006, № 1. С. 57.
3. Этнографическое обозрение. 2005, № 1. С. 9-11.
4. Новая и новейшая история. 2006, № 1. С. 4-5.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лже-пророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 63.
6. Его же. Нищета историцизма. М., 1993. С. ?.
7. Бартольд В.В. Сочинения. Том V. С. 437, 561.
8. Этнографическое обозрение. 2006, № 6. С. 106.
9. Этнографическое обозрение. 2005, № 1. С. 10.
10. Социс. 2002, № 5. С. 140.
11. Этнографическое обозрение. 2006. №3. С. 73.
12. Там же. С. 36-37.
13. Там же. С. 59-61.
14. Там же. С. 68-70.
15. Сталин И.В. Сочинения. Том 2. М., 1954. С. 296.
16. Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 87.
17. Там же.
18. Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 863, 1013, 1563.
19. Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 77, 88.
20. Там же. С. 55, 88, 98, 104.

21. Там же. С. 36.
22. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 28.
23. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1990. С. 23.
24. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 22, 142.
25. Гумилев Л.Н. Этногенез... С. 15, 500.
26. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 7, 40 - 41.
27. Там же. С. 185, 228.
28. Гумилев Л.Н. Древняя Русь... С. 26.
29. Гумилев Л.Н. Тысячелетие... С. 35, 47, 217.
30. Там же. С. 40, 47, 123.
31. Гумилев Л.Н. Древняя Русь... С. 453, 508, 663; его же. Тысячелетие... С. 47; Этнографическое обозрение. 2006, № 3. С. 49.
32. Гумилев. Тысячелетие... С. 49.
33. Там же. С. 52
34. Гумилев. Древняя Русь. С. 7, 383-384.
35. Гумилев. Тысячелетие... С. 34.
36. Новая и новейшая история. 1996, № 6. С. 67.
37. Известия-Казахстан, 2003, 18 апреля.
38. Ирмуханов Б.Б. Исторические воззрения мыслителей XX века. Алматы, 1999;
39. Его же. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. Алматы, 2004.
40. Гумилев. Древняя Русь... С. 7.
41. Новая и новейшая история. 1996, № 6. С. 68; Этнографическое обозрение. 2005, № 2. С. 11-12.
42. Этнографическое обозрение. 2006, № 3. С. 3-32.
43. Там же. С. 36-42.
44. Этнографическое обозрение. 2005, № 2. С. 72.

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ

1. ИСТОРИЯ УЧИТ И «ПРОУЧИВАЕТ»

Сердцевину гуманитарных наук, бесспорно, составляет история. Слово «история» на древнегреческом языке первоначально означало «исследование», «расспрос», «рассказ», «знание», а «историк» переводился как «передатчик времени». Предметом истории являются люди, их прошлое, настоящее и будущее. Когда французский историк-новатор Марк Блок (1886-1944) определяет историю как «науку о людях во времени», он, несомненно, выражает современное отношение к истории /1/.

История представляет общекультурную ценность, она формирует самосознание новых поколений, помогает осмыслить им собственное бытие в связи с прошлым и будущим. По словам другого французского историка-новатора Люсьена Февра (1878-1956) «История – это ответ на вопросы, которые неизбежно встают перед современным человеком. Это объяснение сложных ситуаций, в которые он попадает, зная их причины, он уже не будет действовать вслепую. Это напоминание о том, как решались сходные проблемы в прошлом, хотя, разумеется, они ни в коем случае не могут быть теперешними проблемами» /2/.

История обладает особой магией привлекать людей. Влечение к истории заложено, пожалуй, в природе самого человека. Это хорошо понимали и в древности. Так, византийский историк VI века Филофиллакт Симокатта пишет: «Человек обладает разумом – свойством в некотором отношении божественным и удивительным. Самое важное, что создано разумом, это – история; слуху она дает многостороннее удовольствие, для души же она лучшая школа воспитания, ведь для людей любознательных нет ничего более привлекательного, чем история» /3/. Один из светлых умов России, писатель Н.Г.Чернышевский о значении истории писал: «Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого и латинского языков, химии, можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком, но не любить историю может только совершенно неразвитый умственно» /4/.

Особое значение придавал истории народов Востока знаменитый арабский историк ал-Макризи (1364-1442). Так, он подчеркивает значение истории в жизни человека: «Наука история – одна из величайших наук по достоинству и наиболее благородная по месту и важности в глазах людей разумных, так как она содержит наставления и увещания об отъезде в остающийся мир, из этого жилья знакомит с благородными нравами, чтобы им последовать, осведомляет о порицаемых деяниях, чтобы устремлялись от них, обладающие разумением. Неудивительно, что души достойные к ней привязаны, а мысли великие к ней склонились и ее полюбили» /5/. Мирза Мухаммад Хайдар (1499-1551) в своем сочинении “Тарих-и-Рашиди” – одном из достовернейших первоисточников по истории Казахского ханства, говоря о всеобщем увлечении историей, особо выделяет арабов и тюрков. Характеризуя священную книгу мусульман Коран, как “Собрание речей”, он отмечает, что треть ее представляют истории, которые служат познанию жизни предшественников: «И это очевидное доказательство достоинств науки истории. Все группы людей единодушны в признании пользы этой науки. Большинство людей, даже все люди мира пользуются этой наукой, передают предания и рассказы о своих предках, приводят их как доказательство и придерживаются их, особенно тюркские народы, которые все речи и дела и большинство споров основывают на рассказах и преданиях своих предков» /6/.

Велика роль истории в становлении и развитии национального самосознания, в воспитании национальной гордости и патриотизма. История – хранитель памяти народной. Память о героическом прошлом поддерживает народ в самые трагические для него периоды, когда решаются вопросы жизни и смерти, его свободы и независимости. Историческая память одинаково не приемлет несправедливостей, как со стороны иноземных поработителей, так и своих продажных коррумпированных правителей. На фоне безудержного нынешнего обогащения правящей верхушки и обнищания большинства народа особенно актуально звучат слова нашего предка тюркского Бильге-кагана (VIII век), высеченные на “вечном камне”: «После того как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы, и их беки были также неразумны, были трусливы... Вследствие непрямоты правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана со стороны, тюркский народ привел в расстройство свой племен-

ной союз: народу табгач (так тюрки называли китайцев – Б.И.) стали они рабами со своим чистым мужским потомством и рабынями со своим чистым женским потомством». Свободолюбивые и отважные тюрки сбросили иноземное иго и своих продажных правителей. В 682 году Ильтерес-каган восстановил Тюркскую державу. Упрочение государства тюрков напрямую связано с самоотверженной и бескорыстной деятельностью каганов. Один из них – Бильге-каган – с законной гордостью и в назидание нам потомкам, писал: «Я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел без дела днем. Я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ» /7/.

На Востоке морально-этические, нравственные нормы не были пустым звуком, и они в решающей степени определяли оценку народом правителей. Действительно, на Востоке в иерархии правитель – корыстолюбец занимает самое низкое последнее место. У казахов, например, авторитет хана зиждется не на его богатстве – многие баи владели большим количеством скота, чем хан. Его почитали за справедливость и воинскую доблесть. Известно, что китайские императоры не имели личной собственности и жили (в роскоши) на полном государственном обеспечении. Такое положение императора и его семьи должно было служить гарантией его честного служения обществу. У него, таким образом, не было мотива для использования своего «служебного положения» для личного обогащения. Кигайская этика определяет и соответствующие нормы поведения монархов: «Самый лучший правитель следует натуре людей, не столь хороший привлекает народ выгодой, идущий еще ниже – наставляет народ поучениями, правитель еще похуже – приводит народ к порядку силой, а самый худший – вступает с народом в соперничество из-за богатства» /8/. Конечно, древняя китайская мудрость поражает своей утонченностью, изысканностью, дидактичностью. Однако не каждый человек по природе благороден, способен служить великой цели, народу, обществу. Еще хуже, если у власти случайно оказался с моралью раба “маленький” или “последний” человек. «Горе народу, – писал известный немецкий философ Фридрих Ницше, – если им правит “маленький” человек, тогда все становится лживым, кривым и чудовищным» /9/.

Знание истории, разумеется, не панацея от всех бед, трудностей и проблем. История не повторяется, а если и повторяется, то в виде фарса. Одним из фундаментальных свойств исторического процесса

является инвариантность, то есть присутствие в нем в скрытом виде и своего смысла, и последовательности событий, и уникальности, и неповторимости. Незнание истории – не только признак невежества и бескультурия, оно чревато и серьезными негативными последствиями. Как писал известный русский историк В.О.Ключевский: «История, говорят не учившиеся истории, никого не научила. Но это неправда, история учит даже тех, кто у нее не учится, она их проучивает за невежество и пренебрежение» /10/.

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что скептицизм, нигилизм и просто нападки на историю сопутствовали ей изначально – уж слишком она задевала интересы людей. В 1-й половине XX века страстно боролись за историю, защищали ее не только от глупцов, но и от отдельных интеллектуалов Февр и Блок. В своих трудах они едко и с сарказмом пишут о тех, кто порочит ее, стремится отрицать роль и уроки истории. «Есть люди, – отмечал Блок, – считающие историю бесполезной и безосновательной, в некотором роде даже вредной.» Действительно, «самым опасным продуктом, вырабатываемым химией интеллекта», назвал историю французский поэт Поль Валери. Более того, по его мнению, история является прислужницей политики и источником шовинизма и национализма. Из истории, утверждал он, невозможно извлечь никаких уроков /11/. Конечно, для таких обвинений история дает некоторое основание на ее политизированность, угодливость, беспринципность отдельных историков, готовых выполнить любой заказ власть предержащих. Избежать воздействия политики не только на историю, но и на другие гуманитарные науки вряд ли возможно, однако степень ее воздействия будет определяться в значительной мере, уровнем политической демократии и нравственной обстановкой в стране, моральными качествами самого историка.

В прошлом, как и сегодня, особой агрессивностью и беспардонностью по отношению к истории отличались публицисты, журналисты, писатели, получившие у Блока нелестную оценку «вечно спешащих публицистов», у Л.Февра – «газетных писаек, возомнивших себя историографами». Следующее рассуждение Февра о «пишущей братии» представляет собой несомненный интерес особенно сегодня. «С недавних пор, – пишет он, – историки то и дело удостаиваются чести восседать на скамье подсудимых пред пестрым синклитом, состоящим из разного рода знаменитостей – поэтов-романистов, журналистов, эссеистов, которые, уделив богине Клио всего несколько минут своей жизни, посвященной иным культам, ухитряются мигом

уразуметь (так, по крайней мере, они нас уверяют) то, чего за долгие годы упорного труда не удастся понять историкам, способным мыслить и выражать свои мысли. После чего сии блистательные и скоропалительные мыслители несколькими молниеносными штрихами обрисовывают нам свои открытия и системы... Неприемлемо, если мы увидим, что за ширмой истории эти люди скрывают соблазнительные заблуждения и иллюзии. Решительно неприемлемо, если в их описаниях распознаем признаки духовного яда» /12/. Это нежелание мириться с попытками вульгаризации истории, ее манипуляцией и фальсификацией, становится жизненным кредо Л.Февра, что нашло отражение, как в названии книги, так и в его следующих словах: «Я никогда не сражался ни за себя, ни против кого бы то ни было, если иметь в виду определенные личности. Сражаться за историю – другое дело. Именно за нее я всю жизнь и сражался» /13/. Следует заметить, что не только злонамеренные козни недоброжелателей истории, но и неумелые действия самих историков, не овладевших в достаточной степени совершенным механизмом исторических исследований, правильной интерпретацией фактов также могут причинить вред науке, уронить ее достоинство. Именно об этом напоминают слова М.Блока: «Дурно истолкованная история, если не остережся, может, в конце концов, возбудить недоверие и к истории лучше понятой» /14/.

Казахстанские реалии дают немало примеров весьма небрежного, нередко и даже невежественного отношения к истории. Так, явно проглядывается стремление “удревнить” происхождение казахского народа и его государственность. Без точно выверенных научных данных, прежде всего письменных источников, отмечают “1500-летие”, “2000-летие” городов Туркестан и Тараз. Фактически незнанием истории и пренебрежением к казахскому, то есть государственному языку можно расценить переименование городов Акмола и Джамбул соответственно в Астану и Тараз. Астана – слово персидского происхождения и первоначальный его смысл – “кладбище”. Тараз же – арабизированная форма тюркского наименования Талас. Прешит незнанием история и казахского языка, употребление в качестве синонима главы государства (президент) казахского словосочетания “елбасы”. Буквальный смысл его – “глава государства, страны, народа”, где “ел” – государство, страна, народ, а “бас” – голова, глава. Сочетания со словом “бас” в разговорной речи всегда носят оттенок пренебрежительности, уничижительности, например, маубас – тупой засоня, тулкибас – лисья голова и т.д. Но если “копнуть” глубже,

обратиться к одному из истоков казахского языка – древнетюркскому, то в нем слово “ел” (“ыл”) означает “владение”, “внутренний двор”. В сочинении Махмуда ал-Кашгари (XI в.) “Диван лугат ат-турк” читаем: «Йл – слово, которым (также) называют коней, так как они для тюрков как крылья. Конюха называют “ыл баши”, т.е. “хозяин владений”, но подразумевается “конюх” /15/.

Конечно, в современном казахском языке выражение елбасы давно утратило свое значение конюх. Однако это выражение вряд ли можно считать равноценным понятию президент, поскольку елбасы в казахском языке применяется не к одному лицу. В “Книге слов” Абай пишет: «Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но они превосходили нас двумя качествами, которых мы окончательно утратили. Если бы мы не растеряли эти два превосходных качества, возможно, и мы встали бы в ряд с другими народами. Если спросишь о каких двух качествах идет речь, то первое, в стародавние времена были люди, которые звались елбасы и топбасы. Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ худо-бедно занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения елбасы и топбасы или бегать от одного к другому. Говорят: «Когда каждый сам себе бий, не уживается и на бескрайних просторах, когда же есть глава общины, не сгореть и в огне». Люди, признав эту истину, приносили жертву святым духам, и, помолившись, отдавали бразды правления всеобщему избраннику, и впредь старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства. Признавали его великим и святым, тогда и знатные не деградировали. Как им было не заботиться о людях, когда все были братьями, и достояние у них было общее? Второе – развитое чувство чести, гордости. Стоило кому-то призвать на помощь других, упомянув при этом имена предков, как все бросались на выручку, забыв обо всех обидах и раздорах, охотно шли на уступки и жертвы. Где же теперь эти два качества? Они происходили от совестливости, чести и стойкости. Мы лишились их» /16/. Как видим, у Абая елбасы и топбасы – это самые авторитетные, мудрые и проницательные люди из народа. Они не были султанами и ханами, их авторитет зиждился на всенародном признании и признательности. Интересна мысль Абая о том, что пока были елбасы и топбасы, жаксылар, т.е. знать, феодальная верхушка не смела преступать обычаи и традиции народа, умеряла свой деспотизм. Таким образом, елбасы и топбасы выражали дух народной демократии, были совестью народа и его добровольными избранниками. Сводить

этот демократический институт к одному человеку, первому должностному лицу государства, означает, на наш взгляд, непонимание природы народного духа, его демократических устремлений.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ИСТОРИОСОФИЯ

Объективно судя, история подразделяется на всемирную и отечественную (национальную). Если понятие “отечественная история” воспринимается достаточно адекватно как история конкретной страны, народа, в которой исторический процесс ограничивается географическими пределами данной страны, то к “всемирной истории” – всемирному историческому процессу, подход остается даже среди исследователей неоднозначным: от полного отрицания до признания ее выдающейся роли как подлинной истории. Так, Карл Поппер считает, что нет единой истории человечества, а есть лишь множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни. По мнению же Арнольда Тойнби, формула “древняя + средневековая + новая” история не только неадекватна, но и неправильна. Карл Маркс, отметив влияние средств сообщения на формирование всемирной истории, подчеркивал: «Всемирная история существовала не всегда, история как всемирная – результат». В.В.Бартольд отмечал, что деление “всемирной” истории на древнюю, средневековую, новую – исходит из понимания европейских народов. Для Л.Н.Гумилева, “всемирная” история – это просто способ подачи материала, когда произвольно избрана точка отсчета. Карл Ясперс утверждает, что лишь в наши дни существует реальное единство человечества, которое заключается в том, что нигде не может произойти ничего существенного без того, чтобы это не затронуло всех, поэтому мировая история складывается только в XX веке /17/.

Точка зрения каждого из указанных мыслителей проистекает из их исторических концепций. Мы не задаемся целью определить, кто из них прав (это слишком большая тема), хотя убеждены, что в наши дни существование всемирной истории вряд ли можно отрицать. Но одно сегодня представляется бесспорным: невозможно и нельзя подогнать под единую универсальную схему или единую теорию всё многообразие путей, по которым шло, и будет идти развитие человечества. И все же в этом разбросе мнений и подходов к всемирной истории наиболее привлекательной представляется точка зрения М.Блока, согласно которой всемирная история выступает не просто как реальность, но и как квинтэссенция самого понятия “история”.

«В исторических исследованиях нет автаркии, — пишет он, — изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину даже в собственной области. Единственная подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи — это всемирная история» /18/.

История как наука, впрочем, как и другие, окончательно сложилась лишь в XIX веке, хотя сам термин “история” и ее зачатки появились в древней Греции еще в V веке до н.э. Таковыми были, например, “Истории” Геродота и Фукидида. В античный период складывается анналистическая традиция римской и китайской историографии — изложение событий по годам. Долгие века исторические сочинения независимо от страны и народа повторяли в той или иной вариации элементы труда Геродота (“Отца истории”). Описывали географическое положение страны: ее размеры, реки, климат, естественные особенности, плодородие почвы, фауну и флору, происхождение и численность народонаселения, образ жизни народа, одежду, пищу, обычаи, верования, культы /19/. Любимыми темами историков были войны, деяния царей и героев, которые в их представлении, да и общества выполняли божественные предначертания, определяли ход развития страны, народа и истории в целом. В историософии боги занимали решающую роль. Естественно, что в трудах историков не было места народным массам, простым людям, хозяйственной деятельности людей, поскольку они придерживались историософии идеалистического понимания исторического процесса.

В средние века на историю и историков решающее влияние оказывала религия. Наука оказалась в тисках религии и ее догматов. В исторических трудах преобладают элементы фантастики, описание жизни пророков и святых, мифы и легенды, восходящие к устной традиции. На Востоке история к тому же воспринималась как вид искусства, отсюда неперемное стремление к красочному художественному изображению реальных событий, часто в поэтической форме. Арабская вязь (графика) идеально подходила к тому, чтобы само оформление книг превратилось в особый вид изобразительного искусства.

Европа, особенно в раннее средневековье, после блестящей античной цивилизации оказалась на грани полной культурной деградации, хотя Византия, ее ученые пытались, продолжить античную традицию. На фоне Европы во мраке ярко выделяются в средние века блестящая арабская исламская цивилизация, замечательная китайская историография. Можно с уверенностью сказать, что без

арабской науки, искусства и литературы не было бы современной западной цивилизации. Удивительно, но два разноплановых фактора – ислам и арабский язык мощно стимулировали развитие науки. Ислам в отличие от христианства, боровшийся изначально со всем “языческим”, в том числе и наукой, не только не противопоставлял себя науке, он ценил, покровительствовал и способствовал ее развитию. Недаром пророку Мухаммаду приписывают слова: «Ищите науку, хотя бы в Китае!», – имея в виду, что в то время Китай представлялся краем света. И мусульмане ездили по всему миру в поисках знаменитых ученых. Выдающийся арабист, академик И.Ю.Крачковский писал, что «путешествия в поисках науки с первого же века мусульманской эры стали почти обязательным завершением «круга учения». Слушать знаменитых ученых ездили из Андалусии в Бухару, из Багдада в Кордову» /20/. В IX-XII веках центром мировой цивилизации становится мусульманская Средняя Азия. С.П.Толстов, отметив, что до XII века Западная Европа была одним из отсталых уголков евразийского континента, подчеркивал, что уровень культуры ее народов в те времена был несравненно ниже уровня культуры народов Китая, Индии, стран Ближнего Востока, Средней Азии, где в X-XII веках жили такие гиганты научной мысли, как: бухарец Ибн Сина (Авиценна), хорезмийцы: ал-Хорезми, ал-Бируни, замечательный поэт Фирдоуси и другие /21/. В плеяде мировых светил науки достойное место занимают ученые-тюрки: прозванный современниками “Вторым Учителем” и “Солнцем Востока” – Мухаммад ал-Фараби, Махмуд ал-Кашгари и многие другие.

Языком мировой науки стал арабский. Одним из выдающихся ученых-энциклопедистов (если не самым выдающимся) средневековья, именем которого назвали развитие всей мировой науки первой половины XI века – “эпохой Бируни”, был Абу Рейхан Бируни (4.09.973-14.12.1048). Родным языком его был хорезмийский – ветвь, как и согдийский, восточноиранского. Только арабский язык, считал Бируни, единственно пригодным для научных целей. Без ложного чувства патриотизма он справедливо писал: «На язык арабов переложены науки из всех стран мира; они украсились и стали приятны сердцам, а красоты от них распространились по артериям и венам, хотя каждый народ считает красивым свой диалект. Он привык к нему, пользуется им для своих нужд с привычными к нему и подобными ему. Я вывожу эту аналогию по самому себе, природным для меня является такой язык. А что, если бы увековечить на нем какую-нибудь науку, чувствовала бы себя такой же чужой, как верблюд на

дождевом стоке дома или жираф среди арабских скакунов. Затем я перешел к арабскому и персидскому; в каждом из них я пришелец с трудом им владеющий, но поношение по-арабски милее мне, чем похвала по-персидски. Правдивость моих слов узнает тот, кто рассматривает какую-нибудь научную книгу, переложенную на персидский: как исчез блеск ее, затмился смысл и потемнел лик, а польза от нее исчезла, так как этот диалект годится только для хосровских повестей и ночных сказок» /22/.

Довольно уничижительная оценка великим ученым персидского языка вряд ли справедлива, во всяком случае, знаменитая персидская поэзия, а впоследствии – не менее прославленная историческая литература на персидском языке явно не согласуются с указанной оценкой. Насколько Бируни славит арабский как язык науки, настолько же он критически относится к арабскому шрифту. «У арабов – письма – есть великое несчастье, именно сходство в нем форм похожих букв и необходимость для различения их точек и признаков флексии (часть слова, выражающая грамматические изменения при склонении, спряжении – Б.И.). Если их отбросить, то делается неясным смысл. Если же присоединить к этому пренебрежение, сличение и невнимательность, правки при сопоставлении, а это дело обычное в нашем народе, то одинаковым становится при этом существование книги и ее отсутствие, даже знание того, что в ней и неведение этого. И, если бы не эта беда...» /23/. Один только пример, иллюстрирующий сказанное: слово с двумя точками означает глаз, с одной – могилу.

Особое развитие у арабов, у мусульман вообще, получает история и география. Арабская историческая наука – правильное ее можно было бы назвать историко-географической литературой, занимает выдающееся место в становлении исторической науки. В своем фундаментальном труде “Арабская географическая литература”, И.Ю.Крачковский дает детальный анализ произведений историко-географического характера более 260 крупных авторов. Среди них естественно и “арабский Геродот” ал-Масуди, “арабский гений” Ибн Халдун, знаменитый историк Рашид ад-Дин. На несколько веков опередил свое время Ибн Халдун (1332-1406). Впервые в истории человеческой мысли он создал основу науки о человеческом обществе, внутренних закономерностях общественного развития. Основа исторического процесса для Ибн Халдуна – не “история пророков и царей” (так называлось сочинение знаменитого арабского историка IX века ат-Табари), а история человеческого коллектива, определяе-

мая “естественными качествами человеческой жизни”. Свой подход к истории, саму историю он называет “новой наукой”. Его метод действительно был новым. Ибн Халдун совершенно по-новому трактует и определяет задачи исторической науки, место ее среди прочих наук. «Когда история, – пишет он, – соответствует своей истинной сущности, она – рассказ о человеческом объединении, то есть общественной жизни людей в мире, и о тех состояниях, которые проистекают из природы этой общественной жизни. Например, о дикости, о цивилизованном состоянии, о кровнородственных связях, о различных видах превосходства, которых достигают одни люди над другими. И о том, что проистекает из этого в царствах, державах, государственных должностях, и о том, что приобретают люди своим трудом и стараниями, о доходе и средствах к жизни, о науках и ремеслах и обо всем прочем, присущем общественной жизни, благодаря природе состояний» /24/. Таким образом, Ибн Халдун за много веков до появления самой науки фактически стал родоначальником социологии – науки об обществе.

Прошли столетия после Ибн Халдуна, и лишь французскому философу Вольтеру (1694-1778) удалось в определенной мере приблизиться к раскрытию закономерностей общественной жизни. В системе “философии истории” он попытался объяснить основное направление исторического процесса, раскрыть методы его познания /25/. 70-80-е годы XVIII века ознаменовались важнейшими достижениями историсофии: началось формирование исторического мышления, человечество стало освобождаться от механического взгляда на прошлое. Просветители решительно ниспровергли господствующее теологическое объяснение истории и выдвинули идеи прогресса. На этой основе стал вырабатываться историзм – новая философия истории, утверждавшая идею развития, открывшая поступательный ход развития человечества по пути совершенствования, пытающаяся понять закономерности прогресса. Фундаментальный вклад в формирование историзма внес немецкий историк и филолог И.Г.Гердер (1744-1804), который вошел в историю науки как “отец историзма” /26/.

XIX века стал переломным и для истории как науки. Европейские историки создают теорию так называемой “генетической истории”, которая основывается на признании законов эволюции и для человечества. Французский философ Огюст Конт (1798-1857) заложил фундамент социологии (науки об обществе), он же ввел в научный оборот сам термин “социология”. Социология должна была разрабатывать законы общественного развития, теорию и методологию истории. Позитивизм, а впоследствии неопозитивизм стал основ-

ным направлением западной или, как его называли в марксистской литературе, “буржуазной историографии”. В ней можно отметить ряд новых научных направлений, основанных на некоторых обще-исторических постулатах. Таковыми были гуманистическая историография, историография просвещения, романтическая историография, французская либеральная историография, неокантская философия истории, структурализм и др.

XIX век породил и другую социологию – марксистскую, теорией и методологией, которой стал исторический материализм. Ее основой являются: идея общественно-экономической формации, принципы партийности и историзма. Материалистическое понимание истории означает, что в основе исторического процесса лежит развитие производительных сил. Движущей силой истории является классовая борьба, которая своей кульминации достигает в борьбе пролетариата (рабочего класса). Эта борьба неизбежно должна привести к ликвидации экономического и политического господства буржуазии, установлению бесклассового, без угнетения человека человеком общества – социализма. Если не придерживаться патологического или конъюнктурного антикоммунизма, то следует признать, что марксистская социология сыграла выдающуюся роль не только в историософии, но и в развитии человечества в целом. Так, Карл Поппер – открытый противник социализма, воздав должное марксизму, как подлинно гуманистическому движению, признав в лице Маркса великого мыслителя, оказавшего глубокое воздействие на общественные науки и общественное сознание, пишет: «Его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немыслимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не сознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как, например, я» /27/.

Всемирно-исторический процесс по существу может быть объяснен на основе двух глобальных подходов или двух методологических концепций: линейного или стадийного развития мировой истории, составными частями, которых являются формационный подход и “цивилизационная теория”. Первая концепция признает единство исторического процесса, его поступательно прогрессивное развитие, выделяя пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинный, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм. Цивилизационный же подход рассматривает историю

как совокупность, сумму локальных цивилизаций, имеющих начало и конец. Теория цивилизации или цивилизационно-циклическая теория получила развитие в трудах Дж.Вико, Н.Я.Данилевского, П.А.Сорокина, О.Шпенгера, А.Тойнби и др. На наш взгляд, наибольший интерес представляют идеи А.Тойнби. Так, его мысли о кочевой цивилизации, принципиальное неприятие им теории европоцентризма, о причинах зарождения и гибели цивилизаций, размышления о профессии историка и др. имеет непреходящее значение. По мнению Тойнби, сторонники единой мировой цивилизации попросту игнорируют этапы или главы истории других цивилизаций, если те не вписываются в их общую концепцию, опуская последних как “полуварварские” или “разлагавшиеся”, или же, относя их к Востоку, который фактически исключался из истории цивилизации /28/.

Справедливость сказанных слов не вызывает сомнений. Действительно, даже марксизм, исходивший из материалистического понимания истории, не избежал воздействия идей европоцентризма, что наглядно проявился в известной пятичленной схеме исторического процесса, основанной на опыте и примере Европы. Адепты марксизма догматизировали эту схему и подгоняли под нее всю мировую историю, в том числе и историю кочевых народов. Это относится, в первую очередь, к советской историографии. Тому свидетельство те политически острые дискуссии по вопросу феодализма в Средней Азии и Казахстане, дискуссии, которые скорее походили на “прокрустово ложе” для инакомыслящих.

Тойнби рассматривает цивилизацию как исторический процесс, имеющий свои этапы, стадии развития: генезис, рост, надлом и разложение. Он видит генезис цивилизаций не в единственном факторе, а в их совокупности, и “закон” образования генезиса цивилизации определяется им в формуле “Вызов и Ответ”. “Вызов” – делают, например, среда обитания человека или внешние силы, которые Тойнби обозначает как “стимулы ударов, давления и ущемления”, реакция же общества – суть “ответы”. Тойнби приходит к исключительно важному выводу: «Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятный климат и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращению всякого роста. Цивилизация существует благодаря постоянным усилиям человека» /29/. Сегодня в устах демагогов-политиков, особенно в постсоветских республиках, форму-

ла Тойнби выхолащивается, превращается в разменную монету, в очередной демагогический лозунг, чтобы придать решению настоятельных практических задач.

Особой формой цивилизации Тойнби называет кочевническую, которая как нельзя лучше соответствует его формуле “Вызов и Ответ”. Действительно, когда за несколько тысяч лет до нашей эры наступила засуха, часть евразийцев не только не покинула степь, а наоборот, сумела приспособиться к ней, создав кочевническую цивилизацию. “Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость”, – справедливо отмечает Тойнби. Действительно, различные письменные источники от китайских до греческих в одинаковой степени отмечают эти качества кочевников. С другой стороны, трудно не согласиться и с выводом Тойнби о том, что ужасные физические условия, которыеномадам удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Общество кочевников является социумом, у которого нет истории, заключает автор /30/. То, что судьба, жизнь и благополучие кочевников полностью зависели от климатических условий – факт, не вызывающий сомнений. Для казахов-кочевников самым страшным бедствием, регулярно через 5-10 лет повторяющимся, был джуг, когда, в результате оледенения поверхности земли, скот не мог добывать себе корм, что приводило к массовому падежу скота и вслед – людей. Что касается тезиса Тойнби об отсутствии у кочевников истории, то его надо понимать, конечно, как бесперспективность развития кочевого общества, кочевой цивилизации, которое рано или поздно вынуждено перейти к оседлости, которая означает уже новое состояние, то есть новую цивилизацию. Таким образом, мы можем смело утверждать, что идея Тойнби о кочевой цивилизации наносит сокрушительный удар по апологетам европоцентризма, тем, кто видел в кочевниках абсолютное зло, отбросы общества.

Наряду с идеями Тойнби о цивилизации, не может не привлечь внимания своей актуальностью и замечание П.А.Сорокина: «Цивилизации выступают обычно как наднациональная, надгосударственная суперсистема... Они не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной группой. Во всем своем жизненном процессе цивилизации следуют собственным курсом, проходя по этапам генезиса, роста, расцвета, увядания, упадка и возрождения» /31/. Это замечание имеет прямое отношение к тем “ученым” в нашей стране, которые заявляют о “казахской цивилизации”, и даже издают

журнал под тем же названием. Интересно отметить, что в 1961 году П.Сорокин и А.Тойнби основали международное общество по сравнительному изучению цивилизаций, действующее поныне.

Развитие исторической науки, тенденция к ее интернационализации, новые политические реалии в постсоветских государствах настоятельно диктуют необходимость глубокой разработки важнейших проблем философии, истории и методологии исторических исследований, как и научно состоятельных концепций отечественной и всемирной истории. Некоторые устоявшиеся постулаты исторической науки сегодня не только подвергаются критике, но и сомнению в их правомочности. Так, отрицаются существование матриархата в историческом процессе, универсальность так называемого института “военной демократии”. Современная антропология уже не пользуется термином “первобытная демократия”, явно одиозное понятие “рабовладельческий строй” заменен на нейтральный термин “древняя история”. Серьезные, зачастую кардинальные изменения вносятся в изучение Востока, так, отсутствие в немарксистской историографии понятия “феодализм” в качестве социально-экономической формации. «Сколько “феодализма” расплодилось в мире – от Китая до Греции, – пишет Блок. – По большей части они ничуть не похожи. Просто каждый историк понимает это слово на свой лад». Интересная мысль была высказана Л.С.Васильевым о том, что древность и средневековье для Востока были периодами существования в рамках одной и той же традиционной структуры /32/. Это положение звучит особенно актуально для понимания кочевого общества, цивилизации кочевников.

Говоря о развитии теории цивилизации, нельзя, конечно, не сказать о мнении современного американского политолога С.Хантингтона, он полагает, что определяет будущие мировые конфликты столкновениями цивилизаций. “Если разразится третья мировая война, то она будет войной цивилизаций”, – считает он. Ключевым фактором роста противостоящей Западу военной мощи, Хантингтон считает, постоянное усиление военного потенциала Китая /33/. Автор, думаю, недостаточно учитывает процесс глобализации в мире, который глубоко и властно охватывает все страны: их экономику, политику и культуру. И этот всемирный процесс унификации вряд ли сохранит существование 7-8 цивилизаций, как утверждает автор, которые вступили бы в войну между собой. Установившийся в последнюю четверть века однополярный мир – “американский век”, глобализация, не дают оснований реальности футурологии автора.

В осмыслении проблем философии, истории и методологии исторических исследований, поиска “твердой” почвы, некоторые российские ученые резонно отмечают три главных направления, которые они формулируют как концепцию линейного развития мировой истории, цивилизационный подход и теорию евразийства, то есть творческое наследие Л.Н.Гумилева, основу которой составляет идея пассионарности. Эти ученые возлагают свои надежды на синтез этих направлений, однако предпринимаемые попытки не были удачными /34/.

Неожиданный, практически без каких-либо глубоких драматических потрясений, распад Советского Союза привел в постсоветских республиках к автоматическому краху официальной идеологии. Марксизм подвергся не только сомнению как единственная, универсальная методологическая база научных исследований, в первую очередь, общественных, но и был поставлен вопрос о его правомочности как научного подхода вообще. Книга К.Поппера “Нищета историцизма” стала для многих историков настольной книгой /35/. В условиях нежданной демократии (вседозволенности) пышным цветом расцвел плюрализм в науке, появлялись все новые и новые теории – одна оригинальней другой. Однако под тяжестью суровой реальности быстро улетучилась эйфория, поубавились также восторги по поводу плюрализма. Осталось лишь осознание того, что плюрализм – необходимое, но отнюдь не достаточное условие для нормального развития науки. Желание некоторых ученых объявить цивилизационный подход альтернативным формационному, и выдать его за универсальный метод познания истории, также не увенчалось успехом.

Жизнь показала, что марксизм как один из методов познания общества имеет право на существование. Однако претензия на универсальность марксистской социологии, конечно, не может быть оправдана. Присущие и цивилизационному подходу недостатки – умаление роли экономического базиса, преувеличение значения надстроечных явлений – лишают его также шансов на универсальность. Догматизм и начетничество, от которых не свободны оба подхода, также не способствуют их амбициозным целям. Поэтому правы, вероятно, те ученые-обществоведы, которые доказывают, что исторический процесс – это «равнодействующая экономических и внеэкономических факторов, их взаимодействия и взаимовлияния. Раскрыть механизм этого взаимодействия – важная задача исторического исследования» /36/. Подобное возможно только при синте-

зе всего положительного, что есть в этих методах. Следовательно, основы теории познания истории неизбежно связываются с необходимостью сочетания элементов различных теоретических подходов, к ее изучению – формационного, цивилизационного и других.

В современной западной историографии сформировались новые подходы к историческому исследованию, в том числе и в области его теоретических основ: постмодернизм, макроистория, история повседневности, история ментальности, устная история, гендерная история и т.д. Эти подходы не только угрожают целостности истории, обуславливая ее дробление, уход в частности, но и создают ситуацию “полной методологической неопределенности”. Постмодернизм, например, провозгласив, что объект – синоним исторической реальности, объявляет объектом текст документа. Некоторые исследователи принимают постмодернизм в качестве направления, основанного на релятивизме /37/. Если учесть, что в ряде стран Азии, Африки, постсоветских республик под видом “деколонизации”, “десоветизации” и “национализации” истории идет фактически пересмотр национальной истории: методологический, теоретический откат от основ исторических исследований. Вместо восстановления исторической справедливости, кажется, наступает время беспредела и в науке. Положение усугубляется растущим влиянием религии и на исторические исследования.

ИСТОРИЯ: КАЗАХСТАНСКИЕ РЕАЛИИ

С появлением на исторической арене Центральной Азии Казахского ханства можно говорить о существовании к этому времени казахского народа. Если Мирза Мухаммад Хайдар (1499-1550), автор важнейшего первоисточника “Тарих-и-Рашиди” по истории первого национального государства указывает дату его образования – 1465 году, то Захреддин Бабур (1483-1530), тимурид, основатель государства Великих Моголов в Индии, автор шедевра мировой литературы “Бабур-наме” отмечает могущество казахских ханов, поражается многочисленности войска казахов, обширности их территорий.

Исконная земля казахов, территория от Волги до Алтая, получившая в литературе название Восточного Дешт-и-Кипчака, то есть Восточной Кипчакской степи, на которую одно время претендовали ногайцы, хан Кучум, джунгары, в конце концов, обрела своего природного хозяина – казахский народ. Историческая заслуга Казахского

ханства – воссоединение с Восточным Дешт-и-Кипчаком казахских племен, находившихся под властью тимуридов и чагатаидов, то есть присырдарьинских городов Семиречья и Восточного Казахстана. Так, образовалась единая этническая территория казахов. В начале XVIII века Казахское ханство в результате феодальных усобиц разделилось на три политико-территориальных объединений – жузы: Старший, Младший, Средний. Раскол привел к серьезному ослаблению государственности казахов, чем не замедлило, воспользоваться Джунгарское ханство, которому удалось нанести казахам тяжелое поражение и подчинить Старший жуз – юго-восток Казахстана. В 30-40-е годы XVIII века Младший и Средний жузы (Западный и Центральный Казахстан) приняли российское подданство, которое до 20-х годов XIX века носило фактически номинальный характер. Старший жуз после разрома Джунгарского ханства Цинской империей в 50-е годы XVIII века на некоторое время обретает самостоятельность, но затем покоряется Кокандскому ханству. В 50-60-е годы XIX века в ходе войны России с Кокандом Старший жуз был присоединен к России. Так завершается длительный процесс добровольно-принудительного присоединения Казахстана к России. Вновь свою государственность и целостность территории, но не суверенитет казахи обрели при Советской власти в 1920 году в форме автономной, затем в 1936 году – союзной республики. С распадом СССР в 1991 году Казахстан обретает политическую независимость.

Казахи, как мы уже отмечали, не создали своей письменной истории. Правда, в самом начале XVII века (1602 г.) этнический казах Кадыргали бий Косым-улы, придворный Касимовского хана Ораз-Мухаммеда (казахский султан в юном возрасте в 1587 г. был вероломно захвачен в плен тюменским воеводой Чулковым и отправлен в Москву, сделав блестящую военную карьеру, и за выдающиеся заслуги Борис Годунов в 1600 году дал ему во владение Касимовское ханство, расположенное в бассейне Оки близ Рязани, титуловав его царем), написал труд – уникальный источник по генеалогии казахских ханов и султанов. Однако он был единственным письменным памятником казахской истории, написанный казахом.

И потому первыми историками казахского народа были русские ученые, которые не могли не заинтересоваться столь обширным краем и многочисленным народом как казахи. Действительно, они занимали территорию в 2,7 млн кв. км и по численности среди тюркских народов мира уступали лишь туркам-османам. Интерес русских исследователей объяснялся, думаю, не только указанными

причинами. Важное значение имело проявление взаимной симпатии между двумя народами (закон комплиментарности). Неслучайно поэтому казахская тематика в российской историографии к началу XX века получает отражение в более чем 1500 заметках, статьях и книгах. Историк и просветитель А.Е.Алекторов, отметив, что казахи пользуются всеобщей симпатией русских людей как здоровый, неиспорченный и честный народ, отмечал: «Киргизы (казахи) уже давно занимают в нашей литературе наиболее видное место, чем многие другие инородцы нашего отечества» /38/.

Как видим, при всей симпатии автора к казахам, они остаются, впрочем, как и другие нерусские народы, инородцами. Такова была шовинистская политика самодержавия, которая вкупе с идеями расизма, европоцентризма играла доминирующую роль в российской историографии. Как известно, передовые прогрессивные русские люди видели две России: одну колонизаторскую “тюрьму народов”, другую – демократическую. Такой же раскол на два противоположных направления наблюдается и в историко-этнографической литературе. Первое направление – консервативно-реакционное, оно представляет дворянско-буржуазную и правительственную науку. Второе – прогрессивное, ему соответствует революционно-демократическая наука. Апологеты первого направления изначально представляют Русь, Россию цивилизованной страной. Такой великодержавный подход приводит к умалению исторического прошлого народов подвластных России.

Казахи, как и другие “инородцы” подвергались жестокому гнету, земли их были объявлены государственной собственностью, в результате более 50 млн гектаров самой лучшей плодородной земли были розданы казахам и переселенцам из центральных губерний. Над казахами тяготел также жестокий национальный и полицейский гнет. Царизм запретил им называться своим природным именем, официально закрепив ними чуждые, уничижительные прозвания: киргиз-казак, киргиз-кайса́к, кайса́к или называли именем другого народа – киргиз. Чтобы воспрепятствовать росту национального самосознания нерусских народов, царское правительство проводил систематическую и целенаправленную политику русификации и христианизации, используя для этой цели школу и церковь. Примечательно, что даже среди казахов, не отличавшихся по всеобщему признанию религиозным (мусульманским) рвением, христианизация не увенчалась успехом, более эффективной оказалась школа. Получив образование в русских школах, казахи стали мыслить по-русски,

резонно отмечал А.Байтурсынов – один из лидеров “Алаш-орды”, первый министр просвещения КазССР. До 1905 года казахам не разрешалось печататься на родном языке /39/. Самодержавие стремилось уничтожить историческую память народов. По справедливому замечанию “корифея русского востоковедения” В.В.Бартольда, «для упрочения русского господства считалось полезным исчезновение старых традиций... старых исторических имен» /40/.

Наиболее ярким представителем первого направления в российской историографии был А.И.Левшин (1797-1879). Его работа (1832 г.) была первым фундаментальным трудом по географии Казахстана, истории и этнографии казахского народа. Однако автор, как и большинство исследователей казахской тематики (офицеры и чиновники), не из любви к казахскому народу приступил к исследованию его истории. Исходя из чисто этнографического интереса к кочевому народу, Левшин преследовал главную цель, – помочь русской колониальной администрации эффективно и “малой кровью” управлять обширным краем. Его труд на долгие годы определил общее направление исследований казахской темы в российской историографии. Левшин в своем сочинении выступал с откровенно расистских, шовинистских позиций, оскорбительно, уничижительно называл казахов “хищниками”, “ворами”, “трусами”, народом “неспособным к образованию” и т.п. /41/. Левшин был верным слугой самодержавия, которое облагодетельствовало его за преданность: от низшего чиновника (ассессора) он по ступенькам служебной карьеры поднялся до самого высшего чина (тайного советника).

Честные благородные русские ученые не были слугами самодержавия, они служили науке, Родине – России, стремились объективно изучать прошлое подвластных России народов. Они последовательно выступали против расистских великодержавных воззрений, господствовавших в обществе и поддерживаемых большинством исследователей. Так, академик В.В.Радлов (1837-1918), “отец российской тюркологии”, решительно осуждал расистскую позицию Левшина, подчеркивал своеобразие цивилизации кочевников, отмечал у казахов высокое чувство собственного достоинства и воинственный особый рыцарский дух, присущий всем киргизским (казахским) родам. Радлов особо подчеркивает развитое, в отличие от других тюркских народов, этническое самосознание казахов /42/. Вывод, сделанный автором еще в XIX веке, поражает своей проницательностью особенно на фоне данных официозных нынешних изданий, утверждающих о некоем этническом сепаратизме и даже господстве в современном

казахском социуме родового строя, препятствующего якобы развитию страны. На самом же деле речь может идти о попытке властей подменить недовольство населения, например, западных областей, обеспечивающих более половины бюджетных поступлений от продажи нефти и газа, своим бедственным положением, с мифической угрозой родового строя.

Против распространенной в буржуазной историографии идеи о том, что «народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле слова», решительно выступал академик В.В.Бартольд. Он подчеркивал, что: «Люди везде одинаковы, различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняется тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути», и, что «в Европе и Азии действуют одни и те же законы исторической эволюции» /43/.

Из русских ученых демократического направления, решающий вклад в изучение казахской истории внес В.В.Вельяминов-Зернов (1830-1904). Великолепно владея арабским, персидским, чагатайским, современными тюркскими языками, в том числе и казахским, он впервые ввел в научный оборот труды: Мирза Мухаммад Хайдара, Кадыргали бия Косым-улы, Хондемира, Бабура, то есть использовал практически все известные в то время в науке восточные источники, как и русские, и западные, в отличие от Левшина, пользовавшегося только последними. Вельяминов-Зернов создал безупречный в источниковедческом отношении труд по истории казахского народа. В сочетании с высоким профессионализмом и мастерством автора исследование Веляминова-Зернова стало классическим. Он впервые дал полное систематическое описание истории образования, становления и развития Казахского ханства с 1465 года до середины XVIII века. Его вывод о более позднем происхождении казахского народа, который представлял Левшин и другие исследователи – X век, является фундаментальным положением при изучении этногенеза казахского народа. «Народ казацкий, – пишет он, – сложился действительно в эпоху распада улуса Абулхайр-хана, а не ранее» /44/. Государство “кочевых узбеков” или улус Абулхайр-хана (1429-1468), как известно, распался со смертью его основателя

При строгом подходе, вторая половина XV века как время формирования казахского народа не совсем соответствует историческому факту, хотя и очень близка к нему. Более точно указывает это время Ч.Ч.Валиханов (1835-1865), связывая его с распадом Золотой Орды (вторая половина XIV - первая половина XV веков). Думаем, что это

небольшое расхождение в хронологии не имеет принципиального значения. Важно другое: Веляминова-Зернова и Валиханова, двух выдающихся ученых, сближают сходство или близость их позиций по многим кардинальным вопросам казахской истории. Чокан Валиханов прожил короткую, но яркую жизнь. Его преждевременная смерть была невосполнимой потерей для науки. «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов, и в тоже время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в его лице феноменальное явление и ожидали великих и важных откровений о судьбе тюркских народов. Но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд», – писал известный востоковед Н.И.Весселовский /45/. Ранняя смерть Ч.Валиханова не позволила воздать должное его вкладу в историю. Оригинальные и глубокие мысли, идеи и замечания Валиханова по истории кочевничества, кочевых народов и, прежде всего, родного казахского народа, не стали своевременно известны не только широкой общественности, но и специалистам потому, что его работы в основном были засекречены в архивах МИДа России. Понадобилось почти сорок лет неустанных усилий его друга, известного путешественника и этнографа Г.Н.Потанина (1835-1920), чтобы часть их увидела свет лишь в 1904 году. История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, однако уверены, если бы труды Ч.Ч.Валиханова были опубликованы при его жизни, то его по праву можно было бы назвать, как и В.В.Веляминова-Зернова, основоположником научной истории и происхождения казахского народа, что мы и провозглашаем с законной гордостью в данной работе /46/.

Таким образом, можно констатировать, что усилиями дореволюционных российских исследователей – дворянско-буржуазного и революционно-демократического – был сделан громадный шаг вперед в изучении истории казахского народа. Честь быть основоположниками научной истории и происхождения казахов, принадлежит В.В.Веляминову-Зернову и Ч.Ч.Валиханову. Именно они обосновали тюркское происхождение казахского народа, верно определили время его формирования, раскрыли решающую роль политического фактора в этногенезе государственности в лице Казахского ханства. Эти три фундаментальных положения выдержали испытание временем и научной критики, и потому они по праву остаются базовыми при дальнейшем изучении проблем отечественной истории, в том числе и этнической.

Научная основа отечественной истории позволила ей избежать

негативных последствий двух ошибочных подходов, довольно популярных в XIX веке: “теория автохтонности” и генеалогического подхода. Горячим сторонником первого подхода был выдающийся китаевед Н.Я.Бичурин (1777-1853). Эта теория проповедовала идею неизменного пребывания народа на одной территории, то есть население автохтонно, отрицала влияние миграции и ассимиляции. Так, по словам Бичурина, «на всей полосе Средней Азии от Восточного океана до Каспийского моря на западе искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют страны, вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и поныне живут с небольшими изменениями в пространстве» /47/. Подобной точки зрения придерживался и Ч.Валиханов.

Генеалогический подход через определение предков племен и родов стремится выяснить происхождение народа. Его популярность среди кочевых народов, казахского в частности, объясняется не только влиянием иудаизма, христианства и ислама о происхождении народов от первочеловека Адама, пророка Ноя и трех его сыновей: Хама, Сима и Йафета, но, главным образом, особенностью исторического знания кочевников. Потому и прав Л.Н.Гумилев, когда пишет, что культура кочевников кристаллизовалась не в вещах, а в слове, в информации о предках /48/. Говоря, что современные роды и племена кочевых народов в ходе длительного исторического процесса дробились, смешивались, вовлекали в свой состав иногда и чужие элементы, образовывали новые единицы и группы, и, что роды у казахов утратили между собою истинную кровную связь и отношения, Н.А.Аристов (1847- ?) заключает: «Однако под могучим влиянием родового быта у родов и их подразделений сохранились частично фиктивные, частично кровнородственные отношения». В этом он видит отражение в народном сознании отношений между родами исключительно в форме кровнородственной, генеалогической связи. Убежденный в том, что эта связь сохранилась в народных преданиях, Аристов абсолютизирует значение последних, когда пишет: «Не лишены значения только незатейливые, простые, преимущественно устные генеалогические сказания, встречающиеся у тех тюркских племен, которые сохранили еще кочевой образ жизни и прочность родового быта» /49/.

Труды Аристова по этнической истории, этногенезу казахов явились значительным вкладом в науку. В них впервые в комплексе были использованы разные по характеру и форме источники: уст-

ные, письменные, антропологические, лингвистические, этнографические, обширные статистические данные и такие экзотические материалы, как ураны (боевые кличи) и тамгы. Однако приоритет он сознательно отдает устному народному творчеству, преданиям, легендам, мифам, генеалогиям-шежире. Ни до, ни после Аристова не был дан такой глубокий и подробный до мельчайших деталей анализ родоплеменного состава всех жузов, основных родов. Он указал точные территории их расселения, численность, близость или тождество родовых подразделений внутри жузов, а также связь с родственными народами. Однако изначально ошибочный метод – генеалогический, использованный им при исследовании, не позволил автору сделать строгие научные выводы об этногенезе казахского народа. Отождествление им народов: кангюй, усунь – китайских источников с казахскими канлы и уйсун – безусловная ошибка автора. С другой стороны, Аристов своими интересными и добросовестными трудами показал всю ограниченность и ошибочность генеалогического подхода как метода исследования этногенеза. После него – возвращение к этому методу – является, конечно, совершенно не оправданным. К сожалению, нынешние “радетели” отечественной истории этого не понимают или не хотят понимать. Трудami Н.А.Аристова заканчивается начальный этап становления исторической науки в Казахстане.

По существу история, впрочем, как и другие науки, сложилась лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, образования казахской советской государственности. Так, через три года после создания, в 1932 году в Казахстанской базе АН СССР действует сектор истории. В 1945 году, за год до образования АН Казахской ССР, был создан Институт истории, археологии и этнографии. В ряде ведущих вузов республики были созданы исторические факультеты. Кадры специалистов готовились в известных научных центрах Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов Советского Союза. Все это сделало возможным начать планомерное и всестороннее изучение истории Казахстана. Известны результаты развития исторической науки в республике: это и создание фундаментальных трудов, и монографических исследований по узловым проблемам отечественной истории, многочисленные научные статьи и т.д. Больших успехов добилась казахстанская археология. Мировую известность и признание получили исследования археолога К.А.Акишева (“скифские пирамиды”, “золотой человек”).

Разумеется, характер исторических исследований, исторической науки в целом не могли избежать воздействия господствующей

официальной идеологии, последствий политических событий, происходивших в стране. С победой Октябрьской революции, поработанные царизмом народы, в том числе и казахский, надеялись, что с великодержавным шовинизмом будет покончено навсегда, что восторжествует братство, равенство и справедливость, провозглашенные большевиками. Справедливости ради надо признать, что в первые годы Советской власти было сделано немало в этом плане: восстановлена казахская государственность и целостность казахской земли и народа; была совершена культурная подлинная революция; введено государственное двуязычие (1923 году) и другие революционные и демократические преобразования. Однако после многих перипетий, в том числе жестоких сталинских репрессий, когда в 30-е годы XX века был уничтожен цвет интеллигенции, в республике, как и во всей стране, возобладал псевдоинтернационализм, оказавшийся на деле советским вариантом великодержавного шовинизма. Как и почему произошла чудовищная метаморфоза идеалов революции и перерождение Советской власти – особая тема. Но на одно обстоятельство, вероятно, стоит обратить внимание. В сознание русского, как и других народов, упорно и методично внедрялась идея тождества понятий “русскости” и “советскости”, то есть русский априори должен был означать советский и наоборот. Власть стремится сделать всех людей советскими, то есть фактически русскими, и для их же “блага” закрывают национальные школы. В Казахстане процесс ассимиляции достиг небывалого масштаба: сказались чудовищные последствия жестокого подавления народного восстания 1916 года, гражданской войны, голода 1921 года, голодомора начала 30-х годов, Великой Отечественной войны. Демографическое состояние казахского народа усугублялось и тем, что Советское правительство для освоения целинных и залежных земель, строительства крупных промышленных объектов направило в Казахстан миллионы людей из центральных районов. В основном, русских, украинцев, белорусов, что привело к резкому уменьшению доли казахов (до 29% по переписи 1959 годы) в массе населения республики (61% по переписи 1926 годы).

Характерно, что шовинистская по существу, политика советского руководства берет свое начало с трагических событий 30-х годов с окончательной победой сталинизма. В исторической науке этот поворот выразился в осуждении так называемой “школы Покровского”, представители которой с революционных позиций подходили к истории России, считая ее “тюрьмой народов”, резко и жестко кри-

тиковали самодержавие, российские порядки и нравы, страстно защищали нерусские народы. Власти сочли, что интернациональная политика предшествующего десятилетия основательно подорвала русское национальное самосознание и ослабила русский патриотизм. По мысли советской бюрократии не “его величество – рабочий класс”, а великая нация должна была стать социальной опорой режима. Русская культура и история были реабилитированы. “Великодержавный шовинизм” уходит в прошлое. 5 мая 1936 года в Москве состоялось собрание ведущих ученых-историков, призывавших уйти от абстрактных социологических схем /50/.

Но и в эти годы были ученые, которые отстаивали свои научные взгляды, сохраняя верность исторической правде. Так, в стремлении к приукрашиванию русской истории, принижению роли истории других народов, видел проявление шовинизма известный археолог и историк М.И.Артамонов. О хазарах, Хазарском каганате, господствовавшем в VII-X веках культурно и политически над Киевской Русью, он писал: «Как было русскому шовинизму примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому влиянию Византии и Арабскому халифату, в то время как Русь еще только выходила на историческую арену, и то в роли вассала Византийской империи? Как можно было допустить у колониально эксплуатируемых царской империей народов своего славного прошлого?» /51/.

Новый виток исторического развития России, как видим, привел к возрождению под вывеской революционного обновления ее старого недуга – шовинизма, который, как и при царизме, отражал взгляды господствующих кругов, обрекая и сам русский народ на бесправие. В результате такой политики восхваление России стало непрямым ритуалом официальной историографии. Даже изучение национальной истории необходимо было рассматривать с позиции России, русской истории или, по крайней мере, с упоминания о передовой прогрессивной роли России. Историки союзных республик вынуждены были придерживаться этого негласного “правила игры”. Для западных специалистов, как и для многих советских, преувеличенное представление об исторической роли Руси, России не было особой тайной. Так, американский исследователь Марта Б.Олкотт, автор первой обобщающей работы на английском языке по истории Казахстана отмечает, что жесткая реакция советского руководства по книге Олжаса Сулейменова “Аз и Я” была вызвана тем, что автор осмелился поставить под сомнение ведущую роль

России даже в средние века /52/. Стоит ли говорить, что при такой позиции Москвы, раболепство стало отличительной чертой республиканской номенклатуры, официозных историков. В результате в литературе, исторических исследованиях была установлена своеобразная иерархия добродетелей по национальному признаку, по которой на первое место выдвигалась фигура русского человека. Героизм, самопожертвование, благородство, ум... – все исходило от русского народа. Интересно, что нечто подобное было в монгольской империи в Китае, где положение о наградах обязывало отмечать, в первую очередь, монголов, а потом остальных. Однако император Хубилай делал исключение для воинов, отличившихся в сражении, несмотря на их национальность /53/.

Принятие значения побед и успехов и, наоборот, преувеличение поражений и неудач казахов в исторической науке было явлением нередким. О подобном возмутительном отношении отмечала академик А.М.Панкратова: «Среди ряда историков существует непременное стремление ухудшить историю казахского народа вопреки исторической правде. Я совершенно не понимаю, почему грузинские цари или узбекские ханы могут считаться при аналогичных условиях прогрессивными деятелями, а казахи должны чернить Аблая и Кенесары Касымова? Я ни в коем случае не могу стать на антиисторический путь оценки этих виднейших деятелей казахской истории, тем более, что наши критики не подтверждают своих выводов решительно никакими документами и историческими фактами» /54/. Одной из самых ярких страниц казахской истории, безусловно, является битва с джунгарами в 1644 году, известная сегодня как Орбулакская, когда 600 воинов во главе с Джангир-ханом в ущелье Орбулак (Алматинская область), нанесли тяжелое поражение 50 тысячному войску хунтайджи Батура. Подвиг 300 спартанцев во главе с царем Леонидом, попытавшимся ценой своей жизни преградить при Фермопилах в 480 году до н.э. путь персидской армии, давно стал хрестоматийным примером мужества и самопожертвования во имя родины. Воины Джангира с помощью, подроспевшего 20-тысячного корпуса Жалантос-батыра, не только не пропустили врага, но и заставили его отступить с тяжелыми потерями. Сегодня греки, как и многие другие народы, восхищаются подвигом спартанцев, потому что он был по достоинству оценен современниками и был воспет греческими поэтами, историками и писателями, сделавшими их подвиг бессмертным. Для казахской истории (и не только) беспрецедентный подвиг воинов Джангир-хана был не менее знаменитым, и

он по праву заслуживал быть прославленным. Однако ни в народном творчестве, ни в исследованиях казахстанских историков эта победа не получила достойного освещения. Так, в “Истории Казахской ССР” (1979 г.) ей было посвящено всего три “сухих” предложения. В очерке “История Казахстана” (1993 г.) – одна строка. Между тем, об этой битве с восхищением писали до революции Левшин, Вельяминов-Зернов, в советский период – И.Я.Златкин. Главной причиной недооценки казахскими историками этой блистательной победы, на наш взгляд, является страх, боязнь прослыть националистом. С другой стороны, нельзя отрицать и влияния примитивного мышления, по которому 600 воинов никак не могут одержать победу над 50 тысячным войском, как это демонстрирует, например, писатель М.Магауин, автор претенциозной книжки под названием “Азбука казахской истории”, в которой он победу казахов при Орбулаке, назвал сказкой детским лепетом /55/. Некоторые источники приписывают подвиг Джангир-хана Карасай-батыру, своему мнимому или реальному предку в восьмом колене, который, согласно КСЭ родился через 20 лет после Орбулакской битвы и погиб в 1727 году в борьбе с джунгарами /56/.

Надо признать, что подобная попытка ревизии истории могла произойти не только в условиях специфического политического режима, но, главным образом, в силу низкого уровня исторического сознания народа и недостаточной профессиональной подготовки значительной части самих казахских историков. Действительно, несмотря на определенные успехи исторической науки в республике, она заметно уступала мировой и российской науке. Отставание отечественной историографии проявлялось по всем параметрам: в теории, методологии, методике и эмпирике. Большая часть выпускников исторических факультетов имела невысокий профессиональный и культурный уровень. Историческая наука, впрочем, как и другие, развивалась как бы на обочине мировой науки, она приобрела особую провинциальную окраску, когда наука вроде бы развивается, люди защищают диссертации, становятся кандидатами и докторами наук, академиками, лауреатами республиканских государственных премий, делают открытия местного масштаба и значения. Застой и деградация казахстанской науки были заметны уже в последние два десятилетия Советской власти. Так, в 1989 году Казахстан по числу докторов занимал последнее место, среди кандидатов наук – тринадцатое место из 15 союзных республик. Но еще более удручающим было то, что в стране совершенно отсутствовали ученые не только

мирового, но даже союзного уровня. Так, за 20 лет (до 1989 года) из 376 открытий, зарегистрированных союзным государственным реестром, не было ни одного, открытого казахстанским ученым /57/.

Историческая наука Казахстана, будучи составной частью советской исторической науки, не могла не отразить ее сильные и слабые стороны. Для нее априори были присущи два серьезных недостатка: региональный характер и практическое отсутствие своей оригинальной методологической базы. Тематика исследований ограничивалась рамками государственно-административных границ республики, то есть по существу она была только отечественной историей. Следовательно, из целостной науки искусственно отлучалась ее важная составная часть — всеобщая (всемирная) история. Поскольку в общественных науках монопольно господствовала марксистская социология, а власть была в руках Центра, то есть Москвы, то разработкой теоретических и методологических проблем также занимался Центр. “Республиканская наука” обязана была неукоснительно претворять в жизнь все идеологические и теоретические положения, выработанные Центром. Ради справедливости надо признать, что казахстанским историкам, за редким исключением (Бекмаханов, Толыбеков, Юдин), не удалось подняться выше своих эмпирических исследований, достичь уровня глубоких теоретических обобщений. Историческая наука Казахстана продолжает и сегодня испытывать острейшую потребность в теории и методологии исследований.

Слабым местом исторической науки был и остается крайний недостаток в специалистах по так называемым вспомогательным историческим дисциплинам: источниковедению, дипломатике, эпиграфике, нумизматике, сфрагистике, геральдике, генеалогии, папирологии, палеографии, археографии, исторической метрологии, хронологии, топонимике, исторической географии, в задачу которых входит определение подлинности источников. За исключением небольшого количества специалистов в области источниковедения и архивоведения, по остальным дисциплинам практически отсутствуют профессионально подготовленные кадры. Незавершенность теоретических и методологических проблем в силу отсутствия ученых-методологов также является весьма уязвимой стороной отечественной историографии. Низкий уровень требований к знаниям студентов, качеству диссертаций при довольно невысоком уровне самих преподавателей и научных работников, естественно, негативно отражался на подготовке специалистов. К тому же протекционизм

и коррупция – разъедали вузовскую систему. Ситуация еще больше ухудшилась за годы независимости.

По традиции и по объективным причинам Центр, то есть Москва, давал не только политические установки, но и разрабатывал важные теоретико-методологические проблемы наук, в том числе и исторических, которые не всегда были научно обоснованными. Такой была, например, “яфетическая теория” Н.Я.Марра, которая оказала большое влияние не только на языкознание, но и на историческую науку. Усилиями Марра и его сторонников в советской историографии фактически была реабилитирована “теория автохтонности”. Марра решительно отвергал значение теории миграции как буржуазную, содержащую универсальное объяснение исторического процесса, представляющегося в виде постепенно сменяющих друг друга племен и народов /58/. Влияние “яфетической теории” Марра на изучение этнонима “казах” и этногенеза казахского народа было громадным. Фактически оно сохраняется в трудах казахских исследователей и сегодня. Один из активных сторонников теории Марра, А.Н.Бернштам утверждал, что слово “казах” является племенным термином, восходящим к древнейшему скифскому периоду, этнониму “касπ”. Говоря, что “касπи” или “каски” сохранили свой этноним в VI-XI веках в форме хазар, которая потом принимает форму казах, Бернштам представляет следующую этногенетическую линию: кас-пи – кас-ки – хазар – казах. С другой стороны, считая касπи племенным подразделением саков, он заявляет, что после исчезновения этнонима “кас” появляется общее собирательное название прототюркских племен “сак”. После распада объединения сакских племен, по Бернштаму, слово сак в сочетании с кас дает новое название: кас-сак или казак /59/. Искусственный характер образования этнонима “казах”, как видим, вполне очевиден, но легкость такой конструкции явно привлекает многих исследователей. В.В.Бартольд справедливо отмечал, что гипотеза Н.Марра о том, что в слове “казак” сохранилось название древнекавказского народа касог (от корня кас – Б.И.), едва ли приемлема для историка /60/.

Высоко оценил учения Марра С.П.Толстов (директор Института этнографии АН СССР в 1943-1966 годах) – вклад в развитие не только языкознания, но и исторической науки. Так, в 1938 году он пишет: «Путь к решению проблем этногении Средней Азии, намеченный Н.Я.Марром, убедительно показавшим глубинные связи тюркских языков с языками Средиземноморья, черт сходства между тохарским языком древних документов, открытых в Восточном Туркестане, и

хеттским языком и языками Кавказа» /61/. В 1950 году, когда “яфетическая теория” Н.Я.Марра в языкознании подверглась разгромной критике Сталина, Толстов дистанционировался от “стадиальной теории” Марра, отрицавшей роль миграции в этногенезе, и сводившей смену культур на той или иной территории лишь к автохтонному процессу. Вместе с тем, Толстов подчеркивал, что в историко-археологической, этнографической литературе прочно удерживалось положение Марра о стадиальности языков» /62/. Толстов не без воздействия “стадиальной теории” высказал идею, которая надолго определила теоретическую базу исследований древней и средневековой истории народов Средней Азии и Казахстана. Так, он утверждал о прямой связи, преемственности современных народов с древним населением региона. Идея автора непосредственно вытекала из “теории автохтонности”. Тем самым, закладывается неверная основа генезиса казахского народа (как и других) – тюркского по происхождению и языку. Именно этой установке Толстова мы обязаны тем, что до сих пор по вопросу этногенеза казахского народа превалирует мнение о решающей роли древних усуней, тождестве кангуй и канлы, что, в конечном счете, приводит к неправильному определению времени формирования казахского народа. Фактически, таким образом, пересматривается вся история казахского народа.

Сегодня в условиях независимости два идейно-политических течения: моноцентризм и этноцентризм, на наш взгляд, во многом определяют состояние и перспективу развития исторической науки в стране. Они предстают Сциллой и Харибдой в отечественной историографии. Действительно, прежние идейные воззрения: расизм, европоцентризм, великодержавный шовинизм как бы синтезировались в моноцентризме, по которому цивилизация, культура развиваются из одного центра в нашем случае из России (Китая). Россия изначально предстает цивилизованной страной. Такой неисторический взгляд неизбежно приводит к умалению исторического прошлого других народов. Как справедливо пишет современный российский историк В.В.Трепавлов: «До 1917 года “Святая Русь” изначально изображалась как крепость, осажденная разномастными врагами – “погаными”, “басурманами”, “псами-рыцарями” и т.п. Деятели эпохи экспансии (Ермака, Ермолова, Скобелева, Суворова и др.) следовало считать героическими личностями, а их противники трактовались в довольно зловещем виде... Эта традиция в несколько модифицированном виде была продолжена затем и в советской историографии» /63/.

Политика возвеличения русского народа, как известно, не привела к наделению его особыми привилегиями, к установлению его господства над другими нациями. Несмотря на тяжелое собственное положение, русский народ, думаю, сполна выполнил свой интернациональный долг не только победой над фашизмом, но и в мирном, созидательном труде, оказывая неоценимую помощь в подъеме экономики и культуры народов Советского Союза и многих других стран. С другой стороны, политика руководства КПСС воспитывала у русского народа чувство ложной национальной гордости, консервировала имперское мышление. Возникший на такой основе стереотип поведения, проявляет себя сегодня, иногда, и в оценке истории и государственности казахского народа. Справедливо критикуя позиции носителей имперского мышления, мы, казахи, не должны принижать или недооценивать значение великой гуманистической и демократической русской культуры и науки, как и рассматривать Россию (и советскую) как “империю зла”, видя всегда две России: великодержавную и демократическую. Дружба двух народов – русского и казахского – выдержала все насилия царизма, жестокости сталинских соцэкспериментов, издержки имперского мышления в последующем. Дружба – это не дань прошлому или исторический факт, который можно лишь констатировать, она – важный геополитический фактор, способный определить судьбу Казахстана и значительно повлиять на развитие России, она – залог и фундамент доброго равноправного сотрудничества двух независимых государств, обреченных быть в тесных отношениях.

Что касается этноцентризма, склонного оценивать все исторические общественные явления и события через призму ценностей своего народа, то он, в отличие от моноцентризма получил значительное развитие, стал весьма популярным. Представляя собой консервативную и даже реакционную тенденцию, он в определенных условиях может перерасти в национализм. Этноцентризм неизбежно ведет к изоляции науки. В Казахстане при отсутствии общей идеологии – прагматизм фактически выролдился в идеологию успеха (власти, богатства) любой ценой, неразработанности национальной идеи, этноцентризм стремится заполнить существующий идеологический вакуум. Мысль Н.А.Назарбаева о том, что: «Тоталитаризм попытался представить прошлое казахской нации как тривиальную борьбу классов» /64/, этноцентристы (ура-патриоты, ура-трайбалисты) восприняли как призыв к отрицанию сложившейся исторической науки и ринулись реконструировать “новую” отечественную историю, не

обладая для этого ни знанием истории, ни теорией и методологией, не владея иностранными языками, чтобы быть хотя бы в курсе развития мировой исторической науки. Опираясь лишь на фольклор, они воспроизводили все недостатки его как исторического источника. Чего только они не наговорили, не написали! «Чингисхан – казах, он родоначальник казахского народа», «шумеры – это казахи, переселившиеся в Месопотамию из района реки Чу (по-казахски Шу)» и пр. Однако всех перешеголял этнограф, д.и.н. Ж.Артыкбаев. Он пишет: «Алаша-хан (легендарный предок казахов – Б.И.) является современником пророка Ноя, и его сына Яфета, и первых казахов. Алаша-хан, Огуз-хан (также легендарный персонаж – Б.И.), Жоши-хан (старший сын Чингисхана – Б.И.) – основатели династии казахских ханов XV-XVIII веков» /65/. Хвастливая ложь, самодовольное чванство, отсутствие элементарной научной критики источников, прямая фальсификация исторических фактов, воинствующее невежество – таков, на наш взгляд, неполный перечень характерных черт этих “радетелей” отечественной истории.

К счастью, не они определяют подлинное лицо исторической науки в Казахстане. Так, традиционно плодотворно действует Институт археологии, был создан долгожданный Институт востоковедения, НИИ номадизма, появились молодые историки, владеющие не только западными, но и восточными языками. Была принята, не имеющая аналога среди стран СНГ государственная программа “Культурное наследие”, по которой издаются и переиздаются важнейшие исторические источники и фундаментальные труды ученых прошлого. Несмотря на неизбежные издержки, эти публикации имеют исключительное значение для полноценных научных исследований. Особого внимания и благодарности заслуживает работа Института востоковедения МОН РК, бесценно возглавляемая со дня основания востоковедом, профессором М.Х.Абусеитовой. Изданные институтом труды отличаются строгим академизмом, каждому изданию сопутствуют столь нужные сегодня грамотные предисловия, комментарии, среди публикаций много новых, ранее не печатавшихся изданий. Важно также отметить, что институт “не варится в собственном соку”, он ежегодно проводит по наиболее актуальным проблемам востоковедения, интересные международные научные конференции с участием видных зарубежных и отечественных специалистов, которые являются замечательной школой для молодых ученых. Им осуществляются также и другие многообразные формы сотрудничества с зарубежными коллегами и научными центрами. Одновременно хочу

заметить, что работники института – настоящие энтузиасты своего дела, они работают в пяти-шести небольших комнатах при низкой оплате труда. В другой демократической и культурной стране такому институту давно бы построили или выделили специальное здание. Думаю, что возможность для этого есть. Ведь сотни общественных зданий были “прихвачиваны” за бесценок в Алматы, которыми спекулируют сегодня их владельцы с учеными степенями, ректоры вузов.

Признавая, что не все проблемы истории Казахстана изучены в достаточной степени, что имеющиеся “белые пятна” возникли зачастую не только потому, что не было необходимых источников, а потому, что исследователи опасались реальных или мнимых политических последствий, что на изучение многих проблем наложили свой отпечаток идеологические догмы, следует признать необходимость разработки ряда теоретических и методологических вопросов по отечественной истории, внесения корректив в некоторые уже изученные проблемы. Например, необходимо, на наш взгляд, в корне пересмотреть или, по крайней мере, внести серьезные коррективы в устоявшееся в отечественной историографии положение о том, что формирование казахского народа – есть результат многовекового синтеза двух групп населения древнего Казахстана: европеоидного (по физическому типу), ираноязычного, монголоидного и тюркоязычного, результат якобы постепенного наслаивания на первоначальный европеоидный субстрат монголоидных элементов. Данный тезис явно противоречит фундаментальной идее казахского этногенеза – тюркского по своему происхождению, сформировавшегося в тюркской среде, косвенно оправдывая теорию автохтонности. Определяя роль автохтонного и пришлого элементов в историческом процессе вообще и в частности этногенетическом, необходимо строго придерживаться принципа историзма и объективности. Так, признавая решающую роль в этногенезе казахского народа тюркского компонента (хунны – гунны, тюрки, огузы, кыпчаки), нельзя недооценивать, а тем более игнорировать роль монгольского элемента как до, так и в период завоевания Чингисхана и после, при его преемниках. Не корректно в научном плане отождествление древних тюрков или, скажем, кыпчаков с казахами, которые при всей их генетической и исторической связи с казахами являются самостоятельными этносами. Наконец, совершенно невозможно понять казахский этногенез, не раскрыв суть и роль этнической общности “узбек” или “ногайлы”.

Не претендуя на полный охват подобных проблем, хотелось бы, обратить внимание на некоторые из них: в частности, периодизация истории Казахстана, роль гуннов и усуней в этногенезе казахского народа, хазароведение применительно к отечественной истории, Золотая Орда, казахская государственность, моноцентризм и этноцентризм, научные и политические аспекты концепций: “деколонизация истории”, “десоветизация истории”. Независимость Казахстана настоятельно требует глубокого и непредвзятого исследования казахско-русских, казахско-китайских, казахско-среднеазиатских отношений в прошлом и настоящем также как истории тюркских народов, мирового сообщества и ислама.

Источники и литература

1. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 10, 18.
2. Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 46
3. Симокатта Ф. История. М., 1957. С. 25.
4. Новая и новейшая история, 2002, № 4. С. 85.
5. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Том IV. М.-Л., 1957. С. 467-468.
6. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент, 1996. С. 19.
7. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. С. 36-40.
8. Древнекитайская философия. Эпоха Хань М., 1990. С. 100.
9. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1990. С. 134.
10. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1986. С. 265-266.
11. Блок М. Апология истории... С. 10, 132.
12. Февр Л. Бои за историю. С. 72.
13. Там же.
14. Блок М. Указ. работа. С. 7.
15. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. Персвод, предисловие и комментарий З.А.Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 86,
16. Книга слов. Алматы, 1992 год. С. 78-80; Абай Кунанбаев. Шығармаларының екі томдық жинағы. 2 том. Алматы, 1997. 212-213 б.
17. Ирмуханов Б.Б. Казахстан: прошлое и настоящее. Алматы, 2001. С. 17.

18. Блок М. Указ. работа. С. 29.
19. Доватур А.И. и др. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1988 год. С. 9.
20. Крачковский. Указ. работа. С. 18.
21. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 62
22. Крачковский. Указ. работа. С. 254.
23. Там же.
24. Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна "Мукаддима". М., 1965. С. 118, 121-122, 128.
25. Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. Алматы, 2004. С. 115.
26. Блок. Указ. работа. С. 11.
27. Поппер К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 98.
28. Тойни А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 101.
29. Там же. С. 186.
30. Там же. С. 77, 79.
31. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001. С. 49.
32. Васильев Л.С. История Востока Том 1-2. М., 1994. С. 247-248; Блок Апология истории. С. 99.
33. Полис, 1994, № 1. С. 47.
34. Новая и новейшая история. 1996, № 6. С. 70.
35. Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 115.
36. Там же.
37. Новая и новейшая история. 2007 № 2. С. 141.
38. Алекторов А.Е. Указатели книг, журнальных и газетных статей и заметки о киргизах. Казань, 1900. С. 52, 116.
39. Первый Всероссийский тюркологический съезд. Баку, 1926. С. 149, 293.
40. Бартольд В.В. Сочинения. Том 1. Часть 1. С. 294.
41. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть 1. А., 1996. С. 176-181.
42. Радлов В.В. И Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 247-249.
43. Бартольд. Том 1. С. 30-31.
44. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть 2. СПб, 1864. С. 272.
45. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алматы, 1984. С. 79.
46. Более подробно см.: Ирмуханов Б.Б. К вопросу о происхождении казахского народа. Алматы, 2008. С. 148-164.

47. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.-Л., 1950. С. 12.
48. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 24.
49. Живая старина. Выпуск III-IV. СПб, 1896. С. 282.
50. Этнографическое обозрение 1993, № 3. С. 58.
51. Артамонов М.И. Очерк древнейшей истории хазар. Ленинград, 1936. С. 5
52. Olcott Martha B. The Kazaks. Hoover institution. Stanford Press University. 1987. P. 253.
53. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии. XIII –XIV вв. Алма-Ата, 1990. С. 97.
54. Цит. По кн.: Бекмаханов Б.Е. Казакстан XIX ғасырдын 20-40-жылдарында. А., 1994. С. 3.
55. Магауин М. Казак тарихынын эліппес! Алматы, 1995. 65-б.
56. Казахстанская правда. 1995, 24 октября; КСЭ. 6 том. А., 1975. С. 497.
57. Ирмуханов Б.Б. Казахстан: историко-публицистический взгляд. А., 1996. С. 132.
58. Вестник древней истории. 1950, № 1. С.10.
59. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана// Известия АН КазССР. № 67. Серия археология. Выпуск 2. 1949. С. 60-62.
60. Бартольд. Том V. С. 525.
61. ВДИ. 1938, № 1. С. 202.
62. ВДИ. 1950, № 4. С. 201.
63. Отечественная история. 2003, № 1. С. 114.
64. Казахстанская правда. 1998, 17 января.
65. Артыкбаев Ж.О. Материалы к истории правящего дома казахов. Алматы, 2001. С. 46.

ДРЕВНЕЙШАЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА. НАЧАЛО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ПОПУЛЯЦИЯ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

Человек появился на Земле в итоге сложного и длительного историко-эволюционного развития. Опираясь и исходя из закономерности эволюционного развития великий естествоиспытатель Ч.Дарвин (1809-1882) выдвинул свою гипотезу о происхождении человека от обезьяноподобного предка. Учение стало господствующим в науке до середины XX века, когда поразительные успехи генетики, биологии, особенно молекулярной, позволили внести серьезные коррективы в эволюционное учение о происхождении человека. Пересмотру подверглась и гипотеза Дарвина. Отныне не обезьяноподобные, а человекообразные существа – гоминиды (от латинского *homo* – человек) предстают предковым видом человека. Проходят, однако, миллионы лет, прежде чем сформировался физический тип современного человека. Действительно, многочисленные скелетные остатки древнейших человекообразных приматов, передвигавшихся на двух ногах – австралопитеков (от лат. *australis* – южный и греч. *pithekos* – обезьяна), были обнаружены в Южной и Восточной Африке. Жили они 4-3 млн лет назад. На рубеже 1,5 – 1 млн лет ранние гоминиды распространяются от африканского континента до современной аридной полосы и территории Сибири. В 2002 году на севере африканского государства Чад, в Сахельской пустыне был обнаружен череп ископаемого гоминида, возраст которого ученые определяют около 7 млн лет /1/.

Казахстан – одна из крупнейших по территории стран мира (2,7 млн кв. км) – расположен в глубине материка Евразия. Расстояние с севера на юг – от лесостепей Западной Сибири до снежных хребтов Тянь-Шаня – превышает 1700 км, и с запада на восток – от низовий Волги до Алтая – более 3000 км. Территория Казахстана отличается большим разнообразием рельефа. Низменности его западной части постепенно сменяются к югу и юго-востоку возвышенностями и высокогорными массивами. В физико-географическом отношении

территория Казахстана с севера на юг последовательно сменяют: лесостепь (7% территории страны), степь (20%), полупустыни (23%), пустыни (40%) и горы (10%). В республике насчитывается свыше 8 тысяч рек длиной более 10 км, в том числе и такие крупные, как Иртыш, Урал, Сырдарья, Или. Страна изобилует и многочисленными озерами, крупнейшие из которых Балхаш, Зайсан, Алаколь. К Казахстану относится и значительная часть Каспийского и Аральского морей /2/.

Древнейшая история Казахстана восходит к истории зарождения и становления человечества. Благодаря особенностям геолого-географических условий, а также отсутствию покровного оледенения (за исключением горных вершин), территория Казахстана стала одним из наиболее северных районов Земли, заселившимися гоминидами, которые появились здесь уже в эпоху раннего палеолита, условно разделяемого на три периода: олдувайская (2,6 млн – 700 тыс.), ашельская (700 тыс. – 150-120 тыс.), мустьерская (150-120 тыс. – 35-30 тыс. лет назад). Так, на рубеже 1,5 – 1,2 млн лет назад ими были освоены степи Прикаспия и Туранские пустыни. В ряде районов Старого света (особенно приполярных) эпоха верхнего палеолита задержалась на 20 – 30 тысяч лет и памятники ее датируются 13-8-м тысячелетиями до н.э. /3/.

Древнейшие гоминиды на территории Казахстана были современниками питекантропов (от греч. *pithekos* – обезьяна и *anthropos* – человек) и синантропов (от позднелат. *Sina* – Китай и греч. *Anthropos* – человек), и в эволюционном развитии соответствовали фазе «*homo habilis*» – человек умелый (в настоящее время в научной литературе ввиду неэтичности термина «китайский человек» отказались от употребления термина синантроп). Питекантропы обитали около 500 тыс. лет назад. Их костные остатки найдены в Европе, Азии и Африке. Синантропы жили примерно 400 тыс. лет назад, их останки были обнаружены на севере Китая, отсюда их название. Антропологически они были близки к питекантропам, предшествовавшим неандертальцам (по названию долины Неандерталь в Германии). Это были ископаемые люди, создавшие археологическую культуру раннего палеолита (от греч. *palaios* – древний и *litos* – камень). Время их существования 200-35 тыс. лет. Скелетные их остатки найдены в Африке, Азии, Европе. Археологи считают, что они являются потомками питекантропов и предками ископаемых людей современного типа (*Homo sapiens* – человек разумный) – кроманьонцев (по названию грота во Франции), живших в эпоху позднего палеолита (от 40-

35 тыс. до 10 тыс. лет назад). Они известны по костным останкам, открытым во всех частях света. Обнаруженный недавно в Эфиопии череп ископаемого гоминида может оказаться, по мнению некоторых ученых, «недостающим звеном» между *Homo erectus* и *Homo sapiens*. Американские ученые полагают, что череп принадлежал гоминиду, жившему 500 – 250 тыс. лет назад. По месту находки он получил название Гоувис. Считается, что гоминиды прямоходящие вымерли 200 – 100 тыс. лет назад. Некоторые исследователи, однако, полагают, что Гоувис является одним из подвидов *Homo erectus* /4/.

Поздний палеолит – период каменного века, когда люди расселились по всем климатическим зонам земли, формировались расы и расовые группы; это время сложения зрелых форм первобытно-родовой общины, качественного скачка, совпавшего с трансформацией неандертальца в человека современного физического типа /5/. Таким образом, человек разумный как биологический вид, согласно господствующей в науке точке зрения, сложился не ранее 40 тыс. лет назад. Эпоха позднего палеолита – это время проникновения и заселения древнейшими людьми Нового света. Около 20-25 тыс. лет назад древний человек достиг Америки и Австралии, тогда же он появился на Японских островах и Курилах, и только в начале новой эры – на островах Полинезии и Микронезии. По словам известного советского этнографа Р.Итса, из всех местных и глобальных событий, изменивших географию планеты, особое значение в этнической истории имели два: подъем уровня океана и термический максимум. Океан затопил сухопутные мосты, связывающие континенты, отделил Америку от Чукотки, Индонезию от Индокитая, а термический максимум вызвал резкое увеличение потока солнечного тепла, выжег растительность, высушил водоемы и реки, образовав на обширных пространствах великие пустыни. По данным специальных наук, первое событие произошло 12-10, второе – 7-4 тысячелетия тому назад. И эти события вынуждали первобытных людей покидать насиженные родные места /7/.

Для степной зоны Казахстана период от позднего палеолита до неолита (новый каменный век) – мезолит (среднекаменный век) охватывает 10-7 тыс. лет. Если в эпоху позднего палеолита в результате резкого похолодания климата на большей части планеты образовался ледниковый покров, то при мезолите, наоборот, произошло резкое потепление, которое привело к отступлению ледника, его таянию. Именно в это время сложились близкие к современности гидрография, фауна и флора Земли. Широкое употребление лука и

стрел не только расширило возможности человека добывать пищу, защищать себя, но и стало смертоносным оружием в межплеменных столкновениях и войнах.

7-4 тысячелетия – это эпоха неолита (новокаменный век), когда каменная индустрия достигает своего расцвета. Это время зарождения скотоводства и земледелия, составляющих основу производящего хозяйства. При неолите возникают зачатки горного дела, гончарства, ткачества. В социальном отношении неолит – время родовых общин, появления племен и их объединений. Отечественные археологи внесли значительный вклад в исследование неолита. Они обнаружили на территории Казахстана свыше 600 неолитических и энеолитических памятников, среди которых наибольший интерес представляют Атбасарская и Ботайская культуры. Принципиально важным является их вывод о том, что в эпоху неолита еще ярче, чем в период мезолита, проявляются неравномерность исторического развития различных регионов Земли. Действительно, если в степи хронологические рамки неолита определяются 6 - серединой 4 тысячелетия, то для Передней Азии он охватывает 8-6 тысячелетия и в этот период здесь закладываются основы производящего хозяйства: развитие земледелия, скотоводства, появление избыточного продукта. Между тем, на территории Казахстана эти формы хозяйства даже не зародились. Здесь по-прежнему охота и рыболовство, собирательство остаются основными источниками средств существования. Лишь к началу 3-го тысячелетия можно говорить о формировании в Северном Казахстане элементов производящего хозяйства.

Насельники северной Африки и Передней Азии опередили жителей остальных частей Земли не только в социально-экономическом, политическом, культурном, но и этническом отношениях. Древние египтяне и загадочные шумеры были первыми в истории человечества народами (этносами). Они создают уже в IV-III тысячелетиях высокоразвитые для своего времени государства – царства фараонов и шумеров. По мнению Р.Итса, египтяне и шумеры по своему физическому облику относились к индоевропейцам (по современной расовой классификации – к европеоидам). Территория Европы (за исключением ее восточной и северо-восточной частей) являлась той зоной, где уже в неолите обитали племена, бывшие предками индоевропейцев. Расы появились, вероятно, на раннем этапе позднего палеолита. Сформировавшаяся в V тысячелетии до н.э. в Европе языковая общность получила название индоевропейской, а ее носители условно были названы индоевропейцами. В составленной

этнографами на основе генеалогической классификации языковедов этнолингвистической карте мира показаны распространение родственных народов, зоны их исторического формирования. В ней самую многочисленную группу этносов составляют индоевропейцы. Они расселены на значительной части планеты. Самым выдающимся событием в истории древних индоевропейцев, многократно расширившим ареал их расселения, справедливо отмечает Р.Итс, было отделение азиатской ветви индоевропейцев, ее передвижение то ли из районов Кавказа, где сегодня к ним относятся армяне, курды, осетины и другие представители азиатской ветви, то ли из районов Средней Азии (здесь к ним относятся таджики) в Переднюю Азию (современные ираноязычные народы – персы, афганцы и др.) и далее на просторы Индостана. В XII веке до н.э. в Южную Азию вторглись индоевропейцы ирано-индийской группы азиатской ветви, известные в истории как арии, и оттеснили на юг, частично ассимилировав древнейшие дравидское и мундское население Индостана /8/.

Считается, что первыми индоевропейскими племенами на территории Западной и Центральной Европы были кельтские и славянские, чересполосно с ними или много южнее и восточнее обитали романские и германские. Сначала произошла романизация бывшего кельтского населения как следствие колонизации Западной Европы римлянами античного мира, затем романцы и германцы оттеснили славян на восток – в Восточную Европу, где они вошли в контакт с финно-угорскими и уральскими народами, которые из первоначальной зоны своего обитания (Волжско-Камский бассейн и Урал) заселили всю современную Среднерусскую возвышенность, районы Прибалтики, Карелии и Европейского севера. Часть финно-угорских народов в результате экспансии русской ветви славянских народов отошла за Урал в Западную Сибирь. Здесь они представлены сегодня хантами и мансями, уральцы – ненцами и елькупами и др. На восточных и южных окраинах Евразийского континента на протяжении тысячелетий формировались крупнейшие этносы: китайцы, японцы, яванцы, вьетнамцы, корейцы и др. Как справедливо замечает Р.Итс, и по сей день именно Восточная и Юго-Восточная Азия дает пищу для многих головоломных задач, поставленных этнической историей, например, японцы, не имеющие никаких генетических языковых параллелей с окружающими их народами /9/.

Как для нашей темы, так и для понимания этнической истории человечества, важное значение имеют два региона: Кавказ и великая Евразийская степь. Европеоидные (по антропологической класси-

фикации) народы, обитавшие с эпохи древнеегипетского и шумерского царств в Северной Африке и Малой Азии и принадлежавшие к одной языковой семье, получили по предложению лингвистов имена двух сыновей библейского Ноя – Сима и Хама и стали называться семито-хамитскими (к ним относятся современные арабы, берберы, евреи, жители Эфиопии, Сомали, республики Чад). Народы Кавказа, родственные по языку были названы по предложению Н.Я.Марра яфетическими – по имени третьего сына Ноя – Яфета. Не лишено оснований предположение лингвистов и историков о яфетидоязычности населения древнего Ванского царства. Географические условия (горы) определили изоляцию и разобщенность народов Кавказа соответственно и многочисленности их языков. Главный Кавказский хребет разделяет современных яфетидов (кавказоидов) на две основные группы: картвельскую (грузины) и дагестанскую (аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы и др.), между которыми существуют еще две ветви – нахская, или центральная (чеченцы, ингуши) и адыго-абхазская. Ряд народов позже были тюркизированы: азербайджанцы, кумыки, балкарцы, карачаевцы. Алтайская языковая семья, делящаяся на три ветви: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую – одна из самых распространенных в пространственном протяжении семей Евразийского континента. Народы-носители алтайских языков распространились по всей Центральной и Средней Азии, материковой Восточной Азии, Малой Азии, занимают северную часть, обитают в Европе (гагаузы в Болгарии и Молдавии) и на большей территории Сибири и Дальнего Востока, доходя до берегов Тихого и Ледовитого океанов. Обширна область формирования алтайской языковой семьи, но она сконцентрирована вокруг Саяно-Алтая, и примыкающих к нему районов: на западе Минусинской котловины, на юге центрально-азиатских степей, на востоке Маньчжурии и Приморья. Эти три зоны явились впоследствии при распадении алтайской общности зонами формирования тюркских этносов (Минусинская котловина и Саяно-Алтай), монгольских (Центральная Азия и Забайкалье) и тунгусо-маньчжурских (Приморье и Маньчжурия). Экспансия этих народов шла по трем направлениям: на запад, юг и север. Географически и по другим условиям наиболее благоприятным был западный путь, по которому передвигались, прежде всего, тюркские племена и народы, которые проникали в финно-угорские и индоевропейские этнические территории. Часть тюркских и монгольских племен, передвигавшаяся на север, заложила будущую этническую основу якутов и бурят, испытав влияние как палеоазиатов

– древних обитателей Сибири и Севера, так и тунгусов (эвенков) /10/.

Переходный период (4-3 тысячелетия) от каменного к бронзовому веку, согласно критериям археологической периодизации получил название энеолита (меднокаменный век). По использованию орудий труда казахстанский энеолит разительно отличается от энеолита не только Передней Азии, но даже и некоторых соседних регионов, например, Алтая, Монголии и китайского Синьцзяна, где в это время обитало европеоидное население, носители так называемой афанасьевской археологической культуры. Сформировавшись на территории Тувы и Северной Монголии, афанасьевцы, по утверждению В.И.Молодина, обладая мощнейшей для своего времени экономическим потенциалом (бронзолитейное производство, скотоводство), постепенно мигрируя на север и запад, расселяются на обширной территории Саяно-Алтая и Синьцзяна, проникая даже до района Караганды (Центральный Казахстан), вытесняя или ассимилируя местное монголоидное население. Подобное понимание генезиса афанасьевской культуры, подчеркивает Молодин, коренным образом меняет наше представление о европеоидах как одном из автохтонных представителей Азиатского континента /11/.

На территории Казахстана не только не внедряются в жизнь медные орудия, не деградирует кремневая индустрия, наоборот, последняя поднялась на еще более высокий уровень. Просуществовавшая в 3-2 тысячелетиях Ботайская культура (по названию разъезда Ботай в Кокчетавской области) – яркий пример степного энеолита Северного Казахстана. Само поселение Ботай функционировало около 200 лет. (XXIV – XXII века. до н.э.). Это было крупное поселение. Так, на современной поверхности сохранились следы от 158 жилищ. Археологические материалы говорят о сложном хозяйственном укладе его обитателей, занимавшихся скотоводством и гончарным делом. Все орудия труда были сделаны из камня, глины и кости. «Ботайцы», вероятно, начали заниматься одомашниванием лошади. Так, среди огромного количества остеологического материала подавляющее большинство (более 70 тысяч особей) принадлежит лошади.

Отечественные археологи считают, что по имеющимся материалам позднего палеолита можно проследить непрерывность развития материальной культуры людей древнекаменного века, а также процесс заселения территории Казахстана. Они же отмечают, что теоретически весь Казахстан мог быть местом проживания 3620 общин или 161000 человек. Учитывая, однако, что практически по-

ловина территории – это неблагоприятные для охоты и земледелия, для расселения людей угодья и земли, они вносят свои коррективы в указанное количество предполагаемого населения, сокращая его наполовину. Следовательно, в эпоху неолита на территории нашей страны проживало 80 000 человек /12/.

Таким образом, наш экскурс в древнейшую историю Казахстана, органически связанный с эпохой каменного века, показывает, что говорить об этнической истории Казахстана в этот длительный период истории человечества не приходится, ибо у племен, населяющих его территорию, вероятно, начинают только складываться элементы этнического сознания; они по-прежнему остаются безымянными. Такова в общих чертах картина популяции Казахстана в эпоху каменного века по доминирующей в науке гипотезе происхождения человечества, его эволюции.

Сегодня, однако появились новые гипотезы. Бурное развитие биологических наук во второй половине, особенно к концу XX века, позволило ученым, сделать ряд сенсационных открытий, ставящих под сомнение происхождение человечества и его хронологические рамки. Так, по одной такой версии, неандертальцы не были ни предками, ни родственниками современного человека. Это были два различных биологических вида, произошедшие от разных ветвей древних гоминидов. Ее сторонники утверждают, что 30 тысяч лет назад на нашей планете произошла глобальная катастрофа, которая привела к гибели целого человечества – неандертальцев, создавших собственную палеолитическую культуру – мустьерскую. Неандертальцы знали огонь, они выделывали каменные орудия около 40 тыс. лет назад, они начали хоронить своих мертвых, у них появились примитивные украшения – подвески из зубов животных. В истории Земли только люди и неандертальцы знали украшения. Однако неизвестно, умели ли они говорить. Они питались в основном мясом. На стоянках неандертальцев находили раздробленные и обглоданные кости разной дичи... и кроманьонцев. 10 тысяч лет существовали на одной территории два вида людей. Еще около 30 тысяч лет назад последние представители неандертальцев ютились в районе Гибралтара, в Пиренеях и в горах Далмации. Потом они исчезли без следа, а мы, люди, остались /13/. Причина, вернее будет сказать, причины исчезновения (гибели) неандертальцев остается неизвестной, представляя самую глубокую загадку в истории эволюционного развития человечества.

Не менее увлекательна и другая гипотеза. В ней речь идет о проис-

хождении всех людей на Земле, рас и этносов от одной африканской популяции. По новой теории эволюционное древо человечества выглядит следующим образом: ствол находится в Африке, от него расходятся четыре ветви – африканская, азиатская, европейская, азиатско-австралийская. Появились эти люди примерно 185-150 тысяч лет назад. Еще до выхода из Африки произошло разделение их на три группы, давшее начало трем расам: африканской, монголоидной и европеоидной. По мнению российского биолога Э.К.Хуснудиновой, люди современного типа около 70 тысячи лет назад заселили Азию, откуда они в 60-50 тысячи лет назад проникли в Австралию и Океанию. Заселение Европы произошло позже, в 40-35 тысячи лет, Америки – еще позже – 35-15 тысячи лет назад через Берингов пролив. Автор признает, что генные данные не являются исчерпывающим и бесспорным доказательством монофилетической гипотезы. Новая концепция происхождения человека не получила всеобщего признания, поэтому она остается лишь интересной, увлекательной научной гипотезой. Но она имеет одно несомненное достоинство, утверждая, что основные различия по генному содержанию наблюдаются в пределах даже маленькой популяции (около 90%) всех генетических различий, в то время как доля расовых особенностей не превышает и 10%, новая концепция наносит, следовательно, сокрушительный удар по расистской идее превосходства одних народов над другими /14/.

Против гипотезы исчезновения неандертальцев решительно выступает известный российский археолог А.П.Деревянко. Говоря о множестве теорий и версий о происхождении человека, он утверждает, что сохранились две гипотезы: африканская или “Ноев ковчег”, суть которой заключается в образовании трех человеческих родов: европейского, представленного неандертальцами; восточного и юго-восточного, включающего питекантропов и синантропов; и африканского, на основе которого 200-150 тысячи лет назад оформился древний человек (*homo sapiens*), а в дальнейшем человек современного физического типа (*homo sapiens sapiens*). Согласно этой гипотезе около 100 тысяч лет назад человек современного физического типа, двигаясь из Африки, начал заселять остальную часть Ойкумены, замещая древнее население. Примерно 40-20 тысяч лет назад современный человек, которого характеризует культура верхнего палеолита, расселился на всей территории земного шара.

Исходя из доминирующего мнения в науке, Деревянко выделяет две миграционные волны древних гоминидов. Он полагает, что око-

ло 2 млн лет назад древние гоминиды вышли за пределы Африки и начали расселяться на территории Евразии. Они подразделялись на три группы и характеризовались прямохождением, малыми размерами клыков. Этим они отличались от человекоподобных обезьян. Наиболее ранние местонахождения ископаемых останков гоминидов в Центральной Азии обнаружены в Таджикистане. Их возраст – 800-500 тысячи лет. Этому возрасту соответствует древний галечный комплекс, зафиксированный в Казахстане на полуострове Мангышлак и в горах Каратау. Таким образом, самые ранние памятники пребывания гоминидов на территории Казахстана – 800-500 тыс. лет. Вторая волна миграции древнего человека в Евразию, по словам Деревянко, приходится на 450-250 тысячи лет, но уже с Ближнего Востока. Этому периоду соответствует широкое распространение орудия ашель на территории Казахстана и Туркменистана. На территории Ирана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Монголии сохранилось население, представляющее первую волну мигрантов, произошло наложение друг на друга более древней галечной и позднеашельской индустрии, утверждает автор. Объявив себя убежденным сторонником полицентристской (мультирегиональной) гипотезы происхождения современного человека, российский археолог приходит к выводу: «Археологические материалы из Центральной, Южной, Восточной Азии убедительно свидетельствуют, что 150-35 тыс. лет назад никакого миграционного потока, который сменял бы автохтонные индустрии и местное население, не было. Представителем второй миграционной волны были не неандертальцы, а древний человек, который эволюционировал в человека современного физического типа. Восточной границей распространения неандертальцев считали западные районы Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан). Человек современного физического типа, который сформировался в Африке 200-100 тыс. лет назад, и неандерталец были подвидами одного вида. «Господа ученые, не обижайте, пожалуйста, неандертальцев. Они тоже наши предки», – восклицает А.П.Деревянко /15/.

Хотелось бы обратить внимание читателя, что археологические материалы при исследовании палеолита, бесписьменной истории представляют исключительное значение. Однако в силу специфики своего источника археология самостоятельно изучает не целостный этногенез, а лишь его важную часть – культурогенез. Потому выводы археологов, связанные с этническими процессами, весьма уязвимы. По этому поводу известный востоковед Н.В.Кюнер пишет: «При

всей важности археологических памятников, они не всегда могут служить целям непосредственного изучения истории современных обитателей территории, на которой жили прежде те или иные народы вследствие частичных или полных разновременных переселений этих народов». Л.Н.Гумилев, констатируя ограниченные возможности археологии, которая может удовлетворительно определить эпоху, но никак этнический состав, подвергает обоснованной критике постулат, выдвинутый советскими археологами М.И.Артамоновым и С.А.Плетневой, согласно которому развитие культур и народов степной и лесной зон Евразии шло от кочевий к городам, и, что этот путь прослеживается археологией, причем археологическая культура отождествляется с этносом. Справедливо отмечая, что археологическая культура в основном представлена керамикой и, следовательно, древние люди признаны за дополнение к черепкам разбитых горшков, то есть те и другие – «материал того же порядка», Гумилев остроумно и не без язвительности замечает: «Но представим себе, что археолог XXX века ведет раскопки на территории Ленинграда. Занимаясь посудой, он выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюд». При раскопках жилищ он разнесет по разным «культурам» дворцы в стиле ампира, доходные кирпичные дома и блочные строения. Все эти дома, он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города!» /16/.

По сравнению с данными археологов об этнических проблемах, материалы антропологов дают более объективную картину, полагает А.А.Вильданов. По его словам, выводы археологов в области этнической истории, основанные на скудных письменных свидетельствах античных авторов, классификации погребального обряда и предметов материальной культуры, требуют ревизии путем широкого привлечения методов антропологии, которая достаточно четко и гораздо точнее, чем археологические, реконструирует такие исторические события как миграция населения. Резонно отмечая, что материалы культуры могут изменяться в относительно короткий исторический период, он заявляет, что генотип человека, на котором основаны антропологические методы исследования, более устойчив во времени и реально отражает расовый тип древнего населения, а потому дает основание утверждать, была ли смена населения или же произошли инновации в культуре в результате межэтнических контактов, а также позволяет путем сравнения измерительных и описательных

признаков, выявить сходство и оценить степень генеалогического родства одной группы населения с другими /17/.

Необходимость комплексного исследования проблем этногенеза, оставаясь главным научным требованием, вместе с тем, требует, таким образом, знания «сильных» и «слабых» сторон научных дисциплин, участвующих в процессе исследования вопроса. Мысли академика РАН РФ В.В.Седова по этому случаю представляют, на наш взгляд, несомненный интерес. Так, говоря, что язык является надежным признаком всякой этнической общности, он одновременно подчеркивает, что лингвистика изучает глоттогенез, а он далеко не тождествен этногенезу. Языкознанию не достает пространственной и хронологической определенности. Отмечая, что антропология изучает антропогенез, автор указывает, что он часто полностью не соответствует этноязыковым процессам. Для освещения сравнительно недавнего прошлого, считает автор, можно привлечь этнографию и фольклористику, но применительно к отдаленным периодам, исторические данные этих наук имеют ограниченное значение. Не вызывает сомнения вспомогательная роль ономастики. Говоря, о важной роли археологии, Седов вместе с тем напоминает, что она в силу специфики своей источниковой базы самостоятельно изучает не целостный этногенез, а лишь его важнейшую часть – культурогенез /18/.

Конечно, по настоящему образованный человек не стал бы искать своих предков в эпоху палеолита. Однако стереотип мышления, психический склад современных людей сильно влияют на их восприятие прошлого. Такое состояние человека ярко воспроизводит Л.Н.Гумилев, когда пишет: «Мы, люди XX века, так привыкли к эволюционной теории, что дискретность исторических процессов нами не воспринимается. В наше время кажется, что русские происходят, если не прямо от питекантропов, то как минимум от скифов, а древние русичи в XII веке совсем свои, вроде двоюродных дедов». Эта ирония Гумилева, кажется, была буквально воспринята неким участником международной научно-практической конференции, проведенной в рамках Года Казахстана в России в 2003 году в МГУ, который сделал ошеломляющее «открытие», заявив: «Археолог А.П.Деревянко на основе анализа археологических памятников в горах Каратау пришел к выводу, что предки казахского народа на современной территории Казахстана жили уже миллион лет назад, что опровергает существующий взгляд о перемещении тюрков-кыпчаков с Алтая в средние века» /19/. Плодотворные исследования рос-

сийского археолога, как мы видели, не дают никаких оснований для подобного нелепого утверждения.

Источники и литература

1. Известия, 2005, 15 апреля.
2. Устименко П.Д. и др. Физическая география Казахской ССР. А., 1985. С. 3, 38, 59-75; Ердаuletов С.Р. География туризма Казахстана. А., 1992. С. 7, 86, 94.
3. История Казахстана. Том 1. С. 73-79: История Казахстана (Очерк). Алматы, 1993. С. 11; Итс Р. Века и поколения. Этнографические этюды. М., 1976. С. 41.
4. Известия, 2006, 28 марта.
5. История Казахстана. Том 1. С. 73-79.
6. Итс Р. Указ. работа. С. 42.
7. История Казахстана. Том 1. С. 81-87.
8. Итс Р. Указ. работа. С. 20-24.
9. Там же. С. 29.
10. Там же. С. 33-34.
11. Россия и Восток: археология и этническая история. Омск, 1997. С. 6.
12. История Казахстана. Том 1. С. 93-97.
13. Известия, 2003, 11 октября.
14. Известия, 1997, 17 июля; Известия, 2003, 17 января; Вестник РАН, 2003, № 7. С. 116-117.
15. Археология, этнография, антропология Евразии 2005, №2. С. 27, 31; №3. С. 106, 107.
16. Кюнeр Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 17; Народы Азии и Африки. 1970, № 3. С. 89; Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 89; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 44, 466.
17. Россия и Восток. С. 55.
18. «Вестник РАН», 2003, № 7. С. 594.
19. Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских кочевников. М., 2003. С. 222.

ЭПОХА БРОНЗЫ: НАЧАЛО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА. АРЬЯ

Древняя история Казахстана хронологически охватывает период с 2-го тысячелетия до н.э по VI век н.э. Начинается она с эпохи бронзы (2-1 тысячелетия). В это время на смену длительной прохладно-влажной фазе приходит более чем тысячелетний период постепенного изменения климата в сторону потепления и большей сухости, что усиливает аридность климата. В эпоху бронзы и на территории Казахстана утверждается экономика производящего хозяйства, двумя главными направлениями которой выступают скотоводческо-земледельческое хозяйство и древняя высокоразвитая металлургия. С эпохи бронзы можно говорить о начальной стадии этнической истории древнего Казахстана. Племена, населявшие в эпоху бронзы обширные степные просторы Сибири, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, оставили археологическую культуру, названную андроновской (по месту находки в 1913 году первого памятника у села Андроновно близ города Ачинска в Южной Сибири).

Андроновская культура хронологически (XVIII-IX века до н.э.) была почти синхронна эпохе бронзы и представляла собой культурно-историческую общность, протоцивилизацию, определившую историческое развитие значительной части Евразии. Важным центром этой общности была территория Казахстана, главным образом, ее центральная, северная и восточная части. На западе Казахстана синхронно андроновской существовала близкая ей срубная (по способу захоронения в деревянных срубах) на юго-западе, в Приаралье, родственная ей тазабагьябская культура /1/.

В археологическом отношении эпоха бронзы Казахстана изучена достаточно основательно и, по мнению специалистов, Центральный Казахстан в эпоху бронзы по наличию многочисленных поселений, древних выработок, остатков оросительных сооружений, а также множеству погребальных памятников – самая густонаселенная страна региона, ведущий в экономическом отношении район. В эпоху бронзы в Жезказгане (по-казахски, место, где добывают медь) было добыто не менее 1 миллиона тонн богатой медной руды, выплавлено около 100 тысяч тонн меди. Жезказган поистине был одним из мировых центров древней металлургии /2/.

Широкомасштабное производство бронзы (сплав меди и олова,

отличавшийся исключительной прочностью и относительной легкостью), других палеометаллов определяют прогресс общества в эпоху бронзы. Металл использовался как для производственных целей (бронзовые серпы, ножи и т.д.), вооружения (наконечники стрел и копий, топоры и кинжалы), так и предметов украшений (бронзовые зеркала, бляхи, серьги, конские украшения). Широко изготовлялись ювелирные изделия из золота, серебра и других металлов. «Андроновцы» прекрасно знали весь цикл производства металлических изделий: от добычи руды до изготовления предметов. Они имели свои специальные плавильные печи, литейные мастерские, умело владели приемамиковки, чеканки и тиснения. По мнению Л.Р.Кызласова, «андроновцы» явно опередили китайцев – мастеров орошаемого земледелия в изготовлении изделий из бронзы /3/.

За тысячелетие скотоводческо-земледельческое хозяйство «андроновцев» претерпело радикальное изменение. Все более доминирующим становится скотоводство, которое постепенно из придомно пастушеского перерастает и принимает форму яйлажного (отгонного) животноводства, а в эпоху поздней бронзы – кочевого скотоводства. Большую роль в жизни «андроновцев» играют лошади, значение которых возросло не только как источника пищи, но и главного средства передвижения. Благодаря лошади появляется новый грозный вид вооружения – боевые колесницы. Конь же был и главным жертвенным животным. В это время произошло приручение верблюда. Андроновцы первыми в мировой практике ввели стойловое содержание скота зимой /4/.

В своем подавляющем большинстве андроновцы вели оседлый образ жизни. Жилищем у них были землянки, полуземлянки. Строили они свое жилье из дерева, камней, жили и в больших поселениях, окруженных оборонительными сооружениями – стенами с деревянным частоколом и рвами. Появились даже укрепленные поселения городского типа (Синташта, Аркаим). У них широкое развитие получают домашние промыслы. Они пряли, ткали, выделывали кожу, шили одежду, обувь. Им были известны: ткацкий станок и веретено. Андроновцы носили кожаную обувь без каблуков. И мужчины, и женщины носили на голове шерстяные и кожаные шапочки с наушниками /5/.

Радикальные изменения в хозяйстве, нашедшие отражение и в общественной жизни андроновцев, привели к важным изменениям в социальной структуре общества: доминирующей формой становится патриархально-родовые отношения. У андроновцев наблюдается и

социальная дифференциация: появляются «цари», особая прослойка привилегированных и высокочтимых воинов, что отражает широкое распространение в эпоху бронзы войн, сражений и битв, красочно и реалистически представленных в Авесте и «Шахнаме» Фирдоуси.

Некоторые аспекты социального строя, происхождение и этническая принадлежность андроновцев вызывают до сих пор дискуссии, хотя такие их основополагающие признаки как европеоидность и ираноязычность получили общее признание. По мнению специалистов, к началу 2-го тысячелетия на территории Центральной Азии уже имелось население, обладавшее ярко выраженной этнокультурной спецификой, которое явилось исходным этнокультурным субстратом в этнических процессах 2-го тысячелетия до н.э. Это население явилось потомками индоевропейской языковой и культурной общности, образовавшейся в 5-4 тысячелетиях на территории между Дунаем, Рейном и Волгой. Частью индоевропейских племен (индоарии) были индоиранцы. Праиндоарии и праиндоиранцы в эпоху предшествующей их разделению (3-е тысячелетие) обитали в южно-русских степях и Приуралье. Первыми из этой прародины выселились индоарии, затем западные и, наконец, восточные индоиранцы. Их путь лежал на юг и восток Евразии. Восточные индоиранцы заселили Центральную Азию. На иной позиции стоят Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов. По их мнению, индоевропейская прародина хронологически (3-е тысячелетие) и пространственно (Восточная Анатолия, Южный Кавказ, север Иранского плоскогорья) связана с Куро-Аракской культурой. Эта концепция не получила общего признания. В науке доминирует мнение о том, что «во 2-ом тысячелетии индоиранские племена появились на территории от Анатолии, Месопотамии, Ирана и Индии, вплоть до границ Китая /6/.

По словам Е.Е.Кузьминой, в степях Евразии в эпоху развитой бронзы (XV – XI века до н.э.) расцвели две огромные культурные общности: срубная (между Доном и Волгой) и андроновская (между Уралом и Центральным Казахстаном). Анализ типов псалиев, орнаментов и некоторых категорий ранних степных памятников, считает Кузьмина, позволяет установить аналогии с Микенской Грецией. О миграции с запада индоариев и индоиранцев свидетельствуют и материалы раскопок китайских археологов в Синьцзяне (1979 г.). Так, в могильнике Гумугоу (по утверждению Кузьминой – XVII век до н.э.) были открыты захоронения людей евразийского степного антропологического типа в специфически степном костюме (войлочный колпак, кожаные сапоги). Комплекс Гумугоу отражает миграцию с

запада носителей прототохарского языка индоевропейской языковой общности /7/.

Если первая волна вторжения пастушеских племен в Среднюю Азию относится к 3-2 тысячелетиям, то следующая приходится на вторую половину 2-го тысячелетия, и она непосредственно связана, считают специалисты с андроновскими и срубными племенами. Хронологически это XV- XI века до н.э. Так, прослежены два потока миграции срубников: первая группа двигалась из Поволжья на юго-восток и достигла Ташкентского оазиса, другая – от побережья Каспийского моря к югу Туркменистана. Андроновцы из Приуралья и Казахстана проникали на Мангышлак, Хорезм, на юг Узбекистана, в западный и южный Таджикистан, Фергану, горы Тянь-Шаня и Памира. Большинство современных специалистов придерживаются точки зрения о том, что создателями поселений андроновской культурно-исторической общности являются индоиранские племена. Останки захоронений могильника в Гумугоу представляли европеоидный тип /8/.

Казахстанские исследователи высказывают ряд соображений, расходящихся с указанными выше положениями, что наглядно просматривается в «Истории Казахстана». Так, по мнению авторов, андроновская культура образовалась на основе естественного развития родственных по культуре и происхождению племен северной полосы казахстанских и прилегающих районов Зауралья и Западной Сибири в эпоху неолита и энеолита. Такой же естественный процесс отмечают они и при определении антропологического типа андроновцев, который представляется им одним из вариантов протоевропеоидной расы, восходящий генетически к антропологическим особенностям неолитических насельников Казахстана. По их мнению, население Казахстана бронзового века имеет общую антропологическую основу, представленную протоевропеоидной расой без какой-либо примеси монголоидных элементов /9/.

Авторы «Истории Казахстана», на наш взгляд, пытаются фактически реанимировать устаревшую «стадиальную теорию» 30-х годов XX века, которая отрицала роль миграций и метисизации, сводя смену культур на той или иной территории лишь к автохтонному процессу. Признавая их расовую классификацию андроновцев, трудно согласиться с выводом о генетической преемственности андроновцев с насельниками эпохи неолита и энеолита. Известный антрополог В.П.Алексеев, отмечая европеоидность андроновцев, вместе с тем подчеркивает: «Их нужно рассматривать как последний реци-

див, как последний отголосок мощного передвижения европеоидов на восток одной большой миграцией или цепи миграций, за которыми последовали как будто бы проникновение отдельных элементов андроновской культуры на юг, переселение древнеиранских племен, появление ариев в Индии, одним словом, целый калейдоскоп событий важных и неважных, встряхнувших древний Восток» /10/.

Не в пользу версии казахстанских специалистов «работает» и факт высокого производственного развития андроновцев. Действительно, трудно представить, чтобы племена энеолитической, а тем более неолитической эпох, которые обладали только каменными орудиями, могли внезапно без всякого переходного этапа овладеть сложным искусством производства бронзы, других металлов, изобрести повозки и боевые колесницы, создавать цитадели и протогорода. Причина мощного подъема производительных сил кроется, как мы полагаем, в пришельцах, которые имели более высокую культуру и технологию. Они, подчинив местные неолитические и энеолитические племена, частично истребив их и частично смешавшись с ними, создали высокоразвитую культуру – андроновскую. Исследуя ДНК древнего населения Алтая, российские биологи установили, что вторгшиеся в древнюю Сибирь европеоидные племена, убивали детей аборигенов, относившихся к азиатской расе, в особенности младенцев-девочек, которые могли бы стать матерями /11/.

Не только археологические материалы, но и данные письменных источников сообщают о миграциях древних ираноязычных племен. Знаменитый среднеазиатский ученый Абу Райхан Бируни (973-1048) устанавливает, что две крупнейшие хорезмийские эры – «эра начала заселения страны (Хорезма), относимая им «за 980 лет до Александра Македонского, то есть к 1292 году и «эра прихода в Хорезм Сиявуша и воцарения там Кейхусрау и его потомков на 92 года позже первой эры», то есть в 1200 году до н.э. Бируни подчеркивает, что «хорезмийцы являются ветвью ствола персов и отпрыском их древа» /12/.

Гипотеза о естественном развитии андроновской культуры как и о генетической связи их с насельниками эпохи неолита не получает подтверждения и примером соседней с Казахстаном территории Южной Сибири. Тому свидетельство – изучение неолитических памятников Хакаско-Минусинской котловины и неолита Среднего Енисея с самой ранней из известных на этой территории культурой энеолита и бронзового века – афанасьевской. Указывая на их генетическую связь, исследователи одновременно подчеркивают: различий здесь

больше и они крупнее, в то время как элементы сходства лишь мелкие детали. Между тем, казахстанские археологи заявляют о близости ботайской культуры с афанасьевской. И, наконец, на отсутствие прямой преемственной связи между афанасьевцами и андроновцами давно обратил внимание выдающийся антрополог Г.Ф.Дебеч. Отметив, что в отечественной науке долгое время господствовала идея автохтонного развития андроновской культуры связываемой с предшествующей ей в Западной Сибири афанасьевской культурой, он убедительно доказал, что «население афанасьевской культуры... было вытеснено из Минусинского края, переселившимися с запада носителями андроновской культуры» /13/. К.Ф.Смирнов, отмечая, что в 50-е годы XX века был поставлен вопрос об этнической принадлежности андроновцев, подчеркивает, что одни исследователи (С.С.Черников) считали их тюркоязычными, другие (В.Н.Чернецов) относили их к угро-финской языковой группе, третьи (Дьяконов М.М., Н.А.Бернштам) утверждали об индоиранской их принадлежности. Всеобщее признание получила последняя гипотеза /14/.

В 30-40-е годы прошлого века отдельные ученые (К.А.Иностранцев, Н.А.Бернштам) высказали предположение о том, что упоминаемые в Авесте арии и есть андроновцы. Эта гипотеза, благодаря сравнительному историко-лингвистическому анализу текста Авесты, а также по результатам археолого-этнографических исследований получает сегодня серьезное подтверждение. Авеста – священное писание зороастризма, религии основанной древнеиранским пророком Заратуштрой (по-гречески Зороастр, отсюда название религии). Существуют различные версии как о хронологических рамках, описываемых в Авесте событий, так и времени жизни самого Заратуштры. Исследователи указывают от второй половины 2-го тысячелетия до VII-VI веков до н.э. По одной версии, Заратуштра жил «за 258 лет» до Александра Македонского, то есть в начале VI века до н.э. Сообщение римского историка Трога Помпея (I век до н.э.-I век н.э.) позволяет в какой-то мере уточнить время жизни Заратуштры. Трог пишет: «Воля государей заступала место законов. Танай скифский простер свои завоевания даже до Египта. Нин, царь ассирийский покорил всех восточных народов. Наконец, была у него война с Зороастром, царем бактрианским. Умертвив сего, он и сам пал мертвым, оставив после себя малолетнего сына Ниния и супругу Семирамиду» /15/. Если даже допустить, что бактрийский царь Зороастр и пророк новой религии – не одно и то же лицо, а бактрийский царь означает собирательное имя арийских племен, выступавших под знаменем

новой религии, что представляется не таким уж фантастическим, а время жизни царицы Семирамиды датируется IX веком, то, вероятно, и время жизни Заратуштры можно отнести к этому веку. Одно представляется бесспорным, что Заратуштра – это реальное историческое лицо, пророк и жил он до ахеменидских завоеваний, то есть не позже VII века до н.э. /16/.

Согласно одной очень древней легенде Заратуштра был единственным в мире ребенком, который рассмеялся, когда родился на свет. Это было первым совершенным им чудом, и эта красивая легенда хорошо отражает радостный и жизнеутверждающий характер вероучения, провозглашенного древнеиранским пророком. Погиб Заратуштра, согласно легенде в возрасте 77 лет – ему нанес удар в спину кинжалом враждебный жрец, противник новой веры в то время, когда пророк молился.

Заратуштра призывал в своих проповедях не к соблюдению традиционных ритуалов, а к следованию нравственным и духовным идеалам, важнейшим из которых считается замена множества божеств, единым Верховным Богом – Ахура-Маздой с присущим ему Святым Духом (Спента-Манью), которым противостоят Злой Дух Анхра-Манью (впоследствии переименованный в Ахримана) и чудовища дайвы (дэвы). Таким образом, новая религия была дуалистической (борьба добра и зла), означала громадный прогресс в освоении идеи единобожия. Непреходящее значение имеют этические принципы зороастризма: благая мысль, благое слово и благое деяние. Благомыслию, благословию и благодеянию соответственно противостоят зломыслие, злословие и злодеяние. Согласно учению Заратуштры, от правильного и добровольного выбора между добром и злом зависит последующая судьба людских душ: быть им в раю и блаженствовать или же попасть в ад и сгинуть вместе с демонами.

В отличие от Будды, который порывает с миром, и Христа, отделившего «кесарево» от «Божьего», Заратуштра верит в справедливую власть, обращается к справедливым правителям: «Пусть благие правители правят нами, а не злые правители» /17/. От гонимой преследуемой религии зороастризм впоследствии стал официальной религией двух великих держав древности – Парфянского царства Аршакидов и империи Сасанидов. Зороастризм оказал значительное влияние на формирование будущих мировых религий. Как справедливо пишет И.Стеблин-Каменский, идеи о суде над каждым человеком, о рае и аде, о посмертном воздаянии и наказании, о будущем воскресении, о пришествии Спасителей, о Последнем Суде

над всеми и о вечной жизни вновь соединившихся души и тела, высказанные Заратуштрой, оказали большое влияние на религиозные искания человечества, были восприняты другими религиями /18/.

Зороастризм не стал подлинной мировой религией. После завоевания Ирана арабами он подвергся жестоким преследованиям со стороны ислама, и часть зороастрийцев вынуждена была бежать в Индию, где они под именем парсов продолжают исповедовать свою веру по сегодняшний день. В самом Иране сохранились немногочисленные зороастрийцы в лице так называемых гебров. И все же учение Заратуштры оставило неизгладимый след в мировой культуре в осмыслении этноса (природы) человека. Личность Заратуштры, морально-этические принципы его учения вдохновили выдающегося немецкого философа Фридриха Ницше (1844-1900) создать удивительную «философскую поэму» в прозе – «Так говорил Заратуштра». Устами Ницше Заратуштра «заговорил» для человечества конца XIX века. Сегодня, в начале XXI века, особенно актуальны идеи Ницше о морали и нравственности, по которым люди подразделяются на две категории: люди с моралью рабов и носители «морали господ». Вопреки расхожей критике в советских общественных науках, гуманистические идеи Ницше о морали не несут в себе социальной нагрузки, они относятся к категории нравственных норм и понятий, вытекают из его романтического представления о «человеке будущего». Им у Ницше предстает «сверхчеловек» («высшие люди», «первые люди», «созидающие»). Автор устами пророка Заратуштры дает следующее его определение: «Сверхчеловек – это смысл земли. Я люблю тех, кто приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека». Его характеризует, в первую очередь, благородство. Новое хочет создать благородный, новую добродетель. «Сверхчеловека» отличает правдивость, которая делает его свободным от счастья рабов, избавленным от богов и поклонения им, бесстрашным и наводящим страх, великим и одиноким. Созидающий («сверхчеловек») – это тот, кто создает цель для человека и дает земле ее смысл и ее будущее: он впервые создает добро и зло для всех вещей. Высшие люди – люди мужественные, чистосердечные. Именно они, благородные, храбрые, правдивые, созидающие, мужественные и чистосердечные только и способны создать «великое далекое Царство Человека, царство Заратустры». Высший человек должен быть на земле и высшим повелителем /19/.

Высшим людям, «сверхчеловеку» противостоят бесчисленные люди с рабской моралью. По Ницше, носители этой морали самое

презренное существо – «последний человек», «маленький человек». Философ пишет: «Земля стала маленькой и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», – говорят последние люди и моргают». Они наказывают благородных за их добродетели и прощают только за их ошибки, ненавидят созидającego за то, что он разбивает скрижали и старые ценности, распинают того, кто пишет новые ценности на новых скрижалях, распинают таким образом все человеческое будущее. Ницше видит в них рабов по духу и не скрывает своего презрения к ним: «Ненавистен и мерзок тот, кто никогда не хочет защищаться, кто проглатывает ядовитые плевы и злобные взгляды, кто слишком терпелив, кто все переносит и всем доволен: ибо таковы повадки раба» /20/.

Ницше резко критикует современное общество, в котором господствует рабская мораль, говоря, что лучше жить среди отшельников и козопасов, чем среди нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни: хотя бы она и называла себя «хорошим обществом», хотя бы она и называла себя «аристократией», ибо предки этой раззолоченной черни были воришками или стервятниками, или тряпичниками, падкими до женщин, похотливыми: все они ушли недалеко от блудницы. Чернь сверху, чернь снизу, – с негодованием восклицает Ницше. Подчеркивая демагогию «маленьких людей», заявляющих, что «высших людей не существует, мы все равны, человек есть человек, перед Богом мы все равны», он одновременно отмечает их воинствующую позицию: «Теперь маленькие люди стали господами: они все проповедуют покорность, скромность, благоразумие, осторожность» /21/.

«Маленький», «последний» человек – это вовсе не обездоленный стоящий на низшей ступени общественной лестницы. Носителем морали раба может быть и поэт, и ученый, и правитель. Но самым прискорбным, трагичным Ницше считает: «Когда сильные мира – суть маленьких людей». Он пишет: «Нет более тяжкого несчастья во всех человеческих судьбах, как если сильные мира – не суть также и первые люди. Тогда все становится лживым, кривым и чудовищным». Говоря, что теперь царство толпы, автор поясняет: «Толпа – это всякая всячина: в ней все перемешано, и святой, и негодяй, и барин, и еврей, и всякий скот из Ноева ковчега... Толпа не знает, что велико, что мало, что прямо и правдиво: она криводушна, она лжет всегда». Продолжая свои обличения толпы, Ницше ссылается на па-

дение моральных устоев в древнем Риме в первый год по Рождеству Христа. Он вкладывает в уста своей героини следующие слова: «О горе, горе, горе. Как все низко пало! Какая всюду нищета! Стал Рим большим публичным домом, Пал Цезарь до скота, еврей – стал Богом!» /22/.

Достоверно известно, что Авеста, ее разделы писались в разное время. Персидско-мидийские жрецы не только сохранили эту, ставшую для них священной, книгу, но и частично ее дополняли, кодифицировали и редактировали до Сасанидской эпохи (III- VII века). Под конец правления Сасанидов была создана специальная письменность, на основе использовавшегося в то время пехлевийского (среднеперсидского, происходящего от арамейского) алфавита, и этой письменностью было записано, наконец, священное писание Заратуштры, из которого до настоящего времени целиком сохранилась только одна, а всего до нас дошло около одной четверти, составленного тогда авестийского канона.

Священные тексты Авесты читались наизусть и передавались из уст в уста по памяти последователями пророка и были «записаны впервые, по крайней мере, через тысячу лет после их произношения Заратуштрой» /23/. Три главные книги Авесты: Ясна, Яшты и Видевдата – обладают разной степенью исторической достоверности, хотя сами по себе они представляют подлинные письменные памятники. Так, в Ясне, состоящей из 72 молитв (глав), 17 называются «Гаты» («Песни») пророка Заратуштры. По языку «Гаты» являются наиболее архаичными, и они сохранились в своем первоначальном виде. Яшты представляет собой свод гимнов божествам зороастрийского пантеона в гимнах древним богам имеются отрывки по происхождению более древние, чем Гаты Заратуштры. Видевдата, хотя и является одной из наиболее поздних редакций разделов Авесты (она посвящена религиозно-юридическим положениям), тем не менее она сохранила и передает многие элементы древнего времени, отрывки мифов и преданий.

Будучи своеобразным письменным источником, Авеста позволяет почерпнуть важные данные: о расселении арийских племен, их быте, хозяйстве, социально-политическом строе, культуре и религии не только самого зороастризма, но и более древней начальной языческой религии этих племен. Очень ценные сведения содержит Авеста и по этнической истории о взаимоотношениях различных, по существу близкородственных по происхождению и языку племен с собирательным названием арья. Народы и племена, к которым

обращаются Ахура-Мазда и пророк Заратуштра – это, безусловно, принявшие или принимающие новую религию-учение Заратуштры крупное подразделение арья – арийские племена – предки древних иранцев. Так, в Яште говорится: «Митру многопастбищного мы чтим, который дарует мирное хорошее житье арийским странам, который обзирает всю землю, заселенную арийцами... Ахура-Мазда произвел семью арийских народов, древо арийских народов».

Для нашей темы важный интерес имеет естественно сообщение Авесты о расселении арийских племен, которое восходит к самой древней истории арийцев, когда их прародина находилась гораздо севернее, чем территория Средней Азии и Ирана, где разворачиваются главные события арийской истории. Вот как описывается в Видевдате территория Арьянам Вайджа (страна ариев, буквально, – «арийские просторы»): «Наилучшую из стран и мест обитания, я, Ахура-Мазда, сотворил Арьянам-Вайджа с рекой Ванхи Даити... Десять месяцев там зимние, два – летние; и в эти зимние месяцы воды холодные; земли холодны, растения холодны там в середине зимы; там зима, когда идет к концу – там большое половодье.

Я, Ахура-Мазда, сотворил Гаву, заселенную согдийцами; Маргиану сильную, причастную Арте; Бактрию прекрасную, высоко державшую знамя; Нисайю, расположенную между Маргианой и Бактрией; Арейю с оставленными домами; Ваэкрэту; Урву, обильную травами; Хианту, заселенную гирканцами; Арахозию прекрасную; Хаэтумант, лучащийся, наделенный хварной; Рагу трехплеменную; Чакру, сильную, причастную Арте Варну, четырехугольную, где родился Тразтаоне, убивший змея Дахаку; семь индийских областей у истоков Ранхи, которые управляются без правителей» /24/. Не вдаваясь в подробный анализ перечня стран и территорий, зафиксированных в Видевдате, отметим, во-первых, указания на реальные географические области как: Согдиана, Бактрия, Маргиана, области Индии, Гиркания; во-вторых, на наличие трудных для идентификации районов. Поэтому в прошлом некоторые исследователи отождествляли Арьянам-Вайджа с Хорезмом. По мнению К.А.Иностранцева, поддержанная рядом ученых мифическая страна Арьянам-Вайджа, располагалась на обширной территории скифов-саков от крайних северо-восточных пределов Ирана, приаральских и прикаспийских степей до юго-восточных границ Ирана и Индии /25/.

Идея Иностранцева оказалась плодотворной и получила свое дальнейшее развитие в трудах известного тюрколога С.Г.Кляшторного. Глубоко проанализировав информацию Авесты о расселении

арья, подробно остановившись на литературе вопроса позиции специалистов, он заявляет: «Бурная история межплеменных войн ариев, туров и хьона, почитающих одних и тех же древних богов и молящих их о победе на одном языке, разворачивается на границе Арианам-Вайджа, на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, на Каспии и Арале, на Волге и в Прикамье. Сражения и молитвы богов и героев Яшт – это и есть мифы и эпос андроновской эпохи, мифы и эпос ариев и племен, которые названы вместе с ариями – туры, хьона, дана, сайрима, даха, саина» /26/.

Сказанное подтверждается сведениями из «Видевдата». Так, в этом разделе Авесты содержатся сведения не только о борьбе героев ариев и туров против чудовища, трехглавого дракона Ажи-Дахаку, коварного колдуна Ахты, демонов, кавиев-тиранов, злобных карапанов, представляющих собой образы старой языческой веры, но и ожесточенную борьбу ариев с туранцами и хьона (хьяона в транскрипции Стеблина-Каменского). Мы видим, как отважный воин ариев Туса обращается к богине Ардви-Сура с просьбой помочь ему осилить сыновей храброго туранского воина Ваэсаки: «Я в Канхе – пресвятой воинов туранских поражал бы сотнями». Сыновья Ваэсаки, в свою очередь, также обращаются к богине: «Чтоб нами побежден был отважный воин Туса, чтоб воинов арийских» Отказав в удаче туранцам, Ардви-Сура поддерживает последователей Ахура-Мазды – арийцев. Вновь арии обращаются к Ардви-Суре помочь им одолеть трех туранских воинов, двое из которых из племени Дану, рода Асабана: «Чтоб одолеть сумели мы трех туранцев-дану, речистых Кару с Варой, рожденных Асабану, Дуразкайту быстрого» /27/. Обращающиеся к богине Ардви-Суре, приносят ей во исполнение своих просьб по 100 жеребцов, 1000 коров и мириаду (10 тысяч) овец.

Главным врагом ариев и, по всей вероятности, основным их соперником в «Видевдате» выступают туры, туранцы, их царь – великий воин Франх-расьян. Недаром страна туров – Туран носит название «Канха пресвятая», а Франхрасьян (в «Шахнаме» Афрасийаб – царь Турана) является виновником гибели царя ариев – Сьаваршана (в «Шахнаме» – Сиявуш), отца Хаосрава (в «Шахнаме» – Кей-Хосров), «героя, сплотившего арийцев», который мстит убийцам отца. Хаосраву помогает могучий Тразтаон, который «из всех смертных наипобедоносным был после Заратуштры». Тразтаон убивает трехглавого дракона Дахаку. Он обращается к богине судьбы и счастья – Аши: «Такую дай удачу, чтобы пленить сумел я Франхрасьяна ту-

ранца и связанным привел бы злодея к Хаосраве, убьет пусть Хаосрава, мстя за отца, коварно убитого Съяваршана, и за Атраэрату, героя Наравида... Всех победил могучий, владыка Хаосрава, Франхрасьяна злодея» /28/.

Царь Виштаспа, первый покровитель и распространитель учения Заратуштры также обращается за поддержкой к Аши в своей борьбе с хьонами: «Такую дай удачу, чтоб одолеть сумел я в бою победоносном Аштаарванта злого и сына Виспатарвы с щитом острокопечным и с островерхим шлемом, который толстошей; верблюдов чьих семьсот, хьяонского злодея, Арэджатаспу лживого, и чтоб одолел я негодного Даршинику, который дэвов чтит, и чтобы поразил я Тантрияванта злого, Спинджаурушку злодея, и чтобы возвратил я Хумаю и Варидкану из хьяонийских стран... Всех победил Виштаспа... и проклятых хьяонов» /29/.

Отождествление войн и сражений между арийскими племенами и турами, хьона и другими племенами отдельные исследователи склонны объяснять как конфликты цивилизационного характера – борьбой между земледельцами и скотоводами, оседлыми и кочевниками. На наш взгляд, Авеста не дает оснований для подобного заключения: ибо и арии, и туры, и хьона и другие племена были в основном кочевниками-скотоводами, хотя часть из них занималась и земледелием. Более того, у арья были и города, например, Канха – название столицы туров на востоке Ирана. Город, вероятно, находился на берегу Сырдарьи. С большей долей вероятности можно утверждать, что от Канхи произошло название страны Кангюй – китайских источников, расположенной в районе указанном в Авесте.

Авеста приводит весьма ценные сведения о хозяйстве, о господствующем экономическом укладе арья. Скот стоит у них на первом месте; он – источник жизни и благополучия, отсюда благоговейное отношение к скоту. Так, в Гатах говорится: «Задача человека – разводить и беречь скот». Обращаясь к Ахура-Мазде, Заратуштра говорит: «Ты тот, кто создал для нас скот – источник благоденствия. Из всего, что создано Ахура-Маздой, на первое место поставлен скот». Один из главных богов религии арийцев Митра носит эпитет «многopастбишный». Сам пророк новой религии, родовое имя которого было Спитама, был прозван Заратуштрой, что с авестийского переводится буквально «староверблюдый», «Тот, чьи верблюды стары» /30/. В отдельных книгах Авесты встречаются известия и о земледельцах, урожае, однако их роль в жизни арья уступает явно скотоводству, что видно и в перечне сословий в Ясне. В числе четырех сословий:

жрецы, воины, скотоводы, ремесленники, не оказалось места земледельцам» /31/.

Одной из причин войн между родственными древнеиранскими племенами Авеста указывает на «Хварно», которое представляет «харизму, божественную субстанцию, обладание которой дает счастье и могущество. Завладевший Хварно (позднее – фарр) становится царем Ирана» /32/. После творца Ахура-Мазды, божеств-небожителей, Хварно принадлежит царям династии Парадата (Пишдадида в «Шахнаме») – первой исторической династии персов, а потом становится недостижимым. Затем оно достается царям династии Кави – «Кеянидам» в «Шахнаме». В Авесте подчеркивается, что: «Хварно завладели грядущие и бывшие цари арийских стран». Тем самым религия зороастризма устанавливает монопольное и наследственное право ариев на царствование. Вот почему трехкратная попытка царя туранцев Франхрасьяна достать из глубин моря Ворукаша Хварно, где оно было спрятано, не увенчалась успехом. Успех сопутствует Кавиям: «Сильное Кавиев Хварно, которое пристало царям Кави-Кавату и Кави-Апивоху, всем Кавиям – и Усану, и Аршану, и Пишину, и Бьяршану с Сьяваршаном» /33/. Борьба за лучшие пастбища, соперничество, за могущество и власть вождей и самих племен, думаем, лежат в основе притчи о Хварно. Они же являются подлинной причиной жестоких войн между арийскими племенами: и турами, хьона и другими. Не исключается и религиозный мотив: в то время, как арии приняли новую религию, туры, хьона и другие сохранили веру в старых языческих богов. Это наглядно выражается и в отношении самого Заратуштры к «неверным» племенам: в оценке их героев и вождей, им постоянно сопутствуют эпитеты «негодяй», «злодей», «лживый» и т.д.

В зороастризме важное место занимает ритуал, связанный с напитком хаома. Хаома – растение похожее на эфедру: сок его смешивали с молоком и получали культовый напиток с одноименным названием. Питье хаомы оказывало не опьяняющее, а возбуждающее действие. Этот напиток вдохновлял поэтов и провидцев, делал воинов бесстрашными. В «Вилевдате» содержится гимн божеству Хаоме – «лучистому, властному, целебному, златоглазому напитку: «Я к хаоме – спасенья, победы, прибегаю защитнику, хранителю и тела, и добра. Кто вкусит этой хаомы, того не одолеют в сражениях враги» /34/. Название напитка, как известно, стало именем одного из трех сакских племен – «саки-хаомаварга», то есть саки, употребляющие хаому, засвидетельствовав, тем самым, генетическую и куль-

турную связь между арья и скифами-саками. Царю-пастуху Йиме Ахура-Мазда дает два чудодейственных орудия – золотой рог и кнут, украшенный золотом /35/. Нетрудно понять, что предание скифов о четырех золотых предметах, упавших с неба, овеяно арийским мифом.

Авеста подчеркивает генетическую связь между тремя частями единой ираноязычной этнической общности, происхождение которых возводится к общему прародителю Тразтаоне, у которого было три сына: Тура, Сайрима и Арья, которые стали соответственно родоначальниками туров, савроматов и арийцев. Она не оставляет места каким-либо сомнениям в том, что туры ни генетически, ни лингвистически не связаны с тюрками, тюркскими племенами последующих веков, что совершенно лишает оснований отождествлять туров, Туран с тюрками и Туркестаном. Туран – страна могущественных туров спустя лишь столетия получает наименование Туркестан по имени новых грозных завоевателей – тюрков, тюркских племен и народов.

Не только сходство созвучий этнонимов «тура» и «тюрк», но, главным образом, сведения из «Шахнаме» (XI век) о тюрках (торках, торкан), по которым последние отождествляются с турами, породили в научной литературе определенную дискуссию. Легенда о происхождении древних ираноязычных племен повторяется и в «Шахнаме», где Феридун (авестинский Тразтаоне) делит мир между сыновьями: Туром, Салмом и Ираджем. Тур получил во владение туранскую землю (Туран замин), став правителем торков. Столицей его был Канг (Канха). Однако торки (тюрки) говорят по-ирански, о чем свидетельствуют их личные имена, зафиксированные в «Шахнаме».

«Шахнаме» Фирдоуси (940-1020) представляет, бесспорно, гениальное и блестящее изложение картины мироздания и миропонимания легендарной истории древнеиранских племен эпохи бронзы. Фирдоуси не только упорядочил легенды и мифы Авесты, систематизировал их, придал им поэтическую и научную стройность, но и модернизировал сведения Авесты в соответствии с эпохой политического господства тюрков, включив в историческую канву сочинения, новый сюжет – историю тюрков, которые в «Шахнаме» выступают вместо легендарных туров. Потому-то в «Шахнаме» имена авестийских персонажей претерпели заметные изменения. Так, Кави-Кабата стал Кей-Кобадом, Кави-Усан – Кей-Кавусом, Кави-Сьяваршан – Сиявушем, сын Сьяваршана Кави-Хаосрава – Кей-Хосровом, царь

туров, туранцев Франхрасьян – Афрасийабом, царем тюрков Турана. Заметим, что у Фирдоуси, Афрасийаб по понятным причинам не злодей, не негодяй как Франхрасьян в Авесте, а мудрый правитель туранцев.

«Шахнаме» Фирдоуси – великий национальный эпос иранцев, аккумулировавший все легендарные сведения об ариях, турах, хьона, сайрима, даях и других племен эпохи бронзы, стал подлинной энциклопедией исторических знаний народов Средней Азии. В сочинении содержатся и достоверные сведения о приходе тюрков в Туран в середине VI века н.э., их войнах с эфталитами, союзе тюрков и иранцев, женитьбе шаха Хосрова Ануширвана («Справедливого») на дочери тюркского Истеми Джабгу-кагана, разрыве союзных отношений с персами, об их войнах и т.д. Удивительно, что очарование и преклонение перед гениальным творением Фирдоуси было столь велико, что через полвека после его смерти Махмуд Кашгари, создавший подлинную энциклопедию языка, этнографии, истории тюркских народов сочинение «Диван лугат ат-турк» – на языке науки того времени – арабском из поэмы Фирдоуси воспринял и воспроизвел самые легендарные события и мифы, которые практически стирают реальную грань между историей и происхождением туров и тюрков, т.е. полностью воспринимает вынужденную «историческую концепцию» автора. Отсюда уверенность Махмуда Кашгари, что тюрки-аборигены древнего Турана, а Афрасийаб – есть не кто иной как царь Турана, идеальный правитель, полководец, защитник своего народа. Для него имена Афрасийаб и Алп Ер Тонга – легендарного правителя тюрков, воина-богатыря – не просто синонимы, а представляют одно историческое лицо. Махмуд Кашгари пишет: «Великого царя тюрков Афрасийаба называли Тонга Алп Ер – храбрый и сильный, как тигр человек» /36/. Поразительно, но тюрк Махмуд Кашгари, который так гордится своим народом, настойчиво и последовательно выступает за чистоту родного языка, оказался в «плenu» исторических представлений перса Фирдоуси, что свидетельствует не только о глубоком воздействии арабо-персидской культуры и науки на тюрков, но и забвении последними самобытной своей истории, зафиксированной в орхонских надписях (VIII век). Потому-то для Махмуда Кашгари «священная тюркская земля» Отыюкенъ» всего лишь местность в татарских степях недалеко от уйгуров.

В конце XVIII века «Шахнаме» Фирдоуси стала известной в Европе, где она приобрела исключительную популярность. Овеянная мотивами великой поэмы, в последующем в исторической науке по-

является концепция туранизма (турчизм, тюркизм), согласно которой происхождение и история тюрков восходит к седой древности, ко времени мифов и легенд “Шахнаме”. Большой интерес и сегодня представляет по данному вопросу вывод известного русского востоковеда В.В.Григорьева. Незаслуженно упрекая в отсутствии у Фирдоуси не только основательных этнографических, но и всяких историко-хронологических сведений, он отмечает, что естественно было думать, что тюрки и в древности играли такую же роль и занимали те же самые пространства, что и в его время. Поэтому термины “Туран” и “туранцы”, которые встречал Фирдоуси в старых былинах Персии как обозначение стран и народов к северу от Амударьи, сделались в глазах его равносильны именам Туркестан и тюрки, чему способствовала и сама созвучность Турана с Туркестаном, турок с туранцами. Говоря, что Туран и Иран – термины географические, что иранцы и туранцы в этнографическом смысле не противопоставляются и в “Шахнаме”, и, что они представлены как братья, как дети одного отца, Григорьев заключает: «Бесконечная борьба иранцев и туранцев, составляющая содержание “Шахнаме”, является вовсе не борьбой за существование чуждых друг другу племен персидского с тюркским, а является борьбой между двумя отделами одного и того же племени, разделенного династическими, а вместе с тем, быть может, и религиозными интересами, борьба за первенство, за гегемонию» /37/.

Определенный интерес для понимания влияния европеоидных ираноязычных кочевников на тюркский этногенез представляют рассуждения Д.Е.Еремеева и М.С.Мейера. Так, говоря об иранском влиянии на тюрков они заявляют, что «тюрк» – это этнос иранского происхождения. Исходя из принятой в науке версии о распространении в 3-2 тысячелетиях европеоидных кочевников на территории, на которой впоследствии сложились древнетюркские племена, то есть Алтай, Тува и Западная Монголия, авторы хронологически неверно полагают, что следующая (пропустив вторую) волна индоевропейцев захлестнула будущий тюркский ареал в начале I тысячелетия до н.э. Эти пришельцы были саки, с которыми связаны курганы-могильники, датируемые I половиной I тысячелетия – III веком до н.э., считают они. Эти курганы аналогичны скифским захоронениям Пазарыка (Алтай) и северной Тувы, тогда как восточнее лежит область культуры «плиточных могильников», принадлежащая монголоидному населению, занимавшемуся охотой. С III века до н.э. будущий ареал древних тюрков постепенно входит в область распростране-

ния хуннов, а с VI века н.э. он прочно связан с древнетюркскими племенами. Дальнейшая нить рассуждений авторов представляется не столь безупречной. Без достаточных оснований они связывают тюрков с авестийскими турами. Говоря, что завершающий этногенез тюрков падает на III-V века н.э., авторы полагают, что ираноязычные туры, оказавшись в гуще тюркоязычных хуннов из-за своей относительной малочисленности, ассимилировались с ними – переняли их язык, но сохранили прежний этноним «тур», который стал звучать как «тюрк». Отмечая, что огузы, кыргызы, курыканы – тюркоязычны, но не тюрки, они приходят к неверному по сути выводу, что «тюрки – отюречившиеся иранцы» /38/. Как видим, указанные авторы некритически подошли к турам «Шахнаме», произвольно отождествив их с тюрками. Они не приводят практически никаких доказательств, что первоначальное европеоидное население Алтая, Тувы и Западной Монголии именовалось турами. Если уж говорить об европеоидных аборигенах региона, то их скорее можно отождествить с динлинами китайских источников. Определенные европеоидные черты во внешнем облике хунну, отмечаемые в китайской хронике VII века, свидетельствуют как раз об ассимиляции динлинов тюркской средой. Что же касается собственно тюрков, то они, в отличие от хуннов, были типичными монголоидами, что засвидетельствовано материалами антропологических, археологических исследований, данными первоклассных письменных источников (аль-Масуди, Утби и др.). Скульптурное изображение головы Кюль-тегина также не оставляет сомнений в расовом происхождении тюркского героя и полководца.

Подытоживая все сказанное, мы приходим к выводу, что насельники эпохи бронзы – андроновцы или арья представляют собой европеоидные ираноязычные этнические общности. Названия этих легендарных племен не исчезли бесследно, как и память о них. Родина ариев и туров соответственно называлась Иран и Туран. Сохранился топоним – Туранская низменность, включающая значительные части Западного Казахстана и Средней Азии. В исторической науке существует мнение, что арийские племена сайрима, даи (даха), хьона имели своих прямых преемников в лице соответственно савроматов и сарматов, массагетов и парфян, хионитов или гуннов-кидаритов. В своем исследовании «Хазары и казахи» автор этих строк сделал попытку установить историко-генетическую связь между хионитами-кидаритами (хазарами) и казахами через род кердери в составе Младшего жуза /39/.

Отзвуки той легендарной эпохи получили отражение в Авесте, «Шахнаме» Фирдоуси, первоначальное название которой было «Кудай-наме» («Книга богов»), в великой «Махабхарате», в изображениях на «вечном камне» (урочище Тамгалы недалеко от Алматы).

Известный казахстанский антрополог О.И.Исмагулов о существовании определенной генетической связи между современными казахами и населением эпохи бронзы, пишет: «Древнейшие племена бронзового века с андроновским этнокультурным обликом, индоевропейским языком и с европеоидными чертами фактически являлись одной из дальних предковых форм казахского народа» /40/. Вывод представляется логически верным, если исходить из посыла, что все последующие проникновения на территорию Казахстана центральноазиатских, в основном монголоидных, племен и народов, только наслаивались на этот древнейший европеоидный ираноязычный пласт, и лишь постепенно, без качественного скачка, изменяли в сторону монголоидности и тюркоязычности древний субстрат. Однако для такого заключения отсутствуют серьезные научные доводы, основанные на данных археологических, антропологических, лингвистических и письменных источников. Потому мы и полагаем, что в эпоху бронзы территорию Казахстана населяли немонголоидные тюркоязычные предки казахов.

На фоне научного подхода к вопросам происхождения и этнической принадлежности насельников Казахстана в эпоху бронзы довольно умозрительной выглядит «концепция» О.О.Сулейменова. По его словам, из южного Средиземноморья, Малой Азии в 3-2 тысячелетиях произошло извержение племен на Восток. В их числе были предки китайцев, японцев, корейцев и других дальневосточных этносов. Этим движением были захвачены племена тюрков огузо-карлукской ветви, которые оказались в районе пустыни Гоби. Оттуда они через века двинулись на Запад. За тысячелетия, проведенные на Дальнем Востоке предки турков, азербайджанцев, туркмен приобрели отчетливо монголоидный тип. У казахов, считает автор, несколько отличительная антропологическая история. В 3-2 тысячелетиях прототюркские кыпчакские и болгарские ветви не пошли на восток. Они с частью индоевропейцев оказались в Европе. Следы длительного взаимодействия тюрков с древними европейцами, утверждает автор, сохранились в языках германских и старолатинских. Он убежденно, но не убедительно заявляет о принятии тюрками-огузами новых расовых черт лишь после встречи их с монголами Чингисхана в степях Дешт-и-Кипчака. Только тогда, утверждает он, кыпчаки

(огузы) получают первые черты дальневосточного типа. В XVIII веке войны с джунгарами довершили процесс монголизации казахов, заключает автор /41/. Говоря о “монголизации” казахов, автор, вероятно, имел в виду возобладание монголоидности казахов, ибо уже к концу XIV века закончился процесс тюркизации монголов, что выразилось в образовании новой большой этнической общности «узбек» или «ногайлы», из которой впоследствии, после распада Золотой Орды образовались современные этносы: казахи, ногайцы, каракалпаки и те «узбеки», что участвовали в завоевании Средней Азии. Научный комментарий к версии автора, полагаем, совершенно излишен.

Источники и литература

1. История Казахстана. Том 1. С.150.
2. Маргулан А., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. А., 1966. С. 204, 266.
3. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. С. 245.
4. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Очерк. Алматы, 1993. С. 21, 23.
5. Этнические проблемы древнейшей истории Центрального Казахстана. М., 1978. С. 21.
6. Россия и Восток: археология и этническая история. Омск, 1997. С. 23-25.
7. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 155, 250.
8. История Казахстана. Том I. С. 150, 152.
9. Алексеев В.П. В поисках предков. Антропология и история. М., 1972. С. 236.
10. Известия, 2003, 24 января;
11. Бируни А. Избранные произведения. Том I. Ташкент, 1957. С. XVIII, 62.
12. Дебед Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С. 70-76.
13. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 5.
14. Хрестоматия по истории древнего Востока. Часть вторая. М., 1980. С. 60.
15. Юстин. Всеобщая история. Извлечения из бытописания Трога-

- Помпея. Перевод С.Борзцовским. СПб, 1824. С. 3.
16. Авеста. Избранные гимны из Видевдаты. Перевод с авестийского
И.Стеблин-Каменского. М., 1993. С. 3.
17. Там же. С. 6.
18. Там же. С. 9.
19. Ницше Фридрих. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1990. С. 6, 10, 31, 74, 141, 172, 176.
20. Там же. С. 11, 137, 154.
21. Там же. С. 176, 195, 206, 207.
22. Там же. С. 177, 176.
23. Хрестоматия по истории древнего Востока. С. 60-68.
24. Там же. С. 65-67, 71-72.
25. Вестник древней истории. 1947, № 3. С. 194.
26. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 25.
27. Авеста. С. 36, 37, 39.
28. Там же. С. 144-145, 169.
29. Там же. С. 147, 171.
30. Хрестоматия... С. 61; Авеста. С. 3.
31. Там же. С. 64.
32. Авеста. С. 204.
33. Там же. С. 168, 264-265, 294
34. Там же. С. 98, 131, 203.
35. Там же. С. 176.
36. Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-турк. Перевод и предисловие З.А. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 1014.
37. Григорьев В.В. О скифском народе саках. Алматы, 1998. С. 63, 131-132.
38. Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992. С. 30-31.
39. Ирмуханов Б.Б. Хазары и казахи. Алматы, 2003.
40. «Мысль», 1996, № 11. С. 66.
41. Известия-Казахстан, 2005, 6 ноября.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК: САКИ И САВРОМАТЫ

В начале I тысячелетия до н.э. с формированием нового типа скотоводческого хозяйства — кочевнического, на смену племенам андроновской и срубной культур приходят племена саков и савроматов. К.Ф.Смирнов установил генетическую связь носителей срубной культуры с ираноязычными савроматами, а К.А Акишев выявил преемственность материальной и духовной культуры ираноязычных саков от андроновцев /1/. Выводы ученых получили общее признание.

«Ранний железный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха» — таковы наиболее распространенные в исторической литературе названия периода (VIII-III века до н.э.), когда в казахстанских и уральских степях господствовали саки и савроматы, создавшие культурную общность, отличительными чертами которой стали определенный тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда и так называемый «звериный стиль» в искусстве. Сегодня специалисты дополняют эту устоявшуюся в науке «скифскую триаду» двумя признаками: бронзовые литые котлы и дисковидные зеркала. Они отмечают, что «скифская триада» подчеркивала лишь единство в образе жизни, не препятствуя выделению вполне самостоятельных «скифских» культур, и приходят к выводу о несомненном единстве культуры «скифского мира Евразии», а с другой — их глубинной индивидуальной (этнической, культурной) особенности. Небезынтересно будет отметить, что в эпоху раннего железа продолжительность жизни мужчин составляет 36 лет, а женщин — 33 года /2/.

Этническая история Казахстана в этот период предстает гораздо богаче и достовернее, чем в предыдущую эпоху бронзы. Объясняется это, в первую очередь, тем, что период зиждется не на легендах и мифах, а на многообразных и, в большей мере, достоверных известиях письменных памятников и материалов археологических изысканий. Саки — так называли персы и индийцы ираноязычные кочевые племена, обитателей Средней Азии и Казахстана. Греки же именовали их скифами. Скифы впервые упоминаются в надписи ассирийского царя Асархаддона (VI век до н.э.), в которой он сообщает о победе над людьми маннов и «войсками Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их» /3/. Как видим, имя сака появляется задолго до знаменитых ахеменидских надписей, получивших свое название

от имени Ахемена – родоначальника династии древних персидских царей (VII-IV века до н.э.). Древнеперсидская держава была создана Киром II Великим в 40-х годах VI века и пала в 30-х годах IV века до н.э. в результате завоевательных походов Александра Македонского. Последний царь Дарий III был убит своими же приближенными после ряда поражений персидских войск.

Ахеменидские надписи, главным образом, надписи царя Дария I (522- 486 годы до н.э.): Бехистунская, Нахши-Рустамская, Персепольская надписи на золотой пластине, печати и другие являются ценнейшими письменными источниками по этнической истории саков. По мнению специалистов, самой важной по значимости из отмеченных надписей и одним из крупнейших эпиграфических памятников вообще является надпись, высеченная на скале Бехистун или Бисутун на высоте 110 м от земли, возвышающаяся у древней дороги между Карманшахом и Хамаданом. Исполнена она на трех языках: древнеперсидском, эламском и аккадском (вавилонском) /4/. Вряд ли Бехистунская надпись была рассчитана на простых людей, скорее всего, Дарий I обращается к своему преемнику, будущим наследникам, потомкам. «Ты, кто со временем будешь царем...». Для широкой публики у него были «копии» этой надписи на пергаменте и на коже. «Говорит Дарий-царь: «По воле Ахурамазды вот надпись, которую я сделал. Сверх того, она была исполнена по-арийски (имеется в виду, вероятно, древнеперсидский язык – Б.И.) и на пергаменте, и на коже. Кроме того, я написал мою родословную. И все это было записано и зачитано передо мной. После этого я разослал эти надписи повсюду. Народ повсюду был доволен» /5/. Эти «копии» Бехистунской надписи до нас не дошли, сохранилась надпись лишь на «вечном камне».

Вот как передает древнеперсидскую титулатуру и свою родословную Дарий: «Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы, внук Аршамы, Ахеменид. Говорит Дарий-царь: «Мой отец Виштаспа, отец Виштаспы Аршама, отец Аршамы – Ариарамна, отец Ариарамны – Чишпиш, отец Чишпиша – Ахеменид. Поэтому мы называемся ахеменидами. Следующие страны мне достались по воле Ахурамазды, я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, страны у моря, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арея, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандара, Сака, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 страны» /6/. Указанные 23 страны, по всей вероятности, наследие Кира II и его сына Камбиза. Сам

Дарий, как известно, пришел к власти в условиях острой политической борьбы – в результате заговора узурпировал царский трон. Не все страны признали его власть. По собственному признанию, в первый год его правления поднял мятеж Вавилон, отложились от него: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Сака. Говорит Дарий-царь: «Вот что я совершил по воле Ахурамазды в течение одного года. После того как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Ахурамазды я разбил противников и захватил в плен 9 царей» /7/.

Интересно, что Дарий хотя и указывает страну Сака в числе 9 стран, отложившихся от него, однако в Бехистунской надписи не говорится о его карательных действиях против саков. О походе говорится на третьем году правления Дария, то есть в 510 году до н.э. в Бехистунской надписи. Говорит царь Дарий:...Потом я пошел с армией против страны саков. Саки, которые носят остроконечные шапки, эти саки пошли против меня. Тогда я достиг моря. Реку по названию Аракса я пересек со всем снаряжением. После этого я разгромил саков. И тот, который возглавлял саков, был по имени Скунха, его схватили и привели ко мне. Я его убил. Потом я назначил им другого вождя. Такова была моя воля. После этого страна стала моей» /8/. Большой интерес для нашей темы представляет продолжение этого текста, которое проливает свет на отличие религии персов и саков. «Те саки были неверными и не чтили Ахурамазду. Я же чтит Ахурамазду. По воле Ахурамазды я поступил с ними, как хотел» /9/. Как видим, персы в тот период были зороастрийцами, а саки оставались язычниками, то есть придерживались древней религии. В наскальной надписи из Нахши-Рустама (усыпальницы ахеменидских царей, недалеко от Персеполя – столицы царства) более подробно сообщается, что подвластные Дарию страны и народы делятся на три группы саков: сака-тиграхауда (носящие островерхие шапки), сака-хаомаварга (саки, почитающие хаому) и сака-парадрайа (заморские саки). «Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой, далекопростирающейся, сын Виш-таспы, Ахеменид, перс, сын перса, ариец из арийского рода. Говорит Дарий-царь: «Вот те страны, которые я захватил помимо Персии, я над ними властвую, мне они приносят дань, то, что мною говорится, они выполняют, они держатся моего закона: Мидия, Элам, Парфия, Арейя, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Дрангиана, Арахозия, Саттагидия, Гандара, Индия, Саки-Хаомаварга, Саки-Тиграхауда, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, Лидия, Ионийцы,

Саки, которые за морем, Фракийцы, Ионийцы шлемоносные, Ливия, Эфиопия, Мачия, Кария» /10/.

Представляет определенный интерес перевод этого отрывка в прошлом: «Вот области, которые я покорил за границами Персии: Мидия, Сузиана, Парфия, Ария, Бактриана, Согдиана, Арахозия, Саттагиды, Гандария, Индия, Саки-Эмиргии, Саки стрелки из лука, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, Каппадокия, Спарда, Иония, Саки за морем, Скудры, Ионийцы, носящие венцы, Понтийцы, Коссаки, Мачии, Колхи» /11/. Как видим, три группы саков получают новое наименование, что не меняет, вероятно, ни территории их расселения, ни их этнической сути. Появление в перечне подвластных народов названия «коссак», несмотря на близкое созвучие с именем «казах», не дает никаких оснований считать этот народ предком казахов. Да и сам этноним «коссак» может быть результатом неправильного перевода или транскрипции.

Известия, приведенные из Бехистунской и Нахши-Рустамской надписей, не дают возможности точно определить места расселения саков, хотя их северо-восточное расположение в составе Ахеменидской империи не вызывает сомнения. Упомянутая Дарием река, через которую он переправился и нанес поражение сакам, точно не идентифицируется и вызывает споры: одни исследователи принимают ее за Амударью, другие – за Сырдарью, а третьи – за русло Узбоя. Большинство же авторов предпочитают видеть в ней Сырдарью. Более правильному определению местоположения саков помогает, на наш взгляд, надпись Дария на золотой табличке: «Говорит Дарий-царь: Вот царство, которым я владею – от страны саков, которая по ту сторону Согдианы до Эфиопии, от Индии до Ливии» /12/. Если учесть, что историческая Согдиана была расположена между Амударьей и Сырдарьей по р. Зеравшан и центром ее был город Мараканда (Самарканд), то нетрудно представить территорию саков – это земли к северо-востоку от Сырдарьи, т.е. территория юго-восточного Казахстана, Кыргызстана и Восточного Туркестана (современный СУАР, КНР)

Население эпохи раннего железа на территории Средней Азии и Казахстана в «Истории» Геродота

Ранний железный век на территории Казахстана и Средней Азии получает довольно подробное освещение в трудах греческих и римских авторов, среди которых по своему содержанию, полноте, достоверности, не говоря о замечательных литературных достоинствах, пальма первенства по праву принадлежит древнегреческому

историку Геродоту, прозванному знаменитым римским оратором и политическим деятелем Цицероном (106-43 годы до н.э.) – «Отцом истории»: с тех пор этот почетный титул прочно закрепился за ним. «История» Геродота, безусловно, относится к разряду исторических сочинений, стяжавших бессмертную славу и популярность. О признании заслуг Геродота свидетельствует и то, что в прославленной в древности Пергамской библиотеке хранился бюст его.

Биографических данных о знаменитом историке крайне мало. Известно, что он родился в Малой Азии в городе Галикарнасе. Его родина Иония и, в частности, город Милет была выдающимся центром греческой культуры архаической эпохи. Здесь, в Милете, в первой половине VI века возникает историческая школа, ярким представителем которой был Гекатей Милетский, автор двух исторических произведений: «Обозрение земли» и «Генеалогии»: в последнем описывалось родословные древа людей, восходящие к богам. Даты рождения и смерти Геродота исследователи определяют приблизительно 484-425 годами до н.э. В молодом возрасте Геродот принимает активное участие в политической борьбе против Галикарнасского тирана. Однако оппозиция потерпела поражение, и будущий историк вынужден был покинуть город и перебраться на богатый и сильный остров Самос. Через некоторое время он покидает остров и предпринимает свое длительное путешествие (455-445 годы). Геродот посещает страны от Ливии до Вавилона и Ассирии, Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милетской колонии Ольвия, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Афины стали его второй родиной, он проникся духом афинской демократии, выражал афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе. Как верно отмечает В.Г.Борихович, «История» Геродота принципиально ничем особым не отличается от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла /13/.

Действительно, без преувеличения можно сказать, что Геродот создал первый труд по всеобщей истории, хотя в центре его исследования стоит описание похода персидского царя Ксеркса в Греции в 490 году до н.э. Выдающимся достоинством автора является его гуманизм, неприятие расизма. Он хотя и противопоставляет Запад Востоку, эллинов варварам (по словам Геродота, египтяне называли варварами всех, кто не говорил на их языке) /14/, однако в «Истории» нет презрительного, уничижительного отношения к варварам, которые в его восприятии предстают как негрыки. Термин «варвар» как

синоним отсталости и даже неполноценности, дикости широко распространился в древней Греции и Китае в VI-V веках до н.э. Такого восприятия «варваров» придерживались даже просвещенные умы этих стран. Так, Эврипид писал: «умом слабее эллинов варвары», наставник Александра Македонского Аристотель говоря, что «в варварах преобладает животное начало», советует своему ученику относиться к ним как «к животным или растениям». «Шакалами и волками, дикими животными» называет «варваров» китайский историк I века н.э. Бань Гу /15/.

Отношение Геродота к другим народам, его объективность и беспристрастие впоследствии вызывали осуждение его соотечественников. Так, Плутарх (45-127 годы до н.э.) знаменитый историк, библиофил (он обладал одной из лучших библиотек в Греции) в своем памфлете «О злонамеренности Геродота» яростно ополчился на «Отца истории», упрекая его за умаление заслуг соотечественников – греков /16/. Еще раньше, в IV веке до н.э., настойчиво пытался развенчать Геродота как историка, Ктесий, врач и историк, 17 лет пробывший в качестве врача при дворе персидских царей.

Главное достоинство «Истории» Геродота заключается, конечно, в ее достоверности. Так, он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами, одноглазых людях – аримаспах. Геродот пишет: «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» /17/. Поэтому Геродот не верит преданиям скифов и греков о происхождении Таргитая, первопредка скифов. По рассказу Геродота, Таргитай был первым человеком в необитаемой, тогда еще стране (речь идет о Северном Причерноморье – Б.И.). Родителями Таргитая, как говорят сами скифы, были Зевс (главный бог в греческом пантеоне богов) и богиня Борисфена (Днепра). «Я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения», – пишет Геродот. «У Таргитая было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. Однажды с неба на землю упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Все попытки старших братьев приблизиться к ним заканчивались неудачей – предметы загорались и не подпускали их. Когда подошел младший из братьев, предметы не загорелись и позволили ему взять себя. Увидев это, старшие братья поняли особый дар Колаксаиса и согласились, чтобы он владел этими предметами и правил царством. От трех братьев произошли различные скифские племена, которые вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же называют их скифами», – сообщает

Геродот. По преданию же греков скифы произошли от соития Геракла и полудевы, полузмеи, которая родила трех сыновей: Агафирса, Гелона и Скифа. От последнего, замечает Геродот, произошли все скифские цари. Отметив баснословный характер этих преданий, Геродот пишет: «Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в Киммерийскую землю», то есть в район Северного Причерноморья. После ожесточенной междоусобной войны, возникшей по поводу, остаться на родной земле и защищать ее или отступить перед многочисленным врагом, ослабленные киммерийцы покинули родную землю и скифы «завладели безлюдной страной» /18/. Как видим, скифы захватывают земли киммерийцев не в результате ожесточенных битв и сражений, а после того, как киммерийцы покинули свою страну. Положение, когда кочевники под давлением сильного многочисленного противника оставляют свои земли, уходят в другие страны, представляет, на наш взгляд, определенную закономерность, которая позволяет правильно понять как этническую историю в целом, так и характер этногенетического процесса в частности. Поэтому трудно согласиться с мнениями исследователей, утверждающих, что этногенетический процесс у номадов, как скажем у казахов, есть непрерывная цепь наложения все новых и новых этнических групп и общностей на первоначальный субстрат.

Уникальным является сообщение Геродота о миграции кочевников. Она была первой письменно зафиксированной миграцией евразийских кочевников с востока на запад, ибо до сих пор переселения их были с запада на восток. Это сообщение «Отца истории» очень важно для понимания картины расселения племен раннего железа на территории Казахстана. Отметив, что за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше за ними – гипербореи на границе с морем, Геродот пишет: «Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря (Черное море – Б.И.), под напором скифов покинули свою родину» /19/. В этом сообщении особый интерес представляют аримаспы, их расовое происхождение и этническая принадлежность. Если они были монголоидами и тюркоязычными, то выходит, что они дали толчок передвижению

на запад европеоидных ираноязычных исседонов и скифов, аборигенов казахстанских степей; если же они были по происхождению и языку как исседоны и скифы, то территория Казахстана остается по-прежнему ареалом расселения индоиранских племен и народностей, что не оставляет места суждениям о заселении нашей страны тюркскими этносами. К сожалению, точного ответа на этот вопрос мы не находим ни у Геродота, ни в современной исторической науке. Информация Геродота осталась вне внимания казахстанских историков.

Что касается времени этого переселения народов, то сам Геродот, исходя из сообщения Аристея, древнегреческого поэта и путешественника, побывавшего у исседонов и жившего, вероятно, в VII веке до н.э. (по словам Геродота Аристей жил за 240 лет до его времени, а по версии Страбона Аристей был учителем самого Гомера, который жил, говорит Геродот, «за 400 лет до меня», то есть в IX веке до н.э.) полагает, что это событие произошло в VII веке до н.э. /20/. По мнению современных исследователей, скифы пришли в Причерноморье около 700 г. до н.э. /21/.

Геродот на многие века заложил основу, своеобразный каркас историко-этнографического описания стран и народов. Эта схема-рамка включает: географическое положение страны, ее размеры, реки, климат, естественные особенности, плодородие почвы, фауну, флору, происхождение и численность народонаселения, образ жизни народа, одежду, пищу, обычаи, верования, культы. Как видим, здесь присутствует полный набор этнографических признаков. Недаром некоторые исследователи называют Геродота и «отцом этнографии». Однако он остается, безусловно, «Отцом истории». Геродот по существу заложил фундамент научного подхода к изучению скифосакских племен как единой культурной общности.

Самые разносторонние и подробные сведения содержатся в «Истории» Геродота о массагетах о хозяйстве (скотоводство и рыболовство), войнах и военном искусстве, вооружениях, быте, одежде и пище, обряде захоронения, религии (поклонение солнцу) и т.д. «Эти массагеты, — пишет Геродот, — многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Аракс напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем». Здесь Аракс надо понимать как реку Амударья, а слово «напротив» означает север, следовательно, исседоны живут севернее, скорее, на северо-востоке от массагетов. Из контекста видно также, что Геродот не причисляет массагетов к скифам. Следующий отрывок из

«Истории» конкретизирует местоположение массагетов: «На востоке (Каспийского моря) к нему примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной» /22/. Таким образом можно заключить, что массагеты, вероятно, занимали обширные равнины Мангышлакского полуострова. Поход Кира против массагетов состоялся в 530 году до н.э., который завершился полным разгромом персидского войска и гибелью царя. Чтобы дать генеральное сражение массагетам, Кир со своим войском переправляется через Амударью, следовательно, можно более уверенно сказать, что массагеты занимали земли к востоку от Амударьи.

Геродот красочно описывает события, предшествующие генеральному сражению, и само сражение, гибель Кира и торжество массагетской царицы Томирис. Прежде чем переправиться через Аракс (Амударья) и напасть на массагетов, Кир направляет послов к овдовевшей Томирис под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако царица поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Она предложила Киру мир, отказаться от военных действий и вернуться в свое царство. Персидский царь не внял предложению Томирис и начал военные действия. Для переправы войска через Аракс он приказал построить понтонные мосты, а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

Переправившись через Амударью, Кир коварно заманивает треть войска массагетов, которыми командовал сын царицы Спаргапис. Кир уводит основную часть своего войска, оставив в лагере раненых, калек и небоеспособных, а также большое количество разных товаров, в особенности много вина, рассчитывая, что массагеты, заняв брошенный лагерь, не удержатся от соблазна попробовать вино, и в результате опьянеют. Расчет Кира полностью оправдался. Когда охмелевшие от вина воины-массагеты уснули, то они оказались легкой добычей для отборных отрядов персидского войска. Значительная часть массагетов была перебита, еще большая часть попала в плен. Среди них был и Спаргапис. Когда он протрезвел, то попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он тут же, отобрав кинжал у персидского воина-охранника, убивает себя. Томирис, узнав об участии своего войска и не зная еще о гибели сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает

рассудка, когда вино бросается в голову, и когда вы, персы (напившись) начинаете извергать потоки недостойных речей, — вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета, выдай моего сына и уходи подобра-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось, погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен!» /23/.

Из этой гневной тирады Томирис видно, что массагеты не знали вина, его коварного свойства. Между тем причерноморские скифы, тесно общаясь с греками, научились не только пить вино, но и при-страстились к нему. По словам Геродота: «Клеомен (поэт) часто общаясь со скифами, стал пить неразбавленное вино и от этого сошел с ума. Всякий раз, когда хотят выпить вина покрепче, говорят: «Налей по-скифски».

Кир надменно отверг совет массагетской царицы, тогда Томирис со всем своим войском напала на персов, и два многочисленных войска вступили в битву, которую «Отец истории» считает самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе сражения Геродот сообщает: «Сначала противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец, массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью!». «Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным», заключает Геродот /24/.

Действительно, версий о гибели Кира в свое время, вероятно, было много. История же сохранила из них лишь несколько, включая и версию Геродота, которая остается наиболее достоверной. Так, Ктесий сообщает о походе и гибели персидского царя следующее. Кир воевал не с массагетами, а с саками. Он пленил царя саков Аморга, мужа Сфаретры. Тогда она собрала войско и бросилась на

Кира, ведя с собой 300 тысяч мужчин и 200 тысяч женщин. Победив Кира, она взяла в плен его дядю и трех его сыновей. Чтобы освободить их, он освободил и Аморга. В сообщении Ктесия, как видим, не говорится о гибели Кира. По второй версии, Кир сражается с дербиками, располагавшимися севернее массагетов (их не следует смешивать с исседонами, жившими северо-восточнее массагетов – Б.И.), и был ранен в бою копьем. От раны он скончался на третий день. А вот как выглядит версия историка Трога Помпея: Кир, покорив Азию, объявляет войну скифам. В то время ими правила царица Томира... Притворяясь, что спасения она ищет в бегстве, она заводит Кира в ущелье гор, где в засаде находились скифские воины. Томира полностью уничтожила 200-тысячное персидское войско. Был убит и Кир. «Сия победа достопамятна была тем, что не осталось ни одного человека, кто мог бы даже возвестить о таком поражении», – сообщает Трог. Еще по одной версии Кир сражается с даями, кочевавшими на реке Оксус (Амударья), и погиб в битве после 9-летнего царствования в «стране даха-даев» /25/. Итак, и Ктесий, и Трог Помпей, и Берос в целом единодушны в том, что поход персидского царя на восток действительно состоялся, и, что Кир потерпел поражение и погиб, однако они расходятся в определении противника персидского царя: у Ктесия – это саки и дербики, у Трога – скифы, Бероса – даи (даха).

В исторической литературе до сих пор бытует мнение о тождестве скифов, саков, массагетов, хотя, как мы уже видели, еще Геродот не считал массагетов скифским племенем. Версия о том, что даи сокрушили силу Кира и явились виновниками его гибели, представляет важный интерес с точки зрения этнической принадлежности лаев (даха). В «Истории» Геродота дается ясный недвусмысленный ответ на этот вопрос: даи – это персы, правда, они только позже других арийских племен были покорены Киrom. О племенном составе персов Геродот пишет: «Вот племена персов, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные – пасаргады, к которым принадлежит и род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена: это панфиласии, дерусии, гермаии. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же – даи, марды, дропики – кочевники» /26/. Не приходится сомневаться, что персидские даи – это легендарные авестийские даи или их часть. Со среднеазиатскими даями мы встретимся в трудах античных авторов, посвященных завоеваниям Александра Македонского.

Самыми мифическими народами у Геродота выступают аримаспы, и аргиппеи, и гипербореи, существованию которых Геродот не верит. Сведения Геродота об аримаспах основаны на известиях исседонов. Выше исседонов по их собственным рассказам живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие узнаем от скифов и зовем их поскифски аримаспами: «арима» у скифов значит единица, а «спу» — глаз /27/. Аримаспы, как мы уже отмечали, заняли земли исседонов, а те сдвинули со своих мест скифов, которые проникли в Северное Причерноморье, изгнав оттуда киммерийцев. Геродот не причисляет аримаспов к скифам. Расовое происхождение и этническую принадлежность их трудно идентифицировать, но определить местоположение аримаспов, вероятно, возможно. Соседство аримаспов со стерегущими золото грифами наводит на мысль о местности, изобилующей золотом. Известно, что Алтай в древних китайских источниках отождествлялся золотой горой «Цзинь-Шань», и вполне вероятно, что он и есть калька с китайского названия. Хотя Алтай позже был заселен тюркскими племенами и считается их родиной, однако трудно допустить, что он был занят ими еще в VII веке до н.э. Поэтому вряд ли можно считать аримаспов монголоидами. Надо полагать, что аримаспы по расовому типу были европеоидами и ираноязычными. Что касается аргиппеев, то их по расовой классификации без большого риска ошибиться, можно отнести к монголоидам. Об аргиппеях Геродот сообщает: «У подножья высоких гор обитают люди. Как передают все они, как мужчины, так и женщины лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами... Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными, и у них нет даже боевого оружия... Имя этого народа — аргиппеи» /28/. Как видим, аргиппеи отличаются известными физическими признаками монголоидов, имеют отличный от скифов язык. Что касается места их расселения, то по подробному описанию Скифии (от Дуная до Дона) можно уверенно предположить, что это район Южного Урала. По мнению С.Я.Лурье, «лысые люди» — предшественники башкир /29/. На наш взгляд, аргиппеи, вероятно, были протоуграми. Важное принципиальное значение имеет замечание Геродота о местоположении исседонов, одной из главных этнических общностей на территории Казахстана в эпоху раннего железа: «Области к востоку от “лысых” достоверно известны: там живут исседоны» /30/. Таким образом, исседоны жили к востоку от

Уральских гор, то есть в Центральном Казахстане, что подтверждается и материалами археологических изысканий.

И, наконец, важное значение имеют сведения Геродота о савроматах – насельниках западных областей Казахстана. За рекой Танаисом (идентифицируется с Доном), отмечает он, уже не скифские края, первые земельные владения там принадлежат савроматам. Они занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского (Азовского) озера на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев /31/. По словам «Отца истории», савроматы, как особое племя, появились в результате смешения скифов с амазонками – женщинами-воительницами, которые были из совершенно иного племени, язык их не был похож на скифский. Женившись на амазонках, юноши-скифы по совету своих жен отделились от скифов и ушли на восток. Из слов амазонок, объясняющих причину нежелания и невозможности их жить с племенем своих мужей, можно получить интересный факт, как о положении скифских женщин, так и о самих амазонках. На уговоры своих мужей жить вместе с их народом, амазонки ответили: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях, напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не ходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить» /32/. Этнографических описаний савроматов, как и вообще общеисторических сведений о них в «Истории» Геродота содержится довольно скудно в отличие от массагетов.

По словам Геродота, массагеты носят одежду подобную скифской и ведут схожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням они надевают медные панцири как нагрудники. Уздечки же, удила, нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них нет совсем в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меда там в изобилии, заключает автор. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что тяжелая массагетская конница, одетая в броню, представляла для своего времени исключительное превосходство, которая в соединении с отвагой и доблестью воинов-массагетов делает их грозной военной силой,

что подтверждается сокрушительным поражением непобедимого персидского войска. Наличие пехоты у массагетов усиливает маневренность их войска и свидетельствует об оседлом образе жизни части массагетов.

Об обычаях массагетов Геродот сообщает: «Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о подобном обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно общается с этой женщиной. Если кто у них доживает до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство. Скончавшегося от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают — это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» /33/. Трудно поверить в ритуальное поедание старых родителей, вероятно, в этом обычае нашли отражение отголоски более древней жизни предков массагетов.

Геродот находит сходство ритуального людоедства массагетов с таким же обычаем у исседонов: «Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца, того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы» /34/.

У скифов в отличие от массагетов и исседонов был иной обычай. Захоронение покойника у них было обычным ритуалом, которое по сообщению Геродота выглядит следующим образом: «Опустив тело в могилу на подстилку из соломы, воткнув копыта по обеим сторонам трупа, кладут сверху бревна и затем покрывают камышовой плетенью. В свободном пространстве могилы они хоронят, удушив, одну из наложниц и виночерпия, и повара, и конюха, и слугу, и вестника, и лошадей, и начатки всего остального, и золотые чаши: а серебром

и медью они совсем не пользуются. Сделав это, они все насыпают большой курган, соревнуясь между собой и стремясь сделать его как можно выше» /35/. Конечно, подобное захоронение с человеческим и животными жертвами могло быть уделом только вождей и царей. Сооружение земляных насыпей-курганов, стремление сделать их как можно выше подтверждаются археологическими раскопками. Об этом свидетельствуют, например, знаменитые «скифские» (сакские) пирамиды в Семиречье. Заслуживает внимания следующая деталь обряда захоронения скифского «царя»: люди отрезают себе часть уха, стригут кругом волосы, делают себе на руках порезы, расцарапывают лоб и нос, левую руку прокалывают стрелой /36/. Схожий обряд впоследствии мы видим у хунну (гуннов) и древних тюрков.

Этнографическое описание причерноморских скифов у Геродота отличается исключительной подробностью и многообразием. Поскольку нас интересуют не европейские, а азиатские скифы (саки), то мы ограничимся лишь сведениями Геродота об образе жизни и некоторыми из их обычаев и обрядов. Образ жизни скифов «Отец истории» определяет как кочевнический, говоря, что «у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством, их жилища – в кибитках». Характерно, что скифы, по словам Геродота, не хотят даже разводить свиней в своей стране. Об обряде жертвоприношения Геродот пишет: «На шею жертвенного животного набрасывают петлю и поворотом палки, всунутой в петлю, душат его. Мясо варят в больших котлах, а в качестве топлива используют кости жертвенных животных. В случае отсутствия такого котла они кладут все мясо, очищенное от костей в его желудок, подливают воды и снизу поджигают кости». Геродот отмечает, что кости отлично горят, а в желудке свободно вмещается мясо животного. Таким образом, бык сам себя варит как и другое жертвенное животное /37/. Интересно, что подобный способ приготовления мяса, считающегося самым лучшим деликатесом, сохранился по сегодняшний день у казахов, в основном у южан, правда, так готовят не быков, а овец. Мясо в желудке зарывают в землю, не добавляя воды, и сверху разводят огонь. Таким образом, мясо варится в собственном соку.

Геродот дает описание колоритной скифской «бани»: «Взяв конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту, затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это

парение служит им вместо бани, так как они вовсе не моются водой» /38/. Заметим, что у кочевников-казахов также существовала подобная «баня», только они на раскаленные камни брызгали водой. Жуткое описание военных обычаев скифов, Геродот передает следующим образом. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю, сдирает кожу с головы, потом очищает кожу, мнет ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их как козьи шкуры. Многие скифы сдирают всю кожу с вражеского трупа... Таковы военные обычаи скифов, заключает Геродот /39/. Отметим также, что скифы в ритуальных целях приносили в жертву военнопленных, выделяли из черепов убитых врагов чаши для питья.

К сожалению, в «Истории» содержатся весьма скудные сведения о собственно саках, однако Геродот настойчиво утверждает о тождестве скифов и саков. Мы уже отмечали, что «Отец истории» не признает за скифов (саков) – ни массагетов, ни аримаспов. Потому его эпизодические реплики о саках имеют важное значение. Так, в числе народов, призванных под персидское знамя в период Греко-Персидской войны, начало которой было положено битвой при Марафоне (490 год до н.э.). Геродот впервые представляет более или менее конкретные сведения о саках, не указывая, впрочем, место их расселения. Эти народы перечисляются им в следующей последовательности: персы, мидяне, киссии, гирканы, ассирийцы, бактрийцы, саки, индийцы, арии, каспии, саранги, пактии, утии, микии, парикании, арабы, эфиопы, восточные эфиопы (дравиды), ливийцы, пафлагонцы, липии, матиены, мариандины, сирийцы (каппадокийцы), фригийцы, армении, лидийцы, мисийцы, фракийцы, писидийцы, кабали, мохи, тибарены, макроны, моссии, никии, мары, колхи, алародии, каспиры, парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии. В этом списке определенный интерес вызывают каспии, которых в 20-е годы XX века академик Н.Я.Марр и его последователи объявили предками казахов и даже этноним «казах» выводили от наименования этого древнего народа. Каспии, отмечает Геродот, были одеты в козьи шкуры и вооружены своими луками из камыша и персидскими мечами. Геродот упоминает их и в числе народов, платящих дань Дарию I. Каспии, павсики, пантимафы и дариты входили во второй округ (сатрапию) и вместе платили 200 талантов (талант серебряный равен – 33, 655 гр, аттический – равен 26,196 гр). В другом месте Геродот

отмечает, что саки и каспии составляли 15-й округ (сатрапию) и платили 250 талантов /40/.

Приводя перечень подвластных Персидской державе народов, Геродот дает интересную информацию, проливающую свет на их происхождение. То, что персы называли себя ариями и были ими, хорошо известно по ахеменидским надписям. В древности мидян также называли ариями, отмечает Геродот. Более того, персов зачастую называли мидянами. Царица Томирис обращается к Киру как к царю мидян. Одновременно в списке указанных народов мы видим и собственно ариев. О саках автор пишет: «Саки (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны (правильнее было бы переводить как в прошлом шапки – Б.И.) плотные так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагирисы – боевые обоюдоострые секиры. Это племя (оно было собственно скифским) называли амиргийскими саками. Персы всех скифов зовут саками» /41/. Отмечая соседство бактрийцев и саков, Геродот замечает, что они вместе составляли одно воинское подразделение. Саки вместе с персами составили центр боевой линии персидской армии в битве при Марафоне и одержали верх над эллинами, но были вынуждены отступить в связи с общим поражением персидской армии. Саки наряду с персами и мидянами составляли воинский контингент персидских военных кораблей. Свою высокую боеспособность и отвагу саки показали и при более значительном сражении, чем в битве при Марафоне (персы считали ее эпизодом в войне, не имевшим серьезного значения), в битве при Платеях (479 год до н.э.). По словам Геродота, персидский полководец Мардоний выставил против спартанцев персов, рядом с ними мидян, затем шли бактрийцы, индийцы, саки и те греки, которые были верны Персидской державе. «Я перечислил здесь самые главные наиболее и значительные народности из тех, которые Мардоний выставил против элленов». Персы потерпели сокрушительное поражение, был убит и Мардоний. По традиции Геродот отмечает героизм, проявленный как греками, так и варварами, называя отдельных лиц и народов. Он подчеркивает: «В войске варваров наиболее отличились пешие персидские воины и конница саков» /42/.

Мы уже отмечали, что, согласно надписи царя Дария I на золотой табличке, саки располагались к северо-востоку от Сырдарьи, предположительно на территории Южного Казахстана, Кыргызстана и Восточного Туркестана. В Нахши-Рустамской надписи конкретно

указываются три группы саков: саки-хаомаварги, саки-тиграхауда и саки-парадрайа (заморские саки). В другом варианте перевода этого текста эти группы соответственно назывались: саки-эмиргии, саки – стрелки из лука, саки за морем. Можно полагать, что саки-эмиргии у Геродота соответствуют сакам-хаомаварга Нахши-Рустамской надписи. О двух других группах саков у Геродота отсутствуют какие-либо указания. Следовательно, для него саки представляют единую этническую общность. Однако Г.А.Стратановский в примечаниях к переводу «Истории» Геродота на русский язык указывает на две группы саков, причем под саками он понимает массагетов, которых «Отец истории» к ним не причислял. «Массагеты-саки, – пишет он, – делились на две большие группы: 1) северные саки – «большие саки» (то есть большая орда) проникли в Маргиану с севера; 2) саки-амиргийцы (перс. сака-гаума-варга – «хаому изготавливающие») жили в долине современной реки Мургаб и в походе носили остроконечные шапки. В конце царствования Дария их стали называть «даха», «дая». Массагеты (от иранского «масья» – рыба) назывались «рыболовы» или «рыбоеды» /43/. Несмотря на некоторую вольность в трактовке данных Геродота о саках (две группы, большая орда), отождествление автора массагетов с саками имеет определенный резон; иначе мы совершенно потеряем саков на этнической карте Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего железа. Определенный интерес представляют некоторые замечания переводчика в примечаниях к концу царствования Дария I, то есть в начале V века до н.э. массагетов лидийцы стали называть даха, даи, лидийцы. Они упоминаются также в египетских надписях под именем «турша» – среди «морских народов», напавших на Египет (около 1235-1225 годы до н.э.). Между тем, греческие племена переселились в Малую Азию после падения Хеттского государства (около 1170 года до н.э.), а арамейское переселение народов произошло в 1400-1200 годы до н.э. из Восточной Аравии в Северную Сирию. По аккадской версии персидских царских надписей, киммерийцы (саки) обитали к северу от Окса и назывались «гимир» или «гиммирии», мидяне в X-IX веках до н.э. переселились из Бактрии и Согдианы, заняв северо-западную часть Ирана /44/.

Без преувеличения можно сказать, что ни один письменный источник античности не дает столь богатую и разнообразную информацию об этнической картине раннего железного века на территории Казахстана, чем «История» Геродота. Рассказы «Отца истории» о скифах, массагетах, исседонах, аримаспах, аргиппеях, савроматах

остаются наиболее достоверными и полными известиями об этих племенах. Более того, гениальность Геродота проявляется в том, что многие его сведения подтверждаются археологическими исследованиями. Так рассказ о легендарных амазонках основывался им не только на одних фантастических известиях. А американский археолог, профессор Жанина Дэвис-Кэмбелл вместе со своими советскими коллегами, обследовавшая уже в наши дни пять курганов савроматско-сарматского происхождения в Западно-Казахстанской области, в журнале «Археология» пишет: «В курганах мы обнаружили женские захоронения с бронзовыми кинжалами и бронзовыми наконечниками для стрел. Эти находки наводят на мысль, что рассказы греческих писателей об амазонках, женщинах-воительницах в определенной степени базируются на реальных фактах» /45/. (В 1997 году по приглашению Жанин Дэвис-Кэмбелл – директора Центра по исследованию евразийских номадов при университете города Беркли (Калифорнийский университет, включающий несколько университетов) я в течение месяца читал цикл лекций по истории Казахстана: от древности до современности. Дорожные расходы мне оплатил «Фонд Сорос-Казахстан». Пользуясь случаем, хочу еще раз сердечно поблагодарить Ж. Дэвис-Кэмбелл за лестное для меня приглашение и мою дочь Карлыгаш – магистранта университета Беркли за прекрасный синхронный перевод).

Разумеется, не все, что сообщает Геродот, является истиной. Уровень развития науки в то время, естественно, не позволял Геродоту в равной мере высказываться о происхождении и истории того или иного народа. Особенно «грешит» он с количественными показателями. В первую очередь, это относится к численности персидских войск. Утверждение Геродота о том, что только боеспособная часть войска Ксеркса (флот, пехота и кавалерия) насчитывала 2,6 млн, а с вспомогательными частями более 5 млн человек, конечно, является явным преувеличением. Исследователи полагают, что указанное это количество персидского войска можно уменьшить в 50 раз, следовательно, реальное количество составит около 200-250 тысяч человек /46/. Конечно, рассказ Геродота о том, как скифы доят кобылиц, представляет явную небылицу, хотя и здесь «Отец истории» указывает на реалистический элемент приготовления кумыса (взбалтывание кобыльего молока в деревянном сосуде).

Античные авторы о населении Средней Азии и Казахстана в VIII- III веках до н.э.

Вызывает сомнение и утверждение Геродота о том, что савроматы – это отделившееся от скифов племя, и, что они мигрировали с запада на восток. Современная наука считает, что савроматы – это потомки андроновцев-арья, наследники и носители срубной культуры. По мнению специалистов, отношения между потомками насельников срубной и андроновской культур составляет основную линию савроматского этногенеза. Если во II веке до н.э. савроматское (в действительности сарматское – Б.И.) племя аорсов выдвинулось к западу, достигнув Северного Прикаспия, то древней территорией савроматов были области между Аральским и Каспийским морями. А.Гудшмидт, опираясь на данные Страбона и Птолемея, помещал аорсов на обширной территории от Танаиса (Дона) на западе до нижнего течения Яксарта (Сырдарьи). Вслед за Ф.Хиртом он отождествлял яньцай – китайских источников или аланов греческих и римских авторов с аорсами. Однако, по мнению М.П.Абрамовой, новейшие исследования со всей очевидностью показали полную невозможность филологического и исторического отождествления аорсов и яньцай /47/.

Вероятно, в VIII-VII века до н.э. савроматы мигрировали на запад и заселили Южное Приуралье, Заволжье и степи восточнее Дона. Ряд специалистов считает, что существенную роль в формировании савроматов в Южном Приуралье сыграло круглоголовое население степных районов Средней Азии, откуда оно, вероятно, довольно рано проникло в Астраханскую область и даже до реки Маныч. Интересно, что у савроматов андроновский антропологический тип выявляется значительно яснее, чем в классических памятниках срубной культуры. Это и не удивительно, ибо восточные границы савроматских и раннесарматских земель простирались до района рек Тобола и Тургая. Некоторые исследователи высказывают предположение, что в состав южноуральских савроматов вошла часть исседонов. Упоминаемые в Авесте народ сайрима также отождествляется с савроматами /48/. Со второй половины IV века до н.э. в источниках савроматов стали называться сарматами, хотя последние сформировались в крупные политические союзы только в II-I веках до н.э. По книжной традиции греческие и римские авторы продолжали называть их савроматами вплоть до первых веков нашей эры. Мнения же специалистов о тождестве савроматов и сарматов разошлись. Так, М.И.Ростовцев категорически отрицал генетическую

связь между сарматами и савроматами, а С.П.Толстов, солидаризуясь с ним, считал, что Средняя Азия, точнее Приаралье, была исходным центром сарматского движения на запад, а сами сарматы были массагето-дахского происхождения. Он был против отождествления сарматов с саками, как полагал Ростовцев. К.Ф.Смирнов, не выступая за полное отождествление сарматов и савроматов, однако считал, что именно из племенных объединений савроматов вышли и на их основе сформировались крупные политические союзы сарматов, завоевавших большую часть Скифии. С этого момента до нашего времени гуннов сарматы представляли ведущую политическую и военную силу Северного Причерноморья. Со II века н.э. организующим и господствующим ядром савромато-сарматских племен выступают аланы – яньцай – китайских источников. Образ жизни савроматов, их общественный строй во многом отмечают исследователи, в том числе и по сохранению остатков матриархата были близки к массагетам. Боевым оружием савроматов были: лук и стрелы, акинаки (короткие мечи), длинные мечи (более 1 м), дротики, копья. Реконструированная специалистами одежда сарматов выглядела следующим образом: остроконечный башлык, длинная рубаха или короткая подпоясанная куртка, плащ, узкие штаны или широкие шаровары, мягкие короткие сапоги. Короткие плащи были существенной частью одежды сарматов /49/.

С иных позиций, отличных от устоявшегося в советской исторической науке мнения о происхождении савроматов и сарматов, выступил казахстанский археолог Г.А.Кушаев. По его мнению, граница между срубной и андроновской культурами проходит по рекам Орь и Илек, что между племенами савроматской культурно-исторической общности (VII-V века до н.э.) и сарматскими племенами (IV век до н.э. - IV век н.э.), обитавшими в Приуралье, нет какой-либо генетической связи, также как отсутствует преемственность в обряде погребения в погребальных сооружениях в форме керамического сосуда. В VII-V веках до н.э., отмечает Кушаев, исседоны занимали территорию к югу и юго-западу от Уральского хребта в бассейне реки Урал. Материалы курганов этого периода на территории Западно-Казахстанской области связаны с исседонской общностью, а не савроматской, заявляет казахстанский археолог. Он убежден, что в степях Приуралья обитали две конфедерации древних племен в VII-V веках до н.э. – исседоны и в IV веке до н.э. - по IV век н.э. – сарматы /50/. Не лишённые интереса выводы Г.А.Кушаева нуждаются в объективной оценке, подтверждающей или опровергающей их, ибо его

некоторые постулаты: бронзовый век на территории нашей страны начался в III тысячелетии до н.э.; история савроматов и сарматов в степях Евразии должна доводиться до VIII века н.э.; поздняя столица хазар город Саксин находилась на реке Яик – все это вызывает обоснованные сомнения. Однако наши специалисты кроме констатации, выводов автора и комплиментов в его адрес пока не продвинулись в изучении вопроса /51/.

После Геродота о племенах раннего железного века писали многие греческие и римские авторы, в их трудах содержатся отдельные важные сведения и факты, но у них нет полноты информации столь характерной для «Истории» Геродота. В начале XX века академик В.В.Латышев опубликовал отрывки из трудов 300 греческих и 100 латинских авторов, посвященных Скифии и Кавказу. В 1947-1950 годы они были опубликованы на страницах журнала «Вестник древней истории». В первом же номере журнала за 1947 год мы находим очень интересное сообщение об исседонах из эпической поэмы Аристея «Эпос об аримаспах»: «Исседоны – чванящиеся длинными волосами. Эти люди живут вверх в соседстве с Бореом (бог северного ветра у греков – Б.И.), многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями, стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на милом челе (явное смешение с аримаспами – Б.И.), они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей /52/.

Оригинальны этнографические зарисовки греческого врача, ученого Гиппократ (460-377 годы до н.э.). Он первым описал жилища кочевников-скифов, получивших впоследствии широкое распространение у евразийских кочевников, в частности у казахов. По словам Гиппократ, скифы называются кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых «наименьшие бывают четырехколесные, а другие шестиколесные, они совсем закрыты войлоками и устроены подобно домам: одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов. В таких повозках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях, за ними следуют их стада овец и лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стада, а когда ее не хватает, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко». Автор дает колоритное описание внешности, телосложения, цвета кожи скифов. «Скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом. Благодаря тучности и отсутствию раститель-

ности на теле, обитатели похожи друг на друга. Все скифское племя рыжее вследствие холодного климата» /53/. Несколько озадачивает вывод Гиппократ о причинах слабой потенции скифов. «При таком физическом сложении народ не может отличаться плодovitостью: у мужчин не может быть значительного полового стремления, вследствие сырости комплекции, мягкости и холодности живота, так как при таких условиях мужчина едва ли может отличаться сладострастием; сверх того, постоянные толчки при верховой езде производят у них половое бессилие», — подчеркивает врач Гиппократ /54/.

Интересно, что после похода Дария I (519 год до н.э.) вплоть до завоевательных походов Александра Македонского (329 год до н.э.) в Среднюю Азию отсутствуют какие-либо известия письменных источников о массагетах. Более того, исчезает само имя массагетов. Там, где они жили, появляются даи (даха). Сообщение Полиэна о подвиге скифа (сака) Сирака (Ширака) во время похода Дария I, пожалуй, единственное, которое можно отнести к массагетам, если придерживаться общего мнения о том, что они саки. Рассказ же таков: Ширак, заручившись клятвой вождей саков Сакесфару, Омаргу и Томирис, что его дети как и их потомки будут обеспечены, отрезал себе нос и уши, изуродовал прочие части тела и под видом перебежчика явился в стан Дария, обещая показать тайную дорогу к сакам. Однако он завел их в безлюдную пустыню, где персидское войско неминуемо должно было погибнуть от жажды. Но произошло чудо, — пишет Полиэн, — в знойное лето пошел проливной дождь, и персы были спасены. Герой был казнен /55/.

Можно предположить, что имя массагетов было поглощено наименованием даев, к которым переходит ведущая роль в регионе. Как отмечает знаток древней истории Средней Азии Б.Я.Ставицкий, именно даи составляют элитные части последнего ахеменидского царя Дария III в борьбе с Александром Македонским, имя которого прочно вошло в историю и литературу многих народов Востока как великого полководца и мудрого правителя. Весьма почтительно он упоминается в священной книге мусульман «Коран» под именем Ескендир Зулкарнайн («Александр Двурогий»). Махмуд Кашгари (XI век) в энциклопедическом труде о тюрках «Диван лугат ат-тюрк» связывает имя Александра Македонского пусть фантастически с начальным этапом тюркского этногенеза. И, наконец, нельзя не сказать о философской поэме великого казахского поэта и мыслителя Абая «Ескендир». Такое уважение и почет, оказываемые на Востоке Александру Македонскому, не может

не удивлять: ведь он как всякий завоеватель был крайне жесток. Так, по рассказу греческого историка Диодора Сицилийского (I век до н.э.) он истребил более 120 тысяч бактрийцев и согдийцев. Такое отношение к Александру объясняется, думаем, его политикой сближения народов и культур через создание смешанных браков – начал он себя. Так, кроме Роксаны, Александр Македонский взял в жены дочь Дария, и еще 80 знатных греков женились на знатных персиянках, более 10000 простых воинов взяли в жены персиянок /56/. Интересно, что через два тысячелетия, в 40-е годы XVIII века грозный джунгарский джунтайджи Галдан-Церен, осознав, что ему не удастся подчинить казахов Младшего и Среднего жузов, принявших к тому же подданство России, решает на династийный брак: он обращается к хану Абулхаиру, резонно видя в его лице фактически старшего хана казахов, с просьбой выдать за его сына дочь хана от жены-калмычки. Чтобы закрепить дружбу между двумя народами, Галдан-Церен предложил женить 1000 джунгар на казахках и столько же казахов на джунгарках. Идея джунгарского правителя не была реализована: царское правительство было решительно против этого брака (оно серьезно опасалось возможного союза двух кочевых государств). При подозрительных обстоятельствах дочь Абулхаира неожиданно умирает.

Великому завоевателю не удалось окончательно покорить саков, которые, даже потерпев ряд поражений, продолжали борьбу. Сакам удастся тяжело ранить в бою Александра Македонского, нанести войску греков чувствительные удары. Под руководством вождя Спитамена саки ведут партизанскую войну. И только подкупив ближайшее окружение Спитамена, которое вероломно убивает своего вождя, Александру удастся на время умиротворить саков. Полководец греческого царя Селевк, будущий преемник империи Александра Македонского, не без политического расчета женится на дочери Спитамена Апаме /57/.

В новейших исследованиях специалисты к этнониму «саки» подходят более осторожно, дифференцированно. Прежние представления о том, что скифы – это саки, что они являются кочевым населением Средней Азии и Казахстана, уступают место пониманию большего этнического разнообразия кочевнического населения региона. Вырабатывается новый подход к определению соотношения понятий «скифы» и «саки». Стоит, думаю, согласиться с мнением В.А.Гаибова и Г.А.Кошеленко, утверждающих, что «скифы – это понятие генеральное, охватывающее ряд народов, следующая ступень-

ка на пути к более конкретному определению народа – «азиатские скифы» (подразумевая европейских скифов) и, наконец, конкретное определение – саки» /58/. В статье «Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского» (2005 г.), подвергнув тщательному анализу данные письменных источников, указанные авторы попытались внести ясность в этническую картину этой эпохи. Из многих источников их внимание привлекают труды Арриана и Курция Руфа как наиболее достоверные... и противоречащие друг другу. Сопоставление данных двух равноценных источников, безусловно, позволяет добиться большей объективности.

По их словам, в источниках представлены скифы, скифы европейские, скифы азиатские, скифы-абии, дахи (даи), массагеты, саки. В битве при Гавгамелах (331 год до н.э.) на левом крыле войска Дария III, по Арриану, располагались скифы и дахи, по Курцию Руфу – дахи и массагеты. Говоря, что Арриан прямо называет скифов-даев и саков как конкретных этносов, они не только не разделяют точку зрения Э.Б.Босворта, считавшего дахов и массагетов «частями» сакского этноса. По Курцию, массагеты – это саки. Таким образом, два древних автора согласны в этнической атрибуции даха – это скифы. О скифах-абиях упоминает Арриан, говоря о столкновении с ними греков на берегу реки Танаис, когда эллины потеряли около 1000 убитых и 150 захваченных в плен. Выпив плохой воды, заболел и сам Александр. О гибели большого отряда македонян под Маракандом (Самаркандом), набеге Спитамена на Бактрию, гибели одного из предводителей скифов Сиртака упоминает Арриан. Участниками этих военных действий Курций называет дахов, а Арриан – массагетов. В труде Курция Руфа читаем «даха», а у Арриана – «даи». Курций сообщает о прибытии послов к Александру, находившемуся тогда в Мараканде: «Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области, массагетами и дахами также послал людей, уверить царя в своей покорности». Авторы считают, что саки не приняли участия в борьбе с Александром Македонским, поскольку их территория ограничивается с запада Каспийским морем, а с востока – Сырдарьей /59/.

Источники содержат сведения о захвате Спитаменом Мараканда кроме цитадели, о посылке Александром сильного отряда против него. Выйдя из города, Спитамен устроил засаду. Засада имела полный успех: погибло более 2000 пехотинцев и 300 всадников Александра. Армия Спитамена состояла из дахов. Известия об участниках событий 328 года до н.э. весьма противоречивы, хотя и преобладает

мнение, что в них, в основном, участвовали массагеты. Под давлением македонян Спитамен вынужден был отступить. По рассказу Арриана, он уходит к скифам или массагетам (у Курция – только к массагетам). Дахи располагались к востоку и юго-востоку, массагеты – к юго-западу от Хорезма, утверждают авторы. О судьбе Спитамена Арриан сообщает: потерпев поражение, он вместе с массагетами уходит в пустыню, последние убивают его. По Курцию, Спитамен скрывается у дахов, убивает же его собственная жена. Более правдивой представляется версия Арриана /60/. Хотя авторы статьи вносят определенную ясность в этнической принадлежности дахов (даи), массагетов и саков, утверждая не без основания, что даи – это скифы, а массагеты являются саками. Однако, они не достаточно четко и даже путано определяют и территории этих племен.

«Даи» оставили заметный след в истории. В 238 году до н.э. одно из племен даев – парны (парфяне) создали на юго-западных рубежах современной Туркмении и северо-восточного Ирана могущественную Парфянскую империю, которая позже распространила свою власть до Вавилона и Элама. Поражение Римской империи при Каррах (Сирия) в 53 году до н.э. от парфян похоронило единодержавные амбиции Рима. В 224 году н.э. к власти приходит Арташир I. Так возникает держава Сасанидов в Иране. После гибели Парфянской империи земли северо-восточного Ирана и южного Туркменистана при Сасанидах стали называться Хорасан.

Важные для истории древнего Казахстана сведения содержатся в трудах поздних античных авторов, среди которых особое значение в достоверности, богатство и разнообразие известий имеет труд Страбона (63 год до н.э. – 23 год н.э.) «География». Страбон пишет: «Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, живущие далее зовутся массагетами и саками, а прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет и частное имя. Наиболее известны: асии, пасиаки, тохары, сакаравлы, пришедшие с того берега Яксарта (Сырдарьи) после саков и согдиев; берегом этим владели саки. Одни из даев называются апарнами, другие – скандиями, третьи – писсурами. Они (массагеты) хорошие конные и пешие воины вооружаются луками, ножами, панцирями и медными секирами, в битвах носят золотые пояса и такие же повязки. Кони у них златоуздые и в золотых наплечниках. Серебра у них вовсе нет, железа мало, а медь и золото – в изобилии» /61/. Как видим, все перечисленные им народы и племена автор относит к скифам, то есть к скифской культурной общности, особо выделяя даев, массагетов и

саков. Из контекста можно сделать вывод, что для Страбона массагеты и саки представляют один этнос. Из трех племен даев одно – апарны можно идентифицировать с парфянами. Указание автора на расселение даев, массагетов и саков к востоку от Каспийского моря звучит весьма убедительно.

Справедливо отметив, что племена асии, пасиаки, тохары, сака-равлы сыграли решающую роль в падении во второй половине II века до н.э. Греко-Бактрийского царства – наследия Александра Македонского, Страбон совершенно не упоминает юэчжей – китайских источников, которые были в числе виновников гибели указанного царства. Некоторые исследователи высказывают мнение о том, что под именем тохар скрывается название юэчжей. Так, И. Умняков, выражая свое несогласие с утверждением Г.Е. Грум-Гржимайло о том, что юэчжи искони жили в Афганистане и во второй половине II века до н.э. были «не победителями, а побежденными», ссылаясь на труды Плиния, Дионисия Периегета, Птолемея, Аммиана Марцеллина, упоминавших тохаров, приходит к заключению о тождестве юэчжи китайских источников и тохаров античных авторов: «Тохары были среди других завоевателей Греко-Бактрийского царства во II веке до н.э., вторгнувшихся из-за Яксарта, и эти тохары по-видимому уже в эпоху раннего средневековья составляли оседлое население Бактрии» /62/.

Происхождение юэчжей, их этническая принадлежность вызывают все еще дискуссию, хотя мнение об их европеоидности, языке как ветви индоевропейской языковой общности доминирует в науке. По всей видимости, миграция с востока племен юэчжей была не изолированной, а представляла собою «могучую волну кочевников, хлынувших во второй половине II века до н.э. на юг и юго-запад от берегов Яксарта (Сырдарьи)». Создается впечатление, что дискуссия о юэчжи возникла из-за недооценки известий китайских источников и наоборот переоценки римских и греческих. Мы думаем, что приоритет здесь должен быть за сведениями китайских авторов, которым юэчжи были известны непонаслышке. Так, в «Цяньханьшу» (Хроника Ранней династии Хань) говорится: «Большой Юэчжи: народонаселение состоит из 100 000 семейств; 400 000 душ; 100 000 строевых войск. Почва, климат, вещи, обычаи народа и монета одинаковы с аньсийскими (парфянскими – Б.И.). Находятся одnogорбые верблюды. Юэчжи собственно есть кочевое государство. Жители со своим скотом переходят с места на место; в обыкновениях сходятствуют с хуннами. Первоначально он (Юэчжи) кочевал между Дунь-

хуан и Цилян-шань. Хуннуский Модэ-шаньюй разбил Юэчжи, а Лаошан-шаньюй убил его и сделал из его черепа чашу для питья. И так, Юэчжи удалился на запад (в сноске Бичурин отмечает, что для сокращения опущено занятие ими страны по северную сторону Небесных гор (Тянь-Шаня), то есть Семиречья – Б.И.), прошел через Давань (Фергану), напал на Дахя (Бактрия) и покорил сие владение. Остальная часть родов, которая по малосилию не смогла следовать, засела в южных горах, и тангутами названа Малым Юэчжи. Дахя собственно не имел верховного государя, а каждый город поставлял своего владетеля. Народ слаб и боится войны: почему и покорен был юэчжийцами. Имеется пять Хи-хэу (удельные княжества – Б.И.): Хюми, Шуан-ми, Гуйшуан, Хэйтунь, Гаофу. Сии пять владетелей состоят в зависимости от Большого Юэчжи». Как видим, информация китайской хроники весьма достоверна и она позволяет видеть различие между собственно бактрийцами, оседлым народом и юэчжи-кочевниками. Интересно отметить, что китайский источник в отличие от сообщения Страбона о четырех племенах: асиев, пасиаков, тохаров и сакаврлов, покоривших Греко-Бактрийское царство, говорит лишь об одном народе – юэчжи, который овладел пришедшим в упадок государством. Хроника указывает и на прежнюю родину юэчжей – территорию между Дунь-хуан и горами Цилян-шань в Ганьсу.

Еще более содержательную информацию о Доме Юэчжи содержит “Хоуханьшу” (Хроника Поздней династии Хань), в которой отмечается: «Когда Дом Юэчжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисье и Думи. По прошествии с небольшим 100 лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил четырех прочих князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. После смерти его сын Яньгаочжень получил престол, затем покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юэчжи сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал прежнее его название Большой Юэчжи». Если учесть, что юэчжи пришли в Бактрию около 130-х годов до н.э., то образование Кушанского государства приходится на I век н.э., что соответствует действительности. Инициатива образования государства, как видим, исходила от одного из пяти владений – гуйшуан (кушан), отсюда и название государства. Зафиксирован и рост могущества нового цар-

ства. Китайцы сохранили за новым государством имя народа, переселившегося некогда из Ганьсу – юэчжи. Но эта верность традиции не позволила китайской историографии увидеть распад Кушанской империи, захват верховной власти другим народом – хионитами во главе с царем Кидарой (Цидоло – по китайской транскрипции), и поэтому “Бейши” (Хроника Северных государств) продолжает видеть в хионитах прежних юэчжей. В ней говорится: «Большой Юэчжи по смежности с жужанами на севере часто терпел нападения от них. Почему он перенес свой Двор далее на запад за 2100 ли? После сего храбрый юэчжийский государь Цидоло перешел со своим войском через большие горы напал на северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гантоло к северу» /63/.

Тохары (юэчжи) оставили славное свое имя в истории. В период расцвета (I–III века н.э.) Кушанское царство включает кроме Бактрии почти весь Афганистан, Северную Индию. Вопрос о вхождении в состав царства Согда, Хорезма остается открытым. Кушанская империя пала в 80-е годы IV века н.э. С IV века Бактрия известна под названием Тохаристан. Одна из провинций современного Афганистана носит по сей день это историческое название.

В сочинении Страбона заслуживает особого внимания положение о кочевниках, взаимоотношение и взаимодействие кочевой и оседлой культур. Так, критикуя Гомера за чрезмерную идеализацию кочевников, наделения их такими достоинствами как честность, справедливость, Страбон следующим образом объясняет его пристрастие: «Гомер, видя нашу страсть к обогащению и всевозможные несправедливости из-за наших обязательств, назвал честнейшим и доблестнейшим такой народ, который не имеет дела ни с договорами, ни накоплением денег, но имеет все общее кроме мечей и чаши для питья». Страбон признает, что такое же мнение о номадах существует у эллинов и в настоящее время: «Мы считаем их очень простодушными, совсем не коварными, намного более скромными, чем мы сами и более независимыми» /64/. Говоря о кочевниках, Страбон, разумеется, имел в виду причерноморских скифов.

Страбону, конечно, нельзя отказать в прекрасном знании реального положения вещей, связанного с уровнем развития экономики и социальной структуры древнегреческого оседло-земледельческого общества, имевшего богатый опыт торговли и товарно-денежных отношений, более низкого уровня экономического и социального развития кочевников. Эти объективные условия выработали у номадов черты «благородных дикарей», которые нередко становились этни-

ческими признаками, например, чувство справедливости у древних тюрков, отмечаемые средневековыми авторами.

Важное методологическое значение имеет следующее положение Страбона: «Номады занимаются больше войною, чем разбоем и войны ведут из-за дани, представив земли во владение желающим заниматься земледельцам, они довольствуются получением условной умеренной дани не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей, в случае же неуплаты дани арендаторами начинают с ними войну». Как видим, кочевники силой восстанавливают справедливость, условие аренды. Страбон, которого трудно заподозрить в идеализации номадов, считает истинными виновниками разбоев земледельцев, отличающихся алчностью и корыстолюбием. Он подчеркивает, что «земледельцы, хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» /65/. Таким образом, уже Страбон стремился объективно раскрыть характер взаимоотношений оседлых и кочевых народов, и он не видит в номадах изначально агрессивную сторону, не клеймит их хищниками или трутнями человечества, как впоследствии утверждали расисты и шовинисты.

Гай Плиний Секунд (Старший), крупнейший римский ученый родился в 23 году, погиб при извержении вулкана Везувий в 79 году н.э. Его труд «Естественная история» в 37 томах почти полностью сохранился. Гай Плиний подробно перечисляет названия сакских племен. По его словам: «За бактрами живут согдиане, у них города – Панда и Александрия, построенная Александром Великим на крайних пределах их земли; дальнейшему их продвижению препятствовала река Яксарт, которую скифы зовут Силисо, а Александр и его воины приняли за Танаис. За этой рекой живут скифские народы. Персы дали им общее название – саков от ближайшего народа. Их племенам нет числа, они живут подобно парфам. Самые известные из них: саки, массагеты, дахи, исседоны, астаки, румники, пестики, гомодоты, гисты, камы, камаки, авхаты, котнеры, автусианы, псаки, аримаспы, антракаты, хроазы, этаи» /66/. Рассказ Плиния позволяет уточнить ряд неясных или неточных сведений древних источников. Так, мы узнаем, что реку Яксарт (современная Сырдарья) Александр Македонский принял за Танаис, то есть за Дон, что город, построенный им на Сырдарье, носил его имя – Александрия Эсхата (Александрия Крайняя), впоследствии известный как город Ходжент, переимено-

ванный в 1936 году в город Ленинабад. После распада Советского Союза городу вернули его историческое название. По Плинию, город Александрия находился на территории древнего Согда. Все перечисленные племена, в том числе исседоны, аримаспы относятся к скифским, т.е. сакским племенам. Очень важно указание Плиния, что скифы названы саками по имени ближайшего к персам племени саков, что саки – это общее наименование всех скифских племен и что саки живут за рекой Сырдарья к востоку. Наличие в списке скифских (сакских) племен аримаспов может быть случайностью или данью книжной традиции.

Труд Дионисия Александрийского (Периэгет) “Землеописание” важен для нашей работы как источник, который дает ценные сведения о древних племенах по обе стороны Каспийского моря. Начинает он свое описание с северо-западной стороны. Он пишет: «Первыми идут скифы (азиатские скифы), они населяют земли от Кронийского (Азовского) моря до устья Каспия, следующие фини, за ними каспии, а за этими воинственные албаны и кадусии, живущие в горной местности, а вблизи последних живут марды и гирканцы... На востоке, на противоположном берегу шумящего Аракса обитают массагеты, владеющие быстрыми стрелами. Ни я, и никто другой не хотел бы оказаться рядом с ними; к северу от них живут хорасмии, за которыми находятся земли Сугдианы (Согдиана), по ней протекает священный Окс (Аму-Дарья), который, стекая с горы Эмод, впадает в Каспий... За ним по берегам Яксарта (Сыр-Дарья) обитают саки, обладатели луков, которых не постыдился бы носить никакой лучник, у них – не в обычае стрелять куда попало; там же живут тохары, фруры и варварские народы сиров. Есть еще другие многочисленные скифы, которые населяют самые дальние окраины Ойкумены» /67/. В этом сообщении важно обратить внимание на каспиев, населявших западный берег Каспийского моря. Именно от них, каспиев, некоторые советские исследователи (Марр, Бернштам и др.) ошибочно производили происхождение этнонима и народа «казах».

Весьма наивную попытку объяснить этимологию термина аримаспы («одноглазые люди») предпринял Периэгет. Об этом сообщает Евстафий (XII век) в «Комментарии» к «Землеописанию» Дионисия. Евстафий пишет: «Аримаспы – скифский народ. Дионисий называет их «неиствующие» от Ареса, а Эсхил (525-456 годы до н.э., древнегреческий поэт-драматург, «отец трагедии») называл их «одноглазым войском». Они, будучи весьма искусными стрелками,

для того, чтобы вернее прицелиться, закрывают один глаз. И, может быть, вследствие прилежного упражнения в этом с детства, как говорят и древние, у них один глаз сделался меньше другого» /68/. Некоторые детали рассказа Евстафия или противоречат известным данным, или же являются оригинальными сведениями. Так, по его мнению, находящиеся выше аримаспов горы, являются Рипейскими горами (большинство источников их принимают за Уральские горы), скифскими луками называются луки, состоящие из рогов, унны или туны – каспийский народ, из племени скифов унны, и живущие за ними каспии /69/. В приведенном выше отрывке из труда самого Дионисия правильно отмечено название народа, живущего за скифами – фини. В старом переводе он назывался «унны или туны», что приводило к неправильной этнической атрибуции. «Уннов» принимали за гуннов, что приводило к исторической дезинформации. Разъяснение Евстафия о том, что «унны» – это каспийский народ, который, в свою очередь, является скифским племенем, представляет важное значение.

Определенный этнографический интерес вызывает упоминание Николаем Дамаским (родился в 64 году до н.э.), греческого философа, автора сочинения «История» в 144 книгах о скифах и савроматах. Любопытный штрих из его биографии – он был другом иудейского царя Ирода и римского императора Августа. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том, что скифы – одни употребляют луки. Следующее же его замечание вызывает определенное любопытство: савроматы через каждые три дня наедаются до пресыщения, женам своим во всем подчиняются как господам /70/. Наедаться до пресыщения – «прерогатива» далеко не одних савроматов, а исходя из образа жизни всех кочевников. Что касается отношения савроматов к женам, то в последующей истории евразийских, тюркских номадов подобное поклонение к женам проявляли, по рассказам арабских путешественников, лишь кипчаки.

Интересные, хотя и не совсем ясные сведения по нашей теме можно почерпнуть из «Географии» знаменитого древнегреческого астронома Клавдия Птолемея (90-160 годы). Он пишет: «Скифия за горой Имаем (имеется ввиду Памир – Б.И.) на западе граничит с по-суюсторонней Скифией и с саками, вдоль всей горы до поворота гор на север с неизвестной землей на восток с Серикой (Китай – Б.И.), к югу – с частью Индии за рекой Гангом. Северную часть этой Скифии заселяют абии-скифы, под ними – гиппофаги («конееды»), за ними простирается местность Авзакита, а под ней Кассия, ниже ко-

торых живут хайты-скифы» /71/. Трудно точно локализовать и идентифицировать указанные Птолемеем скифские племена, хотя он указывает известные географические ориентиры: Памир, Китай, Индия, в пределах которых расселяются скифские племена. Эти координаты дают наиболее реалистическое представление о грандиозности скифо-сакского мира, который невозможно представить только пределами Средней Азии и Казахстана. Описание Птолемеем скифов с севера на юг является оригинальным и, как видим, на севере скифского мира живут абии-скифы, возможно, они и есть упоминаемые часто авторами исседоны, ибо севернее исседонов мы не встречаем скифов. Трудно идентифицировать и остальные скифские племена, хотя те из них, которые ближе всего к Китаю и Индии, можно соотнести к сз (саки) – китайских источников.

Труд «Описание племен» Стефана Византийского (IV век н.э.) подводит своеобразный итог исследованиям поздних античных авторов о скифах и саках. Следует также отметить, что только благодаря Стефану до нас дошли отрывки из безвозвратно утерянных трудов предшественников Геродота, Гекатея и других греческих историков. Труд Стефана является своеобразным справочником названий и этнической принадлежности племен. Так, по его словам, абии – скифское племя, Амиргий – равнина саков, аорсы – скифский народ, апасиакы – племя массагетов живут между Оксом и Танаисом (Амударья и Сырдарья). Аримаспы – племя гипербореев – кочуют на телегах, влекомых быками, даи – скифское племя, исседоны – также скифское племя, Рипей – гора гипербореев, саки – народ, которого называют скифами от доспеха (шит), они изобрели его, сарматы – скифское племя, страна их Сарматия, савроматы – скифское племя – олицетворение женщины и страны /72/. В рассказе Стефана оригинальным является его утверждение об аримаспах как племени гипербореев. Наш анализ сочинений античных авторов будет, вероятно, неполным, да и мы лишим себя важной информации о библейском предании, о происхождении человечества от трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета, если не укажем на весьма важное сообщение греческого писателя Эпифания (314-406 годы до н.э.). Он отмечает: «От Сима народились... лазы, коссесуи, палестинцы, индийцы, сирийцы, арабы, евреи, бактрианцы, скифы, хионы, а от Иафета – мидяне, арменийцы, колхы, савроматы, меоты, скифы, фракийцы, бастерны» /73/. Автор жил в IV веке н.э., и потому его географическое познание, как у большинства античных авторов на востоке, ограничивается Индией. Китай, народы Центральной Азии, Европы

и Африки выпали из поля зрения Эпифания или же, что представляется более правильным, географические представления авторов Библии того времени ограничивались в целом регионами Ближнего и Среднего Востока, Балканами и Кавказом, Северным Причерноморьем и Северным Прикаспием. Предположительные потомки Сима и Иафета, как видим, не совсем верно представлены и логически, и географически. Скифы указываются у того и другого. Упоминание хионов для автора этих строк, занимающегося исследованием хазар, представляет несомненный интерес.

Казахстанские археологи и антропологи (историки практически никогда не занимались исследованием проблем древней истории) картину расселения племен раннего железного века на территории Казахстана представляют следующим образом: на юге – саки-тиграхауда или массагеты и даи, на западе – савроматы и сарматы, в Центральном Казахстане – исседоны, на северо-востоке – аримаспы /74/. По-иному видят расположение племен и их названия западные исследователи. Так, известный французский историк Рене Груссе локализует саков-тиграхауда в районе Приаралья и низовья Сырдарьи, саков-хаомаварга – в Фергане и Кашгаре, саков-парадрайа – в Южной России. Вместе с тем он относит исседонов к угро-финской расе и локализует их в Приуралье, недалеко от Екатеринбурга. Американский историк Стюарт Легг (Legge) локализует часть сарматов на севере и востоке Каспийского моря, а другую их группу – саков – на территории между Аральским морем и озером Балхаш /75/. Как видим, если Груссе принимает геродотовское деление саков на три группы, то Легг считает саков частью сарматов.

В результате многолетних изысканий археологи пришли к выводу, что Центральный Казахстан был одним из очагов сакской культуры, получившей название тасмолинской (по могильнику Тасмола в Павлодарской области), которая была синхронна скифской и савроматской культурам /76/. О влиянии исседонов на развитие сакской культуры Семиречья отмечают К.А.Акишев и Г.А.Кушаев. По их мнению: «Именно они, исседоны Центрального Казахстана, с почти сформировавшейся культурой сакского типа, сыграли решающую роль в становлении и развитии сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане» /77/.

В исследовании материальной культуры саков и савроматов отечественные археологи добились больших успехов. Раскопки могильников Бесшатыр на реке Или (V век до н.э.), кургана Иссык (IV век до н.э.), представляющие значительные архитектурные сооружения,

раскрывают (буквально и фигурально) богатства сакского общества, позволяют по-новому взглянуть и оценить место, роль и значение ранних кочевников Казахстана в мировой истории и цивилизации. Открытие «Золотого человека» из Иссыкского кургана (недалеко от Алматы) стало подлинной научной сенсацией (копия «Золотого человека» занимает почетное место среди шедевров мировой культуры в здании ООН в Нью-Йорке. Большую роль в этом сыграла представитель РК в ООН А.Х.Арыстанбекова. Курган Иссык отражает наиболее полно сакское ювелирное искусство (более 4000 высокохудожественных золотых изделий). Украшения «Золотого человека» – это своеобразная энциклопедия сакской мифологии, миропонимания, они помогают также понять характер социального устройства сакского общества. Особый интерес представляет надпись на серебряной чаше. И могильник Бесшатыр, и курган Иссык открыты и научно описаны выдающимся казахским археологом К.А.Акишевым /78/.

На один момент сакской эпохи, имеющий важное значение для последующей этнической истории Казахстана, стоит обратить особое внимание. Речь идет о появлении в казахстанских степях монголоидных пришельцев с востока и начале процесса метисации населения Казахстана. Их еще немного, но количество пришельцев постепенно возрастает с начала нашей эры. Так, население Северного Каспия (Волгоградская и Астраханская области) с начала нашего летоисчисления имеет на одну треть монголоидную примесь /79/. Надо полагать, что в соседних областях Казахстана (Западно-Казахстанская, Атырауская), расположенных в междуречье Волги и Урала, доля монголоидов была не меньше. Однако, как справедливо отмечает О.И.Исмагулов, монголоидная примесь в сакский период была еще незначительной в общей массе местного европеоидного населения. По его расчетам в эпоху бронзы по краниологическим материалам условная доля монголоидных элементов составляла 0%, то в ранний железный век – 20% /80/.

Вынужденные признать европеоидное происхождение скифов (саков) некоторые исследователи, как в прошлом, так и сегодня предпринимают безуспешные попытки подвергнуть ревизии доминирующее в науке мнение об их принадлежности к иранской языковой группе. Они утверждают о тюркоязычности некоторых племен сакского мира, не определив, какие же эти племена. Более того, они говорят о заселении тюрками и даже казахами в эпоху раннего железа территории Средней Азии и Казахстана. Так поэт Олжас Сулей-

менов еще в 1966 году безапелляционно утверждал, что в Бехистунской надписи упоминаются этноним и народ казах. Абсурдность его утверждения очевидна. И потому известный востоковед В.П.Юдин мог только констатировать: «Мы не подвергаем критическому разбору приемы, посредством которых устанавливаются этот факт, так как они лежат за пределами науки» /81/. Сулейменов же был первым, кто «прочитал» на основе древнетюркской руники надпись на серебряном блюде из Иссыкского кургана: «Сын хана в 23 года умер. Имя и слава народа иссякли». После него еще восемь человек: любители-энтузиасты, языковеды и даже тюркологи пытались также переводить указанный текст. Однако «переводы» не выдержали научной критики, ибо исходили из неверного посыла, то есть они осуществлялись на базе чуждого алфавита. Одной из причин подобного фиаско К.А.Акишев справедливо считал забвение научного принципа – ставить под сомнение свои выводы. Вместе с тем К.А.Акишев отмечал, что наиболее научно обоснованной версией является перевод венгерского ученого Яноша Харматты на основе модифицированного персидско-арамейского алфавита, созданного в III веке до н.э. и получившего в лингвистической науке название «кхарошти». «В этой чаше виноградное вино. Припасено столько пищи, сколько необходимо усопшему. Затем приготовлено чистое масло». Как завещание современникам и потомкам звучат слова Кималия Акишевича Акишева: «Научно доказанная атрибуция независимо от этнической и языковой принадлежности памятника значительно важнее для исследователя проблем древней истории евразийского региона, чем заманчивые идеи тюркского патриотизма» /82/. К.Акишев – второй в истории казахского народа после Ч.Валиханова ученый, получивший при жизни мировое признание. Известно, что Чокан Валиханов удостоился чести быть избранным действительным членом Русского географического общества, чести не меньшей, на наш взгляд, чем звание академика АН Казахской ССР или НАН РК. Однако К.А.Акишев не был избран даже членом-корреспондентом отечественной академии ни при руководстве республикой Д.А.Кунаева, ни при Н.А.Назарбаеве, хотя они оба стали академиками. Поистине в своей отчизне пророков нет, или честному подлинному ученому путь в Национальную академию был и остается заказанным.

Признанного научным сообществом перевода «иссыкского письма» до сих пор, то есть через 40 лет после открытия «Золотого человека», не существует. Иные исследователи делают широковещательные заявления: почему бы «иссыкскому письму» не быть прототипом

древнетюркского письма или, по крайней мере, не сыграть какую-то роль в его становлении, ибо тюрки якобы жили рядом с саками и у них, мол, были перекрестные браки, связи /83/. Предположения подобного рода основаны на домыслах и противоречат историческим реалиям, ибо совершенно отсутствуют какие-либо исторические факты о том, что тюрки и саки были соседями и между ними существовали идиллические отношения. Вспомним, какие ожесточенные сражения происходили между близкородственными ариями и турами, как сарматы при своем продвижении на запад истребили скифов...

Известный казахстанский археолог Серик Ажгали, говоря о существовании мнения о связи авестийских туров с этногенезом тюрков, верно подчеркивает, что оно зиждется лишь на лингвистических сообщениях и категорически отрицается другими исследователями. Однако, ссылаясь на К.И.Петрова и Е.Д.Турсынова, утверждающих, что в границах Восточной Европы и Западного Казахстана с начала письменной истории задолго до нашей эры проживали европеоидные тюркоязычные племена и что ими были гунны и исседоны, Ажгали фактически поддержал мнение лингвистов. Нетрудно заметить, что выводы указанных авторов ошибочны, ибо противоречат данным письменных источников и результатам изысканий самих казахстанских археологов. Действительно, задолго до нашей эры на территории Казахстана и то лишь в западной его части проживал один единственный народ – аргиппеи, которые как по языку, так и по внешнему виду отличались от скифов. Нет никаких оснований считать их прототюрками, скорее они были протоуграми. Что касается монголоидных по происхождению и действительно тюркоязычных хуннов (гуннов), то известно, что они появились на территории Казахстана в основном в I-II веках нашей эры. И, наконец, совершенно невозможно отрицать скифское происхождение исседонов, хотя Рене Груссе считал их угро-финнами. Поэтому утверждение Ажгали о существовании «очевидной связи между даха (даи) с наименованием казахского рода адай» также трудно считать научно обоснованным /84/. Адайцы появились на полуострове Мангышлак лишь в начале XIX века, следовательно, даев и адаев разделяют две тысячи лет. И говорить о какой-то генетической и исторической связи между ними не приходится.

Несмотря на отсутствие достоверных данных, идея о тюркоязычности части саков проникает в казахстанскую историографию. Так, авторы «Истории Казахстана» признают, что было принято считать,

что в течение 1 тысячелетия до н.э. население Казахстана было преимущественно носителем индоевропейского, индоиранского языков. Но сейчас все больше утверждается мнение, что среди племен бронзового века и особенно саков имелись племена, говорившие на прототюркских языках /85/. Думаем, что этот взгляд является предвзятым, в нем видно стремление авторов выдать желаемое за действительное. Подводя итоги этнической истории Казахстана в эпоху раннего железа на территории Казахстана, можно констатировать, что европеоидный физический тип саков, савроматов и других племен, кроме аргиппеев, их ираноязычность – не должны вызывать сомнений. Однако по разным причинам зачастую субъективного порядка предпринимаются попытки, объявить саков тюркоязычными и на этой основе представить их прямыми предками казахов. Нынешние «радетели» науки, спекулируя на мнимом сходстве звучания имени баснословного прародителя саков Таргитая с казахским, строят целую «концепцию» сакского происхождения казахов. Разумеется, общий образ жизни кочевников порождал у различных и по языку, и по физическому типу народов близкие зачастую схожие бытовые, культурные признаки, скажем, все они питались мясом, пили кобылье молоко (кумыс), жили в юртах-кибитках, носили кожаные штаны, а потому могли случайно совпадать отдельные слова не только по звучанию, но и по смыслу. Однако это не дает оснований считать, что эти народы были одного происхождения как в нашем случае саки и казахи, разделенные хронологически на тысячи лет, но жившие на одной и той же территории.

В этой связи очень важно вспомнить, что еще во второй половине XIX века известный русский востоковед В.В.Григорьев (1818-1881), прекрасный знаток истории и жизни казахов (в 1854-1862 годы он был начальником Оренбургской пограничной комиссии, то есть фактически управлял краем) пришел к выводу о расовой и этнической принадлежности древнего населения Средней Азии и Казахстана, сохраняющему свое принципиальное значение и актуальность по сегодняшний день. Опираясь на мнение видных европейских ученых Абеля Ремюза и Юлиуса Клапрота о том, что по своему происхождению население бассейнов Амударьи, Сырдарьи, Тарима и Или вплоть до Р.Х. и даже несколько позже было иным, чем ныне в них преобладающее, то есть тюркское, и что его представляли разные арийские народы, Григорьев убедительно доказал, что древнее население не только Бактрии, Согда и Хорезма, но и саки, юэчжи, население Кангюя, Яньцзя, Усуни и Восточного Туркестана вплоть, по

крайней мере, до 111 года по Р.Х. были европеоидными. Отметив, что туранские (автор вкладывает в это понятие более широкое этническое содержание, чем только тюркское: это и угорское, и монгольское, в общем монголоидные – Б.И.) племена стали селиться сплошными массами в степях прияксартских лишь по мере ухода в Европу, занимавших эти степи разных арийских колен, он решительно заявляет: «Ни по Яксарту, ни по югу от этой реки никаких туранских народов не жило» /86/.

Не менее решительно Григорьев отвергает всякую генетически преемственную связь между саками и казахами. Он пишет: «Стараясь выяснить быт и степень культурности саков, мы несколько раз для наглядности дела указывали на параллельные явления в быту нынешних обитателей тех степей, которые занимали некогда саки – в быту киргизов. Это нисколько не значит, что мы считали нынешних киргизов потомками саков, или даже признавали между теми и другими хотя бы малейшее кровное родство» /87/. Вывод Григорьева остается незыблемым и сегодня, хотя и предпринимаются тщетные, иногда совершенно беспомощные попытки поколебать его. Чего стоит, например, наподобие аннотации (всего одно предложение) к переизданной книге В.В.Григорьева в 1996 году: «Эта книга о родоначальнике казахского народа и тюркского народа – саках».

Источники и литература

1. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 5-6; Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43-48.
2. Алексеев А.Ю. Хронография евразийской Скифии. СПб., 203. С. 40.; ВДИ, 2006, № 1. С. 186-187.
3. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 175-177.
4. Исследования источников по истории доисламской Центральной Азии. Алматы, 1997. С. 28.
5. Хрестоматия по истории древнего Востока. Часть 2. М., 1980. С. 24-36.
6. Там же. С. 24.
7. Там же. С. 29.
8. Там же. С. 31.

9. Там же. С. 32.
10. Там же. С. 36.
11. Баженов Л.В. Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. С. 34.
12. Хрестоматия... С. 36.
13. Геродот. История. В 9 томах. М., 1999. С. 587.
14. Там же. С. 161.
15. Этническая ономастика. М., 1984. С. 10.
16. Историки античности. Том 1. Древняя Греция. М., 1989. С. 10.
17. Геродот. С. 452.
18. Там же. С. 236-239.
19. Там же. С. 239.
20. Доватур и др. С. 83. Геродот. С. 118.
21. Исследования источников... С. 28; Хрестоматия... С. 36.
22. Геродот. С. 88, 89-90.
23. Там же. С. 93.
24. Там же. С. 93-94.
25. Баженов. Указ. работа. С. 30; Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного автора Ктесия. Душанбе. 1975. С. 189; Юстин. Всеобщая история. СПб, 1824. С. 18; Геродот. С. 635.
26. Геродот. С. 58.
27. Там же. С. 243.
28. Там же. С. 242-243.
29. Там же. С. 648.
30. Там же. С. 243.
31. Там же. С. 243.
32. Там же. С. 272.
33. Там же. С. 94.
34. Там же. С. 243.
35. Там же. С. 258.
36. Там же. С. 257.
37. Там же. С. 250, 254.
38. Там же. С. 259.
39. Там же. С. 255.
40. Там же. С. 425-429, 209-210.
41. Там же. С. 326.
42. Там же. С. 389, 562.
43. Там же. С. 635.
44. Там же. С. 626-627, 631.
45. «Archaeology», January February 1997. P. 45.

46. Геродот. С. 667.
47. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948. С. 102; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 181, 197; Абрамова М.П. Письменные источники о кавказских ала-нах. Элиста, 1979. С. 40.
48. Смирнов К.Ф. Савроматы. С. 183-197.
49. Там же. С. 212, 215.
50. Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993. С. 47, 55, 73.
51. Там же; История Казахстана. Том 1. С. 25.
52. Латышев В.В. «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – «Вестник древней истории», 1947, № 1. С. 298.
53. ВДИ, 1947, № 2. С. 296-297.
54. Там же.
55. Ставиский Б.Я. Между Памиром и Каспием. М, 1966. С. 99.
56. Там же. С. 81; ВДИ. 1949, № 4. С. 38.
57. Ставиский. Указ. работа. С. 84.
58. ВДИ, 2005, № 1. С. 107.
59. Там же. С. 116, 119.
60. Там же. С. 121-125.
61. ВДИ, 1947, № 4. С. 229.
62. Там же.
63. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 101; Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Том 2. С. 189-190, 235, 273-274.
64. Хрестоматия по истории древнего мира. Под редакцией академика В.В.Струве. Том 2. М., 1951. С. 306.
65. Там же. С. 315.
66. ВДИ, 1948, № 2. С. 306.
67. ВДИ, 1948, № 4. С. 341; ВДИ, 2006, № 2. С. 240-241.
68. ВДИ, 1948, № 1. С. 242.
69. Там же. С. 243, 245, 254.
70. ВДИ, 1947, № 4. С. 176.
71. Баженов Л.В. Указ. работа. С. 131, 165.
72. ВДИ, 1947, № 3. С. 313-325.
73. Там же.
74. История Казахстана. Том 1. С. 25, 164.
75. Grousset R. The Empire of the Steppes a history of Central Asia. Rutgers University Press. New-Jersey. 1994. P. 29, 545; Legg S.

- The Barbarians of Asia. The Peoples of the Steppes from 1600 BC. Dorset Press. New York. 1990. P. 69.
76. Маргулан А. и др. Указан. работа. С. 402.
77. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 134.
78. Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978; Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1983.
79. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1976. С. 18.
80. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970. С. 36; Его же. Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982. С. 162.
81. «Қазақ әдебиеті», 1966, 25 ноября; Юдин В.П. Центральная Азия в XIV- XVIII вв. глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 146.
82. Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Материалы международной научно-теоретической конференции «Древняя цивилизация: памятники письменности». Астана, 1991. С. 389-392.
83. «Караван», 2004, 27 августа.
84. История и культура Арало-Каспия. Сборник статей. Выпуск 1. Под редакцией С.Ажгали. Алматы, 2001. С. 12-17.
85. История Казахстана. Том 1. С. 13.
86. Григорьев В.В. О скифском народе саках. Алматы, 1998. С. 56-60.
87. Там же. С. 56.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАД ИМПЕРИИ ХУННУ

1. КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ДОСТОВЕРНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ

По логике вещей за ранним железным веком должен был бы последовать поздний, но в казахстанской историографии заключительный этап (II век до н.э. – V век н.э.) древней истории Казахстана получил наименование периода древних государств: Кангюй, Усунь и Яньцай, на который приходится самое глубокое изменение расовой, этнической, культурной и политической обстановки в Средней Азии и Казахстане, связанное с Великим переселением народов, первотолчок которому дала образовавшаяся в конце III – начале II веков до н.э. империя Хунну – одна из величайших в мировой истории. Она простиралась от Великого океана на востоке до гор Тарбагатай на западе. Некоторые исследователи высказывали предположение о ее западной границе – Аральское и даже Каспийское море /1/.

Этот период в отличие от предшествующего – эпохи раннего железа, когда основными письменными источниками были труды античных авторов, получает достоверное и в значительной мере системное изложение в китайских хрониках, в которых соблюдается определенная преемственность и в освещении исторического процесса и исторических событий, имевших место в Центральной Азии. Действительно, как мы уже отмечали, Страбон связывал разрушение Греко-Бактрийского царства – наследия Александра Македонского с завоеванием его скифскими племенами: асиев, пасиак, тохаров и сакаравлов. На развалинах этого царства позже, в I веке н.э. возникло мощное Кушанское царство. Имя одного из юэчжийских (тохарских) племен – кушанов дало название новой империи. Таким образом, юэчжи удастся возродиться в великую державу в Бактрии, далеко от своей первоначальной родины – района Западного Китая.

До появления в VIII-IX веках арабской историко-географической литературы китайские письменные источники оставались единственными, из которых можно было черпать сведения о населении и территории стран Центральной Азии. В большей мере сказанное относится и к исследуемой теме. Потому трудно понять скупую оцен-

ку авторов «Истории Казахстана», которые пишут лишь об определенной роли в изучении истории Казахстана, начиная со II века до н.э., китайских источников /2/.

Китайская историография средневековья по общему признанию является самой богатой и совершенной в мире. В стране ей придавалось государственное значение, официальный историограф при императоре имел чин выше любого министра. Сам император «визировал» летопись, которую писали ученые об эпохе его предшественника, что являлось важным нравственным заслоном на пути к ревизии или шельмованию деятельности и личности покойного императора. Она запечатлевала для потомков исторические события и факты не только внутренней жизни, но и окружавших Китай стран и народов, с которыми он имел самые разнообразные отношения: от мирных до военных. На основе данных летописей разрабатываются основные принципы китайской дипломатии. Китаевед В.С.Таскин пишет: «Китай со всех сторон был окружен беспокойными враждебными племенами, которые носили общее название «варвары четырех сторон». Китайцы тщательно собирали и записывали сведения об этих племенах. Они хотели иметь точную информацию об их нравах, военной силе, рельефе местности, правителях, влиятельных лицах и т.д. На основе полученных сведений строилась китайская дипломатия, исходившая из принципа «обуздывать варваров руками варваров» /3/.

Собранная таким образом информация стала «золотым фондом» китайской историографии, которая занимала почетное место в Китае. Ценность китайских источников определяется, прежде всего, их достоверностью. Историческая память считалась в Китае совестью нации. Современники, включая императора, в трудных важных обстоятельствах всегда обращались за примерами к прошлой истории: к делам и мыслям благородных правителей, ученых, полководцев, народных героев. Достоверность китайских источников определяется тем, что они написаны и пишутся правительством с актов и фактов современных. Она поддерживается бережным уважительным к ним отношением. Уважение к древности в Китае так велико, что никто не решается прикоснуться к тексту, признанному классическим; ошибки по невежеству также маловероятны, так как не было ни перерыва научной традиции и даже сколько-нибудь существенных изменений в области языка и правописания. Несомненные достоинства китайских источников – точность в хронологии, достоверность, отсутствие фантастических вымыслов /4/. Точная хронология

китайской истории позволяет, верно определить и хронологические рамки событий у соседних народов и стран. Сказанное относится и к древней и средневековой истории Казахстана.

Говоря о закреплении принципа заимствования материалов в китайской историографии, Л.А.Боровкова отмечает, что авторы последующих хроник нередко без всяких ссылок включали в свои работы отдельные сведения из предыдущих, обычно сократив и отредактировав их. Начиная от Сыма Цяня («Отца китайской истории»), отмечает она, в династийных историях имелись специальные разделы «Повествования о народах Западного края», то есть странах к западу от Китая (чаще всего подразумевался Восточный Туркестан – Б.И.). В каждой такой истории содержался рассказ об исторических событиях за строго определенный исторический период – от начала и до конца правления описываемой династии. Составитель не мог включать в составляемую им историю сведения, полученные уже после падения династии. В самом тексте летописи факты излагались в строгой хронологической последовательности. В «Повествованиях о Западном крае», продолжает Боровкова, отражены только те известия, которые при дворе получали от своих и иноземных послов и других высокопоставленных лиц. Поскольку династийные истории донесли до нас только официальные сведения послов, то необходимо, справедливо замечает она, учитывать эту их специфику. Сведения же об этих народах и государствах, полученные вне сферы государственного управления, если и были (в основном рассказы купцов), то при дворе не фиксировались и в хронику не попадали. Необходимо отметить важность замечания Боровковой о том, что расстояния между государствами определялись между их столицами, поскольку представлений о границах в современном понимании еще не было /5/.

Нужно сказать, что китайские письменные источники не ограничиваются только династийными хрониками. Есть немало памятников неофициального характера: записи китайских миссионеров, путешественников, купцов и др. Великая китайская историография была создана великой страной, что объясняет, но не оправдывает появление еще в древности такого феномена как китаецентризм. Поэтому в ней все человечество как бы делится на китайцев (цивилизованных) и некитайцев (варваров). Как в любой национальной историографии ей были присущи пристрастность и тенденциозность. И потому возвеличение роли Китая, его исторической значимости, военных и иных успехов входило в задачу историка. Китайцы не ску-

пились на нелестные характеристики врагов и аккуратно доверяли свои чувства и помыслы бумаге и кисти /6/.

Русское российское востоковедение по праву занимало и занимает почетное место в мировой ориенталистике. Отдавая должное достижениям западных ученых, изучавших древнюю и средневековую историю народов Центральной Азии, Л.Н.Гумилев не без законной гордости подчеркивал, что в этом процессе первое место принадлежит русской науке. Ученые русской школы, по его глубокому убеждению, настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными» глазами кочевников /7/. Особое место в российской ориенталистике занимает китайоведение.

В блестящей плеяде российских ориенталистов ярко выделяется величественная и трагическая фигура синоведа Н.Я.Бичурина (Отец Иакинф). По словам Н.А.Бернштама, вольнодумец в рясе, нетерпимый к проходимцам в науке и подлецам в политике, остро реагировавший на события внутренней и международной жизни, Бичурин и при жизни и много лет спустя после своей смерти вызывал самые разноречивые отзывы /8/. Бичурин решительно выступал против расистской теории Ю.Клапорта.

Никита Яковлевич Бичурин родился в 1777 году в селе Бичурин (по-чувашски – Шинях) Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье бедного дьячка (чуваша по национальности). Поступив в Казанскую православную семинарию (1785 г.), он блестяще окончил ее в 1799 году. В 1807-1821 годы Бичурин работает в русской православной миссии в Пекине, где его феноменальный лингвистический талант в сочетании с кропотливой работой с китайскими источниками способствовал его становлению ученого-синоведа. Характерно, что Бичурин при возвращении в Россию кроме собственных научных материалов привез ценнейшие китайские источники и книги на 15 верблюдах.

В 1826 году по личному распоряжению Николая I он был причислен к азиатскому департаменту МИД. Через два года Бичурин опубликовал свою первую научную работу «Записки о Монголии». В последующие два года он издает еще шесть книг. В 1846 году накануне наступления России на Среднюю Азию и окончательного завоевания оставшейся части Казахстана – земель Старшего жуза, Академия наук поручает ему написать труд об истории древних среднеазиатских народов. В 1851 году Бичурин издает свой труд под названием: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней

Азии в древние времена». Четыре года напряженного непрерывного труда над сочинением подорвали его здоровье. Сказались и последствия многократных и продолжительных ссылок. Н.Я.Бичурин скончался 11 мая 1853 года у себя в келье, одинокий и забытый. Забытый властями и современниками, Бичурин, к счастью, не был забыт потомками и Советским государством: в 1950-1953 годах, в честь 100-летия издания «Собрание...» было переиздано в трех томах под редакцией С.П.Толстова. Редакцию текста, вступительные статьи и комментарий осуществили Н.А.Бернштам и В.Н.Кюнер. Так, лучшие советские востоковеды воздали дань уважению и признательности выдающемуся синологу Никите Яковлевичу Бичурину. С чувством большого удовлетворения и бесконечной благодарности автору отмечаем, что после 1950-1953 годов фундаментальный труд Н.Я.Бичурина был переиздан в 1998-1999 годах в Алматы. Обстоятельное предисловие к изданию написала первый казахский синолог, профессор К.Ш.Хафизова.

Прошло более 150 лет после издания труда Бичурина, мировая ориенталистика за это время добилась больших количественных и качественных успехов, что вполне объяснимо и закономерно. Можно с уверенностью сказать, что сочинение Бичурина не устарело и по сегодняшний день, оно сохраняет свое научное значение, как справедливо писал В.Н.Кюнер: «Значение труда Бичурина сохраняется целиком и поныне, так как после его издания ни у нас, ни за границей не появился труд равный по объему и качеству перевода «Сборника сведений» /9/.

Непреходящая ценность труда Бичурина объясняется, прежде всего тем, что он основан на первоклассных исторических источниках, охватывающих события более чем тысячелетней истории (III век до н.э. – VIII в. н.э.), сопредельных с Китаем и стран Центральной Азии. Бичурин использовал и перевел многие разделы труда Сыма Цяня – главного историографа, императора У-ди (I век до н.э.), имевшего официальный титул «отца китайской истории» – «Ши-Цзы» («Исторические записки»), Бань Гу (32-92) – «Хань-шу» («История ранней династии Хань»), Фань Е (398-445) – «Хоухань-шу» («История поздней династии Хань») и др.

Труд Бичурина, естественно, не был лишен погрешностей и недостатков. Критики, например, еще при жизни автора не без основания упрекали его в «монголизации» ряда народов. Действительно, Бичурин полагал, что и гунны и сяньби, и жужаны, и даже тюрки являлись монгольскими племенами. Кое-кому из современников, вероятно,

претила его самозабвенная любовь к Китаю, его истории и культуре также как его антирасистские взгляды, утверждение Бичурина о том, что «на всей полосе Средней Азии от Восточного (Тихого) океана до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют страны, вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и поныне живут с небольшими изменениями в пространстве» /10/. Сегодня, конечно, не выдерживает критики эта теория распространенная в XIX веке как «теория автохтонности», отрицавшая миграцию народов, влияние метизации.

Определенную неточность допускает Бичурин и в вопросе транскрипции с китайского языка на русский. Принятая им транскрипция, отмечал Кюнер, значительно разнится от той, которой следовали позднейшие русские и советские синологи, например, у Бичурина пьхин вместо современного пин, тхан вместо тан, кянь вместо цянь и т.д. Транскрипция Бичурина в точности следовала на тот период произношению мандаринского (китайского) языка в столице /11/. Стоит прислушаться и к замечанию Кюнера о том, что по современному произношению китайских иероглифов и вообще по современному состоянию китайской фонетики нельзя определить как эти слова (иероглифы) читались когда-то. Только выяснив, как теперь доказано, раннее произношение соответствующих иероглифов и звуков, можно восстановить первоначальное звучание собственного имени на чужом языке. Заслугу автора он видел и в том, что Бичурин отмечал старинное чтение китайских иероглифов в передаче чужеземных названий (например, хунну вместо современного сюнну, тугу вместо туцзю, хагас вместо сяцзясы и т.д. /12/.

Довольно резкой критике подвергает переводы Бичурина китайских текстов В.С.Таскин, заявляя, что Бичурин не уделял должного внимания предварительной текстологической работе: допускал ошибки в самих переводах, не составил комментария, пропускал отдельные слова, выражения и абзацы, не раскрыл номенклатуру китайских чиновников /13/. С точки зрения уровня современного источниковедения профессиональной подготовки критика Таскина, возможно, и справедлива. Однако она вряд ли может повлиять на общую оценку капитального труда Бичурина. Более справедливым представляется реплика Л.Н.Гумилева: «Сделанные им (Бичуриным) переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследования» /14/.

Прекрасный знаток китайского языка К.Ш.Хафизова, професси-

онально оценивая качество перевода Бичурина, пишет: «Переводы Бичурина являются более полными и точными по сравнению с переводами тех же разделов европейскими китаеводами. Степень охваченности китайских материалов была уникальной для его времени и остается таковой и сегодня... Ни один китайский источник любого периода о Центральной Азии не остался без внимания Бичурина» /15/.

На русский язык древнекитайские источники переводили также Н.В.Кюнсер, В.С.Таскин и др. По собственным словам Кюнера, его работа является продолжением сочинения Н.Я.Бичурина, но не выходящая по содержанию китайских источников из хронологических рамок «Собрания сведений». В ней приводятся дополнительные данные о некоторых народах, игравших важную роль в истории северо-восточной части современного Казахстана и прилегающих районов Восточного Туркестана. Ими были: динлины, кангюй, усунь, чешы, юэбань, яньцай также как и позднейшие народы, генетически связанные с ними: кан, ши, ми (кангюй), гаочан (чешы) /16/. Мнение Кюнера о том, что в гибели отца усуньского гуньмо (правителя) повинны юэжи, а не хунны, как у Бичурина, позволяет по-новому взглянуть на хунно-усуньские отношения. Для исследователей отечественной истории несомненный интерес представляет «Библиография китайской и маньчжурской литературы по истории Казахстана», составленная Н.В.Кюнсером во время его пребывания в Алма-Ате в годы войны (1942-1944 годы) /17/.

Работы В.С.Таскина («Материалы по истории сюнну». Выпуски 1,2; «Материалы по истории кочевых народов в Китае. III-V века. Выпуски 1,2) – серьезное научное издание китайских источников по истории кочевых народов, в первую очередь, сюнну (хунну). Большой интерес представляют некоторые его обобщения и выводы. Так, он приходит к выводу, что встречающиеся в китайских текстах племенные названия: гуйфан, хуньи, сюньюй, сяньюнь, жун, ди, ху – обозначали один и тот же народ, вошедший позднее в историю под именем сюнну /18/. Это мнение было высказано видным китайским историком Ван Говэем (1877-1927). Как видим, Таскин подтверждает мнение китайского ученого. Текст письма хуннского шаньюя Модэ китайской императрице Гао-Хоу переведенный им, на наш взгляд, выгодно отличается от соответствующего перевода Бичурина. Недоразумением, возникшим на почве неверного перевода китайского текста Бичуриным, считает Таскин, утверждение о том, что гуннская держава представляла собой объединение из 24 родов.

Автор доказывает, что в источнике на самом деле речь шла о 24 пачальниках, именуемых темниками. Бичурин же перевел их старейшинами, отсюда и 24 рода /19/. Эта ошибка о 24 родах у хуннов приводит впоследствии некоторых исследователей к отождествлению хуннов с огузами, Модэ – с легендарным Огуз-ханом. Думаем, что Таскин прав и тогда, когда подвергает сомнению сообщение Цзя И (200-168 года до н.э.) о том, что у сюнну было всего 60 тысяч всадников. Между тем, в источниках чаще всего указываются цифры 300 тысяч или даже 400 тысяч хуннских воинов. По расчетам Таскина, при количестве войска 300 тысяч население хунну составляло 1,5 млн человек /20/.

Особый интерес для исследования этнической истории древнего Казахстана представляют работы Таскина, посвященные истории двух близкородственных народов: сюнну и цзе. В них автор вводит в научный оборот новый источник – хронику династии Цзинь («Цзинь-шу»), правившей в Северном Китае в 265-420 годах «Цзинь-шу» была написана коллективом авторов во главе с сановником Фан Сюаньлином (578-648 годы). Время правления династии Цзинь было, пожалуй, самым драматическим периодом в истории древнего Китая, когда возникла угроза существованию не только китайской государственности, но и самого китайского этноса. Действительно, 135 лет – с 304 по 439 год весь Северный Китай оказался во власти пяти кочевых племен: сюнну, цзе, сяньби, ди и цян, которые поочередно захватывали китайские земли, создавая на них свои государственные образования, число которых по традиционным подсчетам составляло шестнадцать. Поэтому в китайской историографии это время так и называлось – период 16 государств пяти северных племен. В результате массовой гибели населения не только китайского, но и кочевого, бегства китайцев на юг Северной части Китая, составлявшей по словам Сюаньлина, восемь десятых всей Поднебесной, устанавливается почти численное равенство между кочевниками и китайцами: 1.400 тыс. и 1.450 тыс. человек. Из 1,4 млн кочевников – сюнну было 340 тыс. человек /21/.

«Цзинь-шу» подробно информирует о трех династиях сюнну и одной цзе, повествует об эволюции имени сюнну за большой исторический отрезок времени. «Племена, относящиеся к группе сюнну, имеют общее название бэйди – северные дисцы. При династии Ся (XXI-XVI века до н.э.) их называли сюньюй, при династии Инь (XVI-XI века) – гуйфа, при династии Чжоу (XI-256 год до н.э.) – сюньюнь, при династии Хань (Западная или Ранняя – 206-8 годы

до н.э., Восточная или Поздняя – 25-220 годов н.э.) – сюнну, – сообщает хроника /22/. «Цзинь-шу» содержит уникальные сведения, позволяющие раскрыть расовое происхождение и этническую принадлежность хунну (сюнну), язык – тюркский антропологический смешанный тип. Знаменитая сюннская фраза, сохранившаяся на языке цзе, приводится именно в «Цзинь-шу». По мнению Таскина, есть все основания связывать эту фразу с древнетюркским языком /23/. В хронике династии Цзинь сообщаются удивительные данные о физическом облике сюнну и цзе, который резко отличается от традиционного представления о хуннах как «чистых» монголоидах. Сюнну в описании Сюаньлина походят на европеоидов: высокий, можно даже сказать, гигантский рост (под 2 м и даже выше), густая борода, глубоко посаженные глаза. Таким образом, многочисленные и достоверные китайские источники, приводимые в трудах Бичурина, Кюнера, Таскина, позволяют получить уникальные сведения о народах, обитавших на территории Казахстана во II веке до н.э.-V веке н.э., увидеть в них реальных или гипотетических предков современных казахов. Сохраняют актуальность работы о хуннах (гуннах), написанные известными исследователями истории Центральной Азии Г.Е.Грумм-Гржимайло, К.А.Иностранцевым; археологами С.И.Руденко, А.Н.Бернштамом, Л.Н.Гумилевым. Говоря о значении работы Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», Гумилев подчеркивает, что она «стала настольной книгой» для исследователей истории Центральной Азии, одновременно отмечает «исключительное значение» книги Иностранцева «Хунну и гунны». «Эти две книги вместе содержат квинтэссенцию всей предшествующей науки о хуннах», – пишет Гумилев /24/. Книгу Бернштама «Очерки истории гуннов» он считал шагом назад. Сводная работа самого Гумилева «Хунну» не только содержит новейшие данные о проблеме хуннов, но и восстанавливает научную преемственность с трудами и именами предшествующих полузабытых исследователей. К числу новейших исследований и проблем хуннов относится также книга Н.Н.Крадина «Империя Хунну» (1996, 2-е издание, 2002 г.). Структура хуннского общества и власти стала объектом докторской диссертации, защищенной автором в 2000 году.

В последние годы в КНР заметно усилилось внимание к изучению истории казахского народа, в особенности усуньской проблемы, осуществляются переводы источников и трудов китайских ученых на казахский язык. Так, профессор Синьцзянского университета Су Бэйхай опубликовал «Полную казахскую историю» в четырех томах,

были переведены извлечения из китайских источников и издан на их основе сборник «Западный край и государство Усунь», увидели свет монография «Исследования об усунях» и два тома «Материалов по казахской истории». В 2005 году отдельные статьи из «Материалов» были переведены на казахский язык и изданы в городе Урумчи в виде сборника «Древняя страна усуней». Конечно, публикация источников и работ китайских ученых по древней истории кочевых народов – отрядный факт, а их издание на казахском языке – знаменательное явление, серьезно обогащающее источниковую базу научных исследований. Вместе с тем, мы должны заметить, что как сами китайские работы, так и их переводы на казахский, могут иметь негативные последствия, если подходить к ним недостаточно критически или не зная одну особенность китайской историографии, по которой народы, населяющие ту или иную местность, страну, пребывают там постоянно даже при изменении названия этих народов. Поэтому освещение в этих работах некоторых моментов и проблем казахской истории могут иметь не только дискуссионный, но и явно ошибочный, и даже злонамеренный характер, порождая политическую спекуляцию.

К сожалению, переводчики и даже отдельные исследователи, не зная эту особенность китайской историографии или исходя из желания «удревнить» историю казахского народа и в угоду своим узколобым трайбалистским амбициям, слепо принимают на веру подобные выводы. Так, переводчик отрывков из труда Су Бэйхая некто Законоулы непомерно расточает похвалу в его адрес и подобострастно заявляет, что выводы Су Бэйхая по этнической истории казахов основаны на неопровержимых исторических фактах. Абсолютно не сомневаясь в непогрешимости автора, он цитирует следующие суждения китайского историка: «В формировании казахского народа уйсунь (даже не усунь – Б.И.) сыграли ведущую роль. Тюргешское ханство было первым казахским ханством, объединившим все казахские земли», «казахский народ возник не в XV веке, как утверждают, а во II веке до н.э.» «во время Тюргешского и Карлукского каганатов (VIII-X века – Б.И.), китайская культура начала широко распространяться в казахских степях, особенно она усилилась в период Юаньского ханства, когда значительная часть казахского народа, переселившись во внутренние районы, населенные китайцами, научилась китайскому способу ведения хозяйства и прониклась китайской культурой. Восприняв ее, многие казахи стали литераторами, историками, учеными, пишущими по-китайски. Они внесли

большой вклад в расцвет китайской культуры, роды и племена кочевых казахов долгое время поддерживали с китайцами политические, экономические и культурные связи. И значительная часть казахских родов и племен, в частности те, которые населяли юго-восток озера Балхаш со времен династии Хань (202 год до н.э. – 225 год н.э.) до династии Цинь (1616-1911 гг.) были в подчинении различных китайских государств. Более того, в период династии Тан (618-907) и Юань (1206-1368) власть китайских правителей распространялась на все казахские земли» /25/. На первый взгляд эти суждения Су Бэйхая представляют полную ревизию исторической науки Казахстана, кажутся явной путаницей и даже ложью. Если однако учесть, что автор добросовестно следует китайской исторической традиции о неизменяемости предшествующих исторических образований и о постоянстве пребывания народов на одном и том же месте, а историческая концепция автора зиждется на постулатах китайской средневековой историографии, то удивляться суждениям Су Бэйхая или проклинать его за них – занятие малопродуктивное. Су Бэйхай пишет для китайцев и для своей страны, а не для казахов Казахстана. Потому удивляться надо не китайскому ученому, а надо удивляться невежеству и подлобострастию переводчика и редакции журнала «Казак тарихы» («Казахская история»), опубликовавших отрывки из книги китайского ученого без каких-либо комментариев и разъяснений. А для Су Бэйхая все ясно: казахи всегда жили на территории Казахстана, главным образом, в его юго-восточной части и в разное время назывались усунями, тюргешами, карлуками; были они казахами и в период монгольского завоевания. С другой стороны, необходимо признать, что суждения автора несут в себе печать «китаеццентризма», который стремится принизить и умалить исторические достижения, ценности других народов, вложить все исторические события в китаеццентристские рамки, лишить неханьские народы, населяющие Китай и соседние народы самобытной истории, приобщить их к «единой китайской нации» /26/. Полная ассимиляция неханьцев – голубая мечта китаеццентристов, отсюда и похвала Су Бэйхая ассимиляции «казахов» в период Юаньской династии. И, конечно, автор допускает серьезные научные ошибки, когда пишет, что территория к юго-востоку от озера Балхаш всегда входила в состав Китая, что Тюргешское ханство объединило все казахские земли, и что в период династии Тан и Юань власть китайских правителей распространялась на все казахские земли».

Появление переводов работ китайских авторов и некоторых из-

влечений из источников воспринимается нашими ура-патриотами как некое откровение. Они забыли, вернее сказать, не знали и не читали, что важнейшие китайские источники были переведены и переводятся на русский язык. Ими пользовались не только российские, но и западные ориенталисты. Высокое качество этих переводов получило общее признание. Полагаем, что ценность переводов китайских текстов на казахский язык не в самом этом факте, хотя оно тоже важно, а, главным образом, в том, насколько они в действительности являются новыми по сравнению с теми, что уже переведены на русский язык. Очень важно качество перевода. К сожалению, «переводы» энтузиастов-любителей (есть и такие) способны не только отбить охоту у читателей, но и исследователей. Знание казахами русского языка – мощное оружие для реализации нашего нераскрытого научного потенциала, оно позволяет нам широко и эффективно пользоваться русскими переводами, качество которых выдержало испытание временем.

Вкупе с плохим качеством, переводы на казахском языке создают дополнительную трудность в связи с научной неразработанностью транскрипции с китайского на казахский: имен людей, географических, топографических и иных названий, титулов. Зачастую транскрипция выглядит, как стремление переименовать все на казахский лад. Так, появились на свет вместо устоявшихся в науке терминов: «шаньюй», «гуньмо» («гуньми») соответственно «тэніркут», «ичжикунби» («би»). Основатель державы Хунну Модэ стал называться Бактуг, шаньюй Чжшоже и даже Тезек, Хуханье – Кагания, гуньмо Уцзюту превратился в казахского Ожет. Исторический этнос юэцжи именуется «нукыс», «йуз», жужан (авар) – «нонен», юзбань – «йурпан», гаогуй – «канла», кангуй – «канлы», горы Тянь-Шань превратились в Тэнртау, Памир – Когарт и т.д. В переводах совершенно стирается различие между древним «усунь» китайских источников и казахским уйсун: всюду пишется уйсун.

Хотим заметить, что наши братья из КНР несколько злоупотребляют диалектом (скорее говором) синьцзянских казахов, что заметно в выражениях и словах: он неше мын, кырык неше мын, ершемде енбек, элденеше он, дергей, ыргын, этше, бажагы и т.д. Отрадно отметить, что Институт востоковедения МОН РК в соответствии с государственной программой «Культурное наследие» (2004 г.) подготовил и издал пять томов китайских источников на казахском языке. Первый том содержит 13 записок китайских путешественников и отрывки из историко-географических сочинений VII-XX веков Со-

ставителями издания выступили квалифицированные ученые-переводчики: Б.Еженханулы, Ж.Ошан и С.Сунгатай, которые поступили весьма благоразумно, не вторгаясь в древнюю историю, которая прекрасно обеспечена переводами китайских источников на русский язык. Они уважительно отнеслись к своим предшественникам и сумели сохранить научную преемственность, отметив, что, издавая сей труд при написании встречающихся в китайских источниках имен людей, этнонимов, историко-географических и топографических названий, ставших популярными среди ученых, они исходили из названий, устоявшихся в официальных научных публикациях /27/. Такой научный подход можно только приветствовать.

Источники и литература

1. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том 2. Ленинград, 1926. С. 99.
2. История Казахстана. Том 1. С. 34.
3. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. М., 1968. С. 122.
4. Бичурин Н.Я.(Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М., 1950. С. 299; Бартольд В.В. Сочинения. Том IX. С. 769.
5. Боровкова Л.А. Западная Центральная Азия во II в. до н.э. – VII в.н.э. М., 1989. С. 9, 11.
6. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 64; Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдан Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. С. 22.
7. Гумилев Л.Н. Хунну. С. 7; его же. Древние тюрки. М., 1967. С. 93.
8. Бичурин Н.Я. Указ.соч. С. V.
9. Там же. С. VI.
10. Там же. С. 12.
11. Там же. С. XXXII.
12. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 25.
13. Таскин В.С. Указ.работа. С. 5.
14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 94.
15. Бичурин Н.Я. Указ.соч. Том 1. Алматы, 1998. С. XX, XXVI

16. Кюннер Н.В. Указ. работа. С. 6, 7.
17. Казахстанский китаевед Ю.А.Зуев проделал большую работу по редактированию рукописи и подготовке к печати аннотированной «Библиографии» Кюннера. См. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ. Том 8. Алма-Ата, 1960. С. 183-218.
18. Таскин В.С. Указ. работа. С. 10.
19. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Выпуск 2. М., 1973. С. 15.
20. Там же . С. 6.
21. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае. III-V вв. Выпуск 2. М., 1990. С. 14-15; Большой китайско-русский словарь. Том 1. М., 1983. С. 63-64.
22. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Выпуск 1. Сюнну. М., 1989. С. 63-64.
23. Материалы... Выпуск 2. С. 8.
24. Гумилев. Хунну. С.9.
25. «Казак тарихы», 1998, № 1. С. 5-8; № 2. С. 7.
26. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 18.
27. Казак тарихы туралы кытай деректемелеры. 1 том. Алматы, 2005. С.12.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ХУННУ

Историю древних государств на территории Казахстана, именуемых в отечественной историографии: Кангюй, Усунь, Яньцай следует, на наш взгляд, начинать с истории образования государства хуннов в Монголии, исходя как из содержания, последовательности и направления наших источников, так и исторического значения экспансии хунну, заселения ими практически всей территории Казахстана. Именно с гуннами (хунну, сюнну) связан начальный этап процесса тюркизации древнего европеоидного и ираноязычного населения Казахстана. Из сообщения «Цзинь-шу» мы видели, что корни хунну уходят в III тысячелетие до н.э., следовательно, хунны были гораздо древнее по своему происхождению, чем андроновцы-арья. К V веку до н.э. они заселили Южную Монголию и Ордос (обширное плато в северной излучине реки Хуанхе). К концу III века

до н.э. многочисленные кочевые племена стали серьезно угрожать безопасности Цинского государства. Чтобы обезопасить свои северо-западные границы, династия Цинь завершила к 214 году до н.э. строительство «Долгой стены» (Великая китайская стена) – мощной оборонительной линии протяженностью 10 000 ли (около 5000 км). К этому времени цинам удастся отвоевать территорию к югу от Хуанхе, сделать ее границей Китая, построить по берегу реки 44 уездных городов, заселив их гарнизоны из «молодых преступников» /1/.

Однако внутренние раздоры в Цинской империи, мятежи и восстания сильно ослабляли государство, что благоприятствовало успеху кочевников. Сыма Цянь («Отец китайской истории») следующим образом описывает ситуацию того времени: «В сие время Дом Дунху (предки монголов жили к востоку от хуннов – Б.И.) были в силе. Дом Юэчжи (заселяли территорию к юго-западу от хуннов – Б.И.) – в цветущем состоянии. У хуннов шаньюй назывался Туман (Тумын, Бумын). Туман не мог устоять против Дома Цинь и переселился на север. По прошествии десяти лет Мын Тхан (китайский полководец, победивший кочевников – Б.И.) умер, удельные князья восстали против Дома Цинь. Срединное царство (Китай) пришло в смятение и гарнизоны из преступников, поставленные Домом Цинь по границе, все разошлись. После сего хунны почувствовали льготу, мало-помалу опять перешли на южную сторону Желтой реки (Хуанхе) и вступили в прежние межи со Срединным царством. Шаньюй имел наследника по имени Модэ. После от любимой Яньчжы (жена в данном случае младшая – Б.И.) родился меньшей сын, шаньюй хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего, почему отправил Модэ в заложники к Юэчжи. Как скоро Модэ прибыл в Юэчжи, Туман тотчас произвел нападение на Юэчжи. Юэчжи хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него и ускакал домой. Туман счел его удалцом и отделил ему в управление 10 000 конницы. Модэ сделал свистунку и начал упражнять своих людей в стрельбании из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубит голову. Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять и Модэ, немедленно не стрелявшим в аргамака, отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись, и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил головы. Еще по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в шаньюева аргамака. Приближенные все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел,

что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в шаньюя, приближенные также пустили стрелы в шаньюя Туманя. Таким образом, Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя шаньюем» /2/.

Рассказ этот кроме откровенной картины кровавой борьбы за власть между отцом и сыном за престолонаследие содержит скрытые, глубинные элементы представления хуннов о носителе верховной власти. Ясно, что шаньюй Туман, нарушив свое слово, и, вероятно, традицию престолонаследия вызвал недовольство не только своего старшего сына, но и большей части общества. Отправив Модэ в заложники к врагам, сильному племени юэцжи, и тут же напав на них, Туман обрек сына на смерть. Это предательство еще больше усугубляет положение шаньюя, который вынужден считаться с храбрым Модэ, выделив ему 10 000 войск. Модэ учит своих воинов беспрекословному повиновению. Те жестокие испытания, которым Модэ подвергает своих приближенных – это испытания, прежде всего, для него самого, это проверка его собственной стойкости, приверженности не личным интересам, благополучию, а интересам власти, государства, которые персонифицируются личностью шаньюя, что то требует беспрекословной преданности верховному правителю, самопожертвования от всех, кто стремится к созданию государственности, в которой сердцем и разумом видели первопричину могущества и благополучия страны и народа.

В этом, вероятно, скрытый смысл причины убийства сыном отца, который из любви к младшему сыну преступает государственные интересы, стремясь отстранить от власти мужественного старшего сына, более достойного, как по обычаю (закону) и достоинству занимает престол – верховную власть. Рассказ китайского историка требует, следовательно, не буквального прямолинейного восприятия сообщения источника о первых шагах молодого шаньюя. Сыма Цянь продолжает: «В то время, как Модэ вступил на престол, Дом Дун-ху был в силе и цветущем состоянии. Получив известие, что Модэ убил отца и вступил на престол, Дун-ху отправил к нему посланца сказать, что он желает получить тысячелийного коня (т.е. коня, пробегающего в день 1000 ли), оставшегося после Туманя. Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелийный конь – есть сокровище хуннов. Не должны отдавать. «К чему, – сказал им Модэ, – живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для

них?». И так отдали тысячелийного коня. По прошествии некоторого времени Дун-ху, полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: «Дун-ху – есть бессовестный человек, требует Яньчжы. Объявить ему войну». Модэ сказал на это: «К чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них?». И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к Дун-ху. Владелец в Дун-ху еще более возгордился. В хуннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли – необитаемая. На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащие за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, неудобна для них. А он желает ее иметь. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: «Это неудобная земля: можно отдавать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: «Земля – есть основание государства. Как можно отдавать ее?». Всем, советовавшим отдать землю, отрубил головы. Модэ сел верхом на лошадь и отдал приказ – отрубить голову каждому, кто отстанет. После сего он пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху. Дун-ху прежде пренебрегал Модэ и потому не имел предосторожности. Модэ, прибыв со своими воинами, одержал совершенную победу, уничтожив Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом» /3/.

Как видим, и первые шаги Модэ продиктованы интересами молодого государства, а потому он сознательно идет на жертвы: отдает красу и гордость кочевника – тысячелийного аргамака, любимую жену, чтобы только не спровоцировать войну, пока его государство не окрепло. Слова Модэ: «Земля – есть основание государства!» – это удивительно тонкое и глубокое понимание сути государства, государственности. Когда же обнаглевший покусился на приграничную полосу, Модэ, не колеблясь ни минуты, бросился защищать ее. Те советники, которые были за то, чтобы отдать эти заброшенные земли, были обезглавлены Модэ как государственные преступники. Таким образом, в идее государственности хуннов на первом месте стоит умный смелый и дальновидный государь, которому надлежит беспрекословно повиноваться.

Сегодня откровенный расизм, великодержавный шовинизм не могут выступать с открытым забралом как в прошлом – слишком человечество продвинулось в своем демократическом развитии. Уходят в прошлое и обвинения кочевников в варварстве, дикости, враждеб-

ности цивилизацией оседлых народов. Все большее признание получает вклад кочевников в мировую цивилизацию. Действительно, номады обогатили человечество во многих сферах деятельности: военном искусстве и вооружении, хозяйственной – животноводстве и его продуктах, жилище – гениальное творение – юрта, одежде – штаны, шаровары и т.д. Особо следует выделить морально-нравственные принципы, присущие кочевникам: честность, справедливость, которые нередко принимают характер этнических черт, например, признанная справедливость тюрков. Огузы-сельджуки, разгромив крестоносцев, дали мощный толчок исламу, мусульманской цивилизации, приостановив, тем самым, экспансию средневекового христианского варварства. Тюрко-монголы серьезно укрепили государственность китайцев, персов, русских.

Самым оригинальным образом кочевническая цивилизация проявила себя в области социальной структуры общества, в особенности государственности. Проходили столетия и даже тысячелетия, а сущность кочевой государственности оставалась неизменной: власть была традиционно монархической, а фундамент общества представляли роды и племена. Консервация последних не означала априори отсталости общества или даже сохранения первобытно-общинного строя, как утверждают и сегодня некоторые исследователи, а являлась замечательной адаптацией человека к природе, условиям кочевого образа жизни и кочевого способа производства. В этом случае роды и племена, образно говоря, играли такую же универсальную роль как жилище кочевников – юрта, приспособленная к холоду и жаре, дождю и ветру, легко переносимая, быстро собираемая и разбираемая.

Без преувеличения можно сказать, что государственность хунну стала своеобразной моделью для всех евразийских кочевых народов, которая проявляется в механизме государства, то есть особой системы органов и учреждений, которого в европейском понимании в хуннском обществе не было. Действительно, у хуннов отсутствует регулярная армия, функцию которой выполняет «всеобщая воинская повинность» – народное ополчение, а в более широком смысле – вооруженный народ, поскольку по существу каждый мужчина был воином, ибо уже ребенком он учился ездить и стрелять из лука в птичек и всяких зверюшек. Юноша становился настоящим охотником, преследуя крупных зверей, что требовало силы, ловкости и выносливости. К этому времени он в совершенстве владел всеми видами оружия. Не было у хуннов и армии, чиновников, судей, полицейских,

тюрем, ибо простота общественных отношений, отсутствие между знатью и рядовыми кочевниками глубокой имущественной пропасти не требовали мощных карательных и исполнительных органов, как в государствах оседлых земледельцев для защиты социального неравенства, власти богатых. Говоря о хуннской государственности, Л.Н.Гумилев справедливо подчеркивал, что она зиждется на базовой идее о земле как фундаменте государства, поголовной воинской повинности, которая консолидировала племя, предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков /4/.

В источниках нет прямых указаний на то, кто же отправлял правосудие у хуннов, хотя и перечисляются наказания за преступления. Китайские хроники отмечают отсутствие длительных судебных тяжб и исключительную малочисленность заключенных: «Суд более десяти дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек» /5/. Подобное положение, немыслимое в наши дни даже в самых демократически развитых странах, содержащих в тюрьмах и лагерях десятки, сотни тысяч и даже миллионы человек, определяется не жесткостью и даже жестокостью наказаний, но, главным образом, строгим соблюдением народных обычаев, норм поведения, простоты нравов, здоровой моралью кочевников.

Очень поучителен в этом смысле рассказ Сыма Цянь (145-135 – 85 годах до.н.э), в котором сравнивается система правления государством у оседлых цивилизованных китайцев при правлении династии Цинь и кочевого народа жун. По словам китайского историка, который не скрывает, кстати, своих симпатий к принципу управления жунов как «человеколюбивого и справедливого», в 626 году до н.э. император династии Цинь Мугун, принимая посла племени жун Ююя, с гордостью показывает гостю свой великолепный дворец и богатства, собранные в нем. Однако вместо ожидаемого восторга и похвалы, император услышал следующее: «Если вы заставляли духов сотворить это, то утомили духов, а если заставляли людей создавать это, то измучили народ». Мугун удивился и спросил: «Срединное государство осуществляет управление на основе стихов и книг, этикета и музыки, законов и установлений, но все же, несмотря ни на что, в нем часто происходят беспорядки. Ныне у жунов ничего этого нет. Как же у них строится управление? Разве не возникает затруднений?» Ююй со смехом ответил: «Именно это и является причиной беспорядков в Срединном государстве. С тех пор как мудрейший Хуан-ди выработал этикет и музыку, законы и установления, он лично подавал пример их использования и управлял, почти не

прибегая к принуждению. Его же преемники с каждым днем становились все более высокомерными и развращенными. Они опирались на силу законов и установлений, чтобы наказывать низших и надзирать за ними, а низшие, устав до крайности от наказаний и надзора, начинали роптать на высших, используя понятия человеколюбия и справедливости. Так, между высшими и низшими из-за нанесенных обид вспыхивала взаимная вражда, начинались взаимные убийства с целью захвата власти, дело доходило до уничтожения целых родов, что всегда вызывалось одной причиной.

Не так у жунов. «Высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим, руководствуясь искренностью и преданностью. Управление целым государством подобно управлению своим телом: когда незаметно с помощью чего оно управляется. Это действительно правление мудрых» /6/. Как видим, причина народных волнений, восстаний – в высокомерии и несправедливости власти предрежащих, а законы и установления, с помощью которых она стремится держать в повиновении народ, не только «не работают», а вызывают гнев и возмущение отчаявшегося народа.

Верховный правитель хуннов, как мы уже видели, назывался шаньюй. Термин переводят словом «обширный», «величайший». В хронике «Цянь Хань-шу» приводится полное наименование этого титула – «Чэнли гуду шаньюй». На языке хунну (сюнну) «чэнли» (очень походит и по форме, и по содержанию на тюркское слово «тенгри») означает «небо», а сына называют «гуду», следовательно, титул правителя хуннов означает – «неборожденный шаньюй» или «Сын Неба шаньюй». В указанной хронике отмечается, что шаньюй происходил из рода Люаньди. Другими «царскими» родами были: Хуань, Лань, Сюйбу /7/. Все князья и военачальники левой стороны живут на востоке против округа Шангу и далее гранича с Хуйхэ и Чаосянь, князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне против округа Шаньцзюнь и далее на запад, гранича с юэчжи, ди и цянами /8/. Власть шаньюя являлась наследственной: вначале его преемником мог быть только старший сын. Так, из восьми шаньюев, упоминаемых Сыма Цянь, пятеро были старшими сыновьями правящих шаньюев. Система передачи власти старшему сыну была изменена при шаньюе Хуханье (2-я половина I века до н.э.), когда престол стали наследовать все сыновья шаньюя в порядке старшинства, а не только его старший сын. Власть шаньюя не была, вероятно, неограниченной, ибо при нем был Совет знати, с которым он не мог не считаться. Все земли, принадлежавшие хунну, находились в

распоряжении шаньюя, раздававшего их в уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые, в свою очередь, наделяли земель своих приближенных. Так возникает строгая иерархия землепользования в хуннском обществе, при которой владельцами были: шаньюй – темники – тысяцкие – сотники – десятские /9/.

Одновременно Модэ создал строго централизованную систему управления, которая выглядит следующим образом: 1) Восточный и Западный Чжуки-князь; 2) Восточный и Западный Лули-князь; 3) Восточный и Западный великий предводитель; 4) Восточный и Западный великий Дуюй; 5) Восточный и Западный великий Данху; 6) Восточный и Западный Гуду-хэу. По словам Сыма Цяня, у хуннов чжуки означает мудрый, потому наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки – князем. Заслуживает внимания и разъяснение Бичурина о том, что, хотя слова Восточный и Западный заимствованы от стран света, но, вместе с тем, они содержат в себе смысл слов Старший и Младший, ибо и в Монголии, и Китае левая, то есть восточная сторона считается старшею. Важное значение имеет и его замечание о том, что хуннское государство не состояло из родовых общин, а представляло совокупность уделов, распределяемых шаньюем /10/. Историческая роль Модэ как создателя кочевой империи, кочевой государственности в отличие от Аттилы, Чингисхана, Тимура, на наш взгляд, не получила достойной оценки.

Как мы уже видели, молодой шаньюй Модэ, внезапным ударом разгромив самонадеянных дун-ху, положил начало господству хуннов в Центральной Азии. Он располагает 300-тысячным конным войском. Вскоре Модэ покоряет на севере сильные племена: хуньюй, кюеше, динлин, гэгунь и цайли. На юге, признает Сыма Цянь, Дом Хунну стал равным Срединному Двору. В 200 году до н.э. император новой китайской династии Хань Гао-ди (Лю Бан, Гао Хуан-ди, Гяо-цзу) лично возглавил поход против хуннов. Модэ с 400-тысячной отборной конницей окружает 320-тысячную армию Гао-ди. «В продолжение семи дней, – пишет Сыма Цянь, – китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной – серых, на северной – вороных, на южной – рыжих лошадей». На грани полного разгрома император вынужден был подписать с шаньюем договор о «мире и родстве», по которому шаньюй и император объявлялись братьями, то есть равными. Это был неслыханный успех кочевников над имперским Китаем. Династия Хань под видом подарков (надо же было великому государству сохранить лицо) обязывается посылать ша-

ньёу дань и выдать за него китайскую принцессу (китайский двор обманул Модэ, отправив к нему вместо принцессы девушку из незнатной семьи). Договор о мире и родстве неоднократно подтверждался и после смерти в 195 году до н.э. Гао-ди. В 192 году, Модэ написал вдовствующей императрице Гао Хэу письмо по китайской хронике «дерзкое», а по существу в оскорбительных, унижительных для императрицы выражениях: «Сирый и дряхлый государь, рожденный посреди болот, выросший в степях между лошадьми и волами несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле, сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею». Письмо Модэ вызвало неописуемый гнев вдовствующей императрицы, которая даже вознамерилась послать карательный корпус для наказания хуннов. Однако мудрый советник напомнил ей судьбу Муха, доблестного императора Гао-ди. Подавив гордыню, императрица смиренно отвечает Модэ: «Шаньюю не забыл ветхой столицы (следуя определенной традиции китайской дипломатии, так называет себя императрица, чтобы не упомянуть даже свой высокий титул – традиция благородного самоуничтожения) и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх, и, вычисляя дни, заботится о себе. Она состарилась, силы ослабли, волосы линяют, зубы выпадают, в ходу теряет размер в шагах. Шаньюю ослушался, а этим нельзя запятнать себя. Ветхая столица не сделала преступления, надлежит оказать ей снисхождение. Имею представить тебе две царские колесницы и две четверки лошадей» /11/. Бурное объяснение «в любви» между шаньюем Модэ и китайской императрицей закончилось тем, что Гао-Хэу подтвердила договор о мире и родстве со всеми вытекающими последствиями. Договор подтверждается в 179, 176, 174 годах.

Особый интерес представляет письмо Модэ китайскому императору в 176 году и Китай фактически признавал свою зависимость от хуннов, регулярно возобновляя с ними договор о мире и родстве, то по-иному складываются отношения хуннов с двумя ближайшими соседями на юго-западе – юэчжи и усунь, кочевавших в Бэй-шане и Нань-шане (горы на западе Китая). Особенно упорными были сражения с могущественными юэчжи, также претендовавшими на гегемонию в Центральной Азии. В своем письме, начинающемся словами «поставленный небом хуннский великий шаньюю», Модэ, объясняя причину пограничного инцидента, и выражая сожаление

по этому поводу, отмечает, что виновником его был западный чжуки — князь, который на оскорбления китайских пограничных чиновников, мол, погорячился, совершил опустошительный рейд по китайской территории, и поэтому он, шаньюй, в наказание отправил его на войну с юэчжи. Далее Модэ пишет: «По милости Неба ратники были здоровы, кони в силе: они поразили юэчжи. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений. Жители сих владений поступили в ряды хуннских войск и составили один дом». Свое письмо заключает Модэ словами: «В утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратить войну, дать отдых воинам и откормить лошадей, забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром» /12/. В качестве подарка Модэ отправил императору Хяо Вынь-ди одного верблюда, двух верховых лошадей и две четверки. После бурного обсуждения письма Модэ император Вынь-ди, приняв извинение Модэ, соглашается с его предложением возобновить договор о мире и родстве, не преминув при этом заметить, что нарушителями договора всегда выступали хунны. Император посылает шаньюю следующие подарки: вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, оправленный золотом пояс и носороговую пряжку к поясу, золотом правленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки и 40 кусков шелковых тканей темно-малинового и зеленого цветов /13/.

Вскоре, в 174 году до н.э., после получения ответа и подарков от китайского императора, Модэ скончался. Его сын Гиуй под именем Лаошан шаньюя утвердился на хуннском престоле. Китайская хроника передает интересный эпизод, связанный с сановником Юе, которого император вопреки его воле отправляет к Лаошану. По приезде к шаньюю он, изменив императору, становится мудрым и преданным советником Лаошана, который полюбил его за ум, проницательность. Юе страстно и убедительно доказывал Лаошану, что увлечение хуннов китайскими товарами имеет для них опасные последствия, ибо шелк, хлопчатка, бумажные ткани в условиях жизни хуннов быстро рвутся, приходят в негодность, а китайские деликатесы не могут по-настоящему насытить хуннов, и предлагает хуннам по-прежнему питаться мясом и молоком, одеваться в шкуры скота... Юе советует шаньюю отказаться от китайских товаров, ибо это ведет к зависимости от них и, главное, привыкая к

китайским товарам, хунны попадают в зависимость к Срединному царству. Он справедливо подчеркивает, что численность хуннов во много крат меньше населения Китая, что даже в одной области жителей больше, чем всех хуннов вместе взятых. Одновременно Юе отмечал, что законы хуннов просты и удобоисполнимы, государь с чинами просто обращается и управляет целым государством как одним человеком. Иное положение в Срединном царстве: излишество церемониальных обрядов производит взаимное неудовольствие между высшими и низшими, при множестве общественных работ истощаются силы народа. Таким образом, Юе советовал Лаошану оставаться хуннам такими, какими они были, подчеркивая, что в этом их сила, условие победы над врагами. Юе научил приближенных шаньюя завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество. Он же предложил к китайскому двору грамоту начинать словами: «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною – Хуннский Великий Шаньюй...» /14/. Источники не говорят о собственно хуннском письме, грамоты писали китайцы при дворе шаньюя, которых было много.

Наивысшего расцвета держава Хунну достигает при Лаошан-шаньюе (174-161 годы до н.э.). Неоднократные попытки династии Хань освободиться от хуннской зависимости оканчивались неудачей. Лаошан совершает несколько глубоких рейдов на территорию Китая, принуждая его возобновлять каждый раз договор о мире и родстве. «Ши-цзы» отмечает, что хунны день ото дня горделивее становились и ежегодно производили вторжения в границы. В письме императора к шаньюю (162 год до н.э.) содержится обстоятельный рассказ о хунно-китайских отношениях, из которого нетрудно увидеть слабость китайского государства, что наглядно проявляется в заискивающем униженном тоне Хяо Вынь-ди, когда он «с глубочайшим почтением принял двух лошадей», присланных ему Лаошаном. На этот раз не шаньюй, как в прошлом, а император является инициатором возобновления договора, говоря, что «Хань и Хунну – суть двух смежных и равных государств», что он распорядился «ежегодно посылать к хуннам известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей» /15/.

Поставив, таким образом, империю Хань в еще большую зависимость, Лаошан шаньюй всей своей военной мощью обрушился на юэчжей. Победа над ними Модэ, вероятно, не была полной. В 165 году до н.э. Лаошан окончательно разгромил юэчжей, из черепа убитого им государя юэчжей он сделал чашу для питья. После этого

большая часть юэчжей, получившая название да-юэчжи (большие юэчжи) бежала на запад, на север Тянь-Шаня. Оставшаяся, неспособная бежать или не пожелавшая покинуть родину часть юэчжей, прозванная впоследствии тибетцами «малые юэчжи», осталась на прежнем месте, в районе Нань-Шаня /16/. Большие юэчжи захватили древние сакские земли – Семиречье. Саки (сэ – в китайских источниках) вынуждены были отступить на юг и юго-запад. Основная часть саков направилась в Северную Индию, меньшая – в Парфию и Бактрию /17/. В Семиречье юэчжи остаются около 30-40 лет. Под давлением усуней, поддержанных хуннами, они отступают еще дальше на запад, добираются до берегов Сырдарьи. Китайская хроника процесс миграции юэчжей описывает следующим образом: «Большие юэчжи на западе разбили и прогнали царя сэ, царь сэ на юге перешел Висячий мост (перевал). Большие юэчжи поселились на его землях. Потом усуньский гуньмо напал и разбил больших юэчжей. Большие юэчжи переселились на запад, подчинили Дася (Бактрию), и усуньский гуньмо поселился там (в Семиречье – Б.И.). Поэтому усуньский народ имеет сэскую примесь, а также примесь больших юэчжей» /18/.

Лаошан скончался в 161 году до н.э. Его сын Гюньчен шаньюй правил долго (161-126 годы до н.э.). Держава Хунну в этот период была все еще в силе, однако появляются первые признаки кризиса хуннского общества и ослабления державы. Так, император Выньди, его преемник Хяо Цзин подтверждают верность договору о мире и родстве. В источниках впервые упоминается об открытии пограничного торгового с хуннами в 154 году до н.э. Сыма Цянь отмечает, что в царствование императора Хяо Цзин часто случались небольшие грабежи, но больших нашествий не было. Относительное спокойствие на границе продолжается и после вступления на престол императора Ву-ди в 140 году до н.э. Более того, хунны, начиная с шаньюя, заметно сблизились с Китаем и часто приходили к Долгой стене. Но спокойствие было недолгим. Китайский двор только выжидал удобного случая, чтобы нанести удар хуннам, освободиться от навязанной зависимости. Так, в 133 году до н.э. император предпринял хитроумный план уничтожения шаньюя. Он спровоцировал Гюньчэна напасть на приграничный город, где устроил засаду. Китайская армия насчитывала 300 тысяч человек. Шаньюй со 100-тысячным войском вторгся в пределы Китая, но, случайно узнав о засаде, благоразумно отступил. Интересно, что, несмотря на военные столкновения, торговля на границе не прерывалась ни с той, ни с другой

стороны. Однако, начиная со 127 года, китайцы непрерывно ведут наступательные действия против хуннов, в ходе которых добиваются ощутимых успехов. Они отвоевали Ордос, построили там город Шо-фан, постепенно заселяют его китайцами и военнопленными. Так Китай восстановил древнюю границу государства Цинь.

В 126 году до н.э. скончался шаньюй Гюньчен. В хуннском государстве впервые разразилась смута: брат покойного шаньюя Ичисйе разбил в сражении наследника престола Юй бия и провозгласил себя шаньюем. Юй би бежал в Китай, где был принят с распростертыми объятиями, удостоился княжеского титула, однако через несколько месяцев скончался при неизвестных обстоятельствах. Это был также первый случай в истории хуннов, когда наследник хуннского шаньюя бежал, ища спасения и поддержки в Китае. История показала, что это был не последний случай. Новый шаньюй, в свою очередь, усиливает нападения на Китай, стремясь вернуть Ордос. Интересно, что в ходе одной военной операции против хуннов в 121 году, китайцы захватили у них золотого истукана, которому они приносили жертву во имя Неба /19/.

В 30-20-е годы до н.э. произошел эпизод в великой истории Китая, который имеет исключительное значение не только для Китая, но и народов Центральной Азии. Мы имеем в виду поездку китайского посланника Чжан Цянь в Бактрию. Чжан Цянь по приказу императора Ву-ди выступил из Китая в 138 году до н.э. во главе дипломатической миссии, состоявшей из 114 человек. Он должен был уговорить больших юэчжей совместно с Китаем начать войну против хуннов. Однако миссия его затянулась на 12 лет и с точки зрения поставленной перед ней задачи окончилась безрезультатно. По пути он был захвачен хуннами, которые обошлись с ним весьма милостиво: ему не только сохранили жизнь, но и дали относительную свободу и жену. Среди хуннов он прожил 10 лет. У него родился сын. Чжан Цянь, однако не забывал о приказе императора. В конце концов, ему удается бежать, и он добирается до Давань (Фергана). Власти этой страны препроводили его в Кангюй. Также поступил и Кангюй, который помог ему добраться до Бактрии. Однако китайскому посланнику не удается достичь своей цели: юэчжи отказались от рискованного союза с Китаем против хуннов, ибо они уже освоились на новом месте и, с другой стороны, юэчжи еще не забыли уроков сокрушительных поражений от хуннов. При возвращении в Китай Чжан Цянь еще раз попадает в плен к хуннам, однако через год ему удается бежать. Из всей дипломатической миссии вернулись на родину в 126 году лишь

двое: сам Чжан Цянь и окитаизированный хунн. О своем путешествии он подробно рассказал Сыма Цяню, который почти полностью включил его рассказ в хронику «Ши-цзы». Так Чжан Цянь открыл Китаю территорию Средней Азии и Казахстана и в целом стран к западу от Китая. По сообщению Чжан Цяня, когда он выехал из Китая, юэчжи все еще владели Семиречьем, однако десять лет спустя он нашел эту местность занятой усунями. В 128 году он застаёт ставку вождя больших юэчжей в бассейне рек Зеравшан и Амударья. Он же передает очень важный факт переселения усуней в Семиречье, говоря, что когда умер шаньюй (126 г.) владетель усуней гуньмо, взяв свой народ, далее переселился, сделался самостоятельным и не соглашался являться на съезды при дворе хунну (сюнну) /20/.

По возвращении на родину заслуга Чжан Цяня была высоко оценена императором. Ему был пожалован чин генерала. Но в 121 году до н.э. по обвинению в опоздании прибыть в назначенный пункт, хотя по пути он совершил героический поступок, спасая от угрозы плена генерала китайской армии, Чжан Цяня был приговорен к смертной казни, от которой он откупился с потерей достоинства и чина. В этом же году шаньюй решил наказать двух хуннских генералов, которые в ходе боев с китайскими войсками потеряли много своих воинов. Это были Хуньше-князь и Хючжуй-князь. Боясь гнева шаньюя и не без причины, опасаясь за свою жизнь, они решили бежать в Китай. Хуньше убивает Хючжуйя и, овладев его народом в количестве 40 000 человек, переходит на сторону Китая /21/. Это был первый случай перехода на сторону Китая большой группы хуннов.

Инициативой постепенно овладевают китайские войска, которые наносят несколько чувствительных поражений хуннам, которые вынуждены были отступить на северо-запад. Теперь уже хунны обращаются к китайскому двору с просьбой возобновить договор о мире и родстве «в учтивых выражениях». В 114 году скончался Ичисье-шаньюй и на престол вступил Увэй-шаньюй. В это время в Китае правил император Юаньдин. Китай почувствовал себя настолько сильным, что мог позволить и такую роскошь, как провести смотр в 110 году своей конницы численностью в 180 000 человек в пограничном Шо-фане. Император направляет посланника к шаньюю с требованием «признать себя вассалом Дома Хань». На просьбу шаньюя о восстановлении мира и родства китайская сторона ставит условием, чтобы шаньюй отправил наследника в качестве заложника в столицу Дома Хань /22/. Эти требования фактически означали признание хуннами зависимости от Китая, что ясно понимал шаньюй, требуя возобновления прежнего договора, когда Китай вы-

давал шаньюю царевну и многочисленные подарки, взамен хунны не нападали на Китай.

В 105 году до н.э. умер Увэй-шаньюй и на престол был посажен малолетний Эр-шаньюй. При нем и двух последующих шаньюях продолжается процесс дальнейшего ослабления военной мощи и усиления политического кризиса в стране. Эр-шаньюй еще дальше на северо-запад отводит свою ставку. Он скончался через три года после восшествия на престол. Всего год правит Гуйлиху-шаньюй, при котором Китай впервые продвинулся далеко на запад и даже захватил Фергану (Давань), однако китайские войска вынуждены были оставить ее. При Цзюйдихэу-шаньюе поднял мятеж западный Чжуки-князь, который кочевал у Небесных гор (Тянь-Шань). Он, опираясь на Китай, попытался убить шаньюя и принять китайское подданство. Мятеж был пресечен, а его виновник казнен. Военная мощь хуннов, однако, не была сломлена. Вскоре хунны наносят несколько тяжелых поражений китайцам. Так, был разгромлен китайский корпус под командованием талантливого генерала Ли Лина, который, видя полную невозможность дальнейшего сопротивления, приказал своим солдатам спастись, кто как может, а сам сдался в плен. Шаньюй оказал ему должное уважение и женил на своей дочери. За верную службу шаньюй дал Ли Лину во владение Хягас (страна кыргызов), где его потомки царствовали почти до Чингисхана, — пишет Бичурин /23/. Судьба генерала Ли Лина трагически обернулась для великого китайского историка Сыма Цяня: за попытку заступиться за провинившегося генерала его подвергли кастрации и посадили в тюрьму. Дело в том, что по китайской этике сдача в плен была равносильна измене, ибо он мог покончить жизнь самоубийством /24/. Подвергалась наказанию вплоть до смертной казни и семья изменника, и потому благородный поступок Сыма Цяня был расценен императором как сочувствие и даже поддержка изменника. (Знал ли Сталин об этой китайской этике, но он также поступал в соответствии с ней, когда после Великой Отечественной войны за «измену» миллионы вынужденно попавших в плен советских людей были осуждены на длительные сроки, правда, в отличие от китайского метода семьи их не подверглись наказанию). Через два года (97) император собрал в Шофане громадную армию (60 000 конницы и 100 000 пехоты), которая пополнилась по пути еще 50 000 солдат. Шаньюй же противопоставил ей 100 000 конных лучников. Сражение продолжалось 10 дней. В ходе его китайский полководец получает известие, что его семья казнена по обвинению в колдовстве.

Тогда он, собрав остатки своего войска, сдался хуннам. Вернулись в Китай один или два человека из тысячи /25/. Этим сообщением заканчивается «Исторические записки» Сыма Цяня. Основным источником теперь выступает «Цяньхань-шу» Бань Гу.

В последующие годы крупных событий военного или политического характера в отношениях между державою Хунну и Ханьской империей не наблюдаются, что не исключает ставших привычными пограничных конфликтов и взаимных столкновений. Так, преследуя хуннов, китайский экспедиционный корпус доходит до Небесных гор (Тянь-Шаня). В 90 году до н.э. хунны нанесли поражение Эршыскому князю, а его самого взяли в плен. Интересно, что шаньюй использовал в сражении оригинальную тактику: ночью хунны прорыли ров в несколько футов перед лагерем китайского войска, а утром стремительно напали с тыла, вызвав тем самым замешательство китайского войска. Этот успех на время вдохновил шаньюя, и он даже обратился к императору с письмом, выдержанном в духе прежних грозных своих предков: «На юге царствует великий Хань, на севере царствуют сильные Ху. Ху – есть гордый Сын Неба... Я желаю взять дочь из Дома Хань в супруги себе, с тем, чтобы Дом Хань на основании прежнего договора ежегодно доставлял мне десять даней лучшего вина, 50 000 ху рису и 10 000 кусков разных шелковых тканей. После сего не будет взаимных грабительств на границе». Но этот успех не мог восстановить прежнюю мощь хуннов. Потому в «Цяньханьшу» не без основания говорится, что хунны пришли в совершенное истощение. К тому же государство ослабляется борьбой претендентов за власть. В 85 году, после правления трех шаньюев, верховная власть переходит к Хуаньди-шаньюю.

Годы правления Хуаньди-шаньюя отмечены дальнейшим упадком государства хуннов. Если до этого времени основным противником хуннов была китайская империя, то отныне врагами их становятся подвластные им народы ухуань – на востоке, динлин – на севере. Опираясь на военную поддержку Китая, на западе наступает Усунь. Китай умело манипулировал ими. Беда не приходит одна. Однажды выпал снег глубиной до 10 м. Начался джут: падеж скота. От голода погибло до трети людей и скота. Китайская хроника хладнокровно констатирует: «Хунны пришли в крайнее бессилие. Подвластные им владения отложились от них, и хунны не в состоянии были производить набеги». В это время хунны впервые по совету пленного китайского чиновника попытались строить деревянные дома и даже построить город, заняться земледелием, для чего выкопали несколько

сот колодцев. На этом, однако эксперимент закончился. Среди них возобладаало мнение тех, кто утверждал, что хунны не смогут защитить город, а собранный урожай достанется китайцам /26/.

Правление Хюлюй Цюанькюй-шаньюя (по транскрипции Таскина – Сюйлюйцюаньцзюй, 68 ггод) ознаменовалось еще одним жестоким джутом: погибло от голода до 6/10 народа и скота. Хунны потеряли Чешы, попытки вернуть это владение потерпели неудачу. С 63 года динлины три года подряд опустошают северную границу хуннского государства. На девятом году своего правления Хюлюй-шанью умер от болезни. Вновь начинается борьба за власть. Наконец, на трон возвели Уянь-Гюйди-шаньюя. Он отличался исключительной жестокостью к родственникам, вообще к знати. Недовольство им охватило все слои. Восстание началось с небольшого владения Ушаньму, расположенного между Усунь и Кангюй, и распространилось на всю Восточную сторону. На третьем году его правления (58) знать и старейшины Восточной стороны провозгласили под именем Хуханье-шаньюя сына Хюлюй Цзюанькюя. Он собрал около 50 000 конницы и выступил против Уянь-Гюйди-шаньюя. Войска последнего еще до сражения разбежались. Уянь-Гюйди обратился за помощью к западному Чжуки-князю, своему младшему брату, который не только отказал ему в помощи, но и прямо обвинил его в жестокостях, бесчеловечности. После этого шаньюй покончил жизнь самоубийством /27/.

Итак, в 58 году в Восточной стороне провозглашается Хуханье-шаньюй, которому предстояло утвердить свою власть и на Западной стороне. В государстве хуннов разразилась самая жестокая междоусобица, переросшая в гражданскую войну, в результате которой хунны потеряли свою независимость, став подданными Китая. Хуханье поставил своего старшего брата Хутууса Восточным Лули-князем и отправил к старейшинам Западной стороны, приказ, чтобы они убили Западного Чжуки-князя, то есть младшего брата Уянь-Гюйди. Знать Западной стороны объединившись, выступила против Хуханье и разбила его войско, которое обратилось в бегство. В ходе борьбы за престол появились пять претендентов, объявивших себя шаньюями: Хуханье, Западный Чжуки-князь, Хуге-князь, Юйди-князь под именем Чели-шаньюя, Уцзи-Дуюй. Чжуки-шаньюй разбивает силы Уцзи и Чели, которые бежали на северо-запад и присоединились к Хуге. Уцзи и Чели отказались от своих претензий. Битва между Западным Чжуки-шаньюем и Хуханье закончилась поражением первого. Чжуки-шаньюй предал себя смерти. Чели-шаньюй покорился Хуханье.

Судьба другого претендента – Уцзи оказалась плачевной – он был пойман, и Хуханье лично отрубил ему голову. Однако появились еще два претендента: Жуньчень-шаньюй и старший брат Хуханье, объявивший себя Чжичжи-гудуху шаньюем. Вскоре Жуньчень погибает в сражении с Чжичжи. Присоединив его воинов, Чжичжи напал на орду Хуханье. Последний был разбит, и войско его обратилось в бегство. Чжичжи занял орду Хуханье-шаньюя /28/.

Как мы видели, число претендентов сократилось, и теперь основная борьба развернулась между братьями Хуханье и Чжичжи. Борьба между ними выходит за рамки соперничества за верховную власть. Хуханье связывает с Китаем не только свою личную судьбу, но и будущее своей страны и народа. Он фактически выступил за признание сюзеренитета Китая над хуннами. Оба претендента в борьбе за власть пытались опереться на мощь Китая. Хуханье не мог самостоятельно решить этот судьбоносный вопрос, и он ставит его на совет знати. На совете вопрос о принятии китайского подданства вызвал негодование. «Нельзя этого делать, – говорили сановники. – Обычай сюнну (хунну) выше всего ставят гордость и силу, и низко всего – исполнение повинностей: сюнну создают государство, сражаясь на коне, а поэтому пользуется влиянием и славой среди всех народов. Смерть в бою – удел сильного воина. Сейчас между братьями происходит борьба за власть в государстве, и если она не достанется старшему брату, то перейдет к младшему. Пусть один из них будет убит, влияние и слава сохранятся, и наши сыновья и внуки будут вечно главенствовать над всеми владениями. Хотя Хань сильна, она не в состоянии поглотить сюнну, и можно ли в нарушение древних установлений служить династии Хань в качестве вассала, позорить имена умерших шаньюев и позволять смеяться над собой всем владениям. Пусть даже воцариться спокойствие, но как мы будем главенствовать в будущем над всеми народами?!». В ответ выступил князь, советовавший Хуханье принять подданство Китая. Его речь была менее эмоциональной, но более прагматичной: «Могущество и слабость имеет свое время. Ныне династия Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом хуннов со времен Цзюйдихэу-шаньюя день ото дня умалается и не может возвратить прежнего величия. Сколько он не силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят от подданства Китаю, без сего подданства он погибнет. Какой другой совет может быть лучше предлагаемому мною?». Автор «Цяньхань-шу» подводит, как бы итог этой дискуссии и заключа-

ет: «При столь затруднительном обстоятельстве советники долго не могли решиться. Хуханье склонился на предложение своего советника и, взяв свой народ, подошел на юге к Долгой стене» /29/.

Итак, в 53 году до н.э. Хуханье отправляет своего сына служить Китаю, то есть фактически его сын стал заложником. Также отправляет в Китай своего сына Чжичжи. Через год Хуханье подошел к Великой китайской стене. Император с большими почестями встречает шаньюя: через семь областей, по которым он проезжал, по обе стороны дороги был выстроен почетный караул из 2000 конницы, во дворце он был посажен выше всех князей. Император пожаловал ему: шляпу, пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать с желтыми шнурами, меч, осыпанный дорогими камнями, поясной нож, лук и четыре колчана со стрелами, десять чеканов с чехлами, колесницу, узду, пятнадцать лошадей, двадцать гинов золота, 200 000 медной монеты, 77 перемен одежды, 8 000 кусков разных шелковых тканей и 6 000 гинов бумажной ваты /30/. Шаньюй пробыл в Китае более одного месяца. Главная цель его поездки была достигнута — он получил заверения китайского Двора о военной поддержке.

Через три года Хуханье вновь приезжает в Китай. Ему были оказаны те же почести, что и в прошлый раз. К подаркам добавили: 110 перемен одежды, 9 000 кусков шелковых тканей и 8 000 гинов бумажной ваты. В следующем, 48 году, по просьбе шаньюя Китай поставил хуннам 20 000 ху проса. Опасаясь самостоятельных действий Хуханье и ухода его на свои земли к северу, китайский Двор направляет к нему посланника, который подписывает с Хуханье взаимную клятву-договор, где говорится: «Отныне и впредь Хань и Хунну будут составлять один Дом из рода в род, не будут обманывать друг друга, ни нападать друг на друга... при набегах помогать взаимно войскам». После окончания церемонии принятия клятвы шаньюй в сопровождении китайских посланников и своих вельмож поднимается на Хуннскую гору, где закололи белую лошадь. Шаньюй конец своего меча опустил в вино. Это клятвенное вино пили из черепа юэжжийского государя, убитого Лаошан-шаньюем /31/. Хуханье, таким образом, еще больше упрочил свои отношения с Китаем.

Что же касается Чжичжи, то он, полагая, что, ввиду своей слабости, Хуханье не сможет вернуться в свои земли, решил покорить Западную сторону. По пути, в сражении, он убил еще одного претендента на престол — Илим-шаньюя, а его войско (50 000) присоединил к себе. Получив сведения о том, что китайский Двор помогает Хуханье войском и хлебом, он решил остаться на Западной стороне.

Он отправил посланника к императору с просьбой вернуть сына, который в сопровождении сановника Гу Ги был отправлен к отцу. По приезде сына Чжичжи убил посланника. Понимая, что собственной армией ему не противостоять объединенным силам Хуханье и Китая, боясь ответственности за вероломное убийство посланника, Чжичжи-шаньюй уходит еще дальше на запад к Усунь. В надежде соединить свои силы с войском Усунь, он отправляет посланника к малому гуньми Уцзюту. Последний, зная, что Китай поддерживает Хуханье-шаньюя, а Чжичжи близок к гибели, в угождение к китайскому Двору убил посланника, а голову его отправил китайскому наместнику. Уцзюту с 8 000 конницы вышел навстречу Чжичжи, но был разбит шаньюем. После этого Чжичжи повернул на север, покорил Уйе, и при помощи войска его разбил гяньгунь на западе, динлин – на севере. Окрепнув, он часто нападает на Усунь и всегда одерживает победу. Чжичжи утвердил свою ставку в гяньгунь, которая стояла на 7 000 ли от орды шаньюя на Хангае /32/. Трудно идентифицировать и локализовать гяньгунь. По мнению некоторых исследователей, гяньгунь – это енисейские кыргызы. Интересное предположение высказал Г.Е.Грумм-Гржимайло. По его мнению, гяньгунь – это территория Акмолинской области /33/. В таком случае вполне возможна расшифровка названия города Акмола («Белая могила») с современного казахского языка, как «Белая орда». В литературе было высказано мнение, что на хуннском языке «мола» означает «крепость», «укрепление». Эта версия имеет тем большее основание, что в тюркской этимологии части света: запад, восток, север, юг имеют свои цветовые аналоги. Так, восток имел синий, запад – белый цвет. Потому казахские: Ак Орда была на западе, Кок Орда – на востоке. Поскольку ставка Чжичжи находилась по отношению к главной орде на западе, то она вполне могла ассоциироваться с «Белой ордой» Чжичжи. К слову сказать, «Астана» – слово персидского происхождения – означает «кладбище».

На дальнейшую судьбу Чжичжи заметное влияние оказал владетель Кангюя, которого часто беспокоил Усунь. Зная, что Хунну было великим государством, и Усунь зависела от него, что Чжичжи-шаньюй ныне находится в стесненных обстоятельствах, он счел целесообразным пригласить его на восточную окраину своего государства, чтобы объединенными усилиями завоевать Усунь и здесь Чжичжи поставить владетелем. Тогда нечего опасаться хуннов, думал правитель Кангюя. Он направил посланника к Чжичжи, который с радостью принял это приглашение. В 45 году Чжичжи и

владелец Кангюя заключили договор о союзе, и шаньюй с войском направился на запад. Переход в Кангюй совершался зимой при сильных морозах и глубоком снеге. Хунны потеряли много людей и скота. По версии китайских источников, до Кангюя добралось всего три тысячи воинов во главе с Чжичжи /34/. Цифра вызывает большое сомнение. Действительно, трудно поверить тому, что Чжичжи-шаньюй, покоривший три царства с воинственным населением, даже с учетом потерь при переходе в Кангюй, имел столь малочисленное войско. Возможно, китайский историк сознательно уменьшил силу враждебного шаньюя, чтобы принизить значение ухода значительной части хуннов на запад, которых китайский Двор считал теперь своими подданными.

Правитель Кангюя тепло принял Чжичжи, выделил ему несколько тысяч верблюдов, лошадей, ослов. Он и шаньюй породнились, женившись на дочерях друг друга /35/. При поддержке кангюйских войск Чжичжи совершает частые набеги на усуньские земли, даже разрушил столицу Усунь – город Чигу. Набеги хуннов были часты и столь опустошительны, что западные земли Усунь на 1 000 ли совершенно обезлюдели. Значительно окрепнув, возможно, и в результате наплыва хуннов с востока, возгордившись победами над Усунь, Чжичжи-шаньюй начал относиться к своему благодетелю – кангюйскому царю «без должного почтения» /36/. Так, в гневе он убил его дочь, казнил несколько сот знатных и простых кангюйцев. Тем самым, Чжичжи серьезно ослабил свою позицию. В 36 году до н.э. китайский экспедиционный корпус штурмом овладел городком-крепостью Чжичжи на реке Дулай (Талас). Китайцы захватили в плен раненого шаньюя и казнили. Вместе с ним погибли его старший сын, жены и 1518 хуннских воинов, 1000 хуннов были взяты в плен /37/. Судьба остальных хуннов неизвестна, возможно, они нашли прибежище у кангюйцев, которые и в этот трагический час для хуннов поддерживали их, нападая на китайские войска.

Таким образом, первый раскол государства Хунну во второй половине I века до н.э. привел к двоевластию: на Восточной стороне царствовал Хузанье-шаньюй, принявший китайское подданство, а на Западной – шаньюй Чжичжи. Уход его на запад, в Кангюй не позволял Хуханье установить свою власть над всей территорией государства хуннов, ибо над ним довлел страх перед возможным возвращением старшего брата, а потому он не предпринимает особых мер, чтобы установить на Западной стороне свою юрисдикцию. Пребывание Чжичжи на территории Казахстана в Таласской долине

было недолгим, около десяти лет. Вероятно, какая-то часть хуннов осталась в Кангюе, а другая часть ушла на восток в Джунгарию. Отныне Хуханье становится единодержавным правителем, верноподданным китайской империи. После долгого перерыва (с 49 года), хотя по договору шаньюй обязывался через каждые три года представляться китайскому Двору, в 33 году Хуханье прибывает в столицу Хань. Причину столь продолжительной задержки он объяснял страхом перед возможным нападением Чжичжи. Китайская хроника скупко сообщает: «Шаньюй опять приехал ко Двору, был принят и награжден по-прежнему. Ему дано одежд, шелковых тканей и бумажной ваты вдвое более против прошлого раза». Хуханье изъявил желание сблизиться с Китаем через женитьбу на девушке из Дома Хань. Император удовлетворил его просьбу, выдав одну из благородных по происхождению девиц Двора. Хуханье обязывался вечно охранять границу Китая от Шан-гу на запад до Дунь-хуан, и просил при этом снять пограничные китайские гарнизоны. Император отказал в просьбе Хуханье, не без основания опасаясь в способности и готовности хуннов, в будущем обеспечить безопасность северо-западной границы Китая. Через два года (31 г.) скончался Хуханье-шаньюй /38/.

Правление трех последующих шаньюев (31-8 годы до н.э.) после смерти Хуханье ничем примечательным не отмечено, они продолжают покорно исполнять свои обязательства перед китайским Двором, время от времени посещают столицу и получают причитающиеся подарки. Период правления Учжулю-шаньюя (8 год до н.э. – 13 год н.э.) отмечен, с одной стороны, дальнейшим нарастанием давления Китая на хуннов, принижением их статуса как вассального государства и даже попыткой ликвидации хуннской государственности, с другой стороны, ростом сопротивления хуннов такой политике Хань. Так, китайский Двор изощренным дипломатическим способом попытался получить у хуннов богатую хорошим лесом, травой и охотничьими угодьями территорию. Однако проницательный Учжулю-шаньюй весьма учтиво, но твердо напомнил китайскому посланнику, что императоры Сюань-ди (73-49) и Юань-ди (48-33), все, что лежит от Великой стены к северу предоставили Дому Хуннов. И одновременно подчеркнул, что требуемая земля – это единственная хуннская область, с гор которой хунны получают лес для изготовления своих юрт и телег. Китайский двор, поняв свою оплошность, вынужден был принести извинения, свалив вину на посланника. Однако правительство успешно реализовало свой другой план, по

которому хунны обязывались не только не принимать, но и возвращать Китаю бежавших к ним жителей Срединного государства, а также усуньцев, ухуаньцев и подвластных жителей Западного края /39/. Ван Ман, узурпировавший власть в 9 году н.э., установил в Китае односложные имена и выразил пожелание, чтобы и хунны поступили соответствующим образом. Учжулю-шаньюю не стал противиться этой его прихоти. В письме к Ван Ману он пишет: «Имея счастье служить вассалом, я восхищаюсь глубоким миром и мудрым правлением. Прежнее мое имя было Нан-чжи-я-сы, огненные я буду называться Чжи». О том, что хунны могли еще постоять за себя, сохранить свои владения, свидетельствует и такой случай. Ухуань, по наущению китайского правительства, отказывается платить хуннам ясак, они убивают хуннского комиссара, однако их неповиновение было быстро подавлено шаньюем /40/.

Ван Ман предпринял еще один шаг, чтобы принизить статус шаньюя. Так, вместо прежней печати, на которой были вырезаны слова «Хун-ну шань-юй си», означавшие «Государственная печать хуннского шаньюя», шаньюю всучили новую, на которой была надпись – «Синь хун-ну шань-юй чжан», что переводилось с китайского языка как «Новый знак хуннского шаньюя». Китайская хроника «Хоуханьшу» сообщает, что антихуннские акции Ван Мана вызвали гневную реакцию Учжулю-шаньюя, выразившаяся в усилении нападений хуннов на китайские пограничные области. Ответные рейды китайских войск приводят к меньшей гибели хуннов. Тогда шаньюй приказывает всем восточным и западным пограничным князьям и старейшинам родов грабить китайскую границу. В результате этих действий пограничные места совершенно опустели, признает «Хоуханьшу». Ван Ман решил преподать хуннам жестокий урок. Он объявил о создании 12 войсковых корпусов, общей численностью 300 000 человек, в которые отбирались лучшие китайские части, они снабжались лучшим оружием из арсеналов. Эта громадная армия должна была, снабжена жизненными припасами на десять месяцев, выступить одновременно 12 колоннами и загнать хуннов в Динлин. (Историк Шы-гу пишет: «Согнать хуннов с земли динлинов»). После победы решено было разделить земли хуннов на 15 округов, поставив во главе каждого из них потомка Хуханье-шаньюя /41/. На императорском Совете план был подвергнут обоснованной критике как нереальный, чреватый пагубными последствиями: в военном отношении он не учитывал боеспособность и тактику хуннских войск, а в социальном – пренебрегал нищетой народных масс в результате неурожая в течение нескольких лет подряд.

К тому же организационная неразбериха, нерешительность командования, долгое бесцельное пребывание на границе привели к тому, что китайские войска оказались в расстроенном состоянии /42/.

В 13 году н.э. скончался Учжулю-шаньюй, и на престол возвели Улэй-жоди шаньюй Хяня. Он не обладал решительным характером, ради дорогих китайских подарков закрывал глаза на действия пограничных китайских властей. Вскоре Ван Ман, отправив шаньюю Хянь богатые подарки в золоте и дорогих вещей, изъявил желание, чтобы имя хун-ну переменили на гун-ну (в китайском языке, отмечает Бичурин, хун-ну означает злой невольник, гунн-ну – добрый невольник). Зарясь на подарки, Хянь на все соглашался, однако, он не мог воспрепятствовать набегам хуннов на пограничную линию. Через пять лет своего царствования (18 г.) шаньюй Хянь скончался и на престол был возведен его младший брат Юй под именем Худурши Дао-гао жоди шаньюй. В 24 году н.э. восставшие войска убили всесильного узурпатора Ван Мана. Движение краснобровых (его участники раскрашивали брови киноварью), начавшееся в 18 году после казни Ван Мана, получает еще больший размах. Китайский Двор посылает шаньюю Юй прежнюю государственную печать со шнурами, что вызвало чрезмерную гордость хуннского правителя, говорится в китайской хронике /43/.

В период от возвышения южных хуннов до их падения (25-215 гг.) царствовали 20 шаньюев. Многие из них правили недолго и бездарно, потому не оставили каких-либо заметных следов в истории. Хуханье, принявший первым китайское подданство, был восьмым Би (Хилоши Чжоди шаньюй, внук Хуханье) – семнадцатым потомком Модэ. От Туман-шанюя до Би в продолжение первых десяти колен престол переходил от отца к сыну. Шаньюев, следовавших один за другим, было 18 колен, отмечает Бичурин /44/. Пользуясь обстановкой смуты в Китае, хунны восточного аймака опять поселились в пределах Китая. В 46 году умер шаньюй Юй и на престол был возведен его сын, который вскоре скончался. Престол занял его младший брат. Между тем, в земле хуннов несколько лет подряд были засуха и саранча, земля на тысячи ли лежала голая. Деревья и травы высохли. Голод вызвал эпидемию, которая погубила более половины народа и скота. Против шанюя плел интриги Би. Китайскому Двору он обещал быть верным вассалом, как его дед, а народу – спокойствие и благоденствие. Опираясь на поддержку подвластных ему восьми родов южной границы, Би попытался открыто выступить против шанюя, но успеха не имел. В 48 году старейшины этих родов

провозгласили Бия Хухань-шаньюем. Прося поддержки у Китая, он объявил о своем желании быть вечным оплотом для отражения северных хуннов. Император согласился с его желанием. Заручившись поддержкой китайского Двора, Би проводит несколько удачных акций против северного шаньюя. Видя успехи Би, император осыпал его своими милостями и подарками, в числе которых наряду с традиционными китайскими товарами были и 36 000 голов крупного и мелкого скота. У хуннов был обычай: три раза в году собираться в Лун-цы (по-китайски храм дракона), чтобы принести жертву духу Неба. Чтобы угодить китайскому императору, шаньюй Би установил четвертый день – жертвоприношения в честь императора. На этих собраниях хуннская знать рассуждала о государственных делах, забавлялась конной скачкой и бегом верблюдов. Среди знати почетнейшими считались Чжуки-князь и Лули-князь – восточные, за ними Чжуки-князь и Лули-князь – западные. Они назывались четырьмя рогами. Далее следовали восточный и западный Жичжо-князья, далее восточный и западный Выньюйди-князья, потом восточный и западный Чжан-гань-князья. Они назывались шестью рогами. Это – все сыновья и младшие братья шаньюя, которые по порядку имели право на престол. Вельможи из посторонних родов были восточный и западный Гуду-хэу, потом восточный и западный Шычжо-Гуду-хэу, прочие чиновники под именем Жичжо-Цзюйкюй и Данху различались в степенях по преимуществу власти и числу своих людей. Шаньюй был из рода Хэйляньди (сюйляньди). Из знаменитейших при Дворе посторонних родов считались: четыре: хуань, хэйбу (сюйбу), цюлинь (цюлинь), лань. (По Бичурину, при Модэ-шаньюе было три знатных рода: хуань, лань и хэйбу. Сам Модэ происходил из рода люаньди. «Возможно, что люаньди и лань были одним родом»). В скобках указана транскрипция В.С.Таскина. Эти роды всегда были в брачном родстве с шаньюем. Род хуань считался старшим, лань и хэйбу – младшими. В «Хоуханьшу» говорится, что решения спорных дел, поступавшие жалобы и приговоры к наказанию, представляемые шаньюю были словесными, ибо не было ни письма, ни письмоводителей /45/.

Оказавшись в трудном положении: с одной стороны Китай, с другой – его вассал южно-хуннское государство, северный шаньюй стремится улучшить отношение с Китаем, неоднократно предлагает возобновить мир и родство, отправляет дары китайскому императору, состоявшие из традиционного хуннского экспорта – скота и мехов, просит открыть меновой торг на границе. Император также одаривает северного шаньюя, среди подарков был даже конесекающий меч.

Он иногда даже осуждает грабительские набеги южан, но поступает явно лицемерно: предписывая своим чиновникам вдвойне вознаграждать северных хуннов за скот, отнятый у них южными хуннами, последним выдает награды положенные за убитых и в плен взятых ими /46/. В 87 году сяньбийцы, племя монгольского происхождения, нанесли северным хуннам тяжелое поражение: убив Юлю-шаньюя, содрали кожу с него и вернулись обратно. В результате этого погрома гюелань, чубину и дусуй, всего 58 поколений, в количестве 200 000 человек при строевом войске 8 000, придя в разных местах к границе, приняли подданство Китая. Положение северян усугублялось и голодом от нашествия саранчи. Этой обстановкой воспользовались южные хунны, уговорившие императрицу напасть объединенными силами на северян. Поход был удачным: войска северных хуннов были разбиты, шаньюй бежал, в плен было взято до 200 000 человек. Через два года (90 г.) южные хунны и китайские войска вновь одерживают крупную победу: северяне потеряли убитыми и пленными несколько тысяч человек, в плену оказалась и супруга шаньюя. Ему удалось бежать с несколькими десятками воинов. Китайская хроника сообщает об увеличении численности населения южно-хуннского государства: 34 000 семейств, 237 300 душ, 50 170 человек строевого войска /47/. Через год северный шаньюй был вновь разбит и бежал неизвестно куда, сообщает китайская хроника.

Итак, по «Хоуханьшу», северный шаньюй бежал неизвестно куда, но «Бейши» указывает точное направление его бегства – Кангюй. В указанной хронике говорится: «Северный шаньюй перешел через хребет Гинь-вэй-шань, ушел на запад в Кангюй, и малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались по северную сторону Кучи. Они занимают несколько тысяч ли пространства и по числу составляют до 200 000 душ» /48/. Если численность только «малосильных» северных хуннов составляет 200 тысяч человек – для кочевников весьма значительная масса людей, то, надо полагать, что бежавших в Кангюй хуннов было гораздо больше (вспомним, что после разгрома Лаошан-шаньюем юэчжей, большая часть их бежала на запад, а меньшая осталась на прежней территории). Следовательно, на территорию современного Казахстана двинулась внушительная группа хуннов. Потому заслуживает внимания мнение Грумм-Гржимайло о последствиях разгрома государства северных хуннов: «Потеряв свои земли в Монголии и Бэй-Шане, хунны устремились на запад, и в самое короткое время овладели огромной территорией от Баркульской долины (Баркульского озера) до Каспийского (или Аральского)

моря, населенных частью тюркскими, частью финскими племенами, которым они дали свое имя, подобно тому, как сяньбийцы дали свое имя оставшимся в Халхе хуннам (100 тысяч хуннских семей). Они перестали играть видную роль в дальнейших судьбах Срединной (Центральной) Азии, и с этой точки зрения – монах Иакинф (Бичурин) был прав, утверждая, что после поражения 93 года Хуннская держава как таковая перестала существовать для Китая» /49/. В целом, отдавая должное мнению автора, хотелось бы отметить, что мысль о существовании на территории Казахстана до прихода хуннов тюркских племен, представляется не бесспорной, если не неверной. Во всяком случае, она требует серьезных доказательств, научного подтверждения.

Как известно, впоследствии «малосильные» хунны создают свое государство в Восточном Казахстане под названием Юэбань, просуществовавшее почти до конца V века. По мере отхода усуней в Центральный Тянь-Шань и далее на Памир хунны-юэбаньцы постепенно занимают земли усуней, то есть Семиречье. «Бейши» отмечает: «Владение Юэбань лежит от Усуни на северо-запад. Это есть аймак, прежде принадлежавший северному хуннскому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэу-Хянь» /50/. Что касается вопроса о том, какой же регион Казахстана заняли северные хунны, то без большого риска ошибиться, можно сказать – этим регионом был Центральный Казахстан. Действительно, указанный в «Бейши» хребет Гинь-вэй-шань большинство исследователей принимают за Тарбагатай, а Куча – это известный город в Восточном Туркестане. Усунь располагался в Семиречье, следовательно, северным хуннам оставалась единственная свободная земля – степи Центрального Казахстана.

Через два года после ухода большей части северных хуннов, китайские войска наносят им еще одно тяжелое поражение, убивают при этом вновь избранного шаньюя. По мнению Бичурина, этим событием кончилось царствование Северного Дома хуннов. Потомки его имели небольшие уделы на северо-западных пределах Монголии, и из них был знаменитый Дом Дулга (тюрки), считал Бичурин /51/. Междоусобицы, восстания, убийства шаньюев раздражают государство южных хуннов. Против восставших хуннов китайцы привлекают конные войска ухуаньцев, сяньбийцев и тангутов. Государственность северных хуннов, вероятно, не была окончательно ликвидирована, ибо и после 93 года в источниках отмечается, что северный шаньюй неоднократно направлял посланников с дарами, с

просьбой возобновить мир и родство, однако китайский Двор оставлял их без ответа. Со временем главную угрозу для Китая представляют уже не хунны, а сяньбийцы. В 177 году объединенные силы южного шаньюя и китайцев были разбиты сяньбийским правителем Танышихаем. Вступивший на престол в 195 году шаньюй южных хуннов Хучуцуань, был в 215 году задержан китайцами, для управления оставшимися в орде пятью поколениями хуннов был назначен один из хуннских князей, проявивший особую преданность императору /52/. Так заканчивается и история южно-хуннского государства, вассала и саттелита Китая.

Однако 215 годом не заканчивается история народа и государственности хуннов. В III-V веках в Северном Китае существуют три хуннских и одно цзе – народа близкородственного хуннам государства. Это был период очень важный не только для истории собственно Китая, но и кочевых народов, в частности, хунну (сюнну). По справедливому мнению В.С.Таскина, труд Сюаньлина «Цзиньшу» посвящен заключительному этапу истории народа сюнну, который после гибели трех династий исчезает как крупная самостоятельная сила со страниц китайских источников /53/. Важно отметить, что в этот период хунны сохраняют свою этническую идентичность, хотя культурная ассимиляция их ханьцами принимает необратимый характер.

135 лет (304-439) известны в истории Китая как период шестнадцати государств пяти северных племен. Из них династии Бэй Хань или Ранняя Чжао (304-325), Северная Лян (397-439), Ся (407-431) были сюннскими и династия Поздняя Чжао (319-350) народности цзе. Именно в истории этих четырех династий можно найти не просто интересные, но и уникальные сведения этнического характера о хуннах. После 215 года остатки южных хуннов были переселены во внутренние районы Китая, и будущий вэйский император У-ди разделил хуннов на пять частей, поставив во главе каждой из них представителей знати в качестве вождя, а китайцев командующими, чтобы надзирать за вождями. Хунны во внутренних районах использовались правительством не только для отражения извне нападений врагов, но и против недовольного восставшего своего народа, а иногда и для борьбы с другими хуннскими племенами.

Источники и литература

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах... В трех частях. Часть 1. (Центральная Азия и Южная Сибирь). М.-Л., 1950. С. 45.
2. Там же. С. 47.
3. Там же. С. 48.
4. Гумилев Л.Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960. С. 78.
5. Бичурин. Указ.соч. С. 50.
6. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1968. С. 123.
7. Там же. С. 133.
8. Там же. С. 40.
9. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Выпуск 2. М., 1973. С. 14.
10. Бичурин. Указ.соч. Том 1. Алматы, 1998. С. 48-49.
11. Там же. С. 51.
12. Там же. С. 55.
13. Там же. С. 57.
14. Там же. С. 58-59.
15. Там же. С. 61.
16. Кюнсер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 104-105.
17. Legg Stuart. Op. cit. P. 97.
18. Кюнсер. Указ.работа. С. 75.
19. Бичурин. Указ.соч. Том 1. Алматы, 1998. С. 52-66.
20. Кюнсер. Указ.работа. С. 135.
21. Бичурин Указ.соч. С. 66.
22. Там же. С. 69-70.
23. Там же. С. 71-74.
24. Гумилев. Хунну. С. 69, 137.
25. Бичурин. Указ.соч. С. 74-75.
26. Там же. С. 76, 77, 79, 83.
27. Там же. С. 84-87; Таскин. Сюнну. Выпуск 1. С. 172.
28. Там же. С. 87-89.
29. Таскин. Выпуск 1. С. 172; Бичурин. С. 89-90.
30. Бичурин. Указ.соч. С. 90-91.
31. Там же. С. 92-94.
32. Там же.
33. Грумм-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэй-Шаня. С. 20.

34. Иностранцев К.А. Хунны и гунны. М., 1926. С. 97.
35. Бичурин. Указ.соч. С. 94-95.
36. Таскин. Выпуск 2. С. 38-39.
37. Там же. С. 125-129.
38. Бичурин. Указ.соч. С. 95-98.
39. Там же. С. 100-101, 194.
40. Там же. С. 104-105.
41. Там же. С. 105-106, 108-109.
42. Там же. С. 111-112.
43. Там же. С. 113-114.
44. Там же. С. 116.
45. Там же. С. 120-123; Таскин. 1968. С. 133-134; 1973. С. 73.
46. Там же. С. 129.
47. Там же. С. 130-131.
48. Бичурин. Том 2. С. 267.
49. Таскин. Сюнну. Выпуск 2. С. 153; Грумм-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэй-Шаня. С. 25.
50. Бичурин. Том 2. С. 267.
51. Там же. Том 1. С. 132.
52. Там же. С. 142.
53. Таскин. Сюнну. Выпуск 2. С. 13.

3. ГУННЫ В ЕВРОПЕ. ДЕРЖАВА ГУННОВ. АТТИЛА

В 150-е годы северные хунны были окончательно разгромлены объединенными силами сяньбийцев, динлинов, китайцев и «южных» хуннов. Часть хуннов, получивших славное имя «неукротимых», устремляется на запад, вновь на территорию современного Казахстана – на этот раз на северо-запад Арала и в Южное Приуралье. Возможно, что отдельные группы хуннов заняли Волго-Уральское междуречье, и даже переправились через Волгу, и проникли, донские степи. Более двух веков они не проявляют ни военной, ни политической активности. Гунны (термин, введенный в научный обиход К.А.Иностранцевым для отличия европейских хуннов от их восточных соплеменников), возможно, смешавшись отчасти с угро-финскими и сармато-аланскими племенами, отчасти покорив последних («именно гунны, вторгнувшись в земли аланов, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе») /1/. В 374 году гунны пересекли Волгу и через два года появились к западу от Азовского

моря. Так начинается грандиозный поход гуннов в Европу, который привел к образованию гуннской державы со стольным городом в Паннонии (территория современной Венгрии). Пик могущества государства гуннов приходится на время правления знаменитого короля гуннов Атиллы (середина V века). Обе римские империи: и Западная и Восточная (Византия) платили дань гуннам.

Гуннская экспансия была направлена не только на запад, но и на юг, юго-запад. Они покорили Судэ – древний Яньцай (Аланья) – китайских источников. По этому поводу в «Бейши» говорится: «Владение Судэ находится от Луковых гор (Памир) на запад – в древности называлось Яньцай и Выньнаша: лежит при большом озере от Кангюя на северо-запад. Некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял четвертое колено после того события. Прежде судэские купцы во множество приходили в китайскую область Лян-чжеу (провинция Ганьсу) для торга. В 440 году правитель Хуни направляет посольство в Китай». Исходя из того, что Хуни представляет четвертое поколение хуннских правителей в Судэ, нетрудно вычислить, что хунны завоевали Судэ в 60-70-х годах IV века, то есть в то же время, когда другие их силы пошли на запад. По мнению С.П.Толстова, Хуни – китайской хроники есть не кто иной как Кунгхя, царь среднеазиатских гуннов-кидаритов, который в 468 году вел упорную борьбу с Сасанидским Ираном и был разбит шахом Перозом. По данным сирийских источников, гунны-кидариты или хиониты уже в середине IV века служили наемниками в кушанских войсках /2/.

Сведения о гуннах в Европе содержатся в трудах античных западно-римских и византийских авторов. Так, впервые о них упоминает Птолемей, говоря: «Между бастернами и роксаланами живут хуни» /3/. Вместе с тем необходимо признать, что упоминание Птолемея о “хуни” не позволяет точно определить ни их местопребывание, ни удостовериться в том, что действительно ли они были гуннами. Для такого сомнения есть и веское основание. Мы уже отмечали, что в новом переводе труда Дионисия Перизгета среди народов, проживавших на северо-западе Каспийского моря, после скифов упоминаются уже не уны, а фуни, что ставит под сомнение пребывание гуннов на Северном Кавказе во втором веке н.э. Сообщение же византийского историка Евнапия Сардийца (IV век) отличается бесспорной достоверностью: «Река Рудон течет из Аланской горы и вообще в этой области живет на широком пространстве народ алансармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена. По Бо-

рисфену, за аланами населяют так называемые европейские хуны» /4/. Здесь стоит обратить внимание на выражение «европейские хуны», что подразумевает существование и неевропейских, то есть азиатских хуннов. Река Борисфен, как известно, это Днепр, Рудон, вероятнее всего, Дон, Аланские горы – Донецкий кряж, следовательно, гунны находились за Доном. Первое упоминание о появлении гуннов на западе Азовского моря также принадлежит Евнапию: «Где находились Унны, откуда они вышли, как пробежали всю Европу и оттеснили скифский народ, о том никто не сказал ничего ясного». По его словам, в 376 году по Р.Х. скифы (имеется в виду сармато-аланы – Б.И.), побежденные, были истреблены уннами. Он красочно описывает жестокости уннов, бегство скифов и их обращение к римлянам с мольбой принять их в свое подданство, чтобы защититься от гуннов. Интересно, что скифы дарили римским властям «ковры мохнатые с обеих сторон» /5/.

Более подробные сведения о гуннах в Европе можно почерпнуть в трудах римских авторов: Аммиана Марцеллина, Приска Панийского и Иордана, а также византийского историка Прокопия Кесарийского. Вместе с тем необходимо помнить, что эти труды, особенно Марцеллина и Иордана, содержат откровенное расовое неприятие, уничижительную, оскорбительную характеристику физического облика гуннов. Иордан, будучи по происхождению готом (остгот), перешедшим от арианства в католичество, наряду с апологией римлян непомерно возвеличивает готов.

«История» Марцеллина была написана в 390 году и является продолжением знаменитого исторического труда Тацита. Она должна была охватить события с 96 по 378 годы. Однако первые 13 книг ныне утрачены. Сохранились лишь 14–31 книги, повествующие о событиях 353–378 годов. О своем подходе к изложению истории Марцеллин пишет: «Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы до Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью» /6/. К чести автора, он в целом придерживается своего обещания. Появление гуннов в Европе было неожиданным и ошеломляющим. По словам Марцеллина, среди остготских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор. Не выдерживают натиска «подвижного и неукротимого» народа воинственные

аланы и свирепые готы, которые были или истреблены, или бежали, или же признали господство гуннов. Это следует из его слов: «Именно гунны, вторгнувшись в землю тех аланов, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора. При их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Германариха, остготского вождя, царя весьма воинственного. Он долго пытался удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападающих, он добровольной смертью подавил страх больших бедствий» /7/. Германарих был грозным повелителем обширного государственного образования готов, покорившего также немало славянских, сарматских и финских племен. Потому его самоубийство потрясло готские племена, и значительная часть остготов подчинилась гуннам, а вестготы бежали на запад, ища спасения у Римской империи. Таким образом, сообщаемые Марцелином события относятся к 70-м годам IV века. Интересно, что среди народов, подробно описываемых автором к востоку от Танаиса (Дона), гунны не упоминаются. «По обоим берегам Танаиса, — пишет Марцеллин, — живут амазонки вплоть до Каспийского моря. За Танаисом широко раскинуты савроматы. За Меотидой (Азовское море) обитает множество народов весьма различных между собой по языку и обычаю: яксаматы, меоты, язиги, роксаланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы. За этими народами еще дальше обитают другие, нам неизвестные, так как они живут дальше всех вглубь материка» /8/. Нетрудно понять, что этот перечень народов восходит к книжной традиции и автор воспользовался известиями ранних авторов, которые о гуннах, конечно, не имели ни малейшего представления.

Аммиан Марцеллин не жалеет черных красок, описывая, чуждые для римлянина (грека), внешний облик и образ жизни гуннов. По нему, гунны «доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо обтесанным наподобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов». В изображении Марцеллина гунны — совершеннейшие дикари, для которых нет никаких морально-нравственных, религиозных норм и установлений. Это якобы неорганизованная толпа, движимая только корыстью, не подчиняющаяся никаким общественным законам и правилам. Он пишет: «Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно и что не честно,

ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту». В описании римского историка гунны «без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни, кочуют они словно вечные беглецы с кибитками, в которых проводят жизнь. Никто из них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – далеко оттуда, вырос – еще дальше» /9/.

И все же тонкий наблюдатель, профессиональный военный владел над домыслами и вымыслами римского историка. Марцеллин объективно оценивает, например, такие качества гуннов как выносливость, закаленность, неприхотливость, называя гуннов «неукротимым» народом, «отменными воителями», действующими искусно в бою не только издали, метко поражая врагов стрелами, но и в ближнем бою, когда сблизившись врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой с мечами и, уклонившись сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком /10/. В этом отрывке уместно обратить внимание на два момента: о мастерстве и доблести гуннов сражаться и в ближнем бою, а также умелом использовании ими аркана как эффективного оружия. В исторической литературе нередко утверждалось, что кочевники, в том числе и гунны, были нестойкими в ближнем бою и потому, мол, они избегали рукопашной схватки с войсками оседлых народов, которые были якобы весьма умелыми в боях подобного рода. Марцеллин, пожалуй, был первым западным писателем, который высоко оценил и описал аркан как средство боя. Аркан позже успешно использовался тюрками, монголами, кипчаками и научившимися от тюркских племен русскими казаками. Автор отмечает и такие особенности военной тактики гуннов как издание при атаке леденящего душу завывающего звука, то, что позже мы, казахи, называли «кику» (в детстве мы тоже при наступлении на «противника» вместо этого устрашающего, но забытого звука, самозабвенно кричали просто «кику-кику»). Он утверждает также, что гунны отказывались штурмовать укрепленные линии, крепости ввиду, мол, своего неумения. Это мнение получило в литературе также большое распространение. Однако уже в трудах Приска, Иордана оно опровергается реалистическим описанием, как гунны штурмом брали самые сильные римские крепости.

За Приском Панийским (V век), историком и дипломатом, утвердилась слава знатока гуннов. Он – один из немногих людей, которому удалось побывать в 448 году в составе римского посольства в

ставке великого завоевателя Аттилы в Паннонии. К сожалению, его «Византийская история» не сохранилась в полном объеме. Однако обширные отрывки его труда приводятся в сочинении Иордана. Часть фрагментов труда Приска перевел на русский язык В.В.Латышев и опубликовал в книге «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе». Большой интерес представляет рассказ Приска о дипломатических отношениях между Римом и царством Аттилы. Приск отмечает, что между римлянами и гуннами были подписаны, по крайней мере, четыре договора, по которым римляне обязываются выплачивать гуннам ежегодно дань в золоте, решать вопросы о беглецах, взаимной торговле и т.д. В 433 году царь гуннов Руа (Ругас, Роил) намеревается вступить в войну против Римской империи. Чтобы умиловить его, римляне отправляют к нему посольство. Однако через год Руа скончался, (он приходился Аттиле дядей с отцовской стороны – Б.И.), и верховная власть переходит братьям Бледе и Аттиле. Римское посольство прибыло к гуннам уже после смерти Руа. Ханская ставка находилась в то время в городе Марг, недалеко от селения Дубракива (Югославия). По словам Приска, здесь собирались и царские скифы (гунны – Б.И.), то есть гуннский род, от которого происходил король (к сожалению, римские авторы не указывают подлинного титула правителя гуннов и на западный лад называют его, то королем, то царем – Б.И.). Интересно замечание автора о том, что гунны устроили собрание, сидя на конях. В договоре, подписанном тогда, говорилось: «Римляне, не только на будущее время, не будут принимать беглецов из скифской земли, но выдают перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа. Если не будет дано по восемь золотых за каждого беглеца, приобретшим их во время войны, римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны и для римлян, и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем, чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по 700 литр (литра – римская либре – равняется 327,5 граммам) золота царским скифам». В прошлом сумма дани составляла 350 литр золота /11/. Как видим, гордому Риму, как и империи Хань, приходится откупаться от гуннов. В указанном договоре привлекает внимание не столько уплата дани в золоте, сколько специальное выделение вопроса о торговле между гуннами и римлянами, торговля имела для кочевников жизненное значение, что мы видели в отношениях хунну с Китаем.

И римляне, и гунны не всегда придерживались буквы и духа под-

писанных ими договоров, и потому военные столкновения между ними были довольно часты. Во время одного из них гунны осадили иллирийский город Наис на Дунае. Приск отмечает, что: «Осаждающие построили мост, подвели к стене машины, метательные снаряды и так называемые – «бараны». Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник; подвели лестницы...». Приск рассказывает, что после битвы римлян с гуннами при Херсонесе фракийском в 447 году, был заключен новый мирный договор. «Они помирились на том, чтобы гуннам были выданы беглецы и дано шесть тысяч литр золота, согласно прежним условиям ежегодная дань была установлена в 2100 литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо 12 золотых, а в случае неуплаты принявшего беглеца, обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним» /12/.

Большой интерес представляет сообщение Приска о некоторых внутривосточных событиях в гуннском государстве, например, о битве гуннов с акацирами, их подчинении и назначении над ними царем старшего сына Атилы – Эллага. Он также отмечает, что гунны широко пользовались деревянными плотами, их возили с собой на повозках и использовали при разливе рек. Интересны сведения об ассортименте блюд, поданных римским посланникам, среди которых упоминается и мед, который подается вместо вина. Мед поставляли, вероятно, покоренные гуннами славянские племена. По словам автора, одну из жен Атилы (старшую) звали Крекой, и она прислала римским посланникам не только съестные припасы, но и «красивых женщин» для компании, согласно гуннскому обычаю почета» /13/.

Приск очень красочно описывает пир, который дал Атила в честь римской дипломатической миссии. Отметив наличие в зале кресел, стульев, столов и ложе самого Атилы, Приск пишет: «Первым вошел слуга Атилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Атиле не подавалось ничего, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других кроме чистоты. Ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были

украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным» /14/. Этот рассказ очень важен для характеристики Аттилы как великой личности, для которого внешняя роскошь, пышность являются не чем иным, как мишурой.

Большой интерес представляет сообщение Приска о миграции племен и народов в Восточную Европу во второй половине V века: «Около этого времени (463 г.), к восточным римлянам (византийцам) прислали послов: сарагуры, уроги и оногуры – племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия саби-ров, которых изгнали авары, в свою очередь, изгнанные народами, жившими на побережье океана... Сарагуры, изгнанные с родины, в поисках земли приблизились к уннам-акатирам и, сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя, и прибыли к римлянам, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, обласкав их и дав подарки, отправили назад» /15/. События, описываемые автором, как видим, не ограничиваются 463 годом, когда сарагуры подошли к восточной границе Византии. Они происходили, безусловно, в течение нескольких лет. Сарагуры появились на границе Византии ровно через десять лет после смерти Аттилы, приведшей к упадку, и последующему распаду державы гуннов. Поэтому-то сарагурам удастся одолеть гуннов-акациров.

Ни в одном произведении западных авторов не излагается так подробно, история гуннов, как в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов», хотя в центре внимания автора находится история германских племен готов, и потому работу нередко называют «Гетикой». Труд свой Иордан закончил в 551 году. Тенденциозность автора не вызывает сомнений. Более того, можно даже сказать, что его труд – результат политического заказа. Иордан фактически излагает своими словами известное сочинение Кассиодора «История готов». Кроме того, в работе Иордана приводятся обширные отрывки из записей Приска, в частности детальное описание знаменитой Каталаунской битвы между гуннами и римлянами, получившей у современников прозвание «Битвы народов», где описываются моменты смерти и погребения Аттилы. Специалисты оценивают сочинение готского историка неоднозначно. Одни называют Иордана, чуть ли не литературным «вором», другие подходят более объективно. Так, переводчик книги Е.Ч.Скрижинская не без основания считает, что оценивать работу Иордана, как плагиат, неправильно, поскольку средневековые писатели обладали иной психологией, исходили из других этических норм, когда заимствования не только не казались

плагиатом, наоборот, они были свидетельством высшей почтительности к авторитету, если даже он не был упомянут /16/. Труд Иордана сохранил для потомства достоверные сведения тех сочинений, которые до нас не дошли, и в этом смысле он представляет, безусловно, ценнейший исторический источник, не говоря уже о собственном вкладе Иордана в освещение тех или иных вопросов ранней средневековой истории Европы.

В «Гетике» Иордана содержится своеобразная этническая карта Восточной Европы. Называя финнов – «кротчайшим народом», наиболее низкорослым из всех обитателей Скандзы (Скандинавии), Иордан отмечает, что именно из Скандзы некогда вышли готы, которые превосходят германцев как телом, так и духом, всегда сражаются со звериной лютостью. В рассказе Иордана о расселении народов нас, естественно, прежде всего, интересует историческая Скифия, то есть Юго-Восточная Европа. «Скифия, – пишет Иордан, – погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр (Дунай) и простирается Мурсианское озеро. Она (Скифия) тянется до реки Тиры (Днестр), Данастра и Вагасолы, а также великого того Данапра и до горы Тавра – не той, что в Азии, а собственной, то есть скифской, по всей прилегающей к Меотиде (Азовское море) местности и за Меотиду через Босфорские проливы до Кавказских гор и реки Аракс. Затем она (Скифия), загнувшись в левую сторону за Каспийским морем, склоняется к области гуннов и отступает от албанов и серов» /17/. Если учесть, что албаны исторически занимали запад Каспийского моря, то упоминание гуннов в том же районе позволяет локализовать их на северо-западе Каспийского моря. Серы у Иордана, конечно, не китайцы. Указывая насельников Скифии с запада на восток, Иордан первым называет гепидов (готское племя), за ними «на безмерных пространствах располагается многочисленное племя венетов», называемые склавенами и антами. Склавлены живут от города Новиетуны и Мурсианского озера до Данастра, а на севере – до Вислы вместо городов у них болота и леса. Анты занимают территорию от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину. На побережье океана живут видивари и «вполне мирный народ эсты». К югу от них располагается «сильнейшее племя акациров, не ведающие закона, и питающиеся от скота и охоты». За акацирами тянутся над Понтийским морем места расселения булгар. Наконец, этот перечень народов замыкают гунны – «плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся

альциагирами, другие – савирами, но места их поселения разделены, альциагиры расположены около Херсоны, куда жадные купцы ввозят богатства Азии. Летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов /18/.

Картина расселения народов Восточной Европы у Иордана, разумеется, неполная и не всегда точная, зачастую приблизительная. Если ареал расселения склавенов и антов в целом указан верно, то местоположение акациров непосредственно к югу от эстов, то есть от побережья Балтийского моря вряд ли можно считать правильным, они располагались, вероятно, гораздо южнее, ближе к Черному морю. Кстати, акациры (акатиры у Приска), по Иордану, народ отличный от гуннов, между тем как Приск считал их гуннами по происхождению. Расселение булгар на севере Черного моря не вызывает сомнений. Что же касается гуннов, то упоминание их после булгар к востоку кажется также верным. Большой интерес вызывает указание Иордана о том, что гунны делятся на две ветви: альциагиры (альцагиры) и савиры. Первых он привязывает к реальной местности – Херсонесу, то есть к району Азовского моря, однако указать местоположение савиров автор, вероятно, просто забыл. Естественно, возникает вопрос: не являются ли альциагиры измененной формой написания акациров. Думаем, так оно и есть. В таком случае снимается расхождение между Приском и Иорданом об их гуннском происхождении. Что савиры – гунны подтверждаются данными и других аутентичных источников. Неожиданное появление в рассказе Иордана хунугуров не может остаться без внимания. Само название народа представляет соединение двух этнических наименований хуннов и угров. Поэтому можно допустить, что хунугуры – это угры или в значительной мере смешение хуннов и угров. В отличие от хуннов – скотоводов угры являются охотниками. Потому Иордан и отмечает, что хунугуры известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов, то есть они поставляли пушнину.

О происхождении гуннов Иордан сообщает следующую легенду: «Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы пятым по порядку, держал власть над гетами и вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галлиурун. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их, таким образом, в бегство, принудил блуж-

дать в пустыне. Когда же бродящих по бесплодным пространствам увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи» /19/. В легенде трудно найти реальные корни гуннов, которые предстают как смесь готских женщин и злых духов. Со злыми духами понятно – это элемент легенды, мифа, отражающий к тому же враждебную позицию готского историка к гуннам. Мы не погрешим, вероятно, против истины, если скажем, что в гуннском этногенезе абсолютно отсутствует готский компонент, поскольку готы и гунны не жили в одном ареале, а встретились впервые на поле брани лишь во второй половине IV века как самостоятельные этносы.

Легендарен также рассказ Иордана о том, как гунны перешли Азовское море. Он пишет, что гуннские охотники, выискивая как обычно дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, ступая вперед, то приостанавливался, представлялся указывающим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Меотидское озеро, которое до тех пор считали непроходимым как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Так гунны открыли себе путь, чтобы неожиданно напасть на скифов. Вполне возможно, что гунны воспользовались одним из больших отливов в Азовском море, когда происходило сильное обмеление и можно было пройти по дну моря. Внезапно напав на скифов (автор не разъясняет, кем же были эти «скифы» – сарматами, аланами или готами), гунны часть захваченных в плен скифов принесли в жертву победе, а остальных подчинили себе. Ими были захвачены племена: алпидзуры, алцилдзуры, итимары, тункарсы и бойски. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них (общей) человечностью, образом жизни и наружным видом они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. От себя Иордан добавляет: «Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом, они обращали их (аланов) в бегство, потому что их (гуннов) образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз». Даже в карикатурном изображении гуннов готским историком можно увидеть некоторые реальные признаки монголоидной расы. «Ростом они невелики, – пишет Иордан, – но быстры проворством

своих движений и чрезвычайно склонны верховой езде, они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи» /20/. Разумеется, горделивая посадка гунна – результат не крепости шеи, а результат особой манеры сидеть на коне.

Уникален словесный портрет Атиллы. Надо отдать должное готскому историку, который вопреки своей ненависти к гуннам, уничижительному описанию их внешности, преклоняется перед величием Атиллы, подчеркивает его благородство и простоту. «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводит на всех трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением, – пишет Иордан. – Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда, и самими телодвижениями, обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи): он являл все признаки своего происхождения» /21/. Из слов Иордана видно, что Атила был ярко выраженной харизматической личностью, обладал большой притягательной силой, магнетизмом. Недаром готский историк с удивлением и нескрываемой завистью вынужден был признать, что король многочисленных гепидов – Ардарих «по крайней преданности своей Аттиле участвовал во всех его замыслах» /22/.

Из всех готских племен остготы после смерти короля Германиха первыми подчинились власти гуннов, сохранив свою автономию. Винитарий, князь остготов попытался обрести утраченную независимость. Он нападает на антов, сокрушив их сопротивление, распял князя антов Божа вместе с сыновьями и 70 старейшинами «для устрашения». Однако усиление Винитария серьезно обеспокоило Баламбера, короля гуннов, который совместно с лояльным остготским князем Гезимундом предпринял карательный поход против взбунтовавшегося Винитария. На берегу Эрак (Днепр) Баламбер ранил стрелой остготского князя и убил его /23/. После этого остготы вплоть до смерти Атиллы остаются верными союзниками гуннов. Сведения Иордана о родственных связях Атиллы, хотя и не отличаются полнотой, тем не менее, представляют определенный интерес. Так, правившие до него Октар и Роас (Ругас, Руа) были родными

братьями его отца Мундзука. (По мнению известного французского историка Рене Груссе, начиная с 405 года, гуннами правили Ругас, Мундзук и Октар). Когда скончался Мундзук неизвестно, после него правили его братья, и лишь после их смерти на престол вступают два родных брата Бледа и Атилы. Поэтому можно полагать, что наследование престола у гуннов не было прямым от отца к сыну. Трон переходил к старшему в царствующей семье, как это будет впоследствии у тюрков. Бледа был старше Атилы и владел значительной частью царства гуннов. Судя по тому, что им предшествовали также два правителя Октар и Роас, можно полагать, что на каком-то этапе или, может быть, с самого начала, у гуннов, как позже у тюрков, государство разделялось на две части, возглавляемые отдельными правителями. Источники не дают ответа и на вопрос: был ли один из них старшим ханом. Братья, как известно, пришли к власти в 434 году В 441 году гунны объявили войну Восточно-Римской империи, которая вынуждена была уступить им значительную часть Балканского полуострова. В 447 году по приказу Атилы Бледа был убит. Мотивы обстоятельства убийства неизвестны, известна только осуждающая оценка Иордана этой акции Атилы: «После того, как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Атила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которых он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов (вестготов). Говорили, что войско его достигало пятьсот тысяч человек» /24/. Понятно, что, объединив все силы гуннов и подвластных им народов, Атила мог строить самые амбициозные планы.

Став единоличным господином всей Восточной Европы, Атила открыто вступает в борьбу с Римской империей и вестготами за гегемонию и в Западной Европе. Он вторгается на территорию Франции: разрушает город Мец, осаждает Орлеан, правда, взять его не смог, город был освобожден римским полководцем Аэцием. Атила вынужден отступить. Кульминацией завоевательных походов Атилы стала битва в июне 451 году, которая развернулась на Каталаунских полях – равнине в северо-восточной части Франции в провинции Шампань. На стороне Западно-Римской империи наряду с римскими войсками были: вестготы, франки, бургунды, аланы и др., противостояли им гунны, гепиды, остготы и др. Гуннские войска возглавлял сам Атила, римскими силами командовал Аэций, вестготами

— король Теодорид. Отметив «замечательную изобретательность в военных делах» Аттилы, Иордан одновременно подчеркивает, что «битва была настолько славна, насколько она была многообразна и запутана». Замечание весьма важное и даже принципиальное, поскольку не только в западной исторической литературе, но и в советской дается необъективная тенденциозная оценка: победили якобы римляне, потерпели поражение гунны. Вот описание битвы: «... Сошлись стороны на Каталаунских полях. Место это было отлогое, оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду. Таким образом, правую сторону его занимали гунны со своими союзниками, левую же — римляне и вестготы со своими вспомогательными отрядами. Правое же крыло держал Теодорид с вестготами, левое — Аэций с римлянами, в середине поставили Сангибана, который предводительствовал аланами. По иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильной части своего племени, оказывался избавленным и от наступающей опасности. Крылья его войска окружали многочисленные народы и различные племена, подчинившиеся его власти. Среди них преобладало войско остготов... Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же: тут вестготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагеря, который он держал окруженными телегами как валом, хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могли противостоять никакие каменные укрепления...

Торисмунд, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того на повозки врагов. Он храбро отбивался, но раненый в голову, был сброшен с коня: когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих, в ночной сумятице блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами, наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной

шитов. На следующий день на рассвете римляне увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться, тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Атила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы обращению в прах и униженности, наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом. Таким образом, тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания, он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многочисленных племен не попал во власть врагов» /25/.

Это кровопролитнейшее сражение в истории человечества до XX века началось в девять часов утра и продолжалось до поздней ночи. В нем с обеих сторон участвует почти один миллион человек, погибло 180 тыс. (Как в древней, так и раннесредневековой истории численность войск, потери сражающихся сторон, как правило, были сильно преувеличенными – Б.И.). Битва не выявила бесспорного победителя, о чем можно судить по рассказу Прииска – современника этих событий. Иордан, хотя и называет римлян и вестготов победителями, но, вместе с тем подчеркивает всю условность этой «победы». Римляне посчитали, что победа за ними только потому, что утром следующего дня гунны не напали на них и Атила, непобедимый до сих пор, не возобновил битву. С другой стороны, Иордан отмечает, что Атила не проявлял никакого признака побежденного, наоборот, он всем своим воинственным поведением показывает готовность к битве. О великом духе Атилы – полководца и воина – говорит и то, что он предпочел бы смерть в зажженном им костре из конских седел, чем увидеть поражение своего войска. То, что победа якобы осталась за римлянами, не соответствует ни логике, ни фактам. Действительно, как же не учитывать того, что погиб один из полководцев антигуннской коалиции король вестготов Теодорид. Погиб позорно – был растоптан своими же солдатами, а его сын Торисмунд, тяжелораненый, едва не попал в плен. Именно он первым, признав невозможность продолжения боя, повелевает своему войску отступить. Не искушая еще раз судьбу, отступает со своими римлянами и Аэций. Таким образом, на поле боя непобежденным остается Ати-

ла. Непобежденный еще и потому, что он сохранил в целости свою главную силу – тяжеловооруженную (латную) конницу, которую он не вводил в бой. Об этом хорошо помнили и его враги, почему и решили убраться восвояси. И, наконец, как можно считать гуннов побежденными, если буквально через несколько месяцев после Каталаунской битвы, весной 452 года Атиллы совершает свой опустошительный поход в Северную Италию, громит ее укрепленные по последнему слову военной техники города-крепости. К сожалению, господство европоцентризма приводят к тому, что не только в западной, но и советской исторической науке дается неверная оценка Каталаунской битве. Так, выдающийся немецкий историк XIX века Леопольд фон Ранке утверждает, что: «Аттила был разбит на Каталаунской равнине в Галлии». Более того, он оценивает эту «победу» как «имеющую всемирно-историческое значение», поскольку гунны, по его мнению, были «совершенными варварами и оставались совершенно недоступными культуре. Сделайся они господами Римской империи, варварство одержало бы победу над Европой». О поражении Атиллы говорит и видный французский историк XX века Рене Груссе. В советском энциклопедическом словаре читаем: «В июне 451 году войска Западно-Римской империи в союзе с франками, вестготами, бургундами, аланами и др. разгромили гуннов и их союзников (остготов, гепидов и др.) во главе с Атилой, что привело к распаду гуннской «державы» /26/. Как видим, советская историческая наука перешеголяла западную, взяв в кавычки даже слово держава. А как можно назвать государство, простиравшееся от Прикаспийских степей до восточной границы Франции и объединявшее в своем составе десятки различных народов под господством одного народа гуннов? Конечно, только империей или державой. На фоне последующей блистательной победы Атиллы в Северной Италии, «победу» римлян в Каталаунской битве, ставшей причиной распада державы гуннов, можно считать совершенно необоснованной.

Термин «гунн», благодаря стараниям сторонников европоцентризма, стал нарицательным, олицетворяя дикого кровожадного захватчика-грабителя. За Атилой же закрепился эпитет «Бич Божий». Мнения исследователей об исторической роли гуннов расходятся. Одни из них по старой традиции видят в них «злых дикарей», другие пытаются подойти более объективно. Л.Н.Гумилев, высоко оценивающий роль кочевников в истории, их значительный вклад в мировую цивилизацию, остается верен себе и при определении исторической

роли хуннов, подчеркивал их специфическую черту, присущую всем последующим тюркским народам, – отказ от истребительных войн, великодушие к побежденным. «Повода считать хуннов неполноценнее европейцев, как современных, так и древних, нет, – пишет он. – Скорее наоборот надо отдать должное уму и такту хуннов, табгачей (тоба), тюрков. Они относились к окрестным народностям, как к равным, пусть даже непохожим на них. Идеологии периферийного варварства они не создали. И благодаря этому при неравенстве сил они устояли в вековой борьбе и победили, утвердив как принцип не истребление соседей, а удержание своей территории – родины и своей культурно-исторической традиции – отечества. И, потому они просуществовали свои 1500 лет и оставили в наследство монголам и русским непокоренную Великую степь» /27/. Автор говорит о хуннах, но сказанное им имеет прямое отношение и к их потомкам – гуннам, которые также отличались терпимостью к другим народам, не были замечены в бессмысленных убийствах, побоищах. Ни один из наших источников не дает конкретного примера беспричинной жестокости гуннов. Пытается доказать прогрессивную роль гуннов в истории как силы, способствовавшей появлению феодализма – новой общественно-экономической формации, А.Н.Бернштам /28/.

Поразительно, но даже в наше время, после распада СССР, можно заметить уничижительную оценку гуннов в современной казахстанике. Так, в одном лучшем, на наш взгляд, учебном пособии по истории Казахстана читаем: «Нападения на оседлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них (гуннов) основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим» /29/. Авторы учебника «Археология Казахстана», не утруждая себя исследованием проблемы, слепо используют затасканный образ гуннов как «дикого варварского кочевого народа» /30/. Мы уже приводили пронизательное высказывание древнегреческого географа Страбона о том, что война для кочевников – не средство наживы, а получение дани. Корыстолюбивы и развязывают войны чаще всего оседлые народы. Действительно, в использованных нами источниках нет прямого утверждения о том, что кочевники только войной добывают себе средство существования. Данные источников говорят о другом. Так, Марцеллин отмечал, что гунны занимаются «куплей и продажей», а Приск в договорах педантично указывает на пункт о ярмарках, на которых идет оживленная взаимовыгодная торговля

между гуннами и римлянами. Уже одно это обстоятельство заставляет усомниться в паразитизме гуннского общества. Наконец, как можно назвать гуннское общество живущим за счет оседлых римлян, если известно, что основным хозяйством гуннов было скотоводство, и они существовали за счет мяса и молока своих животных, которых сами же пасли и выращивали, а не римляне. Следовательно, производительным трудом занимались сами гунны. Что касается получаемого у двух римских империй золота в качестве дани, то оно шло, как отмечают сами западные источники, на отделку оружия, конской сбруи, женских украшений, а не использовалось гуннами в качестве капитала, средства наживы. Все сказанное дает нам основание отвергнуть оценку гуннского общества как «паразитического».

Что касается характеристики гуннов как «дикарей» или «совершенно неспособных к культуре», то это также из области «черной легенды» о кочевниках. Действительно, как можно так принижать народ, который поставил на колени две римские империи, заставив их платить дань. Гунны побеждали первоклассные армии этих супердержав в открытом бою не только за счет признанной воинской доблести, но и прекрасным вооружением, совершенным военным искусством стратегией и тактикой. Латная конница гуннов, как некогда массагетская и парфянская, была неведомой для европейцев и представляла грозную боевую силу. «Дикие» гунны обладали первоклассной осадной техникой и штурмом брали неприступные крепости римлян и византийцев. Они и оружием владели лучше, чем их враги.

Не соответствует представлениям о «дикости» гуннов и их образ жизни, быт, общественное устройство, которые определялись нómáдизмом; были приспособлены к кочевой жизни. Поэтому они живут в кибитках (юртах), которые можно быстро собрать, легко перенести с места на место. Юрта представляла собой универсальное жилье для человека в условиях резко континентального климата. Легкий деревянный остов юрты покрыт войлоком. Войлок на полу не только спасал от холода и жары, но и создавал великолепный микроклимат: прохладу летом, тепло зимой. Великий китайский поэт Бо Цзюй-и, восхищаясь юртой кочевников, писал:

*«Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец.
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив...»*

*Князь свои дворцы покрыл резьбой,
Что они перед юртой голубой?
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы их не отдам» /31/.*

Кстати, гунны жили не только в юртах, но и в деревянных домах. По словам Приска, ставка Атиллы в Паннонии была подобна «обширнейшему городу, в котором был дворец повелителя гуннов с башнями, множеством домов его вельмож и челяди. Дома, и окружавшие город и дворец стены, были построены из умело обструганных и искусно пригнанных друг к другу деревянных досок» /32/. Могли ли «дикие» гунны быть законодателями моды для пресыщенных цивилизацией римлян и византийцев? Оказывается, не только могли, но и были ими. Так, резко и враждебно оценивая поведение стасиотов (вторая византийская политическая партия – Б.И.) как действия буйной и разбойной толпы, Прокопий Кесарийский оставил замечательное, по своей точности описание их прически и одеяния: «волосы они (стасиоты) подрезали вплоть до висков, а сзади они позволяли им свисать безо всякой прически, очень длинно как у массагетов. Такую внешность называли также и «гуннской модой». Что же касается всяких наплечников, штанов и обуви, то большую часть их и по имени, и по употреблению они заимствовали у гуннов» /33/. Трудно подозревать автора, называвшего гуннов «безобразными», их образ жизни «скотским», в их апологетике.

Таким образом, можем с полным основанием сказать, что пресловутая «дикость» гуннов – это в лучшем случае от незнания кочевой цивилизации или же из чувства неутоленной жажды мести побежденных кочевниками оседлых народов, их писателей, ученых, изливающих на бумаге свой бессильный гнев и запоздалое прозрение к презираемым им кочевникам. Только под влиянием европоцентризма, расизма рассматривающих все общественные явления и исторические события через призму западных, христианских ценностей и массивного давления шовинизма, в исторической науке утвердилось такое отношение кномадам, рецидивы которого проявляются и сегодня.

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим после Каталаунской битвы. Весной 452 года «разгромленный» Атила совершает в Северную Италию свой победоносный поход. О разрушении италийских городов Иордан пишет: «Гунны, построив осадные машины, и, применяя всякого рода метательные снаряды, не медля вры-

ваются в город Аквилей. Опустошают они также город Медиолан (современный Милан), главный город Лигурии, некогда столицы, равным образом разметывают Тицин, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию» /34/. Более того, под угрозой захвата и разрушения оказался Рим. 6 июля 452 года римское посольство во главе с папой Львом I (император Валентиниан III бежал из Рима) прибывает в лагерь Атиллы. Слезная мольба главы католической церкви вкупе с обязательством Рима выплачивать гуннам дань спасают «Вечный город». К тому же папа предложил Атилле особый подарок – руку сестры императора Гонории, которая еще в 450 году обратилась к Атилле с письмом, умоляя освободить ее от тирании брата, выражала свою готовность выйти замуж за него. (Валентиниан, опасаясь, что в случае замужества Гонории Римская империя потеряет значительную свою часть, принадлежащей ей по праву как императрице, повелел ей не выходить замуж, чтобы она оставалась целомудренной – Б.И.) /35/.

Победоносно вернувшись из Италии, через год Атила неожиданно умирает. Великий завоеватель умер не на поле брани, не от руки убийцы. умер он на брачном ложе в своей ставке в Паннонии. По словам Иордана: «Ко времени своей кончины он (Атила) взял себе в супруги после бесчисленных жен, как это в обычае у этого народа – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения, и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе, и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так, опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю» /36/. В художественной литературе смерть Атиллы описана в книге немецкого писателя Феликса Дана. Выдержанная в откровенно расистском, шовинистском духе, она изображает гуннов в уничижительных оскорбительных выражениях – «черномазые», «гнусные скоты» и т.д., а Атилу – «убийцей», «чудовищем», героизирует образ германской красавицы, которая в своей непреклонной гордости и презрения к гунну якобы задушила своими косами опьяневшего Атилу /37/. Как видим, домыслы далеко уведут автора от достоверных данных источника.

Для Иордана смерть Атиллы представляется постыдной, то есть недостойной великого завоевателя. Однако совершенно по-иному воспринимают его смерть соплеменники. В их погребальных песнях звучит гордость. «Великий король гуннов Атила, рожденный

от своего отца Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира, и дабы не было отдано и остальное на разграбление, умиловленный молениями, принял ежегодную дань. И со счастливым исходом, совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?» /38/.

Не только траурное песнопение гуннов приводит в своем труде Иордан. Он воспроизводит весь обряд захоронения, что представляет важный этнографический интерес. Убедившись в ненасильственной смерти Аттилы, гунны, по словам Иордана, «отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей». Племя почтило его останки, отмечает готский историк, среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристалищ то место, где был он положен. Если верить Иордану, то поминки гунны называют, явно не тюркским, а славянским словом «стравой». Сочетая противоположные чувства, гунны выражают похоронную скорбь, смешанную ликованием. Ночью труп Аттилы был тайно предан земле в тройном гробе, из которых первый был из золота, второй – из серебра и третий – из крепкого железа. В могилу положили оружие, драгоценные фалеры (крупные нагрудные бляхи), сияющие многоцветным блеском камней и другие украшения. С восхищением описывая роскошь похорон, Иордан не может скрыть и своего возмущения тем, что были умерщвлены все те, кто участвовал в погребении Аттилы. «Смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного», – заключает свой рассказ Иордан /39/.

Неожиданная нелепая смерть Аттилы в 453 году оказалась роковой для державы, созданной им. Раздоры среди его многочисленных сыновей, жаждавших власти, выступавших не за сохранение целостности государства, а его разделения по жребию на уделы, немедленно вызвали возмущение оскорбленных вассальных народов и племен. Первыми восстали верные Аттиле гепиды во главе с могуществен-

ным Ардарихом. Уже через год в битве с гепидами и их союзниками на реке Недао была разгромлена 30-тысячная армия гуннов, в ходе которой погиб Эллак – старший сын Атилы – богатырь, гордость и надежда отца. Но даже после поражения гунны остаются по-прежнему в Подунавье. Они предпринимают неоднократные попытки восстановить свое могущество, вернуть под свою власть прежних своих «рабов» – гепидов и остготов. В 468 году два гуннских племенных союза, куда, по словам Иордана, входили племена: ултзинзуры, ангискиры, биттугуры и бардоры, во главе которых стояли сыновья Атилы Денгизих и Эрнак, еще раз попытались вернуть утраченное господство, но были вновь разбиты. Голову погибшего в бою Денгизиха выставили на арене амфитеатра в Константинополе. Так, после пятидесяти лет владения Паннонией гунны были вынуждены оставить ее и удалиться на свои исходные позиции – степи Причерноморья, Приазовья и Прикаспия. Паннонией овладели остготы. С тех пор радостно сообщает Иордан, до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия /40/. Последний набег гуннов на Византию состоялся в 479 году, который был также неудачен...

Не столь подробные как у Иордана, но ценные сведения о гуннах содержатся в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского «История» или «История войн Юстиниана». Прокопий, эллинизированный сириец, в 527 году был назначен советником и личным секретарем византийского полководца Велитария. Его 8-томный труд – замечательный памятник периода правления византийского императора Юстиниана I (527-565). Прокопий принимал личное участие в ряде походов Юстиниана против вандалов, персов, готов, гуннов. Последние в сочинении выступают под именем савиров (сабилов), т.е. второй ветви гуннского этноса по Иордану. Известия Прокопия о савирах помогают не только удостовериться в их гуннском происхождении, но и определить и местопребывание гуннов. Так, среди войска персидского царя Кавада автор отмечает: «Три тысячи гуннов, так называемых савиров воинствующего племени». В числе народов, расположенных близ Кавказского хребта, византийский историк называет аланов и абасгов (абхазов), являющихся по его словам христианами, и потому, издревле находящихся в дружбе с римлянами, зихов и за ними гуннов, которые называются савирами /41/. Таким образом, Прокопий не только упоминает гуннов, он дважды подчеркивает, что они называются савирами. Из его довольно ясного указания можно локализовать савиров в районе

северо-западного побережья Каспийского моря. Исследователи отмечают, что к северу от лазов, вдоль Черного моря и до Азовского, обитали абазги, зихи, сагины и гунны-угригуры, по другую сторону кавказского хребта – аланы и гунны-савиры /42/. Савиры сыграли заметную роль в истории, действуя не без успеха, как против Византии, так и Персии, зачастую имея союзные отношения, то с одной, то с другой стороной. Имя этого воинственного народа внезапно исчезает с исторической арены, как только в середине VII века возник Хазарский каганат. Если учесть, что создателями государства хазар были западные тюрки, а один из потомков царского рода Ашина был основателем Хазарского каганата, то, вероятнее всего, савиры влились в состав тюрков, потеряв при этом свое имя. Высказываются и другие мнения: савиры вместе с частью булгар ушли на Дунай, или мигрировали на Волгу. Миграция на Волгу имеет солидное основание, лингвисты полагают, что чувашский язык имеет древнегуннское происхождение. Существование в средневековье города Сувар на Волге также «работает» в пользу указанной гипотезы.

Источники и литература

1. Вестник древней истории (ВДИ), 1949, № 3. С. 306.
2. Бичурин. Указ.соч. Том 2. С. 269; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 213; Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов в СССР. М.-Л., 1941. Труды института востоковедения. Том 41. С. 38.
3. Античные историки о Кавказе. Нальчик, 1990. С. 148.
4. ВДИ, 1947, № 3. С. 279.
5. Византийские историки. СПб., 1860. С.124, 127.
6. Марцеллин А. Римская история. Перевод с латинского Ю.А.Кулаковского. Издание третье. СПб., 2000. С. 524.
7. Там же. С. 496.
8. Там же. С. 269.
9. Там же С. 491- 496.
10. Там же. С. 492.
11. ВДИ, 1948, № 4. С. 245.
12. Там же. С. 246-247.
13. Там же. С. 252-255.
14. Там же. С. 259.

15. Там же. С. 263, 266.
16. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е.Ч.Скрижинской. М., 1960. С. 31.
17. Там же. С. 69 -71.
18. Там же. С. 72.
19. Там же. С. 90.
20. Там же. С. 91.
21. Там же. С. 102.
22. Там же. С. 104.
23. Там же. С. 115.
24. Там же. С. 102; Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Том 1. Пер. с франц. Х.К.Хамраева. Алматы, 2005, С. 90.
25. Иордан. Указ. соч. С. 105-108.
26. Историки и история. Жизнь. Судьба. Творчество. М., 1998. С. 330; Груссе. Указ. работа. С. 90; Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 557; Иордан. Указ. соч. С. 110.
27. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 94.
28. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Ленинград, 1951, С. 216.
29. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 68.
30. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж. К., Жумагамбетов Т. Археология Казахстана. Алматы, 1993. С. 158.
31. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 72.
32. Иордан. Указ. соч. С. 101.
33. Прокопий Кесарийский. Тайная история. М., 1991, С. 24-25.
34. Груссе. Указ. работа. С. 90.
35. Дан Ф. Аттила. Гелимер. Пер. с немецкого. М., 1993. С. 58-59, 200-207.
36. Иордан. Указ. соч. С. 117.
37. Там же. С. 118.
38. Там же. С. 120.
39. Там же. С. 121.
40. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга 1. М., 1903. С. 46.
41. Там же. С. 168.
42. Там же. С. 498.

4. ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (70-е гг. IV-70-е гг. VI вв.). ГУННСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Естественно было ожидать, что не все племена последовали за основной массой гуннов из степей Северного Кавказа в 371 году на запад в Причерноморские степи, а затем в Подунавье. Действительно, часть из них, по словам Ю.Р.Джафарова, а именно болгарские племена: сарагур, огур, оногур, передвинувшиеся в конце 60-х годов IV века с основной массой родственных им других гунно-булгарских племен (утигур, кутригур, биттугур, бургундур) из междуречья Урала и Волги на Кавказ, не последовали за главными гуннскими ордами в Европу, а остались кочевать в северо-западной части Прикаспийских степей. В самом начале V века в степной полосе Восточного Предкавказья завершается процесс становления первого крупного объединения гунно-булгарских племен во главе с оногурами, этническое имя которых перенеслось на весь этот племенной союз, ядро которого составили болгарские племена оногуров, сарагуров и огуров. Таким образом, обширный район северо-западной части Прикаспийских степей от низовий Волги на севере до Аланских ворот на юго-западе и Дербента на юго-востоке стал известен, как «страна хайландур» (оногур). Автор локализует сарагур в низовьях Волги и северо-восточной части нынешних калмыцких степей, возможно, до реки Кумы; огур – в степях Северного Дагестана (Берсилия), оногур – в бассейне Терека и Сулака, и далее на юг и юго-запад. Это оногурское объединение просуществовало с 395 по 466 год /1/.

В начале 60-х годов V века этническая обстановка на Северном Кавказе претерпела заметное изменение, которое было связано появлением в регионе савиров (сабиров), надо полагать, основной массы отступивших из Паннонии гуннских племен. Савиры образовали новое объединение племен. Под давлением савиров оногуры и вслед за ними сарагуры и огуры откочевали к восточному побережью Азовского моря и Кубани. Впоследствии именно в этом районе сложилось новое объединение протобулгарских племен, которое вновь возглавили оногуры. Об этом факте вынужденной миграции трех племен сарагуров, урогов (огуров) и оногуров сообщает Приск. Причиной ее было давление савиров, которых, в свою очередь, заставили от-

ступить авары. Приск одновременно отмечает, что сарагуры и их союзники, изгнанные с родных мест, в своем продвижении на запад сразились несколько раз с гуннами-акацирами (акацирами), победив, заняли их земли. В 463 году после указанных событий, сарагуры вступили в переговоры с Византией, и, удовлетворенные приемом и подарками, вернулись обратно на свою новую территорию в Приазовье /2/. Акациры, по всей видимости, занимали земли в низовьях Дона и, возможно, восточное побережье Азовского моря до Кубани. Как раз здесь, а не в Причерноморье происходили сражения сарагуров с акацирами. Есть определенный резон для отождествления гуннских племен утригуров и кутригуров, вернувшихся после гибели Денгизиха на Дунае, из северо-западного Причерноморья в Приазовье, с акацирами. Утригуры заняли земли за Доном и Азовским морем, а кутригуры остались кочевать в степях к западу от Азовского моря. Здесь же на Кубани несколько раньше расселились оногуры и их союзники. Утригуры заняли господствующее положение в восточно-приазовских и донских степях до прихода авар в 558 году, но в 576 году Турксанф – наследник тюркского Истеми-кагана говорит византийскому послу о подчинении тюрками утригуров и аланов.

Как отмечает Джафаров, оногуры вместе с другими племенами (сарагурами, огурами, акацирами) между концом V века и 558 годом находились в составе не савирского объединения, как полагал венгерский исследователь Сцегледи, а в составе союза, созданного оногурами. К концу V века на Северном Кавказе параллельно протекали два процесса этнополитической интеграции, которые привели к возникновению двух гуннских племенных конфедераций: одной – в Восточном Предкавказье (савиры), другой – в Западном Предкавказье (утригуры) /3/.

Этническую картину на Северном Кавказе во второй половине V века раскрывает и А.В.Гадло. В это время, считает он, в предгорной полосе Западного Предкавказья находились области джиков (адыгов), в центре расселились оси (аланы), к востоку от них – в степи находились кочевья савиров, в горах за ними – обитали дурдуки – предки вайнахов (чеченцев и ингушей – Б.И.), к северу от Кубани распространялись оногуры, подчинившие себе группы булгарских племен, а к северу от Кумы образовался Барсильский союз, в который входили остатки племени акациров, будущие исторические хазары. К югу от савиров в приморской полосе Дагестана закрепились гунны-маскуты /4/. Как видим, Гадло указывает еще на одно гуннское племя или союз – маскутов. Что касается остатков акаци-

ров, вошедших в состав Барсильского союза, и являющихся якобы будущими историческими хазарами, то такая точка зрения автора не может нас удовлетворить, поскольку существует другая, более убедительная версия о неавтохтонности негуннского происхождения хазар /5/. Несколько озадачивает вывод Джафарова, который, справедливо отметив о существовании сабирского объединения племен в 466-558 годах, заявляет, что в его состав входили булгарские племена Берсии: хазары и барсилы, не ушедшие в Приазовье после распада оногурского союза /6/. Вывод тем более неожиданный, что по его же утверждению акатирь («будущие исторические хазары») занимали земли в низовьях Дона и восточное побережье Азовского моря, находились в составе не сабирской, а утригурской конфедерации племен.

Воинственные сабиры (савиры), как мы уже отмечали, сыграли заметную роль в истории, действуя не без успеха, как против могущественной Византии, так и Персидской державы, зачастую имея союзные отношения с одной из них против другой. Военные действия сабир получили в источниках достаточное освещение. Так, об успехах стотысячного сабирского войска царицы Боарикс, союзницы Византии сообщает автор X в. Феофан Исповедник /7/. Вплоть до 558 года до прихода авар и поражения от них сабиры продолжали играть активную военную и политическую роль в регионе. В 555 году, например, двухтысячный отряд савирской тяжелой (латной) кавалерии во главе с Балмахом, Кутилзисом и Илигером выступают на стороне Византии против Персии. Через год уже другой отряд сабир вместе с персами сражаются против Византии /8/.

Важнейшим, если не первым по значимости источником по вопросу расселения кочевых племен Северного Кавказа является труд сирийского хрониста VI века псевдо Захария, написанный в 569 году – это перевод на сирийский язык «Истории» греческого автора Захария Ритора (Схоласта), умершего до 553 года Сирийский хронист помимо труда Захария Ритора использовал и другие источники. Поэтому, несмотря на не очень лестное прозвание, сведения сирийского автора отличаются исключительной достоверностью. Его труд без преувеличения можно сказать, содержит уникальные сведения о кочевых народах Северного Кавказа середины VI века, хотя псевдо Захарий ошибочно называет и имена некоторых народов, обитавших за пределами указанного региона. «Базгун – земля со своим языком, который примыкает и простирается до Каспийских ворот (Дербент) и моря, находящихся в пределах гуннских, – пишет сирийский хро-

нист. — За воротами живут булгары со своим языком, народ языческий и варварский, у них есть города и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду (Дагестан) люди живут в горах, у них есть крепости. Авнагур — народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, булгар, алан, курторгар, авар, хасар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, питаются мясом скота и рыбой, дикими зверьми и оружием» /9/.

В этом списке 13 кочевых народов нетрудно идентифицировать: в авнагуре — оногур, авгаре — огур, курторгаре — кутригур, хасаре — хазар, сиургуре — сарагур, баграсике — барсил. Сабир, булгар, алан, авар, как видим, названы собственными именами. Абдел и ефталит — наименование одного и того же народа, занимавшего земли далеко на востоке в Средней Азии. Не идентифицируются названия дирмар и кулас. Однако в персидском источнике IX века «Худуд ал-алам» содержится следующее известие: «Тулас и Лугас — две области в стране хазар, люди там воинственные и у них много оружия» /10/. Учитывая, что сирийский хронист точно указывает дирмар и кулас на Северном Кавказе вместе с хазарами, а персидский аноним еще более уточняет их расселение, думаем, что есть определенное основание для отождествления указаний двух источников, то есть дирмар и кулас как тулас и лугас, хотя и такое отождествление не проясняет происхождение и этническую принадлежность этих народов.

Исследователи о происхождении гуннов, составе гуннских конфедераций племен Северного Кавказа, придерживаются различных точек зрения, хотя, казалось бы, что проблема не такая уж сложная — необходимо исходить, прежде всего, из хуннского корня. Но в советской историографии успела сложиться традиция рассматривать гуннов как совершенно новый этнос, сложившийся в результате смешения гуннов с уграми при преобладающей роли последних в этногенетическом процессе. Так, по мнению известного археолога и историка М.И.Артамонова, сарагуры, оногуры и савиры вышли из тюркизированной угорской среды. И поскольку в этническом отношении они не отличались существенным образом от гуннов, то очень быстро смешались с остатками последних в Восточной Европе и по большей части поглотили их, и болгарами назывались угры, присоединившиеся к гуннам еще в Западной Сибири и Приуралье. У булгар как у всех племен, входивших в гуннское объединение, был тюркский язык /11/. Итак, по Артамонову, сарагуры, оногуры и савиры вышли из тюркизированной угорской среды, и в этническом отношении, в принципе, не отличаются от гуннов. Они не только сме-

шались с их остатками в Восточной Европе, но даже поглотили их, и что булгарами назывались угры, которые присоединились к гуннам (хуннам – Б. И.) еще в Западной Сибири и Приуралье, наконец, у болгар как у всех племен, входивших в гуннское объединение, был тюркский язык. Не думаю, что это утверждение маститого ученого можно принять на веру, здесь много неясного, требующего уточнения на основе данных достоверных источников. Действительно, как могли якобы малочисленные хунны тюркизировать большой угорский массив? Каким образом у всех племен, входивших в гуннское объединение, оказался общим тюркский язык? Почему в аутентичных источниках преувеличенно подчеркиваются монголоидные признаки гуннов и совершенно не подмечены у гуннов черты метизации с европеоидными угро-финнами? Источники, как мы видели, болгар выделяют от гуннов, называют их особым этносом. Тюркоязычность болгар, если они, действительно были уграми, также представляет загадку.

Как и Артамонов, Гумилев видел в гуннах совершенно новый народ, в котором преобладает угорский компонент. Он утверждал не только о малочисленности (20-30 тысяч человек), мигрировавших на запад Казахстана в середине II века н.э. «неукротимых» хуннов, но и о том, что это были якобы только воины, которые в панике бежали, оставив на произвол судьбы, на поругание врага своих жен и детей. Заметим попутно, что в китайских источниках, известных нам, эти данные отсутствуют. С другой стороны, трудно поверить, что хунны бежали, спасая только свои шкуры. В реальной действительности было, вероятно, совершенно по-другому: у доблестных хуннов и в мыслях не было так поступать, надо думать, они тщательно подготавливались к тяжелому дальнему переходу на новую территорию. История кочевников показывает, что для них не составляло особого труда даже при неожиданных неблагоприятных обстоятельствах быстро сняться всей ордой или племенем. В крайнем случае, воины ценой своей жизни сдерживали врага до тех пор, пока их семьи смогут собраться и бежать. Кочевники не бросали своих семей, они или уходили все вместе, или покорялись победителю. Для Гумилева малочисленность хуннов, также как отсутствие у них женщин и детей, вероятно, является не только своеобразной формой художественного эффекта, но и средством подкрепления концепции о гуннах, как совершенно новом этносе. Отступивших к Яику и Южному Приуралью хуннов было, вероятно, гораздо больше, чем указанная Гумилевым цифра. Вспомним, что на Тарбагатае после второй волны пересе-

ления хуннов в Кангюй осталось так называемых «малосильных» хуннов – 200 тысяч человек. О гуннах, как самом плодovitейшем народе, неоднократно упоминает готский историк Иордан. Говоря о смешении хуннов с уграми и даже с самодийскими племенами, Гумилев подчеркивает: «200 лет они (хунны) прожили в соседстве и, когда наступила пора дальнейших походов на Европу, двинулись не хунны и угры, а потомки тех и других – гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры – скорлупой, а вместе – особой системой /12/. Как видим, и для Гумилева гунны представляют этнос, в котором возобладал угорский, а не монголоидный физический тип.

Концепции Артамонова и Гумилева придерживается и Ю.Р.Джафаров, который специально изучал историю гуннов Северного Кавказа. Потому, он преувеличивает роль булгар в этническом становлении гуннов, когда пишет, что ядро гунно-булгарского племенного массива составляют, в основном, собственно, древнебулгарские племена, формирование которых было завершено только при участии гуннов (хунну). Вторым компонентом этого массива он считает отюреченные сако-усуньские и западно-тюркские племена /13/. Второе положение автора, на наш взгляд, неверно по существу, ибо в нашем случае речь идет о гуннах Северного Кавказа, а не о гуннах вообще, когда термин гунны используют в литературе как собирательное название, как, собственно, гуннов, так и хунну. Саки и усунь, конечно, к этногенезу и гуннов, и хунну, на наш взгляд, совершенно не имеют отношения. Таким образом, исходя из своей концепции преобладающей роли булгар в этногенетическом процессе, Джафаров утверждает, что хунугуры, унагуры, уннугуры, унногундуры, оногундуры также как и хайландуры – модификация одного и того же булгарского племени – оногур /14/.

Заслуживает внимания позиция В.Т.Сиротенко, который, вопреки доминирующей точке зрения, утверждает об ошибочности отождествления булгар с гуннскими племенами утигуров и кутригуров. По его мнению, булгары, переселившиеся из Прикаспийских степей в Подунавье в 475 году были еще слишком слабы, чтобы создавать свое царство. Однако задунайские булгары показали себя активной военной силой. Так, в 479 году они впервые становятся союзниками Византии. Осенью 488 года в долине Саввы при реке Улька булгары и гепиды попытались преградить путь остготам в Италию, однако были разбиты ими, при этом погибли король гепидов Трапстила и король булгар Бузан. Уход остготов в Италию облегчил задунайским

племенам переселиться на Балканский полуостров. Первыми двинулись булгары, за ними последовали славяне. В 491 году булгары перешли Дунай и вторглись в Дакию, затем во Фракию. В 499 году булгары нанесли поражение византийским войскам при реке Тцурты. В 502 году они вновь совершили нападение на Фракию, но через два года в источниках мы видим их уже в составе византийских войск. В 514-515 годах булгары участвуют в восстании Виталиана. Они нападали на Византию в течение 50 лет вплоть до появления в Подунавье утигур и кутригур, они играли значительную роль и после того как эти племена были забыты, заключает Сидоренко /15/.

Принципиально новый подход к атрибуции этнической принадлежности сарагур, оногур, огур, утигур, кутригур и даже болгар тюркских, а не славянских демонстрирует выдающийся современный тюрколог П.Б.Голден. По его мнению, огур – это древняя форма позднего этнонима огуз, следовательно, утигур – это 30 огур, то есть 30 племен, оногур – 10 огур или 10 племен. Именно огурские тюркские племена, считает он, контролировали Северокавказские, Прикаспийские, Черноморские и Дунайские степи /16/. Подход американского исследователя является новым весьма перспективным для изучения этнической истории не только гуннов, но и тюркских народов в целом. Он позволяет правильно ответить на многие неясные вопросы, возникающие от постулата доминирующей роли финно-угорского компонента в этногенезе гуннов. Действительно, только многочисленные тюркские племена, возглавляемые гуннами, могли тюркизировать угро-финнов, следовательно, утверждение советских ученых о многочисленности угров и незначительности гуннов, расставившихся в угорской среде в свете новаторской идеи П.Б.Голдена теряет свою привлекательность и научную непогрешимость.

Мощная конфедерация утигуров просуществовала недолго. Ослабла и пришла она в упадок прежде всего из-за внутренних раздоров, которыми умело манипулировала Византия. Она разжигала рознь между утигурами и кутригурами, славлила одно племя на другое, развязала между ними долгие кровопролитные войны. Так, по словам византийского историка Менаандра, когда унны под начальством Завергана были прогнаны куда-то от ромейских владений, тогда император Юстиниан, полагая, что кутригуры опять придут опустошать Фракию, не давал отдыха вождю утигуров Сандилху частыми посольствами и другими способами, подстрекая его во чтобы ни стало воевать против Завергана. К увещеваниям император присоединил и обещание, что передаст Сандилху то жалованье, какое от

римской державы назначено было Завергану, если только Сандилх одолеет кутригуров. Сандилх, хотя и желал быть в дружественных отношениях с римлянами, однако так писал царю: «Было бы неприлично и притом незаконно в конце истребить наших единоплеменников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих один образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших, хотя и подвластных другим вождям. При всем том (как того требует Юстиниан) я отниму у кутригуров коней и присвою их себе, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить римлянам» /17/. Как видим, у вождя утигуров Сандлиха хватило ума и достоинства, чтобы не поддаваться наущению византийского императора Юстиниана, руками утигуров уничтожить родственное племя. Разумеется, утигуры не ограничивались только угоном лошадей, ибо кутригуры просто так не позволяли угонять им своих коней, потому столкновения между ними принимали жестокий кровавый характер. Не выдержав постоянного давления своих соперников, кутригуры вынуждены были уйти с насиженных мест. Они ушли к Дунаю, откуда в 558 году совершают вторжение на византийскую провинцию – Фракию, но были разбиты Велисарием /18/.

Таким образом, когда во второй половине 50-х годов VI века в степях Северного Кавказа появились разбитые тюрками авары, они застают в Западном Предкавказье не сплоченную сильную конфедерацию гуннских племен, а враждующих друг с другом утигуров и кутригуров, что облегчает аварам последующее их покорение. По непонятным причинам не дали аварам должного отпора и сабиры, которые представляли сильное гуннское объединение. По сообщению Менандра, авар (жужан – Б.И.) было всего 20 тысяч воинов (вот откуда у Гумилева 20 тысяч гуннов), к тому же их преследовали тюрки – бывшие их «рабы», «плавильщики железа», которые после победы над своими повелителями считали теперь авар своими «рабами» и заклятыми врагами. К тому же авары очутились на чужой территории среди враждебных народов и, казалось, что участь их предрешена. Однако произошло неожиданное: воинственные гунны не оказали аварам серьезного сопротивления и покорились. Надо отдать должное мужеству и достоинству самих авар, представших перед врагами не жалкими беглецами, выпрашивающими у Византии приют как некогда готы, а доблестными воинами. Так, в 558 г. посланник авар Кандих перед императором Юстинианом произносит речь, напоминающую скорее ультиматум, чем слезную мольбу: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов, племя аварское

неодолимо, оно способно легко отразить и истребить противников. И потому будет полезно тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников, но они в таком случае будут в дружеских связях с римской державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобою на плодородной земле» /19/. Дерзкая речь аварского посла не получает достойного отпора от императора Византии, что вызывает даже через сто лет у Менандра досаду: «Телесная сила и здоровье государя уже не были так цветущим как в ту пору, когда будучи еще молод, он взял в плен Гелимера – вандала и Витигия – гота. Он был уже стар, и та твердость и воинственность превратились в любовь к покою. Итак, он решился отразить неприятельскую силу другим способом, не войною».

Вскоре авары начали войну с утигурами, потом с залами, которые унского племени, и сокрушили силы савиров, продолжает Менандр. Авары опустошали и земли славянского племени антов. По словам византийского историка, владельцы антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятелей, анты отправили к аварам посланником Мезамира и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа. Посланник Мезамир пустослов и хвастун, пишет Менандр, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменные, нежели как приличные посланнику слова, сказал кагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые сколько-нибудь его неприятели. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей», – сообщает Менандр /20/. Котрагиг, по совету которого был убит хвастливый посланник антов, представлял, конечно, гуннское племя кутригуров, которое позже было уведено аварами в Паннонию. Именно, о кутригурах говорит каган аваров Баян в 568 году: «Я таких людей pošлю на землю римлян, которых потеря для меня не будет чувствительна, хотя бы они совсем погибли». В том же году посол аваров к византийцам Таргитай сообщил об уничтожении Баяном утигуров, кутригуров и гепидов /21/. Под «уничтожением» следует понимать,

конечно, покорение аварами указанных племен.

Авары недолго оставались в степях Северного Кавказа и в начале 60-х годов обосновались в Подунавье. В 70-е годы здесь уже господствуют тюрки. Остатки утигуров, кутригуров и оногуров признали власть тюркского кагана Истеми. В Приазовье, вероятно, обосновались какие-то тюркские племена из объединения дулу (оно представляло в VII веке восточное крыло конфедерации тюркских племен «он ок будун»). Именно, представитель дулу (дуло) Кубрат в момент ослабления Западнотюркского каганата, опираясь на оногуров и другие племена, в 635 году создает независимое государство, которое в византийских источниках получает название Великой Булгарии. По словам Феофана Исповедника: «От самого озера Меотидского (Азовского) и до реки называемой Куфис (Кубань) простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменники булгар котраги» /22/. Не вызывает сомнения, что котраги Феофана – это исторические кутригуры. Таким образом, хотя каганом Великой Булгарии был тюрк, однако ее этническую основу составили булгары и кутригуры, не последовавшие за своими соплеменниками в Подунавье или, возможно, вернувшиеся обратно на родину. Заявление Феофана, что кутригуры – это соплеменники булгар является, несомненно, ошибкой. Распад Западнотюркского каганата привел к образованию еще одного государства в 651 году – Хазарского каганата, в котором каганом был представитель тюркского правящего рода Ашина.

Что касается сабир Восточного Предкавказья, то они также были подчинены тюрками, однако не сумели возродиться даже после распада Западнотюркского каганата. Небольшая часть сабир была переселена персидским шахом Хосровом Ануширваном («Справедливым») в Албанию и они упоминаются в византийских источниках в последний раз в конце 70-х годов VI века. Вероятно, сабиры составили основу «царства гуннов» в Дагестане со столицей Варачаном (Баланджаром). Имя сабир к концу VI века окончательно исчезает со страниц источников и появляется лишь в X века в арабских сочинениях в форме савар или суваз в Среднем Поволжье как народ, зависимый от волжских булгар. Возможно, часть савир в VIII веке вместе с булгарами или порознь мигрировала из Северного Кавказа в Среднее Поволжье. С приходом тюрков в Восточное Предкавказье постепенно усиливается влияние хазар, которые в 651 году создали государство Хазарский каганат. Были ли хазары как и эфталиты гуннами или имеют иное происхождение – об этом пойдет речь в нашем следующем изложении.

Источники и литература

1. Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 62-63.
2. ВДИ, 1948, № 4. С. 264.
3. Джафаров. Указ. работа. С. 76.
4. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV-X вв. Л., 1979. С. 74.
5. Подробно см.: Ирмуханов Б.Б. Хазары и казахи. Алматы, 2003.
6. Джафаров. Указ. работа. С. 73.
7. Чигуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 51.
8. Джафаров. Указ. работа. С. 97.
9. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Том 41. М.,-Л. 1941. С. 165.
10. Бартольд В.В. Сочинения. Том VIII. С. 543-545.
11. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 78, 83.
12. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 102.
13. Джафаров. Указ. работа. С. 21-22.
14. Там же. С. 62.
15. Сидоренко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV - начале VI вв. Пермь, 1975. С. 228-230, 245-247.
16. Golden P.B. Khazar studie. Vol. I-II. Budapest, 1980. P. 30-36.
17. Византийские историки. СПб., 1860. С. 320-321.
18. Там же. С. 313.
19. Там же. С. 323-324.
20. Там же. С. 395.
21. Там же.
22. Чигуров. Указ. работа. С. 60.

5. «БЕЛЫЕ ГУННЫ»: ХИОНИТЫ И ЭФТАЛИТЫ

В исторической литературе получило довольно широкое распространение мнение о том, что хиониты и эфталиты имеют гуннское происхождение и потому их называли «белыми гуннами». Это мнение, на наш взгляд, относится к разряду «переходящих ошибок» в

историографии. Наш анализ этнической ситуации на Северном Кавказе, где сконцентрировались гунны после распада их державы, дает основание заключить, что версия некоторых исследователей о гуннском или болгарском происхождении хазар также не имеет серьезных оснований. Действительно, как можно видеть в гуннах-акацирах «будущих исторических хазар», а в савирах – их непосредственных предков, не выяснив происхождение самих хазар. Заявление Л.Н.Гумилева о том, что «между Донцом и славянским Днепром до XVII века жили савиры, выделявшие себя из числа русских», что «северяне – обрусевшие потомки воинственных савиров» – нуждаются в подтверждении достоверных источников /1/.

По мнению С.П.Толстова, хиониты появились на исторической арене в III-IV веках, когда древнее племя аугасиев, занимавшее междуречье Кувандарьи и Сырдарьи, испытав сильное воздействие гуннской культуры, становится одним из центров варварского государства хионитов-эфталитов /2/. Он был убежден в тождестве этих двух народов, хотя другие исследователи с большим основанием считали их разными народами. Со второй половины IV века хиониты появляются на северо-востоке Сасанидского Ирана как грозные завоеватели, с которыми Иран однако быстро находит общий язык, и хиониты становятся союзниками Сасанидов. Между тем к середине IV в. произошел распад некогда могущественной Кушанской империи – одной из четырех в античном мире. Как полагает К.В. Тревер, хиониты были близки генетически к кушанам и потому вероятно даже возглавили позднекушанское царство. В источниках различных народов хионитов именовали по-разному. Так, армянские источники называли их «хони», греческие и латинские – «хиониты», сирийские – «хионайе». Мы полагаем, что все они – производное от авестинского «хиаона» (хьона). Хиониты как и эфталиты, вероятно, подверглись незначительному воздействию хуннов скорее культурному, чем физическому, а потому сохранили свою расовую и этническую идентичность. Не случайно, что в западных источниках их именуют «белыми гуннами» в отличие от кочевых монголоидных племен /3/.

В 356-358 годах царь Персии Шапур (Сапор) ведет на востоке страны войну против хионитов. Однако ему удалось склонить их не только к заключению мира, но и союза: уже в 359 году хиониты участвуют вместе с Сапором в осаде неприступной римской крепости Амиды (Диарбекир – Б.И.). Среди осажденных был и будущий историк Аммиан Марцеллин, который описал осаду города: «Мы увиде-

ли все окружающее пространство наполненным массой войск, а во главе царя, блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь албанов, равный с первым по месту и почету». Во время осады, продолжавшейся 73 дня, Сапор потерял более 30 тысяч своих воинов, погиб и сын Грумбата, убитый выстрелом из баллисты. Марцеллин дает следующее описание похорон хионитского царевича: «В военном облачении он был вынесен и помещен на обширном высоком помосте, вокруг было расставлено 10 лож с изображениями умерших людей. В течение 10 дней все люди пировали, пели особые погребальные песни... Труп был предан огню, и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле» /4/. Из сообщения римского историка, можно заключить, что хиониты не были монголоидами как гунны, иначе он не преминул бы отметить в присущем ему уничижительном тоне их «безобразный» вид. С другой стороны, на европеизированность хионитов «работает» и характер их погребального обряда: гунны предавали умершего земле, а хиониты — огню.

Хиониты были не только союзниками и даже наемниками персов, окрепнув, они стали их грозными соперниками. Так, к 80-м годам IV века хиониты или кидариты вытесняют с кушанских земель сасанидов. В это время к югу от Гиндикуша возникло царство Кидары, а в районе Кабула и на севере Индии обосновались группы хионитских племен. В Тохаристане другая их группа создает отдельное владение /5/. Таким образом, территория бывшей Кушанской империи: Бактрия, Афганистан, Северная Индия оказались во власти хионитских племен. По имени царя Кидары хиониты одновременно назывались или их называли кидаритами.

Как хиониты (кидариты), так и эфталиты в источниках часто именуется «белыми гуннами», однако такое отождествление нам представляется неверным. Думаем, что права известный востоковед Н.В. Пигулевская, которая видела в них отдельные народы, хотя и близкородственные, не имеющие никаких генетических связей с гуннами. Она резонно ставила вопрос, заменяют ли эти имена «хиониты и эфталиты» друг друга или в какой-то момент правящая группа, имевшая этническое название хионитов, должна была уступить другому этническому единству племени эфталитов? Вряд ли и сегодня с уверенностью можно сказать, что наука дала на этот вопрос

однозначный ответ, хотя, по мнению большинства исследователей, хиониты и эфталиты все же были разными этносами. С другой стороны, остается определенная неясность о связях хионитов и эфталитов с хуннами (гуннами), и потому Пигулевская подчеркивала о необходимости сопоставления гуннов-кидаритов – Приска, с гуннами-хионитами – сирийского автора VI века Иешу Стилита /6/. Действительно, мы приводили сведения Приска о том, что в 456 году шах Ирана Пероз вел войну с уннами, называемыми кидаритами, но уже в 468 году персидское посольство, прибывшее в Константинополь, сообщало, что унны-кидариты разбиты персами и город их Ваалам взят приступом. Приск, хотя в целом верно передает ход событий, однако допускает неточность, что Пероз II правил с 457 по 484 годах. В изложении Иешу Стилита события более конкретны: «В наши дни Пероз, царь персидский из-за войны с хионайе, то есть с гуннами... опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 395 году, когда вся Сирия находилась в их руках... с помощью золота, взятого у ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли, но, в конце концов он был схвачен ими» /7/. Пероз дважды попадает в плен к гуннам-хионитам. Если из первого плена он был освобожден за счет золота Зенона, византийского императора, то второе пленение закончилось его казнью хионитами. Как видим, сасанид Пероз по данным двух аутентичных источников вел войну с одним и тем же народом, называемым по-разному римским автором гуннами-кидаритами, сирийским – гуннами-хионитами (хионайе). Хотя, в этих наименованиях общим является этноним «гунн», однако относя хионитов или кидаритов к гуннам, значит, смешивать народы разного расового происхождения и этнической принадлежности. Известно, что источники часто именовали кочевых племен Евразии начала нашей эры собирательным названием «гунн». Но, что для нас важно в сообщениях Приска и Иешу Стилита, – это установление тождества этнонимов «хионит» и «кидарит».

Их тождество С.П.Толстов использует для доказательства своей версии происхождения эфталитов. Под именем кидаритов и хионитов, заявляет он, впервые выступают на исторической арене эфталиты, причем первое из этих имен тесно связано с именем Кердер, которым еще в X веке и даже XIII веке именуется северо-восточная приаральская окраина Хорезма. Автор считал, что имя кидаритов трансформировалось в кердеритов, и они занимались комплексным скотоводческо-рыболовецко-земледельческим хозяйством, не

имеющим, однако, кочевого характера, и сочетающимся с оседлым или, по крайней мере, полуседлым бытом /8/. Говоря о городище Куюк-кала в бассейне Сырдарьи, бывшей укрепленной крепости, построенной в V-VI веках, Толстов пишет: «Возможно, перед нами один из городов самостоятельного владения Кердер, независимого от Хорезма в эпоху арабского завоевания. Население Кердера говорило на особом языке... вероятнее всего на одном из эфталитских диалектов. В литературе не раз высказывалась гипотеза, отождествлявшая имя кердер с именем кидаритов – одного из объединений хионито-эфталитских племен» /9/. Как видим, автор допускает вполне тождество кидаритов-хионитов с кердерами, считая, что язык последних является диалектом эфталитского языка. Принимая к сведению тождество кидаритов и кердеритов, мы выражаем, однако, сильное сомнение в тождестве языка кердеритов и эфталитов. Знаменитый арабский ученый, путешественник XIII века Йакут дает уникальное описание города Кердер в его транскрипции Кардар: «Кардар – местность в области Хорезма или на границе ее с областью тюрок. Язык населения ее не хорезмийский и не тюркский. У них в области множество селений, у них стада и животные, но это презренные люди. Нашел я известие в преданиях персов, что Афрасийаб, тюркский царь похоронил свои сокровища и драгоценности по середине моря, которое в области Хорезма выше Кардара. Но никто не знал о них до времени Абарвиза ибн Хармуза (Хосров II, 590-628). Он обнаружил эти сокровища и перевозил их в течение 12 лет. Каждый месяц приходило к нему 10 нагруженных мулов, большая часть этого составляли драгоценности и слитки чистого золота» /10/. В рассказе Йакута несомненный интерес этнического характера представляет описание языка кердеритов, не похожего ни на иранский, ни на тюркский, что дает определенное основание видеть в кердеритах особый этнос.

После С.П.Толстова историю Кердера изучали и другие советские исследователи, которые, подтвердив европеоидный тип кердерцев, отмечали одновременно большее проявление у них брахиальности, то есть круглоголовости, чем у хорезмийцев. Жители Кердера были выходцами из присырдарьинских степей и относились к носителям так называемой джетысарской археологической культуры (кангюйские племена). Тип хозяйства был как у хионитов скотоводческо-рыболовческо-земледельческим. Следы кочевий кердерийцев обнаружены далеко за пределами территории собственно Кердера – вплоть до Прикаспийских степей и Устюрта. Исследователи отмечают, что только политическое господство кердерийцев было причиной того,

что более развитые в социально-культурном отношении хорезмийцы усвоили их вкусы. Политическое доминирование кердерийцев было недолгим: уже во второй половине VIII века происходит падение их влияния, хотя культура Кердера сохраняется до XII-XIII веков, когда она была окончательно поглощена хорезмийской культурой /11/. Таким образом, независимое от Хорезма государство Кердер просуществовало в VII-VIII веках. Авторы исследований называют население страны «кердеры», потому мы и сохранили этот термин, хотя есть серьезные доводы в пользу того, чтобы их именовали хионитами-кердеритами: это и сходство языка, общее происхождение и одинаковый тип хозяйства.

Утверждение Толстова о тождестве хионитов и эфталитов представляется недостаточно убедительным. Действительно, различие проявляется, в первую очередь, не столько в их генетическом, а географическом происхождении. Если хиониты или кидариты были местным аборигенным населением Средней Азии, то по китайским источникам эфталиты пришли в этот регион с востока. Китайцы называли последних по-разному: хоа, яда, йеда, ида. Они считали их отпрыском юэчжи и название дали по имени их князя Яда (Ида, Итянь), считали, что их обычаи похожи на обычаи тюрков /12/. Сходство обычаев эфталитов и тюрков не подтверждаются данными источников. Как Кидара – царь хионитов дал имя своему народу, так и имя Яда князя эфталитов стало этнонимом народа. Таким образом, эфталиты предстают народом, близкородственным юэчжи, что облегчило им после покорения хионитов овладеть кушанским наследием. В китайской хронике «Бейши» об эфталитах дается более подробные сведения: «Владелец Дома Йеда происходит от одного рода с Большими Юэчжи. Другие сказывают, что Йеда – есть отрасль гаогюйского (объединение тюркских племен, получивших позже название теле или огузы – Б.И.) племени. Язык жителей совершенно отличается от языка и жужан, и гаогюй, и тюркского. Население до ста тысяч душ. Городов не имеют, а живут в местах привольных травой и водою в войлочных кибитках. Братья имеют одну жену. Остригают волосы. Вначале сей Дом показался за северную границу от Алтайских гор к югу от Хотана на запад. Народ жестокий и смелый, способный к сражениям. От йедасского владетеля в Западном крае зависит Кангюй, Хотан, Шалэ (Кашгар), Аньси (Парфия) и до 30 мелких владений. Йеда считается сильным государством и находится в брачном родстве с жужанами. В 558 году прибыло посольство с дарами. После сего тукюесцы разорили владение Йеда и

поколения рассеялись» /13/. Сведения «Бейши» весьма ценны, ибо они исторически достоверны: язык совершенно непохожий ни на протомонгольский, ни на тюркский, ни на огузский, также как и обычаи, что исключает, следовательно, их тюркское или монгольское происхождение. Мы узнаем точное местоположение эфталитов до их переселения в Среднюю Азию – Восточный Туркестан, численность, территорию завоевания и, наконец, их поражение от тюрков, после 558 года, исчезновение с исторической арены – они просто «рассеялись», то есть растворились в окружающей среде, чему способствовала их малочисленность.

Известия китайских источников об эфталитах (сирийцы называли их абдел, иранцы – хайтал, греки и римляне – эфталиты по имени их царя Эфталана) получает свое подтверждение в трудах Прокопия Кесарийского, в которых они предстают как европейский и вполне оседлый народ, совершенно отличный от гуннов, хотя Прокопий по книжной традиции продолжает называть их гуннами, вместе с тем, он убедительно доказывает их полное различие. Прокопий пишет: «Персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми. Собрав внушительное войско, он выступил против них. Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами, однако они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них, но соседствуют они с персами у северных их пределов, там, где у самой границы Персии есть город по имени Горго (современный Горган в юго-восточной части Каспийского моря – Б.И.). Здесь они из-за пограничных земель обычно воевали друг с другом. Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским войском (имеются в виду византийцы и персы – Б.И.). Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их непохож на скотский, как у тех. Ими правит один царь, и обладают они основанным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо ничуть не хуже римлян или персов» /14/. Как видим, эфталиты и гунны отличаются друг от друга не только образом жизни (оседлые и кочевники), антропологически – европеоиды и монголоиды, но и тем, что, не имея общих границ, не могли, ни смешиваться, ни оказывать друг на друга взаимного влияния. Называют эфталитов «белыми гуннами», думаем, не по злому умыслу или в целях фаль-

сификации, а потому, что масштабные завоевания гуннов настолько потрясли мир, что произошло как бы стихийное наложение имени гуннов и на народы, отличные от них, но вступившие в то же время также на путь экспансии.

Начав экспансию на запад в начале V века к 50-60 годам эфталиты достигли Амударьи. Именно тогда хиониты-кидариты оказались в тисках: на западе на них наступали персы, а с востока – эфталиты. После поражения от Пероза, хиониты были вынуждены уступить персам земли на юге и, отступить на свои исконные земли – Южное Приаралье. Сюда пришла, по-видимому, небольшая часть хионитов, создавшая впоследствии государство Кердер. Китайский источник VI века «Вэйшу» сообщает о царе хионитов Кидаре (Цидоло) и его завоевании Северной Индии. Пигулевская допускает такую возможность. Эфталиты, начав свое стремительное продвижение от Хотана на юго-запад довольно быстро овладели Чаганианом, Балхом, Бадахшаном, то есть прежними кушанскими землями, хозяевами которых были уже хиониты-кидариты. Автор однако отрицает, ссылаясь на отсутствие исторических сведений, переход кидаритов на Кавказ /15/. В 484 году эфталиты разгромили войско персидского шаха Пероза, в битве погиб и царь персов. Иран стал данником эфталитов. Новое государство включает Афганистан, Северную Индию, юг Средней Азии и Казахстана, Восточный Туркестан, став, таким образом, крупнейшей державой своего времени.

Об образовании государства эфталитов, их происхождении мы находим интересные сведения в работе французского историка Рене Груссе. По нему, гунны – эфталиты скорее были монголами, чем тюрками. Отметив, что они жили в районе Йулдуза северо-западнее Карашара и были в подчинении жужан, эфталиты во второй четверти V века значительно усилившись, продвигаются на запад. Они занимают бассейн реки Или вплоть до Балхаша, степи Чу и Таласа и далее – на регион Сырдарьи до Арала. Ставка хана находилась недалеко от Тараза. В 440 году они захватили Согд, Бактрию или Тохаристан. Ссылаясь на Нельдеке и Маркварта, Груссе утверждает, что эфталиты обосновались в Бактрии в период правления шаха Бахрама Гора (421-438), и что его преемник Йездигерд II (438-457) воевал не против эфталитов, а против хионитов – другого хуннского племени, кочевавшего на севере от Мерва. При шахе Перозе (457-484) эфталиты вторглись в Хорасан северо-восток Ирана, разгромили армию Пероза и, захватив его в плен, казнили. Груссе отмечает о существовании в V веке между Балхом и Мервом

государства во главе с Кидаром, основавшим династию кидаритов и что Пероз воевал с кидаритами, – сначала против Кидара, потом против его сына Кунгаса, который эмигрировал в Кабул, где он заменил последнего кушанского правителя. Груссе, вероятно, прав, когда утверждает, что кидариты покинули Бактрию и ушли в Кабул не под давлением Сасанидов, а эфталитов, преследовавших их. По его мнению, Северную Индию завоевали гунны-эфталиты, хотя в последние годы правления Кумаргупты (414-455), его сына Скандаргупты (455-470), эфталиты терпели поражения, и даже на время были отброшены от индийских границ /16/. Представление автора о том, что эфталиты и хиониты были гуннского происхождения, что первые были монголами, вряд ли можно считать правильным, ибо оно противоречит известиям аутентичных источников. Однако ряд положений Груссе представляют несомненный интерес о династии кидаритов, эмиграции их в Кабул, то есть в Афганистан, завоевании Северной Индии эфталитами, а не кидаритами-хионитами и т.д. Можно предположить, что вместе с правящей династией кидаритов эмигрировали не все хиониты, а только часть народа. Таким образом, в 50-60 годы V века кидариты-хиониты, потерпев поражение как от персов, так и эфталитов, были вынуждены эмигрировать на другие земли и страны, в том числе, полагаем, и на Кавказ, что мы и попытаемся доказать ниже. Разумеется, какая-то часть хионитов, покорившаяся эфталитам, осталась на родной земле.

Интересные сведения о тюрко-византийских отношениях, также как об эфталитах, содержатся в сочинении византийского историка VI века Менандра Протектора. Он приводит отрывок из письма Истемии-кагана (Дизавула) императору Юстиниану и диалога между тюркским посланником и императором Юстином. В письме кагана говорится: «Авары не птицы, чтобы, летая по воздуху, избегнуть им мечей тюркских, они не рыбы, чтобы нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу войну с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил». Если учесть, что письмо достигло адресата в 563 году, и сам Истемии-каган грозит напасть на аваров, как только он закончит войну с эфталитами, то ясно, что тюрки еще не окончательно победили эфталитов. Через пять лет, в 568 году принимает тюркских посланников уже новый император Юстин. Они сообщили ему, что покорили эфталитов и заставили их платить дань. Затем между Юстином и посланниками состоялась беседа. Император спросил посланников: «Уведомьте нас, сколько аваров свергло господство

тюрков, и остались ли еще авары у вас?». — «Есть авары, которые преданы нам, число же тех, которые от нас убежали, полагаем, до двадцати тысяч». Государь: — «Как жили эфталиты: в городах или селениях?». — «Это племя, государь, живет в городах». — «Итак, заметил император, ясно, что вы овладели их городами». — «Так точно», — отвечали они» /17/. Известия тюркских посланников, свидетелей и участников исторических событий — отличаются, конечно, исключительной достоверностью и они подтверждают сведения других источников о том, что эфталиты вели уже не кочевой, а оседлый образ жизни.

Феофан Византиец описал деяния двух императоров Юстина и Тиберия (565-581 годы) и дает как бы краткий итог исторической судьбы эфталитов. Отметив, что за Танаисом (Доном) живут тюрки в древности называвшиеся массагетами, которых персы на своем языке именуют кермихионами, Феофан пишет: «После того как царь эфталитов Эфталан, от которого и народ получил свое имя, победил Пероза, персы потеряли эти места (торговые города и порты сиров). Но вскоре после того тюрки победили их в сражении и отняли у них те места» /18/. В этом сообщении определенный интерес вызывает указание автора на имя царя Эфталана. Как видим, эпоним становится этнонимом. В последний раз и то косвенно об эфталитах упоминает китайский путешественник Хей Чао, который в 727 году был в Северной Индии. Он знает Тохаристан, Согд, которого называет Ху, находящийся под властью арабов. Говоря о нравах народа, он замечает, что братья имеют одну общую жену, следовательно, в народе ху можно видеть остатки эфталитов. Сведений об эфталитах после этого уже нет, отмечает Пигулевская /19/.

В заключение можно сказать, что так называемые «белые гунны» хиониты и эфталиты по своему происхождению не принадлежали к монголоидной расе. Хиониты — аборигены Средней Азии, на наш взгляд, являются потомками одного из арийских племен эпохи бронзы — хьона. Неизвестна их предыстория до середины IV века когда они под именем хионитов буквально врываются на историческую арену, воюя то с Сасанидским Ираном, то, вступая в союзные отношения с ним. Возвышение хионитов связано с ослаблением Кушанской империи, наследником которой они пытаются стать. Они основывают правящую династию позднекушанского царства в середине V века Основателем династии был Кидара, по имени которого хиониты, стали называться кидаритами. Во второй половине V в. хиониты-кидариты были покорены эфталитами. Именно в этот

период произошел раскол хионитских племен: часть из них переселяется в Южное Приаралье, где они образовали государство Кердер, по названию которого и народ именуется кердерами или кердери-тами. Часть хионитов переселяется на территорию Афганистана и, возможно, какая-то часть — на Северный Кавказ. Что касается эфталитов, то и происхождение, и история их государства довольно известны. По китайским источникам, эфталиты представляют отрасль юэцжи, обитавшую в Восточном Туркестане, и в начале V века находились, вероятно, в вассальной зависимости от жужан, и даже имели брачные связи с их царским домом. Ближе к середине V века, эфталиты начали свою экспансию на запад. Отправным пунктом их наступления был Хотан. Можно даже предположить, что эфталиты не теряли связей со своими соплеменниками тохарами и с Кушанской империей. Ее ослабление побуждает их устремиться на запад, чтобы сохранить за собой кушанское наследие и кушанские земли, на которое реально претендовали хиониты. Источники называют эфталитов по имени их царя Эфталана, что не лишено резона. За относительно короткое время эфталиты овладели практически всем наследием Кушанского царства. Однако в конце 50-х годов VI века они были разгромлены объединенными силами тюрков и персов, разделивших по реке Амударья эфталитское наследие. Хиониты и эфталиты ни антропологически, ни лингвистически, ни по обычаям не походили на гуннов и на тюрков.

Источники и литература

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 130, 180.
2. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 201, 242.
3. Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. «Советская археология». Выпуск XVI. М.,-Л., 1954. С. 134.
4. Марцеллин А. Римская история. СПб., 2000. С. 166, 178.
5. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 139.
6. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.,-Л., 1941. С. 37, 48.
7. ВДИ, 1948, № 4. С. 263-264; Пигулевская Н.В. Месопотамия

- на рубеже V-VI вв. Сирийский источник Иешу Стилинга как исторический источник. М.,-Л., 1940. С. 131.
8. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации... С. 213.
9. Толстов С.П. По древним дельтам... С. 241.
10. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. М.,-Л., 1939. С. 431.
11. Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, С. 33-34.
12. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск. 1989. С. 69.
13. Бичурин Н.Я. Том I. С. 268-269.
14. Прокопий Кесарийский. Война с персами. М., 1993. С. 10.
15. Пигулевская Н.В. Сирийские источники... С. 54.
16. Груссе Р. Империя степей. С. 82-86.
17. Византийские историки. СПб., 1860. С. 328, 374.
18. Там же. С. 493.
19. Пигулевская Н.В. Сирийские источники... С. 72.

6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ХУННУ (ГУННОВ)

Хунны не завоевали территорию Казахстана, они постепенно в течение двух столетий проникали, занимали земли и закреплялись там. По данным достоверных китайских источников, можно увидеть три волны или три хронологических периода проникновения хуннов в Казахстан: первая – 30-40-е годы I века до н.э. – предоставление кангюйским царем шаньюю Чжичжи «политического убежища», его ставка на реке Талас, последующая гибель во время штурма цитадели китайским экспедиционным корпусом; вторая – конец I века н.э. – основная часть разгромленных «северян» уходит на запад в Кангюй, по всей вероятности, в район Центрального Казахстана, а «малосильные», неспособные следовать за ними, остаются в районе Тарбагатай и Джунгарии, где впоследствии создают свое государство Юэбань; третья – середина II века н.э. – «неукротимые» северяне после полного поражения от сяньби уходят на запад к Аралу и Уралу.

Мирному проникновению хуннов способствовало и то, что территория Казахстана в значительной мере обезлюдела в результате

массовой миграции европеоидных и ираноязычных кочевников на запад и юг. Как археологические материалы, так и данные письменных источников свидетельствуют о более чем тысячелетнем непрерывном оттоке аборигенов Казахстана. Разумеется, какая-то часть их оставалась на прежних местах обитания, но подвергалась при этом интенсивному языковому и антропологическому воздействию хуннов. Гунны-кидариты или хиониты, кангары или кенгересы в древнетюркских письменных памятниках были, вероятно, первыми этническими общностями в бассейне Сырдарьи, испытавшими заметное в языке воздействие хуннов. Сильный процесс метизации происходил в государстве Юэбань – на юго-востоке Казахстана. Территория Казахстана, таким образом, практически полностью заселяется хуннами, и эта земля для них становится второй родиной как впоследствии для монголов Семиречья, где они создают государство Могилистан, то есть страну отюреченных монголов.

В науке сегодня вопрос об этнической принадлежности хунну не вызывает особых сомнений. Хунну – тюркский этнос. По представлению китайских источников – они, прямые предки древних тюрков – уйгуров и т.д. Важное место для определения этнической принадлежности, как известно, имеет язык. Тюркский характер языка хунну подтверждается данными достоверных китайских источников. Так, в “Хоуханьшу” говорится: «Обыкновения и язык (хунну-юэбаньцев – Б.И.) одинаковы с гаогюйским». Это сообщение не оставляет сомнений в тюркском характере языка хунну, ибо язык гаогюйцев (собирательное название ряда тюркских племен, в том числе и уйгуров – Б.И.), определенно был тюркским. Указанный факт подтверждается и другим известием: «язык гаогюйцев сходен с хуннским, но есть небольшая разница» /1/.

В китайской хронике сохранилась единственная фраза на языке цзе – народности близкородственной хунну. Ее произнес в 328 году н.э. индийский буддистский монах Фоту Дэн: «Сючжи тилиган, Пугу цзюйтудан». Согласно имеющимся объяснениям, пишет В.С.Таскин: «Сючжи означает «войско», тилиган – «высылать», «двинуть», пугу – «хуннское звание», которое носил Лю Яо – император династии Ранняя Чжао, с которым воевал Ши Лэ – император династии Поздняя Чжао. Советником ему служил индийский монах, цзюйтудан – «захватить», «поймать». Таким образом, перевод фразы выглядит следующим образом: «Двиньте войско, поймайте Лю Яо» /2/.

Что касается вопроса о расовом происхождении хунну, то он остается не до конца ясным, хотя в науке доминирует мнение об

их монголоидности. Интересно, что в таких фундаментальных сочинениях как “Шицзы” Сыма Цяня, “Цяньханьшу” Бань Гу, “Хоу-ханьшу” Фань Е отсутствуют сколь-нибудь веские свидетельства об этнических и расовых особенностях хунну, вероятно, для современников периода, когда существовали хунну, они были столь очевидны, заметны, что для них не было нужды это подчеркивать. К тому же хунны жили за пределами Китая, и общение их с китайцами носило спорадический характер. Иное дело, когда кочевые народы, в том числе и хунны, стали переселяться во внутренние районы Китая. Став подданными империи, они больше общаются с китайцами, принимают китайскую культуру, активно участвуют почти во всех внутривластных событиях страны, оказывая нередко решающее влияние на их ход и результаты. Теперь в исторических сочинениях заметное место отводится расовой этнической характеристике кочевников. В этом смысле хроника VII века “Цзиньшу” имеет исключительное значение. Она охватывает события III-V веков истории Северного Китая. В этот период хунну все еще сохраняют свою идентичность, выступают как самостоятельный этнос, хотя культурная ассимиляция их китайцами принимает широкие масштабы. 135 лет (304-439) известны в истории Китая как период – 16 государств, 5 северных племен. Из них династии Бэй Хань или Ранняя Чжао (304-325), Северная Лян (397-439), Ся (407-431) были сюннусскими, а династия Поздняя Чжао (319-350) – народности цзе. Именно в истории тех четырех династий можно обнаружить интересные сведения этнического характера хунну (сюнну).

Взаимоотношения кочевников и оседлых китайцев были непростыми, зачастую неприязненными, враждебными. Тому было много причин, одна из которых имела расовый, этнический характер. Китайцы нередко проявляли неприятие образа жизни, быта кочевников, кичились своей высокой культурой, цивилизованностью. Конечно, на резко отрицательную оценку кочевников, в том числе и хунну, влияли и господство их, произвол и насилие, совершаемые кочевниками над китайцами. Бань Гу писал, например, что «варвары корыстны и стремятся к выгоде, ходят с неуложенными волосами и запахи-вают полу одежды на левую сторону, имеют лицо человека и сердце дикого зверя. По сравнению с жителями Среднего государства у них другая одежда, другие обычаи, они употребляют другую пищу и другие напитки, говорят на непонятном языке» /3/. Мы не находим в источниках описания внешнего облика хунну, однако автор

“Цзиньшу” настойчиво приводит мысль о том, что хунны имели глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы, то есть имели характерные признаки скорее европеоидов, чем монголоидов.

Несмотря на подобные представления о хунну, источники содержат сведения, свидетельствующие о кровнородственных отношениях китайцев и хунну, и даже о происхождении последних от ханьцев в эпоху династии Ся (XXI-XVI века до н.э.). «Родоначальником сюнну был отпрыск рода правителей (династии) Ся по имени Шунь-вэй», – пишет Сыма Цянь. Основателем же династии Ся был легендарный Юй. Автор “Цзиньшу” Фан Сюаньлин сообщает: «В древности правители Поднебесной породили странный тип людей, но ведь Шунь-вэй был потомком правителя Юя, поэтому они разве относятся к иному типу, чем мы... Ходят с распущенными, свисающими волосами, одеваются в кожи, едят вонючую баранину, пьют кислое молоко и, тем не менее, повергают в трепет расположенное в центре земли Срединное государство, причем так продолжается с древности» /4/. Вероятно, на раннем этапе этногенеза хунну произошло смешение с китайцами. Не вызывает сомнений достоверность этнографических описаний хунну: распущенные, свисающие волосы, а не косы как у сяньбийцев; пища, состоявшая, с точки зрения китайцев, из вонючей баранины и кислого молока; одежда из кожи.

Мы не находим в источниках описания физического облика хунну, как скажем, словесный портрет Аттилы у Приска. Однако Фан Сюаньлин, настойчиво подчеркивает характерные внешние признаки хуннов: глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы. Необычная, отсюда странная для китайца внешность хуннов служит предметом насмешек, что при господстве хуннов может иметь трагические последствия для насмешников. Так, Фан Сюаньлин рассказывает о случае, произошедшем при дворе императора Цзилун (династия Поздняя Чжао). «Надзиратель за делами дворца наследника престола Сунь Чжен (цзесец – Б.И.) обратился к окольничему Цуй Яо (китаец – Б.И.): – «Я страдаю болезнью глаз, как мне вылечить?». Цуй Яо, всегда пренебрегавший Сунь Чженом, решил подшутить над ним и сказал: – «Вы поправитесь, если поместите глаз в мочу!». Сунь Чжен воскликнул: – «Как можно поместить глаз в мочу!». Цуй Яо ответил: – «У вас глубоко запавшие глаза, их очень легко залить мочой». Крайне раздосадованный Сунь Чжен доложил об этом (наследнику) Ши Сюаню. Услышав об этом Ши Сюань, у которого из всех сыновей Ши Цзилуна была наиболее ярко выражена

внешность хусца с глубоко запавшими глазами, пришел в ярость и казнил Цуй Яо вместе с его сыновьями» /5/.

Не проявляют милосердия и китайцы. Так, узурпатор Ши Минь (этнический китаец, воспитанник императора Ши Цзилуна) поняв, что не сможет использовать хусцев, отдал чжаосцам (ханьцам) приказ убивать хусцев и установил за это награды. В течение одного дня было изрублено несколько десятков тысяч цзесцев. «Сам Ши Минь во главе чжаосцев убивал хусцев и цзесцев, не разбирая ни пола, ни возраста. Было убито свыше 200 тысяч человек. Командующие войсками в различных уголках государства получили от Ши Миня предписание убивать хусцев, в результате чего половина людей с высокими носами и густыми бородами были перебиты» /6/.

Китайцы, из-за своего цивилизационного превосходства высокомерно относившиеся к хуннам, в отличие от расистской позиции европейцев к гуннам, все же не считают их неполноценным народом, не способным овладеть достижениями культуры и цивилизации. В “Цзиньшу” приводятся многочисленные примеры: хуннов-полководцев, ученых, талантливых государственных деятелей, правда, овладевших китайской культурой. В хронике дается высокая оценка императорам Ши Лэ, Лю Юаньхай и другим, при этом отмечается, что их успехи – это не только следствие китайской династии Хань или Ранняя Чжао. Лю Юаньхай, потомок знаменитого шаньюя Модэ, в молодости получил блестящее китайское образование, хорошо ездил верхом и прекрасно владел оружием. Незаурядной личностью был и Ши Лэ, в 329 году, уничтоживший династию Ранняя Чжао. Автор “Цзиньшу” отмечает, что Ши Лэ основал школу для сыновей и младших братьев сановников, отобрал чиновников-знатоков классической литературы, назначил их на должности чиновников-литераторов. Он издал указ, запрещающий обижать хуасцев (китайцев), повелел, чтобы хусцев (хунну и цзе) называли гождэнь (соотечественниками). Издал распоряжение, по которому запрещал соотечественникам, то есть хусцам жениться на женах умерших старших братьев и вступать в брак во время траура, но разрешил по обычаю сжигать трупы умерших. Любил литературу и даже во время военных походов приказывал ученым читать исторические сочинения, а сам внимательно слушал, он строил дворцы и школы /7/. В сообщении автора привлекает наше внимание два этнографических момента: запрещение Ши Лэ жениться на женах умерших старших братьев – обычай, который существовал у казахов до начала XX века и был отменен только при

Советской власти; указание, встречающееся в источниках впервые, на обычай хуннов сжигать трупы умерших.

Фан Сюаньлин не скрывает своей неприязни и даже ненависти к хуннам и цзе, захватившим власть в Китае, однако он не отдается полностью чувствам, остается ученым, безусловно, небеспристрастным, но добросовестным, поэтому он фиксирует в деятельности правителей-кочевников, в прочем, как и у китайских императоров и сановников, и плохое, и хорошее. Он пишет: «Ши Лэ был злодеем, но обладал исключительными качествами... Если посмотреть, как держался Ши Лэ перед лицом врага или в минуту опасности, то следует сказать, что он разрабатывал необходимые меры, проявлял беспримерную отвагу, принимал удивительные планы, выказывал исключительную смелость, занял старые цзиньские столицы и вступил в борьбу с императорским домом, сбросил с себя войлочную шубу и надел шляпу, пояс, принятые в Срединном государстве, отложил латы и шлем, открыл школы. И хотя Ши Лэ называют злым и бесчеловечным, но короткое время он был выдающимся человеком».

Резко характеризует Фан Сюаньлин Ши Цзилуна, узурпировавшего императорский престол в государстве Поздняя Чжао, и расправившегося с наследником Ши Хуном. По словам автора, Ши Цзилун «не отличается человеколюбием: безжалостен и бесстыден». Но даже невежественный грубый и лишенный добродетели Ши Цзилун «преклонялся перед наукой, изучавшей классические книги, а потому послал ученых из школы для сыновей и младших братьев высших сановников в Лоян переписать тексты классических книг, вырезанные на камне, и по ним исправить книги, хранившиеся в дворцовой библиотеке». Автор высоко оценивает воспитание, образование второго сына Ши Лэ Ши Хуна, объявленного при жизни отца наследником престола. Ши Хун «с детских лет проявлял почтительность к родителям (одна из неперменных китайских добродетелей – Б.И.), держался вежливо и скромно, учился читать стихи, изучал классические книги». Ши Хун, отмечает Фан Сюаньли, от всей души любил ученых мужей, имел склонность к литературе, близкими его друзьями были простые ученые-конфуцианцы. В отличие от жестокого и лукавого Ши Цзилуна, наследник был человеколюбив, мягок и учтив /8/. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о значительной культурной ассимиляции верхушки хуннов и цзе. Вместе с тем они сохраняют свою расовую и этническую идентичность, резко выделяясь внешним обликом от китайцев.

Расовый тип хунну, судя по китайской хронике VII века, не от-

вечает сложившемуся в науке мнению об их типичной монголоидности и по такому признаку как рост. Хунны предстают как люди красивой внешности, высокорослые, можно даже сказать гиганты. Так, по данным “Цзиньшу” (у Лю Юаньхая основателя династии Ранняя Чжао) была представительная внешность, его рост равнялся 8 чи и 4 цуням (1 чи – 10 цуням – 23,75 см; 1 цунь – 2,4 см), длина усов превышала 3 цуня». Его рост, следовательно, составляет почти 2 м. Сын его Лю Хэ имел рост 8 чи, отличался отвагой, обладал прекрасной внешностью. Родной племянник Лю Юаньхая Лю Яо, будущий император, отличался исполинским ростом и необычайной силой. «Рост Лю Яо, – говорится в хронике, – равнялся 9 чи и 3 цуням. От рождения имел белые брови, в глазах вспыхивал красный свет, в бороде было немногим более ста волосков, но каждый длиной в 5 чи. При стрельбе из лука пробивал стрелой железо толщиной в 1 цунь». Рост Лю Яо, таким образом, равнялся 2 м 20 см. Сын Лю Яо – Лю Инь уже в возрасте 10 лет имеет рост 7 чи и 5 цуней. Взрослый Лю Инь имел рост в 8 чи и 3 цуня. Будущий император Хэлян Бобо также родственник Лю Яо имел рост в 8 чи и 5 цуней /9/. Примеров подобного рода в “Цзиньшу” много. Представители династии Ранняя Чжао, как видим, практически все были людьми очень высокого роста и они, вероятно, не составляли исключения в общей массе хуннов, иначе дотошные китайские историки не преминули бы сказать об этом.

Насколько хунны по “Цзиньшу” по своему внешнему облику разительно отличаются от «чистых» монголоидов (монголов), можно судить по сочинению “Мэн-да бэй-лу” (“Полное описание монголо-татар”), китайского дипломата, посетившего в 1221 году ставку наместника Чингисхана в Яньцзине (современный Пекин) Мухали. Известный китаевед Н.Ц.Мункуев указывает на одну ошибку, связанную с этим источником. В.В.Бартольд и Б.Я.Владимирцов, отмечает он, на основании отдельных отрывков, взятых вне контекста из работы В.П.Васильева (1818-1900), видного востоковеда, считали, что южносуннский посол Мэн Хун, запиской которого является “Мэн-да бэй-лу”, видел Чингисхана, ему относили сведения, которые, на самом деле, касались его наместника Мухали. Автор сочинения довольно много и в категорической форме рассказывает о Чингисхане на основании сообщений своих информаторов из числа монголов. Мункуев поддерживает мнение китайского историка Ван Го-Вей, подвергнувшего сомнению в 1926 году авторство Мэн Хуна и считавшего подлинным автором его заместителя Чжао Хуна /10/.

Для сравнения мы приводим отрывок из источника в переводе Васильева и Мункуева. По словам Васильева, «татарская нация по большей части не высокоросла, самый высокий человек не выше 5 футов с 2-3 вершками (1 фут – 30,48 см.; 1 вершок – 4,45 см), также нет между ними толстых и жирных. Лицо у них широкое, плоское и четырехугольное, с выдававшимися скулами, глаза без верхних ресниц, волос на бородах и усах весьма мало, их наружность весьма отвратительна. Только нынешний татарский повелитель огромного роста с широким лбом, длинной бородой, он отличается мужеством» /11/. Перевод Мункуева: «Татары в большинстве случаев не очень велики ростом. Самые высокие не превышают 5 чи и 2-3 цуней. Среди них нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая. Что касается татарского владетеля Темуджина, то он высокого и величественного роста с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. Это то, чем он отличается от других» /12/. Переводы, как видим, принципиально не отличаются друг от друга, они наглядно представляют совершенно монголоидный тип. Однако в них есть один момент, связанный с единицей измерения роста монголов. Если Васильев использует фут и вершок, то Мункуев сохраняет китайский оригинал: чи и цунь. Их различия дают весьма разные результаты, если по Васильеву рост высокого монгола составляет 166 см, то по Мункуеву получается – 126 см. Последний показатель представляется явно заниженным, что связано, вероятно, с изменением длины чи и цунь в XIII веке В любом случае низкий рост монголов очевиден в отличие от высокорослых хуннов. Потому, думаем, правы те исследователи, которые утверждают о смешанном расовом происхождении хуннов.

Так, по мнению Г.Е.Грум-Гржимайло, хунны уже при появлении на исторической арене представляли смешанную расу. Схожей версии придерживается и Л.Н.Гумилев. Он считал, что динлины были тем европеоидным народом, с которым смешались, пришедшие с юга предки хуннов. По его словам, «динлины имели рост средний, часто высокий; плотное и крепкое телосложение; продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках; белокурые волосы; нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный; глаза светлые». Он же отмечал в хуннском этносе значительную примесь северокитайского расового типа, говоря: «Китайцы узколицы, худощавы, стройны; монголы широкоскулы, низкорослы, коренасты». Гумилев заключает: «Хунны – народ, сложившийся из осколков родов ди, китайских

«мигрантских племен ся и монголоидных племен, обитавших в степи по краям Гоби». Он полагает, что специфические черты хуннов делают их немного похожими на североамериканских индейцев. Неоднородность расового происхождения хуннов отмечает и антрополог О.И. Исмагулов /13/.

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности хуннов получает определенное отражение в данных археологических материалов. Так, раскопки ноин-улинских курганов в Северной Монголии (в 100 км от города Улан-Батор), проведенные С.И. Руденко, дали интересные материалы по хозяйству, культуре и этнической характеристике хуннов. Курганы датируются рубежом нашей эры. Археологически установлено, что на территории, какую занимали хунны на рубеже нашей эры и в середине I тысячелетия до н.э., была распространена культура так называемых плиточных могильников. Как отмечает Руденко, имея внешнее сходство с синхронными им погребениями Минусинской котловины, они существенно отличаются от современных им погребений Алтая и от позднейших хуннских. Физический тип народа, оставившего плиточные могилы, настолько существенно отличается от хуннского, что генетическая связь между этими двумя народами не может быть установлена, полагает автор. Справедливо отмечая, что одним из диагностических расовых признаков является волосяной покров (в ноин-улинских курганах было извлечено свыше 120 кос), Руденко подчеркивает, что волосы хуннов не только по окраске, но и по форме оказались типичными для монголоидной расы. Волосы из Ноин-Ула обнаруживают существенное отличие от волос населения Алтая в скифское время: ноино-улинские – черные, прямые, жесткие; алтайские – темно-каштановые или каштановые, волнистые и тонкие. По мнению автора, горноалтайское население является скифо-юэчжийским. Как видим, автор приходит к выводу о монголоидности хуннов. Заслуживает внимания мысль Руденко: «Мы почти ничего не знаем о хуннах до рубежа III–II веков до н.э. Археология крайне слабо освещает и последующий период после II века н.э., без чего не может быть показана эволюция хуннской культуры» /14/.

Интересно, что выводу автора о монголоидности хуннов как бы противоречат обнаруженные в одном из курганов фрагменты настенной драпировки коврика с изображениями двух всадников, ребенка-воина, мечущего копье или трезубец в орла, львиных грифонов и гирлянд из цветов. Спешившийся всадник, отмечает Руденко, изображен в три четверти головы, в профиль, как и верховой всадник.

Оба европеоидного типа – один с узким и длинным лицом, большим лбом и прямым носом, другой – с овальным, но не скуластым лицом. На головах у них гладкие одинаковые головные уборы, прикрывающие не только темя, но и затылок, из-под которых сзади виден пучок волос, заключает автор описание коврика, отметив, что М.И.Ростовцев считал одежду и головной убор всадников типично иранскими /15/. Вероятно, так и есть, как и сами всадники – типичные европеоиды. Данный пример – убедительное доказательство того, что не все материалы, обнаруженные в могильниках, можно приписывать к исследуемой культуре, эпохе или этносу, в данном случае – хуннам. Ясно, что коврик имел не хуннское происхождение.

Сведения, содержащиеся в письменных и других источниках по хозяйству, быту, верованиям хуннов также представляет важный этнографический интерес. Хунны были кочевым народом, и главным их занятием являлось скотоводство. “Отец китайской истории” Сыма Цянь следующим образом описывает жизнь, нравы и быт хуннов: «Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупнорогатый скот: частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с одного места на другое, смотря на приволье трав и воды. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия, но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука в птичек и зверьков, а несколько подросши, стреляет в лисиц и зайцев и употребляют их в пищу. Могущие владеть луком, все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитываются, а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Такова суть врожденных их свойств. Длинное их оружие – есть лук со стрелами, короткое оружие – сабля и короткое копье с железной ручкой. При удаче идут вперед, при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благополучия, ни справедливости не знают. Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехах, по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами, прозваний и

проименований не имеют» /16/. Перевод этого отрывка из “Шицзи” Сыма Цяня В.С.Таскиным в целом совпадает с переводом Бичурина, хотя и имеются отдельные уточнения, улучшающие смысл текста. Так, в тексте Таскина говорится: «Хотя у них (хуннов) нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства, и они не занимаются обработкой полей, тем не менее, каждый тоже имеет выделенный участок земли, носит шубы из войлока» /17/.

Основными видами хозяйства у хуннов, как видим, были скотоводство и охота. Вместе с тем в некоторых китайских источниках упоминается о занятии хуннов и земледелием: «В северных странах стужа рано наступает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле хуннов сеяли» /18/. Как отмечает С.И.Руденко, несомненным доказательством занятия в стране хуннов земледелием, и притом плужным, являются сошники, найденные на Иволгинском городище и в других пунктах Забайкалья. Находили зерна проса в хуннских могилах. Он, вероятно, прав, когда отмечает, что земледелие у хуннов, вследствие природных условий, вряд ли занимало сколько-нибудь существенное значение в их хозяйстве. Говоря, что хунны как просо, так и рис получали из Китая, он резонно полагает, что посевами на хуннских землях, преимущественно занимались пленные китайцы и перебежчики из Китая /19/.

Впечатляет в сообщении Сыма Цяня наличие у хуннов латной конницы, что свидетельствует о развитом искусстве плавки иковки металла, что невозможно при отсутствии искусных мастеров, работающих при оседлом образе жизни или же проживающих значительное время в постоянных жилищах. Потому можно предположить, что хунны вели полукочевой образ жизни, имея постоянные зимовки, кочевали весной и летом до глубокой осени, как впоследствии казахи. Материалы археологических изысканий говорят о наличии у хуннов постоянного жилища: землянок и капитальных бревенчатых построек /20/. Столица Аттилы в Паннонии, по Прииску, была построена из деревянных домов, что наводит на мысль о сходстве этнической традиции хунну и гуннов.

Нравы, обычаи и верования хуннов в китайских хрониках представлены относительно полными. Сыма Цянь, например, сообщает: «В первой луне нового года старейшины в небольшом числе съезжаются в храм в шаньюевой орде. В пятой луне собираются в Лун-чен, где приносят жертву своим предкам: небу, земле и духам. Осенью, когда лошади жиреют, все съезжаются, обходят лес, причем

производят проверку лошадей и скота» /21/. Как видим, эти встречи хуннских старейшин в определенном месте, в определенное время представляют не просто ритуальный характер, а являются составным элементом управления и хозяйственной жизни. К сожалению, приведенный отрывок не дает ясного представления о “храме”: или это было капище, или он, действительно, являлся храмовым сооружением.

Шаньюй соединял в своем лице верховную политическую и религиозную власть. Хунны не выработали монотеизма, то есть единобожия. Поэтому они поклонялись Небу, Солнцу, Земле; почитали духов предков, которым приносили жертвы, нередко и человеческие. Шаньюй дважды в день, удалившись от лагеря, совершал поклонения: утром – восходящему солнцу, вечером – луне. Китайские источники, как мы отмечали выше, сообщают об изображении золотого человека, отмеченного при жертвоприношениях Небу /22/. На основании этого уникального факта вряд ли можно сделать вывод о том, что хунны были идолопоклонниками.

По представлению хуннов, расположение звезд и луны прямо влияют на дела, способствуя успеху или обрекая на неудачу: «К полнолунию идут на войну, при ущербе луны отступают». По китайским источникам можно получить достоверное представление об обряде похорон у хуннов: «Покойников (вероятно, речь идет о похоронах вельмож и даже шаньюя – Б.И.) хоронят в гробе, употребляют наружные и внутренние гробы, облачение из золотой и серебряной парчи, и меховое, но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц, соумирающих бывают от ста до несколько сот человек». В переводе В.С.Таскина о количестве жертв говорится: «От нескольких тысяч до сотен человек» /23/. В отличие от скифов-саков, хунны не насыпали могильных холмов. Обряд похорон хуннов и гуннов однотипный, правда, гунны похоронили Аттилу в тройном гробу в знак величайшего почтения: золотой, серебряный и железный – при многочисленных “соумирающих”.

Интересные бытовые детали хуннов можно почерпнуть из работы С.И.Руденко. Так, у хуннов были войлочные ковры и маленькие столики (как у казахов); посуда была деревянная, металлическая и глиняная; мужчины в левом ухе носили серьгу; рубаху они, вероятно, не носили; штаны или, точнее, шаровары у хуннов были просторные и широкие, сохранившиеся до XIX века у казахов, киргиз и монголов из шерстяных тканей; хунны сидели, скрестив ноги (как казахи);

они, подобно китайцам, ели рис с помощью костяных палочек, из риса, подобно китайцам, хунны могли готовить вино; они занимались у китайцев зонты, зеркала. «Хуннское изобразительное искусство, — отмечает Руденко, — теснейшим образом было связано с изобразительным искусством других евразийских коневодческих племен данной эпохи и, в первую очередь, с “сако-юэчжийскими” и другими южносибирскими племенами» /24/.

Что касается вопроса о происхождении и этнической принадлежности гуннов, то оно зависит от того: были ли хунны и гунны — единым этносом или представляли разные народы. В науке он пока не получил однозначного ответа. Но даже те исследователи, которые выступают в поддержку их различия, признают, что этническим ядром гуннов Восточной Европы были хунны. Впервые попытался ответить на этот вопрос К.А.Иностранцев. Его интересная работа “Хунну и гунны” была опубликована на страницах “Живой старины” в 1900 году, вторая, дополненная книга, увидела свет через четверть века. Это был сводный историографический труд, подводивший итог изучения вопроса со второй половины XVIII века до начала XX века. Ряд положений автора сохраняет свое значение и актуальность по настоящее время. Незаслуженно почти забытая работа Иностранцева давно стала библиографической редкостью. В центре внимания автора — вопрос о происхождении хунну, который он пытается решить через призму изучения различных точек зрения о тождестве или различии хуннов и гуннов. Мысли автора о том, что если история хунну относится в значительной степени к истории Китая, а гуннов — к истории Европы, то вопрос об отношениях хунну и гуннов принадлежит к истории Средней Азии как страны, через которую хунну двинулись на запад (если эти два народа тождественны), или же хунну и гунны столкнулись (если они различны) в истории Средней Азии; трудность и сложность проблемы побудили даже некоторых исследователей совершенно отказаться от этнографической классификации и признать только политическую. Только при признании политического положения, но, основываясь на этнографической классификации, можно решать вопросы происхождения народов; так называемый монгольский тип у восточно-турецких (тюркских) и восточно-финских племен выражен, не менее резко, чем у собственных монголов. При завоеваниях кочевники берут не числом, а напором /25/. Эти положения автора и сегодня представляют важный методологический интерес.

По мнению Иностранцева, теорий о происхождении хуннов

три: монголизм, турчизм и финнизм. Первой по времени была теория их монгольского происхождения, выдвинутая французскими историками. Отметив большую заслугу французских миссионеров по ознакомлению Европы с Китаем, по изучению его истории, автор указывает на их мнение о тождестве хунну и гуннов. Крупнейшим ориенталистом XVIII века был француз Дегинь, который еще в 1748 году написал свой знаменитый труд о происхождении хуннов и тюрков. Основой классификации народов Средней Азии, отмечает Иностранцев, Дегинь считал политическое, а не этнографическое (этническое – Б.И.) разделение, поэтому он не делал существенных различий между тюрками и монголами. Все обитатели этих частей Азии у него – татары. Дегинь был убежден, что «гунны впоследствии носили имя турок», что «турки происходили от древних хунну» и «монголы происходили от турецкого народа». Другой французский историк Л.Каен, сочинение которого может считаться, по мнению Иностранцева, последним словом науки по древней истории Средней Азии. Он утверждал, что «древнее имя, которое китайцы давали предкам турков, было хунну». Очень интересно замечание Каена о том, что титул хуннского государя (шаньюй – Б.И.) по-тюркски означал “тенгри-кут”. Считая неубедительным утверждение Палласа и Бергмана о монгольском происхождении гуннов, ссылавшихся на сходство обычаев гуннов и калмыков, Иностранцев верно заключает: «Сходство физического типа не дает основания для отождествления гуннов с монголами». С позиции монгольского происхождения хуннов высказывался и немецкий исследователь К.Нейман, труд которого (1847 г.) является по словам Иностранцева последним словом теории монголизма, хотя впоследствии (1885 г.) в духе Неймана выступал английский историк Говорс /26/.

Второй была теория тюркского происхождения хунну, отличавшая хуннов от гуннов и считавшая первых тюрками, а вторых – финнами. Главным представителем этой теории был немецкий ученый Ю. Клапрот. Говоря о неоспоримом тождестве тюрков и хуннов, он приводил 20 тюркских слов, сохранившихся в китайских летописях. Клапрот однако оспаривает мнение Дегиня о тождестве хуннов и гуннов, утверждая, что в эпоху переселения этот народ уже не назывался хунну, а юэбань. Довод Клапрота, как видим, явно не обоснован, ибо юэбань – это “малосильные” хунны, оставшиеся в Восточном Казахстане и не последовавшие за основными силами хуннов на северо-запад Аральского моря и Приуралья. Еще одно ошибочное утверждение Клапрота – тождество гуннов и авар. Он также без

достаточных оснований утверждал о больших различиях в обычаях хуннов и гуннов. Его вывод: хунны – тюрки, но с гуннами они ничего общего не имеют, ибо гунны – финны, предки современных венгров. Финнами считали гуннов А.Ремюза, Кастрен. Однако тождество хуннов и гуннов признавали Ф.Мюллер, Ж. де Риаль, В.Радлов, Н.Аристов. Тюркское происхождение хуннов и гуннов признавал Хирт, который в своей работе использовал генеалогическую таблицу Аттилы, составленную в XV веке венгерским писателем Ионном из Туроца. Иностранцев довольно скептически оценивает ее достоверность, указывая, что из 37 имен, упоминаемых в таблице, шесть представляют библейские имена /27/.

По третьей теории, отмечает Иностранцев, хунны и гунны – один народ финского происхождения. Сен-Мартен, например, строит основу теории на том, что все народы, живущие теперь на тех же местах, где некогда жили гунны, и по преданиям происходят от них, говорят на финских языках. Он пытается доказать свое положение тем, что якобы состоялся переход звука “Г” в “Ф”. И, следовательно, гунн стал звучать, как финн. Иностранцев справедливо замечает, что недостаточно еще жить в тех же местах, где жил когда-то народ, чтобы быть его потомками. С другой стороны, доводы Сен-Мартена не учитывают исторические реалии, скажем, ареал расселения гуннов, потомков гуннов – тюркское население Северного Кавказа. Ссылка автора на предание о происхождении гуннов по Иордану также не оправдывает себя, ибо Иордан отмечал, что гунны появились в результате соития готских колдуний с нечистой силой в болотах. Не выдерживает критики и предположение Сен-Мартена о тождестве хионитов и гуннов /28/.

В начале XX века проблему хуннов и гуннов исследовали японский ученый Ширатори (Сиратори) и В.А.Панов. По мнению японского исследователя, наиболее близким к истинному народному имени, произношению было кунну (kungnu), что так произносили китайцы, и что в орхонских надписях при наличии звуков “к” и “г” не было звука “х”. Указывая на 16 гуннских слов, последние пять, считал Ширатори, составляют собственно слова знаменитой фразы буддийского монаха IV века: «Siu – k'i, t'i – li – kang, puh – koh, k'u – t'u – tang» («Враг будет вполне разбит»). Перевод В.С.Таскиным представляется более точным и полным. В.А.Панов рассматривает 14 хуннских слов, не все из них совпадают со словами Ширатори. Чисто тюркскими словами он считает: кыз (дочь, девушка), жена, огонь, землянка, тенгри. По нему, слово “кыз” (дзюй-цы или гюй-

цы) встречается у хунну в источниках в 28 году до н.э.; жена (янь-ши, э-ши, эбчи или инджи) встречается около 200 года до н.э.; огонь, землянка (оуто, одак, отак от слова от – огонь) встречаются в 80 и 200 годах до н.э., тенгри (тан-ли, чэн-ли) об известной хуннской фразе автор не упоминает. В 1923 году Ширатори опубликовал книгу о происхождении хунну, в которой приходит к совершенно другому выводу, заявив, что хуннский язык – монгольский, а посему они – монголы. Из собранных 23 хуннских слов, он только одно считал тюркским (ачин – жена, женщина). Тем не менее Ширатори вынужден признать, что большинство исследователей считают хунну тюркским народом /29/.

Что касается позиции самого Иностранцева, то он твердо высказывается в поддержку тюркского происхождения хуннов, и считает хуннов и гуннов – одним народом. По его словам: «Ядро, господствующее племя и значительная часть народа хунну – тюркского происхождения», «хунну и гунны – один народ», «не только сходство имен и соседство по местам жительства, но и факты истории заставляют признать тождество этих двух народов». Однако ради справедливости необходимо признать, что его фраза: «Чем далее двигались гунны, тем более редел среди них турецкий элемент и примешивались другие народы. Весьма вероятно, что между подданными Модэ и Аттилы – было очень мало общего». Кажется несколько двусмысленным то, что понимается под подданными Модэ и Аттилы, ибо подданными их империй были десятки народов или же речь идет о двух народах – хунну и гуннов. Исходя из позиции автора, мы склонны считать, что речь идет действительно о подданных, которые состояли не только из хуннов и гуннов. Привлекает своей простотой, но не бесспорностью, составленная автором этногенетическая линия: Хунну – Кунну – Кун – Коман /30/.

Анализ К.А.Иностранцевым существовавших в науке трех гипотез о происхождении хунну и гуннов, их соотношений между собой, позволяет прийти к следующему выводу: дискуссию по этим вопросам вряд ли можно считать завершенной, хотя можно заключить, что мнение о тюркском происхождении хунну и гуннов, бесспорно, владело в науке. Но вопрос об их тождестве или различии остается к началу XX века по-прежнему открытым.

Дальнейшее развитие тюркологии в XX веке, к сожалению, не привело к прояснению вопроса о хуннах и гуннах. Более того, произошло нечто обратное: абсолютизируя собственно лингвистический подход без достаточного учета исторических реалий и научной

преемственности, западные тюркологи ставят под сомнение даже тюркское происхождение хуннов и гуннов. Так, известные тюркологи Э.Дж.Пуллиблэн и Г.Дёрфер, вообще отрицают какую-либо связь “гуннских языков” с тюркскими языками. Позиция же советских тюркологов была гораздо обоснованней. Так, по словам Н.А.Баскакова, именно с гуннами большинство современных ученых связывают начало этапа тюркского глотто- и этногенеза /31/.

Большой интерес в научном плане представляет специальный номер сборника “Зарубежная тюркология” (1986 г.), в котором были представлены исследования видных западных тюркологов. Составитель сборника С.Г.Кляшторный отмечает, что особенно интересны представленные здесь взгляды зарубежных тюркологов, содержащие идеи о преемственности между устным народным творчеством и письменными материалами тюрков, а также об истории развития последней в Тюркском каганате, Уйгурском государстве и в государствах Караханидов и Тимуридов /32/.

Относительно гуннской проблемы американский исследователь О.Менхен-Хельфен приходит к выводу, что нельзя обнаружить какой-либо тесной связи между гуннами Аттилы и сюнну ни в области культуры, ни в языке, ни по расовым признакам. По мнению немецкого ученого И.Бенцинга, с лингвистической точки зрения “гуннского языка” не существует. Для языкознания он представляет собой такую же фикцию как “язык варваров” с точки зрения античного грека. Свою позицию он стремится подкрепить тем, что до сих пор еще не обнаружены какие-либо связные тексты на каком-нибудь языке европейских гуннов эпохи переселения народов /33/.

На основании документа VIII века на старославянском языке так называемого дунайско-болгарского княжеского именника автор пытается установить возможность определенной генетической связи, по крайней мере, между болгарской правящей династией и гуннами, отмечая, что легендарных предков дунайских болгарских князей зовут – Авитохоль и Ирник, что поразительно созвучно с именами Аттилы и его сына Эрнака. Однако автор резонно заявляет, что если даже это и верно, мы все еще не знаем, восходит ли язык болгар к языку настоящих гуннов или какой-нибудь группе псевдогуннских племен. Содержание именника: «Авитохоль жил 300 лет. Его род Доуло. Ирник жил 150 лет. Его род Доуло. Гостоун, будучи наместником – 2 года. Его род Ерми. Коурт правил 60 лет (около 584-642). Его род Доуло. Везмер – 3 года (около 642-646). Его род Доуло. Эти пять князей правили по ту сторону Дуная – 515 лет с остриженными голо-

вами. После этого на эту сторону Дуная перешел князь Исперих, как и по сей день живут там болгары. Есперих князь – 61 год (около 645-701). Его род Доуло. Теревель – 21 год (701-718). Его род Доуло... 28 лет. Его род Доуло. Севарь – 15 лет (725-739). Его род Доуло. Кормысошь – 17 лет (739-756). Его род Вокиль. Этот князь изменил название рода Доулов на Вихтон. Винях – 7 лет (756-761). Его род Оукиль. Гелец – 3 года (760-764). Его род Оугаин. Этот тоже из другого рода. Оумор – 40 дней (766). Его род Оукиль» /34/. (Указанные в скобках даты являются приблизительными и взяты из новейших исследований). Лингвисту этот именник мало что даст, чтобы определить язык не только гуннов, но и дунайских болгар. Потому Бенцинг и замечает, что если отнесение языка дунайских болгар к числу тюркских языков может вызывать сомнение, то язык волжских болгар, вне всякого сомнения – тюркский. Сам именник представляет для историка, разумеется, большой интерес. Он действительно доказывает происхождение болгарской княжеской династии от тюркского рода дуло (дулу), одного из десяти племен тюркской конфедерации племен в Семиречье “он ок будун”, возникших в 635 году, как и Великая Булгария, в момент распада Западнотюркского каганата. А потому поиск генетической связи между племенем дулу и гуннами представляется бесперспективным. Сомнение в тюркоязычности дунайских болгар, вероятно, от лингвистического педантизма, ибо в момент образования Великой Булгарии в Приазовье и Прикубанье, болгары были единым этносом, и уход части болгар во главе с сыном хана Кубрата Аспарухом на Дунай, конечно, не изменил в одночасье их тюркский язык. Другое дело, впоследствии болгары на Дунае были ассимилированы славянами и они потеряли свой тюркский язык.

Утверждения Пуллиблена о тождестве эфталитов и авар о хуннском происхождении хионитов, вряд ли можно считать обоснованными, как и заявление Дёрфера, что язык хунну не был ни тюркским, ни монгольским. Однако он признает, что название “гунны” относилось некогда к носителям определенного языка, оно относилось к государству, и было собирательным названием, оно могло также “странствовать” или использоваться как переносное. После такого верного замечания автор указывает такое широкое толкование состава гуннов, что теряются исторические, этнические и хронологические рамки. Он пишет: «Некоторые, входившие в состав гуннов народности: кидариты, эфталиты, акациры, сабиры, оногуры, болгары, авары, тюрки, венгры, узы, куманы, сельджуки, османы». Известно, что Дёрфер прославился в тюркологии описанием халаджского

языка, языка народа в Центральном Иране. Интересно его замечание о “странствующих” названиях. В качестве примера он приводит следующие названия – пруссаки, французы, болгары; отметив, что пруссы – не балты, французы – не франки, болгары – не тюрки. Автор считает, что имя Атиллы безупречно и без малейшего сомнения этимологизируется на готской почве, и означает по-готски “бабушка” /35/.

Приводимые им гуннские княжеские имена, представляют определенный интерес, хотя некоторые даты не точны. Отдельные имена даже в латинской транскрипции дают возможность, увидеть в них тюркские корни: Balamber, Huldin, Ruga, Roas, Octar, Mundzucus, Bleda, Atila, Hernac, Dentzicis, Dintzic, Ellac, Emnetzur, Ultzindur, Mundo, Zaidaricus. Если имена Денгизих, Октар, Эрнак, Эллак, по всей вероятности, были тюркского происхождения, другие могли означать названия племен. Конечно, указания на то, что Мундзук умер в 449 году, Атила – в 474 году, не соответствуют действительности. Говоря, что язык европейских гуннов отличался от языка сюнну, то есть гунны не являлись потомками сюнну, во всяком случае, не являлись их прямыми потомками. Дёрфер относит его к вымершим языкам /36/. Трудно принять этот вывод на веру, поскольку он недостаточно основан на исторических реалиях.

Действительно, подход и мнение видного французского историка второй половины XX века Рене Груссе разительно отличается от позиции зарубежных тюркологов-лингвистов. Так, он утверждает не только о тюркском происхождении хуннов, но и подчеркивает прямую генетическую связь между гуннами и хуннами. Ссылаясь на данные Сыма Цяня, он приходит к выводу о том, что ко второй половине III века до н.э. хунну объединились в сильную и единую нацию (этнос – Б.И.). Западные хунну, перекочевав в степи Прибалхашья и Приаралья под именем гунны (предки Атиллы), стали соперниками Римского мира. Груссе не точен, когда считает, что этих хуннов возглавил шаньюй Чжичжи, и что они заняли район Прибалхашья. Однако заслуживает внимания его мысль о том, что ушедшие на запад Казахстана хуннские племена, не имели по соседству какого-либо крупного цивилизованного народа, который мог бы оставить упоминания об их действиях, нравах и обычаях. «Поэтому у нас нет никаких сведений об их истории. Лишь в IV веке гунны сталкиваются с Римским миром. По каким причинам исторические гунны, потомки западных хунну ушли из степей Приаралья для того, чтобы достигнуть Европы? Нам это неизвестно,» – пишет Груссе /37/. Итак, заво-

евателями Европы были потомки хуннов, названных Груссе условно западными, поскольку они находились на западе их родины Монголии.

Утверждая тюркское происхождение хуннов, Л.Н.Гумилев вслед за своим учителем М.И.Артамоновым предлагает свою версию этнической атрибуции гуннов. Он подчеркивает решающую роль угро-финских племен, населявших Приуралье в процессе метизации хуннов. Он пишет: «200 лет они (хунну) прожили в соседстве и, когда наступила пора дальнейшего похода на Европу, двинулись не хунны и угры, а потомки тех и других – гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры – скорлупой, а вместе – особой системой» /38/.

Были ли европейские гунны особым, отличным от своих восточных соплеменников хунну, новым народом, возникшим в результате смешения с угро-финскими племенами? Наш ответ – отрицательный. Мы считаем, что научно правильный ответ на этот вопрос дал К.А.Иностранцев, утверждавший о тождестве хунну и гуннов. Мы не исключаем, что двухвековое соседство с угро-финами оказало определенное влияние на хуннов, но не настолько, чтобы коренным образом повлиять на этническую структуру хуннов. Более того, мы даже допускаем, что влияние хуннов на угров было гораздо весомее, ибо они стояли на более высокой ступени развития, чем угры, занимавшиеся, в основном, охотой и бортничеством. Не случайно, что именно угры были отюречены хуннами еще в Западной Сибири. Уграми по происхождению были и ставшие тюркоязычными булгары, сохранившие, однако свой расовый европеоидный тип, о чем убедительно свидетельствует внешний облик современных татар. Не будем забывать и о том, что гунны были довольно многочисленным этносом и, кроме того, в их состав входил близкородственный им значительный массив огурских (огузских) племен. Г.Дёрфер, говоря о критике взгляда того или иного автора, справедливо заметил, что оспаривать необходимо лишь путем противопоставления ему такого же обзора, а не путем критики деталей /39/. Вот почему мы стремились дать широкую панораму различных взглядов по вопросу о тождестве или не тождестве хунну и гуннов, отмечая при этом их достоинства и недостатки. Потому надеемся, что наша работа содержит всесторонний обзор, а не критику деталей. В пользу нашего мнения, то есть тождества хунну и гуннов свидетельствуют и следующие этнографические и исторические признаки и факты: тождество в обычаях захоронения, общая “гуннская прическа”, наличие латной

конницы, выращивание проса, тюркское происхождение некоторых гуннских княжеских имен. Мы полагаем, что империя гуннов в Европе представляла в этническом плане конгломерат народов, включавший собственно гуннов, огузов, болгар, готов, сарматов, славян, угров и др. Его ядром, господствующим этносом были гунны – прямые потомки восточных хунну, сохранившие в основном этнические черты своих предков. Полагаем, что будет правильно и справедливо, если говорить о гуннах как и о хазарах в широком и узком смысле. В широком смысле – все те народы, которые под руководством хуннов пришли в Европу, в узком – собственно гунны. На один момент этнической истории хотелось бы обратить внимание. Нам представляется, что сторонники различия хуннов и гуннов преувеличивают фактор метисации и недооценивают реальность длительного сосуществования этносов, тем более, не близких как в расовом, так и этническом отношениях. Например, тюркоязычные народы Поволжья: татары, башкиры, чуваша живут несколько веков в составе России, и, несмотря на целенаправленную политику ассимиляции, сохранили свою этническую идентичность.

Источники и литература

1. Бичурин. Указ. работа. Том 2. С. 259; Часть 1. С. 214.
2. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае. III -V вв. Выпуск 2. М., 1990. С. 7-8.
3. Там же. С. 7-8.
4. Материалы... Выпуск 1. Сюнну. М., 1989. С. 29,162.
5. Материалы... Выпуск 2. С. 118-119.
6. Там же. С. 138.
7. Там же. С. 47, 64, 72, 84.
8. Там же. С. 88, 115, 147.
9. Материалы... Выпуск 1. С. 33, 44, 82, 101, 130; Большой китайско-русский словарь. Том 1. М., 1989. С. 253.
10. Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). М., 1975. С. 20.
11. Васильев В. История восточной части Средней Азии от X до XIII в. СПб., 1857. С. 217;
12. Мункуев. Указ. работа. С. 48.
13. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том 2. Л., 1926. С. 80; Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1967. С.

- 24, 27, 253; его же. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 205.
14. Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М., 1962. С. 114.
15. Там же. С. 105.
16. Бичурин. Часть 1. С. 39-40.
17. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Выпуск 1. М., 1968. С. 34.
18. Бичурин. Часть 1. С. 76.
19. Руденко. Указ. работа. С. 29.
20. Там же. С. 31.
21. Бичурин. Часть 1. С. 49.
22. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Выпуск 1. С. 53.
23. Бичурин. Часть 1. С. 50; Таскин. Указ. работа. С. 40.
24. Руденко. Указ. работа. С. 30-33, 67-76, 91.
25. Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926. С. 1-4, 16, 100.
26. Там же. С. 4-16, 23-26, 43.
27. Там же. С. 59-64, 71, 128.
28. Там же. С. 74-78.
29. Там же. С. 144.
30. Там же. С. 96-100, 119.
31. Зарубежная тюркология. Выпуск 1. М., 1986. С. 4; Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. С. 106, 75.
32. Там же. С. 9.
33. Там же. С. 11-12.
34. Там же. С. 14-16.
35. Там же. С. 54-55, 76-82, 97.
36. Там же. С. 106, 113.
37. Груссе Р. Империя степей. Том 1. Алматы, 2005. С. 39, 69-71, 88.
38. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 102.
39. Зарубежная тюркология. С. 71.

УСУНЬ: ГОСУДАРСТВО И ЭТНОС

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ УСУНЬ

Одним из первых государственных образований на территории Казахстана было Усунь. Китайские источники, из которых мы черпаем все свои сведения, по названию государства именуют и население усунь. Впервые об усунях говорится в трактате “отца китайской истории” Сыма Цяня “Шицзи”. В 176 году до н.э. хуннский Модэ-шаньюй в письме к китайскому императору сообщает о своей победе над юэчжи – могущественном племени на западной границе Китая и покорении многих других народов. «Юэчжи были истреблены или сдались. Я усмирил также лоуланей, усуней и хуцзе и 26 других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну (хунну). Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединены в одну семью» /1/. Модэ явно преувеличивает свою победу над юэчжи. Окончательно они были разгромлены его сыном Лаошан (165 годы), который, убив вождя юэчжи, сделал из его черепа чашу для питья. Большая часть этого народа бежала на запад: сначала в Семиречье, впоследствии в Бактрию. Усуни жили к востоку от юэчжей, которые занимали территорию между Дуньхуан и Цилян-шань (Ганьсу). После 176 г., вплоть до 120-х годов занятия усунями Семиречья источники ничего не сообщают.

Этот пробел в значительной степени восполняется рассказом Чжан Цяня, который исторически правдиво, но с налетом легендарности сообщает: «В пребывание мое у хуннов, слышал я, что усуньский владетель титулуется гуньмо, отец сего гуньмо имел небольшое владение на западных хуннских пределах. Хунны убили отца его на сражении, а гуньмо только что родившийся, брошен был в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела, волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй изумился и счел его духом, почему взял его к себе и воспитал, когда же гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска. Гуньмо несколько раз отличился в походах: почему шаньюй возвратил ему владение отца его и препоручил надзор за караулами при Западной стене. Гуньмо приложил попечение о поправлении состояния своего народа и подчинил себе окрестные небольшие города. Он имел несколько десятков тысяч войска, опыт-

ного в сражениях. По смерти шаньюя, гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок в орду хуннов. Войско, скрытно отправленное хуннами против него, не имело успеха, оно сочло гуньмо духом и удалилось: почему хунны, хотя имели влияние на него, но не нападали слишком». Этот рассказ у Кюнера в отличие от перевода Бичурина начинается следующим образом: «Большие юэчжи напали и убили Наньдоуми (отца гуньмо), завоевали его землю. Народ бежал к сюнну... Шаньюй сюнну воспитал ребенка» /2/.

Как видим, Усунь представляло небольшое владение на западе от хуннов и находился в полной зависимости от них. Усунь верно служит хуннам, охраняя западные границы. За верную службу шаньюй возвращает гуньмо владение его отца. Гуньмо оказался рачительным хозяином: он присоединяет к своему владению несколько небольших соседних городов. Но и после этого Усунь располагает небольшим войском. Только благоприятная ситуация, ослабление державы хунну, усиление Китая, смерть шаньюя, и наступившая после этого междоусобица, позволяют Усунь добиться независимости, отделиться от хуннов, переселиться на запад и занять Семиречье – древнюю землю саков, изгнав оттуда своих врагов – юэчжей. Мы полагаем, что перевод указанного отрывка и его уточнение Кюнером больше соответствуют историческим реалиям. После поражения от Модэ в 176 году, юэчжи, вероятно, отступили на северный склон Восточного Тянь-Шаня, где проживали усунь и напали на последних. В сражении был убит гуньмо Наньдоуми. Событие это, по-видимому, произошло в 174 году после смерти Модэ. Побежденные усунь, переселяются к хуннам, ища у них защиты и покровительства. Шаньюй Лаошан дал им пристанище. Юный Лиегяоми, будущий гуньмо, оказался храбрым воином, талантливым полководцем и за его выдающиеся заслуги шаньюй возвращает ему владение отца. События эти, вероятно, произошли в 140-е годы до н.э.

Информация “Цяньханьшу” о занятии усунями Семиречья имеет принципиальное значение не только для освещения истории собственно усуней, но и происхождения казахского народа: «Прежде Усунь было под зависимостью от хуннов, впоследствии усилившись, подчинило себе многие другие владения и отказалось от поездок в орду хуннов. Первоначально сия страна (Семиречье – Б.И.) принадлежала народу сэ (саки – Б.И.). Большой Юэчжи на западе разбил и выгнал сэского владетеля. Сэский владетель перешел на юг, за Висячий переход. Большой Юэчжи удалился на запад и покорил Даха (Бактрию), усуньский гуньмо остался на его землях. Вначале

Чжан Цянь (китайский посланник, направленный к большим юэчжи в 138 году до н.э. для установления военного союза против хуннов), был пленен последним и 10 лет удерживался им не как шпион, а скорее, как почетный гость, его женили, и у него родился сын, в свободах практически не был стеснен. Однако, верный долгу, бежал и добрался до Давани (Ферганы), оттуда был препровожден до Кангоя, а затем и до Больших Юэчжей в Бактрию. Юэчжи отказались выступить против хуннов и Чжан Цянь, пробыв у них больше года, при возвращении на родину, вновь попадает в плен к хуннам и только через год, воспользовавшись междоусобицей, возникшей после смерти Гюньчен-шаньюя, в 126 году, вернулся в Китай. Чжан Цянь открыл Китаю западные земли. Его рассказы императору послужили основным источником при описании Сыма Цянем (Западного края). По словам Чжан Цяня усуньский владетель в одно время с Большим Юэчжи кочевал около Дуньхуана. Ныне, хотя он усилился, но щедрыми подарками, можно склонить его опять перейти на восток на прежние земли, выдать за него царевну и вступить с ним в брачное родство, дабы обуздать хуннов» /3/. Таким образом, бесспорными историческими фактами являются: покорение усуней хуннами, пребывание их на северных склонах Восточного Тянь-Шаня, переселение на запад и занятие древней земли саков – Семиречья. На интересную деталь, незамеченную казахстановедами, скорее неизвестную им, указывает современный американский историк Стюарт Легг (Legg). По его словам, выступление усуней против юэчжей было не только санкционировано Гюньчен-шаньюем, более того, они получили мощную военную поддержку со стороны хуннов /4/. О времени занятия усунями Семиречья достоверно сообщает Чжан Цянь. По его словам, когда он выступил из Китая (138 г.), то юэчжи все еще владели Семиречьем, но через 10 лет он застаёт ставку вождя Больших Юэчжей в бассейне рек Зеравшан и Амударья, а спустя еще два года при возвращении на родину он находит Семиречье уже занятым усунями.

Малочисленность усуней в момент их прихода в Семиречье подтверждается данными источников. Так, в “Шицзи” говорится: «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-восток... имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях... Усунцы прежде были под зависимостью хуннов». Но в “Цяньханьшу”, то есть через сто лет Усунь предстает как сильное государство с многочисленным населением и войском: «Правление усуньского большого гуньми в городе Чигу от Чаньан в 8 900 ли. Народонаселение состоит из 120 000 кибиток, 630 000 душ. Строевого войска 188 800 человек...

Усунь считается одним из сильнейших владетелей. На восток до местопребывания наместника 1 721, на запад до кангюйской границы 5 000 ли. Владения его на востоке смежны с хуннами, на северо-западе с Кангюем, на западе с Даванью, на юге с разными оседлыми владениями» /5/.

Политическая история Усунь представлена в китайских источниках довольно подробно. Они дают вполне связную, хронологически выдержанную картину состояния и развития Усуни, как государства. Особенно полно освещаются события усуньско-китайских отношений, в которых наглядно отражается основной принцип китайской дипломатии: «обуздывать варваров руками варваров». Императорский двор использует самые изощренные средства, чтобы привлечь на свою сторону верхушку усуньского общества: подкуп, лесть, угрозы, интриги и т.д. Важное место в китайской дипломатии занимают псевдодинастийные браки, когда дочерей китайских вельмож под видом принцесс выдают замуж за гуньмо, и они становятся не только «глазами и ушами» ханьских правителей, но и активно вмешиваются во внутренние дела Усунь: плетут интриги, подкупают «нужных людей», устраивают заговоры, идут даже на убийства неугодных гуньмо.

Такой политике китайского правительства способствовала военно-политическая слабость Усуня как независимого государства, связанная с раздорами в самой правящей династии. Фактически Усунь никогда не проводило самостоятельной внешней политики. Добившись относительной независимости от Хунну, оно сразу же попало в сферу влияния императорского Китая. В 121 году император Ву-ди нанес хуннам тяжелое поражение и захватил часть их владений, где позже были образованы четыре области: Цзюцю-ань, Вувэй (Увэй), Чжанийе, Дунь-хуан. Интересно, что в это время Чжан Цянь оказался в трагическом положении: император лишил его чина генерала, всех привилегий и приговорил к смертной казни за то, что во время военных действий против хуннов он опоздал во главе своей части к условленному месту сбора войск, хотя Чжан Цянь и совершил героический поступок, вызволив из плена известного военачальника. Однако он откупился от смертной казни. Чтобы реабилитировать себя, он увлекательно и убедительно рассказывает Ву-ди о возможности привлечь усуньского гуньмо на сторону Китая, заметно преувеличивая значение Усуни в расширении китайской экспансии на запад. Чжан Цянь говорит императору: «Если в настоящее время богатыми подарками склонить гуньмо переселиться на восток

на бывшие земли Хуньше-князя (земли юэчжи, занятые хуннским Хуньше-князем – Б.И.) и вступить в брачное родство с Домом Хань, то можно надеяться на успех в этом, а если успеем, то сим самым отсечем правую руку у хуннов. Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя (Бактрия) и другие владения на западе» /6/. Заслуживает внимания комментарии Н.Я.Бичурина по поводу выражения “отсечем правую руку у хуннов”. Он пишет: «Со времени как хунны усилились и сделали Китай своим данником в 201 году до н.э., оскорбленный китайский двор не переставал помышлять о мерах к обессиливанию хуннов и, наконец, с небольшим через полвека напал на мысль отнять у них вспомогательные средства с запада. С того времени и до ныне китайский Двор во время войны с монголами всегда старался обессилить их с запада, а в половине прошедшего века (XVIII – Б.И.) кончил тем, что всю Западную Монголию, по истреблении ее коренных жителей джунгар, превратил в военную китайскую колонию» /7/.

Прельстившись открывающейся перспективой расширения империи, Ву-ди определяет Чжан Цяня на должность хуннского пристава, выделяет ему 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10 000 голов быков и баранов. Снабдил его большим количеством разных дорогих вещей и подчинил ему множество помощников с бунчуками – для отправления их посланниками в разные владения западных стран. И, наконец, в 115 году, то есть менее чем через 10 лет независимости Усуни, император Ву-ди отправляет к гуньмо Чжан Цяня. Примечательно, что Усунь изначально вызывало у китайского правительства довольно пренебрежительное отношение. Так, попытка гуньмо принять китайского посланника как шаньюя великой державы Хунну, даже у Чжан Цяня вызывает чувство “большого стыда”, и он сразу же ставит на место размечтавшегося гуньмо, высокомерно заявив: «Сын Неба прислал дары тебе, если не желаешь поклониться, то возврати дары». От жадности ли или отсутствия гордости, но гуньмо выполнил требование: он встал и сделал поклонение. Чжан Цянь рассказывает о неурядицах в семье гуньмо, у которого было более десяти сыновей, о фактическом разделении государства на три части при формальной верховной власти гуньмо. Каждая часть имела по 10 000 конницы. Китайский посланник объявляет гуньмо волю своего государя: ежели он переселится на восток на прежние свои земли, то китайский Двор выдаст царевну за него и вступит с ним в брачное родство, дабы общими силами удобнее поразить хуннов /8/. Поскольку все старейшины были против

переселения, а гуньмо не имел реальной власти, Усунь воздержался от предложения переселиться на восток и установить с китайским Двором брачное родство.

Однако через несколько лет, видя, что Китай установил прямую связь с западными странами, минуя Усунь, гуньмо поспешил вступить в брачное родство с Домом Хань. В 107 году Ву-ди, получив от гуньмо в качестве калыма 1 000 лошадей, отправил Си-гянь (Гянь-дун-ван) дочь князя Гянь в супруги гуньмо, император пожаловал ей колесницы, одеяния, разные царские вещи и несколько сот чиновников, евнухов и прислуги. О том, что Усунь и в это время испытывал влияние Хунну, свидетельствует и то, что дочь шаньюя, выданную замуж, гуньмо поставил старшей, а китайскую княжну – младшей женой. Семейная жизнь китаянки в отличие от ее основной разведывательно-политической явно не удалась. По прибытии в Усунь царица построила для себя дворец, в котором она жила. В три месяца она имела одно свидание с гуньмо и устраивала для него пир, одаривая при этом китайскими товарами гуньмо, его вельмож, приближенных. Гуньмо был стар и не знал китайского языка. В скуке и тоске она сочинила песню, которая сегодня представляет большой этнографический интерес:

*Выдали меня родственники
В дальнюю сторону,
Отдали в чужое царство, за усуньского царя.
Живет в круглой хижине, обтянутой войлоками,
Питается мясом, пьет молоко.
Как вспомню об отчизне, сердце занывает,
Желала бы диким гусем быть,
Чтобы возвратиться на отчизну /9/.*

Гуньмо, будучи стар, хотел выдать царицу за своего внука Сэнцзу, объявленного им наследником престола, однако она не согласилась с намерением его и доложила императору Ву-ди, который, будучи умным человеком и дальновидным политиком, посоветовал (приказал) ей сообразовываться с обычаями народа, и чтобы она не забыла свою основную миссию: «при помощи усуней уничтожить хуннов». Получив, таким образом, инструкцию (приказ) из центра, она вынуждена была выйти замуж за внука гуньмо. После смерти деда Сэнцзу унаследовал трон. По смерти царицы Гянь-дун-ван китайский Двор выдал за Сэнцзу Гяй-ю внуку князя Мэу. Ей суждено было прожить долгую, полную авантюры жизнь, играть активную, порой решающую роль в политической жизни Усуни.

В начале I века до н.э. Усунь становится одним из крупных государств в западных землях, что нашло отражение в сообщении “Цянь-ханьшу” (население 630 000 человек, войска – свыше 188 000...). В 80 году до н.э. царица доносит китайскому Двору о том, что хунны нападают на Усунь и настоятельно просит оказать помощь. Китай, сам готовящийся к походу против хуннов, был вынужден из-за смерти императора временно отказаться от своего намерения. В 73 году царица и гуньмо через специального посланника довели до сведения императора, что хунны совершают частые нападения на Усунь и даже захватили страну (или территорию) Чейньвушы, принадлежащую Усунь, берут людей в плен, требуют выдать им царицу и прекратить связь с Китаем. Они слезно упрощают императора оказать военную помощь, чтобы спасти их... Гуньмо со своей стороны обещает выставить против хуннов 50 000 отборной конницы. Император внял этой мольбе и выставил против хуннов 150 000 конницы, а для надзора за усуньским войском отправил пристава Чан Хоя. Усуньская кавалерия, возглавляемая лично гуньмо, напала на стойбище западного Лули князя, захватила в плен около 40 000 человек, в том числе тестя шаньюя, старшую невестку, а также некоторых знатных хуннов. Захвачено было более 50 000 лошадей, крупного рогатого скота свыше 60 000 овец. На обратном пути, когда Чан Хой выехал вслед за гуньмо, усунь украли у него пояс с печатью и верительный знак, говорится в хронике. В переводах этого отрывка у Бичурина и Таскина содержится разночтение в датах, события произошли, соответственно, в 71 и 42 годах до н.э. /10/. Это был, пожалуй, единственный видимый успех усуней в длительном противостоянии с хуннами.

В 60-е годы до н.э. Усунь переживает кровавые внутренние распри, связанные с интригами царицы Гяй-ю. Недовольная тем, что на престол гуньмо возвели не внука Дома Хань с женской, то есть китайской стороны, она организовала заговор против нового гуньмо Куан-вана. Попытка убийства не удалась, раненный Куан-ван бежал. Сын его, собрав войско, окружил китайских уполномоченных и царицу в городе Чигу – столице Усуни. Осада продолжалась несколько месяцев, пока не подоспели высланные на выручку царицы китайские войска. Император вынужден был дезавуировать действия царицы и посланников. Последние были казнены, а над царевной учинили допрос с пристрастием. Куан-вану прислали лекарства для лечения «за моральный и физический ущерб», выдали 20 ланов золота и несколько кусков шелковой ткани. Царица, однако, сумела

убедить императора в том, что она действовала в интересах Китая и что Куан-ван представляет угрозу империи. Ее оправдали, а гуньмо был объявлен преступником, заслуживающим смерти. Пытавшего царевну чиновнику отрубили голову /11/.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Уцзю-ту, сын покойного гуньмо Унгуимия от хуннской царевны во время заговора против Куан-вана бежал в северные горы. Недовольные Куан-ваном стали собираться вокруг Уцзюту. Заметно окрепнув, он неожиданно напал на Куан-вана, и, умертвив его, провозгласил себя гуньмо. Такой оборот дела, конечно, не устраивал царевну и китайское правительство. Чтобы свергнуть Уцзюту, правительство направляет армию. Уцзюту оказался изворотливым и угодливым: он согласился принять титул младшего гуньмо, уступив старшинство Юаньгуйми – отпрыску китаянки. Поэтому экспедиционный корпус остался в Дунь-хуане. О независимости, самостоятельности Усуни в это время можно, вероятно, говорить лишь условно, ибо все вопросы решало китайское правительство. Император распоряжался здесь, как в своей вотчине, пренебрегая даже статусом Усуни как вассального государства. В Чигу был направлен пристав Чан Хой с тремя отрядами военных поселян, получивший предписание о разделе Усуни между старшим и младшим (большим и малым) гуньми. В результате, на долю Юаньгуйми досталось 60 тысяч, Уцзюту – 40 тысяч кибиток /12/.

В 51 году до н.э. царевна Гяй-ю, которой исполнилось 70 лет, получив разрешение вернуться на родину с тремя усуньскими детьми, поселилась в столице Китая. Награда за верную службу была поистине царской: ей были пожалованы земли, дворец, слуги, служанки, весьма хорошее содержание и дозволялось являться ко Двору с преимуществами царевны. Через два года она скончалась. Умер и старший гуньми Юаньгуйми, при поддержке Двора Синми – «человек слабый и робкий» – занял трон отца. Раскол страны не только ослабил ее, но и привел Усунь на длительный, более полувек, период «великой смуты» началась ожесточенная борьба за титулы старшего и младшего гуньмо, сопровождавшаяся убийствами, предательством, бегством из страны претендентов. Эта жестокая братоубийственная война окончательно обессилила Усунь. В ней активно участвует китайский Двор, который поддерживал своих ставленников и устранял нелояльных претендентов. Китайцы были не только в курсе внутривнутриполитической жизни Усуни, но и прекрасно осведомлены о вероломстве, угодливости правящей верхушки

и с успехом использовали ее в своей политике. Так, в “Цяньхань-шу” Усунь в отличие от Кангюя характеризуется весьма нелестно: «Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству, ...упорны в пороках и жадности, очень ненадежны... Кангюй, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение пред нашими посланниками. Чиновников, посылаемых от имени наместника (китайского – Б.И.) сажают ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника». Китайское правительство на самом деле, конечно, прекрасно знало истинное значение Усуни, но из-за великодержавных амбиций, желая иметь надежный плацдарм на западе, продолжало поддерживать Усунь. Не случайно, поэтому в хронике говорится: «Нынешняя родственная связь нашего Двора с Усунем еще никакой выгоды не доставила, напротив, доставляет одни заботы Срединному государству. Но, как Усунь прежде вступило в связь с нами, признал себя вассалом, справедливость требует не отвергать его» /13/.

К одному событию усуньской истории, которое наглядно показывает угодливость гуньми и тенденциозность современного автора, хотел бы привлечь внимание. Речь идет о действиях малого гуньми Уцзюту против шаньюя Чжичжи. После того, как в династийной борьбе братьев китайский Двор всецело поддержал Хуханье-шаньюя, ставшего вассалом Китая, Чжичжи в 49 году до н.э. уходит со своими сторонниками на запад, стремясь получить поддержку у Усуни. Китайская хроника сообщает: «Рассчитав, что он собственными силами не в состоянии утвердить спокойствие во владениях хуннов, подался далее на запад к Усунь, и, желая соединиться с ним, отправил посланника к малому гуньми Уцзюту. Уцзюту, зная, что Китай поддерживает Хуханье-шаньюя, а Чжичжи близок к гибели, хотел в угождение китайскому Двору, напасть на него: почему и убил посланника Чжичжи-шаньюя и отправил голову его в место-пребывание наместника, чтобы встретить Чжичжи, выслал 8 000 конницы» /14/. Как видим, даже китайский историк признает, что в основе подлого поступка – убийства посла – лежит угодливость. Вероломный замысел гуньмо – неожиданно напасть на Чжичжи – не удался. Шаньюй наголову разбил войско гуньми. Впоследствии приглашенный в Кангюй Чжичжи своими опустошительными нападениями на Усунь вселяет великий страх, разрушает столицу Усуни – город Чигу. Набеги Чжичжи привели к полному обезлюдению пограничной области Усуни на 1000 ли. Таким образом, источник не

оставляет сомнений и в военной слабости Усунь, постоянно терпевшего поражения от хуннов Чжичжи.

В переводе на казахский язык указанного отрывка китайский историк Н.Мынжан (этнический казах) тенденциозно расставляет акцент и не совсем точно переводит текст: для него гуньми Уцзюту – герой, рыцарь без страха и упрека. Его перевод: «В 49 году до н.э. северный шаньюй Чжичжи, придя с войском на земли усуней, отправил к младшему гуньми Уцзюту посланника и попытался присоединить к себе их земли. Младший гуньми Уцзюту решительно воспротивился этому. Он убил посланника хуннов и голову его отправил в резиденцию наместника. Сам же во главе с 8 000 конницы выступил против Чжичжи и, хотя он не добился успеха, тем не менее, ясно показал, что твердо стоит на защите своих земель» /15/. Замечу попутно, что в этом переводе мы сознательно отказались от казахской транскрипции имен Чжичжи и Уцзюту как совершенно произвольных, а потому неприемлемых в науке.

Китайская хроника “Цяньханьшу” довольно скупо освещает события политической истории периода «великой смуты», вероятно, и не только потому, что они не представляли особого исторического интереса, поскольку являлись чередой заговоров, переворотов, убийств, то есть были событиями одного порядка. Понятно, что при такой обстановке не мог выдвинуться ни великий государственный деятель, ни крупный полководец, способный к великим свершениям. Мелкие деятели жили мелкими интересами. Потому перечислять их грязные и кровавые дела вряд ли достойно описания. Мы остановимся лишь на коротком сообщении хроники, относящемся к I веку до н.э., когда в столицу Китая одновременно прибыли большой гуньми Ичими и хуннский шаньюй. Но уже в 3 г. н.э. Ичими был убит своим соперником. Так выглядел калейдоскоп убийств, измен, предательств в государстве Усунь, начавшийся в середине I в. до н.э. Автор “Цяньханьшу” Бань Гу грустно констатирует: «С того времени как усуньское владение разделено на две части, китайский Двор имел много забот, и ни одного года спокойно не проходило» /16/. На этой грустной ноте китайского историка заканчивается фактически не менее грустная история государства Усунь, имевшего счастливый шанс оставить славное имя в истории, но не воспользовавшегося им, поскольку Усунь не сумело сохранить свою независимость и самостоятельность. Не родился и великий государственный деятель, способный и готовый объединить народ для великого дела. Страна оказалась в руках алчных властолюбцев, продававших и предавав-

них ради своей личной выгоды власть, независимость страны и ее будущее.

Последующая история Усунь, о которой можно говорить лишь условно, практически отсутствует в китайских хрониках, хотя эпизодически встречаются неопределенные упоминания о нем. Так, в “Хоуханьшу” отмечается, что при узурпаторе Ван Мане (7 -23 годы) в результате резкого ослабления Китая, связь с Западным краем, куда входило и Усунь, прервалась, таким образом, Китай лишился вассальных и подвластных ему западных владений, которых вновь подчинили себе хунны. Так продолжалось 65 лет. Позже Китаю изредка удавалось восстанавливать свое влияние в регионе. Так, при императоре Шунь-ди (126-144) Китай подчинил 17 владений, однако Усунь и владения к западу от Луковых гор (Памир) совершенно отложились, отмечает источник /17/. Как видим, хроника IV века н.э. лишь констатирует, что Усунь больше не подчиняется Китаю. В “Бейши” говорится, что при правлении Тхай-янь (435-440 годы) владельцы кучаский, кашгарский, усуньский, юэбаньский, шаньшаньский, харашарский, чешыский и судэский в первый раз отправили к Северному Двору посланников с дарами. Хроника сообщает, что посланники императора (Тун Юань и Гао Мин) встретились с владельцем Усунь, который принял их хорошо, дал проводников и переводчиков в западные страны Полону и Чжеше. По “Бейши”: «Чжеше – есть древнее владение Кангюй от Полоны на северо-запад. С третьего года правления Тхай-янь (438) присылка посланников с дарами не прерывалась». Можно предположить, что Полоня – это государство эфталитов. Выполнив свою миссию, Юань и Мин возвратились на восток. «Усунь, Полоня и пр., всего 16 владений отправили с ними своих посланников с дарами к Северному Двору», говорится в хронике. Очень важна следующая информация: «Усуньский владелец имел пребывание в городе Чигу от Аксу на севере. Жужаньцы несколько раз производили набеги на него, почему он и переселился в Луковые горы (Памир). В третье лето правления Тхай-янь (436) Северный Двор отправил Дун Дин – посланником в Усунь. Впоследствии сие владение ежегодно Северному Двору, присылало посланников с дарами» /18/. Указание о том, что в результате многократных нападений жужаньцев Усунь переселился на Памир, является исключительно ценным свидетельством, как для понимания истории усуней, так и происхождения казахского народа. К сожалению, из сообщения невозможно узнать конкретное время переселения усуней на Памир. Последнее известие об Усунь относится к X веку н.э. Так, в “Ляоши” (938 г.) говорится:

«Тугухунь, Усунь и Мохэ прибыли к Дому Ляо с данью» /19/. Упоминание здесь Усунь является, конечно, анахронизмом, ибо к этому времени ни государства, ни этноса усунь давно уже не было.

Историческая роль Усунь, как государства, по достоверным китайским источникам, как мы видели, была более чем скромна: вначале оно было под властью хуннов, а, добившись относительной независимости, быстро попадает в сферу влияния китайской династии Хань, став послушным, безропотным вассалом Китая. Усунь не играло какой-либо заметной роли в Центральной Азии, как и не оставило яркого следа в истории как держава Хунну, которая по определению китайской исторической хроники, была «величайшим государством между иностранными народами» /20/. Однако А.Н.Бернштам и некоторые казахстанские исследователи склонны были видеть в Усуне могущественного государства древности. С искренней симпатией описывающий кочевников Л.Н.Гумилев характеризует Усунь после I века н.э. весьма нелестно, когда пишет: «По сравнению с Хунну Усунь было государством слабым и ничтожным. Хунну походило на взбаламученное море, а Усунь – на потревоженный пруд. Вся дальнейшая история Усуни состояла из мелких распрей, доносов, измен, предательских убийств и особого интереса не представляет» /21/. Необычайно резкая оценка Гумилева исторической роли Усуни, полагаем, вполне обоснована. В популярной в США и других странах “Краткой всемирной истории” Дж.М.Робертса практически отсутствует история евразийских кочевников, только некоторые из них, наиболее выдающиеся: гунны, авары, хазары, печенеги, куманы (кыпчаки), действительно оставившие яркий след в истории, упоминаются /22/. Как видим, среди них отсутствует усунь.

Источники и литература

1. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1968. С. 43.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 2. Алматы, 1998. С.159.
3. Там же. С. 196-197.
4. Legg S. The Barbarians of Asia. New-York, 1990, P. 5.
5. Бичурин. Указ.соч. С. 160.
6. Там же. С. 154, 196.
7. Там же.
8. Там же. С. 197.

9. Там же. С. 197-198.
10. Там же. С. 199-200.
11. Там же. С. 201.
12. Там же. С. 201-203.
13. Там же. С. 191; Часть 111. С. 56; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 74-75, 175.
14. Бичурин. Том 1. С. 92.
15. Ежелгі Үйсін елі. Үрімжі. 2005. 28-б.
16. Бичурин. Том 2. С. 204-205.
17. Там же. С. 222-227.
18. Там же. С. 249-250, 266-267, 273.
19. Кюннер. Указ. работа. С. 97.
20. Бичурин. Том 2. С. 91.
21. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 168.
22. Roberts J.M. A short History of the World. Oxford University Press. New-York, 1993, P. 173.

2. ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ УСУНЕЙ

Первоначально усунь занимали земли далеко на востоке, на северных склонах Восточного Тянь-Шаня, и только в 120 годы до н.э. переселились в Семиречье, изгнав юэчжей, которые, в свою очередь, овладели этой древней землей саков. Саки вынуждены были мигрировать на юг и юго-запад – Индию и Бактрию. Известный ученый, археолог А.Н.Бернштам оказал большое влияние на формирование концепции казахстанских исследователей по проблеме усуней. Он практически первым открыл культуру саков Тянь-Шаня, Семиречья и Памира. Совместно с археологом М.П.Грязновым им был обобщен историко-археологический материал по эпохе саков и усуней и сформулированы положения, определившие все дальнейшее направление в изучении сако-усуньской проблемы /1/. Бернштам – убежденный сторонник идеи автохтонности усуней в Семиречье, и тождества исседонов и усуней. Он пишет: «По китайской версии, усунь пришли в Киргизию из Восточного Туркестана и вытеснили ранее проживавших там юеджей (юэчжей) и саков. Если бы было такое передвижение, то памятники материальной культуры Киргизии отразили это передвижение племен. Однако этого мы не наблюдаем и наоборот между памятниками III века до н.э.-I век н.э. наблюдается

непрерывная линия развития. Во II веке до н.э. племена усуней-исседонов захватили в свои руки власть и образовали новое мощное объединение кочевников, известное в истории как усуньский племенной союз. Он приобрел значительную силу» /2/. Странно, что автор, правильно передавая известия источников, приходит, однако, к совершенно иному выводу. В рассуждении Бернштама содержится много неясностей, противоречий и даже откровенной передержки фактов. Исседоны – сакское племя – занимали, по мнению казахстанских археологов, в основном, территорию Центрального Казахстана, некоторые исследователи указывали Приуралье и Восточный Казахстан. Против отождествления исседонов и усуней, выступали Умняков, Маргулан и Зуев /3/. Бернштам, как видим, явно недооценивает и даже игнорирует данные письменных источников, чрезмерно преувеличивает роль и значение археологического материала в определении уровня не только социально-экономического развития, но и этнической принадлежности народа. Надо иметь в виду, что автор прекрасно знал китайские источники по фундаментальному труду Н.Я.Бичурина “Собрание сведений...” Опираясь на них, он написал исследовательскую статью об этногенезе народов Северной Азии. Его блестящая вступительная статья в издании труда Н.Я.Бичурина в 1951 году, несомненно, говорит о таланте Бернштама, как об археологе. А потому, полагаем, что идея автохтонности усуней в Семиречье отражает позицию автора.

По мнению Бернштама, «сако-усуньская культура является двумя этапами единого культурно-исторического процесса». Утверждая о тождестве исседонов и усуней, он, однако полагает, что усунь подразделяются на тянь-шаньских и восточно-туркестанских, что именно последние создали во II веке до н.э. государство Усунь в Семиречье. Он поддерживает тюркоязычность не только усуней, но и кангюй и даже саков. К.А. Акишев и Г.А.Кушаев также считают, что «культура саков и усуней – это лишь разные этапы одной и той же культуры этнически родственных племен». Они заявляют о поддержке «положения о тождестве исседонов с усунями китайских источников», заявляя, что «исчезновение со страниц китайских хроник в V-VI веках имени “усунь” не означает исчезновение самого народа, который в продолжение всей истории называл себя этим именем, что «свидетельством многовекового сохранения древнего имени является то, что позднейшие потомки древних усуней, входившие в состав казахских племен Старшего жуза, называют себя так же». По мнению Акишева и Кушаева, «в VII-V веках до н.э. из Центрального Ка-

захстана произошло массовое переселение исседонов в Семиречье, где они окончательно сформировали сакскую культуру. В III веке до н.э. саки теряют свое военно-политическое господство среди племен Семиречья, и племена, входившие в данный союз с этого времени, известны по китайским источникам под именем усунь» /4/. Как видим, вне внимания авторов остаются время и факт переселения усуней в Семиречье. Об автохтонности усуней в Семиречье утверждает и антрополог О.Исмагулов, когда пишет: «с древних времен племя жило в Семиречье и не покидало свою родину ни в период нашествия монголов, ни во время вторжения джунгар». Автор верно относит усуней к европеоидной расе и подразделяет их на две группы: тянь-шаньских и семиреченских, называя последних несовместимым словосочетанием “усуни-юэчжи”, объединив, тем самым, два разных этноса. Другое дело, что часть юэчжей, оставшаяся в Семиречье, вошла в состав государства Усунь, но это не дает основания считать их одним народом. Вместе с тем, большой интерес представляет вывод Исмагулова о том, что племена саков и усуней различаются между собой не только традиционным характером материальной культуры, но и антропологическими особенностями /5/.

Основанное на археологических данных мнение об автохтонности усуней в Семиречье, подвергается сомнению и у самих археологов. Так, известный археолог Ю.А.Заднепровский (в послевоенные годы, будучи студентом Ленинградского университета, участвовал в экспедиции, руководимой Бернштамом), резонно высказывает сомнение об усуньской принадлежности грунтовых захоронений Семиречья. По его мнению, они принадлежат местным сакским племенам, вошедшим в состав усуньского союза. Отмечая, что абсолютное большинство захоронений усуньского периода составляют грунтовые и явное меньшинство – катакомбные и подбойные захоронения, генетически не связанные с могильниками предшествующего, то есть сакского периода, он полагает, что последние захоронения связаны с юэчжи и, собственно, усуньскими. Автор указывает, что подбойные и катакомбные захоронения появляются в большом количестве в долине реки Или и в других районах Северного Тянь-Шаня впервые во II-I веках до н.э., то есть тогда, когда в этих местах, по китайским известиям, появились племена юэчжей и усуней /6/. Как видим, подход автора – не игнорирование, а, наоборот, опора на известия достоверных письменных источников и вывод его представляется убедительным. Точка зрения Ю.А.Заднепровского получает поддержку киргизских исследователей, которые связывают захоронения

в грунтовых ямах с сакским населением, а подбойные и катакомбные — с пришлыми юэчжи и усунями. Основную часть населения Тянь-Шаня и Семиречья в усуньское время составляли местные сакские племена, а пришлые усунь были скорее малочисленны, уверенно заявляют киргизские историки /7/.

Наконец, и казахстанские археологи вынуждены были, правда, совершенно не исследовав проблему, признать неоспоримый исторический факт прихода усуней в Семиречье «на земли саков-тиграхауда в 160 году до н.э.» /8/. Дата указана явно не точно. Историческая наука Казахстана, на наш взгляд, не пережив, не осмыслив по-настоящему научную несостоятельность «теории автохтонности», совершает другую ошибку: добивается признания тюркоязычности усуней и преемственности генетической связи между древними усунями и казахскими уйсунями. Так, в официальной «Истории Казахстана» утверждается о «генетической преемственной связи древних усуней с уйсунями, вошедшими в состав казахского народа» /9/. Даже в научной литературе этноним «усунь» все чаще подменяется этнонимом «уйсун».

Если вопрос о миграции усуней в Семиречье можно считать вполне решенным, то о территории их расселения, как до семиреченского периода, так и после, остается дискуссионным, что требует, естественно, большой исследовательской работы. К сожалению, известия китайских источников, как мы видели, весьма расплывчаты, приблизительны. Первым изучил этот вопрос Н.Я.Бичурин. По нему, после переселения в Семиречье, Усунь занимает территорию от Тэмурту-нора (Иссык-Куль) — на северо-востоке, от Кучи (Аксу) — на северо-западе по южной стороне реки Или. «Город Чигу лежит в 610 ли от Аксу на северо-западе, от Тэмурту-нора на северо-востоке». Заслуживают серьезного внимания и другие его описания пределов Усунь, хотя и он допускает некоторые погрешности. Бичурин отмечает, что Усунь — это название владения, которое с III века до Р.Х. и до VI века по Р.Х. занимало земли на северной стороне Небесных гор (Тянь-Шань), от Тэмурту-нора на востоке до уезда Суй-лай-хань. Он же дает и другое название страны Или, составляющей, по его словам, Илийский округ в Джунгарии. Со времен династии Хань до династии Юань-Вэй в продолжение семи веков сия страна находилась под Домом Усунь, утверждает Бичурин /10/. Если образование государства Усунь в Семиречье произошло в последней четверти II, а не III веков до н.э., то ошибка автора очевидна, как и семивековое их пребывание в регионе. Определение автором территории усуней от озера Иссык-Куль до Джунгарии представляет несомненный интерес.

География расселения усуней дается и в трудах академика В.В.Бартольда. По его мнению, усуни жили в Семиречье, Кульджинском крае и граница между Усунь и Кангюем приблизительно совпадала с границей между Семиречьем и дореволюционной Сырдарьинской областью. Более обширно трактуют ареал расселения усуней А.Н.Бернштам и казахстанские исследователи. Бернштам пишет: «Усунь занимали север Тянь-Шаня и их главная ставка в городе Чигу находилась на берегу озера Иссык-Куль. Несомненно, что склоны Заилийского Алатау (Алматинская область), также находились во владении усуней. Границей с юга был Восточный Туркестан. На склонах Киргизского Алатау по долине реки Талас проходила граница с Кангюй, а на юго-западе они примыкали к Фергане. На севере установить границу трудно, но, во всяком случае, эта граница проходила севернее города Алма-Аты, и по всей вероятности, владения усуней доходили до бассейна реки Или (река Чилик)». Он также утверждает, что усуньский племенной союз занимал в III веке до н.э.-V веке н.э. территорию современной Киргизии, часть Южного Казахстана и Алматинскую область (указание на III век до н.э., конечно, не точно – Б.И.). О.И.Исмагулов считает, что территория государства Усунь простиралась от реки Чу до юго-западной части Тянь-Шаня и от озера Балхаш до южного побережья озера Иссык-Куль, а его западная граница доходила до реки Талас. Ставка гуньмо в городе Чигу находилась на юго-восточном берегу озера Иссык-Куль /11/. В этом разнообразии мнений ученых, естественно, трудно отдать предпочтение кому-либо, ибо каждый из них был по своему прав, заостряя внимание на той или иной детали своего обзора.

На этом фоне, безусловно, привлекает внимание работа О.Л.Боровковой, специально посвященная проблеме расположения владений, государственных образований, в том числе и Усунь, Запада Центральной Азии во II веке до н.э.-VII веке н.э. По ее словам, восточные пределы Усунь находятся примерно на одном меридиане с Карашаром (Яньци), севернее Урумчи (Уаньцили) и простирались до южной окраины Джунгарской равнины. К северу от владений Усунь обитали три племени: уцзе, цзянькунь и динлин. Столица Усуни город Чигу стоит от Вэньсу (Аксу) на 610 ли к северу и находится в районе поселка Шаты, на юге Текесской долины (Нарынкольский район Алматинской области). Граница между Усунь и Кангюй проходит к востоку от озера Иссык-Куль (в другом месте – к западу от Иссык-куля). Три племени к северу от Усуни автор локализует следующим образом: уцзе – около современного Манаса, цзянькунь – северо-западнее уцзе, динлины – южнее озера Алакуль /12/.

В последние годы в изучении усуньской проблемы значительных успехов добились китайские исследователи, в особенности археологи. Отрадно, что многие их труды переводятся в КНР на казахский язык. Так, нам удалось познакомиться с одним из них – сборником статей под названием “Древняя страна усуней” (2005 г.). Статьи, хотя и не охватывают всю проблематику усуневедения (в сборнике – уйсуневедение), однако в них профессионально исследованы такие важные вопросы как расселение усуней, политическая и этническая история, местоположение усуньской столицы, антропологическая характеристика усуней, хозяйство, археологическая культура и пр. В предисловии, написанном Ж.Мырзаханулы, признается, что ряд видных ученых высказывались против отождествления терминов “усунь” и “уйсун”, что некоторые западные и советские исследователи пытались найти параллельные наименования “усунь” в формах: асии, асиан, асман, исседон и т.д., и что эти взгляды нашли поддержку и у части китайских ученых. – Но усунь, – справедливо утверждает он, – это самобытный древний этнос. Что касается вопроса расселения усуней, то, на его взгляд, именно бассейн верхнего течения Или, где в настоящее время расположена Илийская казахская автономная область КНР, может быть признана центральным районом государства Усунь /13/. Разумеется, этот вывод автора не бесспорен, он нуждается в дальнейшем серьезном изучении.

Китайский исследователь Мын Фэнрин (просим извинения за возможное искажение фамилий китайских авторов, ибо мы использовали казахскую транскрипцию, приводимую в сборнике – Б.И.) основным местом обитания усуней в период Поздней династии Хань считает бассейн рек Нарын, Текес и Юлдуз, что на территории современной КНР. Древняя земля усуней находилась между Восточным Тянь-Шанем и Дахатой (Дунь-хуан), откуда они в 130 году до н.э. переселились на запад в бассейн реки Или, а их родина – Восточный Тянь-Шань – была занята хуннами, считает Чын Шылян. В 126 году или несколько позже Усунь становится независимым государством. Автор достаточно обоснованно подвергает сомнению версию источников о родине усуней в Хэсийском коридоре (между Дунь-хуан и Чилиан-шань). Мын Фэнрин также полагает, что древняя земля усуней находилась в Восточном Тянь-Шане на его северных склонах в районе города Бешбалык. Он же исследует вопрос о местоположении столицы Усунь – города Чигу. Отметив, что по этому поводу существуют две точки зрения среди исследователей (вероятно, китайских – Б.И.): одни располагают город в бассейне реки

Текес, другие – Нарына, и что большинство ученых поддерживают вторую точку зрения. По мнению автора, Чигу располагался на юге Текеса, севернее современных районов Онсу и Учтурпан КНР /14/.

Большой интерес представляет исследование Ма Мэнли о переселении усуней из Семиречья на Памир – один из самых злободневных и оспариваемых казахстанскими археологами и историками вопросов, несмотря и вопреки данным достоверных письменных источников, например, “Бейши”, где говорится, что усунь, не выдержав давления жужан, переселились на Памир. Говоря, что этим вопросом занимаются как китайские, так и японские ученые, он отмечает, что пока они не пришли к единому мнению. Дискуссия, считает Ма Мэнли, касается трех проблем: время ухода усуней из Северного Тянь-Шаня на Памир: кто же заставил их покинуть родину – сяньбийцы или жужаны? Роль Юэбань в переселении усуней. Две позиции, заявляет он, существуют по ним: сторонники первой убеждены, что усунь переселились под давлением жужан в 1 четверти V века н.э., стоящие на второй – усунь, ушли с родных мест на Памир задолго до V века под натиском сяньбийцев. Автор выдвигает свою версию о миграции усуней, считая ее не единовременным, а долговременным актом, который он подразделяет на три этапа. Первый этап связан со временем повелителя державы Сяньби Таньшихая (136-181). Именно при нем усунь начинают испытывать давление сяньбийцев и постепенно отступают на запад. На втором этапе, в начале IV века, они уже занимают центральные районы Тянь-Шаня, то есть запад и юго-запад Иссык-Куля. Третий этап связан уже непосредственно с экспансией жужан – начало V века. Под их давлением часть усуней переселяется из Центрального Тянь-Шаня на Памир /15/. Версия китайского исследователя представляется убедительней и потому предпочтительней, чем другие.

Еще один вывод Ма Мэнли не только вызывает большой интерес, он помогает понять и удостовериться в факте переселения усуней на Памир и по-новому взглянуть на историю и происхождение казахского народа. Речь идет о взаимоотношениях усуней и юэбань, о проникновении последних в Семиречье – на земли усуней. Юэбань, как уже было отмечено выше, представлял “слабосильных” хуннов на Тарбагатае, отставшихся от основной массы “северян”, ушедших в конце I века н.э. на запад в Кангюй. Согласно “Бейши”, он находился от Усунь на северо-западе, от Кучи (Аксу) на севере. Юэбань воюет с жужанами, в 426 году отправляет посольство в Китай с предложением «учинить нападение на жужан в одно время и

с востока, и с запада. Император Тхай-ву, одобрив это предложение, приказал и внутренние, и заграничные войска поставить на военную ногу, и князя Тхо назначил предводителем передового корпуса против жужан» /16/. Интересно, что по данным китайской хроники, район расселения юэбань в определенной мере совпадает с восточными пределами Усуни. Ма Мэнли не без основания предполагает, что земли от северных склонов Тянь-Шаня до Семиречья принадлежали усуням. Следовательно, можно допустить, что «слабосильные» хунны-юэбань в течение некоторого времени подчинялись Усунь. Только после ухода усуней на Памир их земли заняли потомки северных хуннов, которые создают здесь свое государство под названием Юэбань. По мнению Ма Мэнли, Юэбань образовался в IV или, самое позднее, в начале V века. /17/. Таким образом, если вывод китайского ученого верен, то у нас нет оснований сомневаться в этом. Земли усуней, включая и Семиречье, занимают юэбань. Занятие ими усуньских земель, вероятно, происходило не в результате войны, а мирно и в течение длительного времени по мере ухода усуней со своих земель.

Занятие хуннами-юэбань Семиречья во многом проясняет истоки казахского этногенеза. По происхождению и этнической принадлежности хунны были первым историческим тюркским этносом, который с I века до н.э. по II век н.э. мирно занимал территорию Центрального и Западного Казахстана. И, наконец, потомки северных хуннов под названием юэбань, на наш взгляд, также мирно занимают Юго-Восток Казахстана. Указать точное время этого исторического события ввиду отсутствия конкретных данных письменных источников затруднительно или даже невозможно, но, принимая во внимание вывод Ма Мэнли, можем сказать, что оно произошло в IV или в начале V веков н.э. Следовательно, искать древние корни казахского народа, в покинувшем территорию Казахстана народе – усунях, противоречит не только известиям аутентичных китайских письменных памятников, но и элементарной логике.

Источники и литература

1. История Киргизской ССР. В пяти томах. Том I. Фрунзе, 1984. С. 34.
2. Бернштам Н.А. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 7-10; Он же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941.

С. 32-34.

3. Доватур А.И. и др. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 254
4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1962. С. 4, 20, 135, 143.
5. Исмагулов О. Этническая геногеография Казахстана. Алма-Ата, 1972. С. 11-12; Он же. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970. С. 52
6. Страны и народы Востока. Выпуск X. М., 1971. С. 30.
7. История Киргизской ССР. Том I. Фрунзе. 1984. С. 160-161.
8. Байпаков К.М. и др. Археология Казахстана. Алма-Ата, 1993. С. 138.
9. История Казахстана. Том 1. С. 258.
10. Бичурин. Указ. работа. Том 2. Алматы, 1998. С. 154-156; Том 3. С. 32, 58, 79.
11. Бартольд В.В. Соч., Том III. С. 26; Бернштам. Археологический очерк... С. 35; Он же. Очерк истории гуннов. С. 10; Труды ИИАЭ АН Казахской ССР. Том 16. Алма-Ата, 1962. С. 168.
12. Боровкова О.Л. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в.н.э. Л., 1989. С. 62-65, 70.
13. Ежелгі Үйсін елі. Кытай деректелері мен зерттеулер. Үрімжі. 2005. 7-б.
14. Сонда. 7, 117-бб.
15. Сонда. 87-91, 121-бб.
16. Бичурин. Том 2. С. 267-268.
17. Ежелгі Үйсін елі. 87-91, 121-бб.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ УСУНЕЙ

В науке утвердилось в целом мнение об европеоидности усуней, подтверждающееся материалами археологических изысканий. Так, по данным краниологических исследований казахстанских археологов и антропологов, 82% обнаруженных черепов из памятников усуней Илийской долины, относились к большой европеидной расе, и лишь 17% – к монголоидам. Специалисты пришли к выводу, что основную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня в усуньское время составляли местные сакские племена. Они одновременно под-

черкивают, что усуньский племенной союз, будучи полиэтническим образованием, включал в свой состав усуней, саков и юэчжей /1/. В китайских источниках нередко отмечается расовая близость саков и усуней и это, вероятно, побудило Н.А.Аристову, сделать более чем широкое обобщение: «саки не различались от усуней ни одеждою, ни обычаями и, по-видимому, языком, надо полагать, они были тюрки» /2/. Если даже принять во внимание определенные бытовые сходства близких по расовому происхождению саков и усуней, то тюркоязычность последних и даже их тюркское происхождение вызывают сильное сомнение. Мы уже отмечали, что антрополог О.И.Исмагулов, утверждая европеоидность саков и усуней, одновременно подчеркивал их различия не только в характере традиционной материальной культуры, но и в антропологическом типе.

Об европеоидности усуней, их этнической неоднородности свидетельствуют и редкие известия китайских хроник. Так, “Шицзи” сообщает, что от Давани (Ферганы) до Аньси (Парфии), хотя и говорят различными наречиями, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга. Вероятно, этим общим языком был иранский, его различные диалекты. Вполне возможно, что широкое распространение получил и тохарский язык особенно в Восточном Туркестане. Что касается расового типа жителей, то в “Бейши” говорится, что от Гаочана (небольшое владение к западу от Дуньхуана на 13 дней пути), жители имеют впалые глаза, высокий нос, то есть европеоидные признаки, только в Хотане обликом не походят на ху (жители западных земель), а более похожи на китайцев /3/. Таким образом, если в Хотане – городе в Восточном Туркестане, жители имеют монголоидный облик, то к западу от Гаочана вплоть до Парфии, население было европеоидным. В “Цяньхяньшу” есть прямое указание на этническую неоднородность усуней, которые заняли Семиречье, изгнав оттуда юэчжей, последние, в свою очередь, вытеснили саков. Остатки юэчжей и саков вошли в состав усуней. «Поэтому усуньский народ имел сзскую (сакскую) примесь, а также примесь Больших юэчжей». Это отрывок из перевода Кюнера. У Бичурина он звучит несколько по-иному: «Посему-то между усуньцами находятся отрасли племен сзского и юэчжийского» /4/. Как видим, переводы одного и того же отрывка, на наш взгляд, несут разные смысловые нагрузки: у Кюнера речь идет о метизации, в то время как Бичурин подчеркивает сохранение среди усуней остатков саков и юэчжей. В любом случае данное сообщение не проясняет вопроса о происхождении и этнической атрибуции усуней.

В этом плане сообщение Янь Шигу (VII век), комментатора “Цянь-ханьшу”, дает более четкое указание на европеоидный тип усуней: «Усуньцы обликом весьма отличаются от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян – суть потомки их» /5/. Если не принимать во внимание восприятие китайцем Янь Шигу чуждого и странного физического облика другой расы (похожие на обезьян), то европеоидность усуней вполне очевидна. В сочинении “Илинь” (“Лес диковинок”) дается вполне своеобразное описание внешнего вида усуньских женщин, у которых «глубокие глаза, они черные и безобразные, это и есть отличительная черта их наружности» /6/. Таким образом, можно утверждать, что и данные письменных источников позволяют говорить об европеоидности усуней.

Что касается этнической атрибуции усуней, то здесь мнения исследователей расходятся: одни – их большинство, признают их ираноязычными, другие – тюркоязычными. Упорно, но недостаточно обоснованно, выступают за тюркоязычность усуней казахстановеды. Так, авторы “Истории Казахстана”, думаю, лукавят, когда утверждают, что большинство востоковедов поддерживают точку зрения французского ученого А.Ремюза о тюркоязычности усуней. При этом они ссылаются на гипотезу известного казахстанского востоковеда Ю.А.Зуева. Это заявление содержит, по крайней мере, две ошибки: во-первых, Абель Ремюза, как и Ю.Клапрот в отличие от В.В.Радлова и Н.А.Аристов, считавших усуней тюрками, не признавали их тюркоязычность, считая усуней арийцами, то есть европеоидами; во-вторых, они придали гипотезе Зуева слишком обобщающий характер и оценку. Между тем сам автор не был столь категоричен. Справедливо отметив, что китайские источники, несмотря на всю их ценность, не дают прямого ответа на вопрос о языке усуней, что дошедшие до нас древнеусуньские слова в китайской транскрипции, а впоследствии и материалы археологических раскопок, послужили основанием для самых различных, иногда совершенно противоположных друг другу предположений, он заявляет: «Лингвистический анализ усуньских титулов, имен и географических названий свидетельствует о тюркоязычности если не всего состава усуньского племенного союза, то, во всяком случае, его господствующего племени». Как видим, весьма осторожный вывод автора не дает оснований казахстанским историкам для категоричного утверждения о тюркоязычности усуней. К тому же, вывод Зуева порождает неожиданный вопрос: о каком господствующем племени может идти

речь кроме усуней, которым подчинялись остатки саков и юэчжей в Семиречье? С другой стороны, даже это осторожное предположение автора, основанное на названиях усуньских титулов, имен, географических наименований, дает “трещину” уже тому, что титул, например, “бий”, оказался совершенно позднего происхождения, чем усуньское время. Горячий сторонник тюркоязычности усуней Бернштам был вынужден признать: «Бартольд прав, когда он критикует попытку К.Ширатори в последней части титула гуньмо видеть транскрипцию тюркского бей, известное лишь в XVI веке» /6/.

К сожалению, произвольная интерпретация исторических терминов продолжает иметь место в казахстанской историографии. Так, стараниями наших историков и не историков, титул гуньмо, гуньми переводят без должного объяснения, только по сходству созвучия слов гунь – кун, ми – бий (казахский феодальный титул, означающий родоначальника и судью – Б.И.), образовав, таким образом, совершенно новое словосочетание – кунби (солнечный бий, бий солнца). Между тем, в хронике “Цяньханьшу” говорится: «Гуньмо есть титул владетеля, а имя его Лейгяоми после стали писать гуньми». По словам Янь Шигу, «гуньмо есть, собственно, титул владетеля, а имя его Лейгяоми, почему и пишут гуньми, выговаривая от первого слова начальный слог гунь, а от второго последний слог ми. После сего слово гуньми превращено в титул» /7/.

Более внимательное объективное изучение творческого наследия Чокана Валиханова, думаем, давно бы избавило казахстанских исследователей от «детской болезни», навязчивой идеи отождествления древних усуней и казахских уйсун. Действительно, еще в середине XIX века Валиханов писал: «Киргизы (казахи) Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсун, родоначальником своим считают Майкы-бия – современника Чингисхана». Казалось бы, все здесь ясно, однако сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР спешат «деликатно» его поправить, заявив: «Под именем уйсун Ч.Валиханов, в данном случае, имел в виду усуней – одно из древнейших племен, обитавших на территории современного Казахстана. Первые известия о них появляются в конце II века до н.э. В это время они обитали в Семиречье и Восточном Туркестане. Это было могущественное объединение, проводившее самостоятельную внешнюю политику. Вопрос о языке усуней спорен, существует предположение об их тюркоязычности и ираноязычности. Имеются достаточные основания, констатировать этническую преемственную связь древних усуней с уйсунями, во-

шедшими в состав казахского народа» /8/. Таково было концептуальное представление казахстанских историков о соотношении усуней и уйсун, подтвержденное и в «Истории Казахстана». И совсем уж не деликатно поправляет Ч.Валиханова этнограф Э.А.Масанов, когда пишет: «Он (Ч.Валиханов) ошибался, считая усуней... по происхождению монгольским племенем» /9/. Чокан справедливо называл уйсун, а не усуней, по происхождению монгольским племенем, следовательно, не Чокан ошибался, а ему ненамеренно или сознательно приписывали это утверждение. Правоту Ч.Валиханова мы попытались показать в нашей работе, специально посвященной проблеме усуней /10/.

Чокан Валиханов четко отличает уйсун от усуней. Ссылаясь на «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (XIV век), он отмечал, что уйсун встречаются под именем уйшин (хушин) и входят в число десяти монгольских племен, происшедших от норунов и киятов, допустив однако некоторые неточности. Так, племен первого подразделения коренных монголов (дарлекин) было не 10, а 18, среди которых были и ушин, а не уйшин, как у Валиханова, думаем, что это редакционная поправка составителей ПСС Валиханова. Второе подразделение называлось нирун, а не норон, и состояло из 16 племен, одним из которых было племя кият. Большая орда, отмечает Валиханов, состоит из четырех основных родов: дулат, джалаир, албан и суван (суан), и все они совокупно и в виде нарицательного имени называются уйсун. Эта констатация соответствует действительности. Однако дальнейшая нить рассуждений автора представляется не совсем ясной и нуждается, на наш взгляд, в дополнительном разъяснении. По словам Ч.Валиханова, название уйсун произошло от имени сильнейшего племени, принадлежавшего к союзу вышеупомянутых родов, но, впоследствии присоединившихся к джунгарам и уйгурам. Остатки их и ныне принадлежат в качестве отделения к роду дулат и называются сары-уйсун /11/. Полагать, что здесь под именем уйсун Валиханов подразумевает древних усуней – нет оснований, хотя бы потому, что для него не только уйшины, но и дулаты, суваны являются племенами монгольского происхождения. С другой стороны, он ясно указывает о «движении народа усунь с границ Китая в нынешний Илийский округ (в нынешние места кочевья Большой киргизской орды), о котором упоминают китайские историки еще за два века до Р.Х.» /12/. Как видим, усунь в понимании Ч.Валиханова, народ не только иного происхождения, чем уйсун, но и гораздо более древний.

В конце XIX века первым попытался обосновать тождество усуней и уйсун Н.А.Аристов. Исходя из генеалогического подхода, он видит в сары-уйсунах потомков древних усуней. Их малочисленность (всего 1500 кибиток, в то время как дулаты составляли 40 000, джалаиры – 17 000) и низкое их социальное положение в Старшем жузе (они занимали самые пустынные земли) он объясняет древностью их происхождения. «Поколение сары-уйсун есть прямое потомство древних усуней», – утверждает он. По его словам, сары-уйсуны после распада усуньского племенного союза удалились из среды кара-киргизов и пристали к канглы, а потом к дулатам. Его смущало, вероятно, отсутствие в составе Старшего жуза племени, и даже рода с названием уйсун. Чтобы как-то объяснить происхождение собирательного названия Старшего жуза – уйсун, он выдумывает баснословную историю сары-уйсунов, считая ее отражением народных преданий. Наименование Большой орды – Уйсуновскою, пишет он, объясняется естественнее сохранившейся в народе смутной памятью о том, что земли Большой орды в древности были заняты народом, носившим имя усунь, и что поколение сары-уйсун есть прямое потомство этого древнего народа. Характерно, что автор этой фантастической гипотезы (поверить, что большеордынцы обладали способностью запомнить хотя бы смутно имя народа, жившего в Семиречье за тысячу лет до них, означало бы наделить их сверхчеловеческой памятью), признает, что наименование Старшей орды – Уйсуновскою не встречается ранее настоящего столетия, то есть XIX века. Тем не менее он продолжает утверждать, что «нет причин, по которым можно было бы отрицать его более раннее существование» /13/. Вероятно, Аристов был знаком с работой Чокана Валиханова о Большой орде и упоминаемый им могущественный усуньский племенной союз, на самом деле, мог быть могущественным доглатовским союзом в Моголистане. Доглаты фактически правили страной. Историю и деяния беков-доглатов ярко и достоверно описал в своем сочинении “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар (XVI век). В таком случае станет понятным, почему после распада указанного союза отдельные роды ушли к уйгурам и джунгарам. Почему же у наших авторов союз называется усуньским, а не доглатовским? Сие остается загадкой. Можно только предположить, что ликвидация политического могущества доглатов (дулатов) в результате многократных нашествий Тимура в XIV веке, образование Казахского ханства во второй половине XV века, перемещение политического центра ханства с запада (Сарайчик) в Семиречье, переселение дешткипчак-

ских уйсун в Семиречье, где они становятся главной опорой казахских ханов и султанов, привели к тому, что уйсун приобрели большую политическую силу, и по названию этого племени Старший жуз впоследствии стал именоваться Уйсун. Реальная политическая ситуация XV-XVI веков, вероятно, заставила народную память забыть о могущественном дулатовском союзе и заменить его уйсунским /14/. Что касается генетической связи древних усуней с уйсунскими, то эта искусственная конструкция – плод авторского воображения.

Если Аристов гипотетически видит лишь в сары-уйсунах потомков древних усуней, то о происхождении киргизов от усуней, их тождестве, он высказывается весьма уверенно. На основании известий китайских источников он считает, что нынешние кара-киргизы являются прямыми потомками, пришедших в Западный Тянь-Шань из Средней Монголии за полтора столетия до Р.Х. усуней, составлявших лишь часть коренных кыргызов, отделившуюся от оставшегося на Енисее народа. Усунский народ в Средней Монголии, считал Аристов, состоял не из одних кыргызов, а представлял союз тюркских родов, во главе которого стоял усунский отдел кыргызов. Справедливости ради следует сказать, что Аристов признает «отчасти гипотетический характер своих выводов» /15/. Теоретические положения Аристова не выдержали испытания временем. В.В.Бартольд, отмечая отдельные плодотворные, иногда блестящие гипотезы, считал, что в большинстве случаев утверждения Аристова остаются столь же спорными как и опровергнутые им теории. Бартольд в частности выражал сомнение в правомерности отождествления казахских уйсун с древними усунями, кангюй (китайских источников) – с канглы /16/. В советской исторической науке гипотеза Аристова, отождествлявшая древних кыргызов с усунями, была оценена «весьма малообоснованной» /17/, не случайно поэтому в исследованиях этногенеза киргизского народа усунский компонент практически отсутствует. Однако по-иному развиваются события в исторической науке Казахстана. Идеи Аристова получили здесь большой резонанс в работах Мухамеджана Тынышпаева, знатока народных преданий, одного из лидеров “Алаш-Орды”.

Мы уже отмечали о влиянии Н.А.Бернштама на казахстанских исследователей. В свою очередь, Бернштам был активным сторонником идеи С.П.Толстова, который в 30-е годы стал «одним из радикальных представителей марксистского направления в этнографии» /18/. В период “расцвета” учения академика Н.Я. Марра (1864-1934). Толстов высоко оценивал его вклад в развитие не

только языкознания, но и исторической науки, говоря, что путь к решению проблем этногении народов Средней Азии, намеченный Марром, убедительно показавшим глубинные связи тюркских языков с языками Средиземноморья, черт сходства между тохарским языком древних документов, открытых в Восточном Туркестане и хеттским языком, и языками Кавказа. Когда же “яфетическая теория” (“Новое учение о языке”) Марра в языкознании в начале 50-х годов подверглась разгромной критике И.В.Сталина, Толстов дистанцировался от марровской “стадиальной теории”, сводившей смену культур на той или иной территории лишь к автохтонному процессу, признавая в то же время, что в историко-археологической, этнографической литературе прочно удерживалось положение Марра о стадиальности языков.

В 1938 году Толстов, не без влияния “стадиальной теории”, высказал идею, которая надолго определила теоретическую базу исследований древней и средневековой истории народов Средней Азии и Казахстана. Он отмечал, что традиционная концепция этногенеза народов Средней Азии базируется на этно- и плоттогонических построениях сравнительного языкознания и потому она резко разрывает историю древних народов и народов средневековья и нового времени, делая исключение лишь для таджиков, которые одни рассматриваются в качестве потомков древнего коренного населения Средней Азии. «Что же касается тюркоязычных народов Средней Азии – узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, казахов – то они неизменно рассматриваются как потомки поздних пришельцев с востока, отгеснивших и лишь частично ассимилировавших древних “иранских” кочевников среднеазиатских степей и “иранское” оседлое население», – писал он. Толстов утверждает о прямой преемственной связи современных народов Средней Азии и Казахстана с древним населением региона. «История согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, массагетов, саков, усуней, эфталитов, тюрков древней Средней Азии – это история прямых предков народов цветущих республик Советского Востока, народов, показавших на деле, что в их лице мир имеет достойных потомков, создателей блестящей культуры среднеазиатской античности», – подчеркивает автор. Не будем слишком строги и забывать, что идея Толстова, прямо вытекающая из “теории автохтонности”, была выдвинута в особой политической обстановке: демагогического всплеска после принятия Конституции СССР в 1936 году – “самой демократической в мире” – образования новых союзных республик, в том числе и Казахской ССР, кампании

по поводу школьных учебников по истории, которые не должны быть «историей только одного великороссийского народа» /19/.

Вывод Толстова, заключавший в себе больше политического пафоса, чем научной достоверности, был с восторгом принят этнографами, археологами и историками национальных республик. Так, этнограф Э.А.Масанов через тридцать лет пишет: «Впервые верный путь изучения казахов указал С.П.Толстов в статье “Основные вопросы древней истории Казахстана”. С тех пор проблема этногенеза казахов стала тесно увязываться с проблемой происхождения и историей массагетов, саков, усуней и других племен казахских степей Среднеазиатского междуречья и Семиречья» /20/. Как видим, в перечне древних народов у Толстова и Масанова отсутствует этнос, положивший начало процессу тюркизации древнего европеоидного ираноязычного населения Средней Азии – хунну (гунны). Тем самым закладывается неверная версия генезиса казахского народа по общему признанию, тюркского – по происхождению. Благодаря “установке” Толстова (С.П.Толстов был не только крупным ученым: археологом и этнографом, но и организатором науки в 1943-1966 годах, возглавлял Институт этнографии АН СССР, поэтому оказывал реальное влияние на позиции ученых) в казахстанике до сих пор доминирует мнение о решающей роли усуней не только в этногенезе казахского народа, но и в истории его государственности.

Не только казахстанские ученые, но и некоторые китайские исследователи, в основном этнические казахи поддерживают идею преемственной связи древних усуней и казахских уйсун. Так, по утверждению Ж.Мырзаханулы, древнейшие корни казахов восходят к усуням /21/. Современный китайский историк Су Бэйхай считает древних усуней не только тюркоязычным народом, но и прямым предком казахов. При этом он ссылается на известного китайского историка XIX века Хэ Цютао, утверждая, что этнонимы “казах” и “усунь” являются синонимами /22/. Ссылка автора на Хэ Цютао совершенно неправомерна. Насыщенный известиями китайских источников труд Хэ Цютао “Шофан-бэйчен”, был издан в 1851 году. Пространные отрывки из него приводятся в книге Н.В. Кюнера, поэтому у нас есть возможность не только сличить вывод Су Бэйхая, но и указать ему на недобросовестность, если все это не проделки казахского переводчика. В своей работе Хэ Цютао доказывал близость и даже тождество кангюй и казахов, а не казахов и усуней. Называя казахов – касакэ, он писал: «Восточные границы Кангюя (Канцзюя) находились в нынешних землях касакэ. Казахская страна – собствен-

но земля древнего Кангюя. Поэтому их кангюйские сохранившиеся обычаи передавались из поколения в поколение и делались казахскими» /23/. Поражает таким образом не ошибка Су Бэйхая, удивляет подобострастие и невежество переводчика, который пишет: «Положения автора по этнической истории казахского народа основаны на неопровержимых фактах. В этом направлении он сделал девять открытий. Генезис казахского народа восходит к усуням эпохи Хань, которые сыграли решающую роль в формировании казахского народа; он всесторонне доказал, что казахский народ сформировался не в XV веке, как говорят, а во II веке до н.э...» /24/. Мы не стали перечислять всех “открытий” Су Бэйхая, думаем, достаточно указанных, чтобы понять направление его мыслей.

Ч.Валиханов и В.Вельяминов-Зернов научно обосновали время формирования казахского этноса XIV-XV веков. Никому пока не удалось, и не удастся опровергнуть этот научный вывод.

Отдельные высказывания историков-казахов из КНР представляются не только неубедительными, но и ошибочными. Так, к древним тюркоязычным племенам они относят саков, усуней, кангюйцев, аланов. По убеждению Н.Мынжана, племенные объединения кангюйцев и усуней составили основу казахского народа. Если учесть, что оба этноса были по происхождению европеоидными и ираноязычными, то беспочвенность утверждения автора очевидна. Наконец, совершенно невозможно согласиться с произвольным переименованием этнонимов: кангюй в канглы, юэчжи – в иозы или иузы, Больших Юэчжей – в Большой жуз, Малых Юэчжей – в Младший жуз /25/. Такие вольности способны только дискредитировать историческую науку, превратить ее в предмет спекуляций.

Исчезновение усуней с исторической сцены, отсутствие в последующие века конкретных известий о них, вызывало у историков понятное чувство недоумения, порождало желание отыскать следы их в ныне живущих народах. Одной из таких версий, как мы видим, было стремление к отрицанию самого факта ухода усуней из Семиречья и, наоборот, утверждение о вхождении их в состав казахского народа. Научно недостоверный характер этой версии мы и попытались доказать. Однако самым оригинальным, правильнее сказать, курьезным представляется мнение некоторых историков прошлого. Так, китайский историк Хэ Цютао развивает точку зрения, высказанную еще в монгольскую эпоху о том, что усуня являются предками русских. С их появлением на китайской границе в XVII веке эта версия становится еще более актуальной. Необычный внешний вид русских вы-

зывает у китайцев любопытство, они начинают искать в своей богатейшей истории народ, похожий на русских. Хэ Цютао пишет: «Учтя сходство их наружности, и исследуя переход звуков в названиях их государств, узнаем, что олосы (русские) в действительности потомки усуней». Он приводит колоритное словесное описание русских из сочинения XVII века «Любяньцзилио»: «Алосы, также пишут олосы, это лоча (русские). Их (русских) называют лаоцянь: они люди с голубыми глазами, выдающимся носом, рыжей курчавой бородой, с длинным телом; много силы, но любят поспать и когда спят, не сразу просыпаются». Говоря об отдаленности родины усуней – Семиречья от Московского государства, Хэ Цютао резонно отмечает, что этот аргумент не убедителен, поскольку ойраты-торгоуты (калмыки) оказались также далеко на западе как и, мол, усунь. Версия китайского ученого сегодня кажется научным курьезом, однако в 1940 году профессор В.Анучин также утверждал, что Усунь – это Русь, русские, а динлины – это скандинавы /26/.

Хозяйство, общественный строй, нравы, быт, обычаи и верования усуней в источниках представлены по сравнению с хуннами очень скупо. Основным направлением хозяйства усуней было скотоводство, главным образом, коневодство. У отдельных богатых людей поголовье лошадей доходило до 4-5 тысяч. Следует заметить, что страна славилась не только многочисленностью лошадей, но и их породистостью, о чем свидетельствуют данные письменных источников и материалы археологических изысканий. Так, золотые пластинки с изображением всадника, найденные в Тенликском кургане (Восточное Семиречье), дают яркое представление о породе усуньских лошадей. Судя по изображению, это были крупные высокие лошади с хорошо развитой мускулатурой, массивной головой /27/. Бронзовая скульптура “Коня, летящего словно птица”, относящаяся к эпохе Поздней Хань, была обнаружена при раскопке кургана в провинции Ганьсу. Она приобрела мировую известность после ее демонстрации в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. По мнению специалистов, статуя была создана по образу легендарных коней Усуни, и вызывает мечты о Великом Шелковом пути /28/. Усуни не были “чистыми” кочевниками, которые по китайским известиям «перекочевывают с места на место». Вероятно, часть населения была оседлой и занималась земледелием, было развито ремесло. В источниках часто повторяются известия о столице Усуни городе Чигу, как о ставке или орде гунями. Известия китайских источников о государственном устройстве Усунь неполны, отрывочны. Относительно

подробно говорится о верховной власти, представленной гуньмо, а после разделения страны – двумя гуньми. Потому трудно представить систему правления у усуней, хотя источники приводят названия государственных чинов: сян-да-лу, цзо-да-лу, ю-да-лу, два гян, три хэу, да-гянь, ду юй, два дагянь, один да-ли, два шечжун, один ки-гюнь. Так упомянутый выше внук гуньмо, после его смерти унаследовавший престол и женатый на китайской княжне, носил титул Сэньцзу, имя его было Гюньсюйми /29/.

Таким образом, мы можем констатировать, что древний этнос китайских источников “у-сунь”, населявший до нашей эры северный склон Восточного Тянь-Шаня, был покорен хуннами и при поддержке последних, вытеснив юэчжей из Семиречья, занял их землю. Относительная независимость Усунь в Семиречье продолжалась недолго – он становится вассалом династии Хань. Под давлением сяньбийцев, жужан усуней постепенно уходят на юго-запад: сначала в район Центрального Тянь-Шаня, позже – на Памир (V век), где они, вероятно, смешались с предками таджиков. Семиречье, по мере ухода усуней, занимают хунны-юэбань Тарбагатай. Не вызывает сомнения европеоидный тип усуней. Можно полагать, что язык их был иранским или тохарским, но никак не тюркским. По мнению американского историка Стюарта Легга, усуней как и юэчжи были европеоидами и относились к носителям индо-европейской языковой группы /30/. Предположения о тюркоязычности усуней, о генетической преемственной связи их с казахскими уйсунами не выдерживают научной критики. Соотношение этнонимов усунь и уйсун, этимология термина уйсун, появление их в Семиречье и политическая роль и некоторые другие вопросы мы подробно рассматриваем в нашей работе “Усунь и этногенез казахского народа” (2006 г.)

Источники и литература

1. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура долины р.Или. Алма-Ата, 1962. С. 277; История Киргизской ССР. В пяти томах. Том 1. Фрунзе. 1984. С. 147, 411.
2. “Живая старина”. Выпуск III и IV. СПб, 1894. С. 460.
3. Бичурин. Указ. работа. Том 2. С. 166, 254.
4. Кюнер. Указ. работа. С. 95; Бичурин. Том 2. С. 196.
5. Бичурин. Том 2. С. 196.
6. История Киргизской ССР. Том 1. С. 411; История Казахстана.

- Том 1. С. 268; Бартольд В.В. Соч., Том 2, часть 1. С. 26; Вестник АН КазССР, 1957, № 5. С. 72-73; Известия АН КазССР. № 67. Серия историческая. Выпуск 2, 1949. С. 96; Бернштам Н.А. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 108.
7. Бичурин. Том 2. С. 199.
8. Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1987. С. 10-11.
9. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 311.
10. Ирмуханов Б.Б. Усунь и этногенез казахского народа. Алматы, 2006.
11. Валиханов. Указ. работа С. 253-254.
12. Там же.
13. "Живая старина" Выпуск III-IV. СПб., 1894. С. 394, 396, 424; Выпуск III-IV. СПб, 1896. С. 283.
14. Более подробно см.: Ирмуханов Б.Б. Из истории казахов: "Аз" – Жанибек, Казахское ханство и жузы. Алматы, 2001.
15. "Живая старина", 1894. С. 394, 396, 423, 450-451.
16. Бартольд. Том IV. С. 101; Том V. С. 266.
17. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. С.1 58.
18. "Этнографическое обозрение", 2007, №1. С. 185
19. "Вестник древней истории", 1938, № 1. С. 296, 201; 1950, № 1. С. 10. № 4. С. 201.
20. Масанов Э.А. Указ. работа. С. 311.
21. Ежелгі Үйсін елі. 5-б.
22. "Казак тарихы", 1998, № 1. 5-б.
23. Кюннер. Указ. работа. С. 174.
24. "Казак тарихы", 1998, № 1.5-б.
25. Мынжан Ныгмет. Казактын кыскаша тарихы. Алматы, 1994. 9-10, 12, 58-66.
26. Кюннер. С. 69-70; Труды Самаркандского ГПИ. Том 1. 1940. С. 147.
27. История Казахстана. Том 1. С. 251.
28. Chi Muqi. The Silk Road: past and present. Beijing, 1989. P. 2.
29. Бичурин. Часть III. С. 191; Том II, 1998. С. 199.
30. Legg S. The Barbarians of Asia. Dorset Press. New-York, 1990. P. 76, 96.

КАНГЮЙ И ЯНЬЦАЙ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности населения Кангюя и Яньцай не представляет особой трудности и сложности, ибо их преемственная генетическая связь с саками и савроматами (сарматами) очевидна. О происхождении саков и савроматов от племен бронзовой эпохи, собирательное название которых было арья, мы подробно осветили в предыдущих разделах. Более того, по мнению ряда специалистов, некоторые племена андроновской культуры эпохи бронзы, такие как сайрима, хьона, имели своих непосредственных преемников в эпоху раннего железа и даже позже в лице савроматов и хионитов. Думаем, что кангюйцы имели своими прямыми предками могущественное арийское племя тура, туранцев. Так, специалисты этимологию термина кангюй тесно увязывают с древним названием туранского города (страны) на Сырдарье – Кангха, или же с названием нижнего течения Сырдарьи – Канк. Некоторые же ученые считают, что в основе термина лежит тохарское слово “канн” (камень). Переименование Яньцай в Аланью (страна алан) в китайских источниках также свидетельствует о генетической связи Яньцай с сайрима. Европеоидность и ираноязычность арья и их преемников саков и савроматов в науке стали общепризнанным положением. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к кангюйцам и яньцай. Заметим попутно, что их расовый тип и язык не изменились и после прихода с востока во II веке до н.э. асиев, пасаиков, тохаров и сакравлов, ибо они были также европеоидны и ираноязычны, или, может быть, и тохароязычны.

Впервые о Кангюе упоминает Сыма Цянь в “Шицзи”, когда отмечает, что Кангюй расположен на север от Давани (Ферганы), Большой Юэчжи – на западе, Дахя (Бактрия) – на юго-западе, Усунь – на северо-востоке, на востоке – Кария и Юйтянь (Хотан). Затем он дает более подробное описание страны: «Кангюй лежит в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение в обыкновениях совершенно сходствует с юэчжи, имеет до 90 000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилию своему признает над собою на юге власть юэчжей, на востоке власть хуннов» /1/. Если иметь в виду, что главным информатором “отца китайской истории” был Чжан Цянь, то описание Кангюя относится примерно к 128 году до н.э. В это

время Кангюй, как видим, был довольно слабым государством, поскольку на юге он подчинялся Юэчжи, на востоке – Хунну. Очень важны для понимания этнической принадлежности и определения юго-восточной границы Кангюя замечание Сыма Цяня о полном сходстве обычаев и быта кангюйцев и юэчжийцев, смежность Кангюя с Даванью.

Яньцай, по словам Сыма Цяня, «лежит почти в 2 000 ли от Давани на северо-запад. И это кочевое владение в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море» /2/. По мнению Бичурина, Северное море – это Каспий, что вряд ли соответствует действительности. Более предпочтительно видеть в нем Аральское море. В этом отрывке также следует обратить внимание на фразу: «в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем», что говорит об этнической близости и даже, может быть, тождестве их. Бичурин пишет: «Кангюй занимал степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя Казачья орды. Надо полагать, что казачьи поколения ныне известные в России под названием киргиз-кайсаков недавно приняли народное название казак потому, что папские послы, бывшие в Шара-ордо (Каракоруме) у хана Куюка в 1246 году, еще называли их кангитами» /3/.

Более подробные сведения о Кангюе содержит хроника “Цяньханьшу” (I век н.э.): «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени в городе Битянь за 12 300 ли от Чанань. Он не зависит от наместника. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его содержит 9 104 ли. Народнонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ, строевого войска 120 000 человек. Обыкновения одинаковы с Большим Юэчжи. Кангюй на востоке подчинен хуннам» /4/. Как видим, между известиями “Шицзи” и “Цяньханьшу”, то есть за столетие Кангюй заметно окреп, выросло население страны и, соответственно, количество войска, страна уже не зависит от Юэчжи, хотя на востоке по-прежнему испытывает влияние хуннов. О возросшей силе Кангюя свидетельствует и то, что он пренебрег гневом Китая, предоставив шаньюю Чжичжи политическое убежище и поддерживал его своими войсками вплоть до 36 года до н.э., когда китайский экспедиционный корпус захватил город-крепость Чжичжи на реке Талас и казнил его. По причине великой отдаленности он поступал весьма надменно и не хотел держать себя наравне с прочими владениями, почему наместник Го Шунь несколько раз представлял о них Двору

следующее: «минувшее могущество хуннов не от того зависело, что они имели под собою Усунь и Кангюй равным образом и не от того они признали себя подданным вассалом Китая, что лишились помянутых двух государств. Китайский Двор, хотя принимает сыновей их в заложники, со всем тем сии три владения продолжают взаимную приязнь и по-прежнему имеют связь между собою, равно не оставляют и подсматривать друг за другом и при выгодных случаях взаимно нападают друг на друга. При соединении они не могут искренно доверять друг другу, при разделении не могут покорить друг друга» /5/.

Говоря, что Кангюй горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение пред нашими посланниками, наместник уверяет императора, что правитель Кангюя отправляет своих сыновей в службу при китайском Дворе, чтобы иметь лишь возможность торговать. Поэтому он предложил, обратно отослать сына правителя Кангюй и прекратить отправление посольств к нему. Однако китайский Двор, еще недавно открывший сообщение с иностранными владениями и, кроме того, дороживший славою быть известным в отдаленных странах, не прервал сношений с Кангюем /6/.

Одновременно с известиями о Кангюе, “Цяньханышу” передает информацию и об Яньцае: «В 2 000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай, которое имеет до 100 000 войска и в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Оно прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть Северное море. Кангюю подчиняются пять малых владений: Суссей, Фуму, Юни, Ги, Юегянь» /7/. Предположительно, это города: Кеш-Шахрисабз на Кашкадарье, Кушания на Зеравшане, Ташкент, Бухара и Ургенч /8/. Интересное сведение о Кангюе содержится и при описании Давани (Ферганы). Отмечается, например, что от Давани на север до столицы Кангюя города Битянь – 1 510, на юго-западе до Большого Юэчжи – 690 ли. От Давани на запад до государства Аньси (Парфия), хотя и есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга. Жители имеют впалые глаза, густые бороды, искусны в торговле, соперничают в выгодах; уважают женский пол: и что женщина скажет, мужчина не смеет перечить /9/.

Странно, но в хронике “Хоуханышу” (IV век н.э.), совершенно отсутствуют известия о Кангюе и Усуни, хотя первый косвенно упоминается при описании Яньцай: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья, состоит в зависимости от Кангюя, климат умеренный. Много сосны, ракитника и ковыля. Обыкновения и одеяния народа сходны

с кангюйскими» /10/. Конечно, информация о переименовании Яньцай в Аланью очень важна, хотя и неизвестно время этого события. В следующей по хронологии китайской летописи “Бейши” (V век) Яньцай называется уже Судэ: «Владение Судэ в древности называлось Яньцай и Выньнаша, лежит при большом озере от Кангюя на северо-западе. Некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события» /11/. Если переименование Яньцай в Аланью имеет под собой реальную этническую основу – страна алан, то название Судэ не содержит никакой этнической информации. Однако это известие указывает на важный исторический факт – завоевание гуннами этого государства, что привело, конечно, к изменениям этнического состава населения в результате метизации. В “Бейши” Кангюй также не упоминается, правда, есть косвенное свидетельство. Говоря о государстве Йеда (эфталиты), хроника отмечает, что от йедаского владетеля в Западном крае зависят – Кангюй, Хотан, Шалэ, Аньси и до тридцати других мелких владений /12/. К V веку, а может быть, и раньше, Кангюй потерял свое значение независимого государства. И все же в “Бейши” можно обнаружить следы Кангюя, здесь он называется государством Кан. «Владельческий Дом Кан – есть отрасль кангюйского Дома. Собственно владетель прозывается Вынь – происходит из Дома юэчжи... Юэчжи разделился на множество владельцев и утвердился в древнем царстве Кан. Кан считается сильным государством родов. Ему покорилась большая часть владений в Западном крае как: Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ, Му... Жители имеют впалые глаза, возвышенный нос, густые брови. Искусны в торговле... Брачные и похоронные обряды одинаковы с тукюсскими (тюркскими). Употребляют тюркское письмо». В хронике подчеркивается также кочевой образ жизни населения, сообщается, что женой владетеля является дочь тукюесского хана, что суд проводится по тукюесскому уложению, хранящемуся в храме. Все это свидетельствует о развитии к VI веку процесса тюркизации, хотя население оставалось по своему антропологическому типу европеоидным. Информация, содержащаяся по владению Канн, полностью повторяется и в хронике “Суйшу”. Здесь мы узнаем имя тюркского хана – Дадугу (Тардугу), сын Истем-кагана. Говоря о внешнем облике жителей, здесь вместо густых бровей указывается “густые бороды”, что представляется более правильным переводом /13/. Известия двух последних китайских хроник представляют важный интерес не только с точки зрения этнической, но и политической истории

древнего Кангюя. Они свидетельствуют о том, что Кангюй, с образованием Кушанской (юэчжийской, тохарской) империи, в I веке н.э. находился в подчинении, скорее входил в ее состав, потеряв свою независимость. Потому, вероятно, Кангюй не упоминается даже в “Хоуханьшу” (IV век н.э.). С ослаблением Кушанского царства и усилением хионитов-кидаритов Кангюй, возможно, восстановив свою независимость, покорил ряд мелких владений, но с возникновением государства эфталитов (Йеда) он вновь теряет свой суверенитет, подчинившись новой державе.

По известиям китайских письменных памятников европейдность и ираноязычность кангюйцев не вызывает сомнений. Материалы археологических раскопок кангюйских курганов в первых веках нашей эры (городище Курган-тепе, Самаркандская область), также подтверждают этот вывод. Так, на костяных пластинках из Курган-тепе изображены сцены ристалища и конной охоты. Все участники принадлежат к единому расовому типу. У всех вытянутые, заостренные к макушке головы с нешироким лбом. Волосы зачесаны вверх, у висков убраны назад за уши. Глаза ромбовидные, носы крупные, с небольшой горбинкой, энергичные подбородки. Портрет венчают свисающие до подбородка усы и борода /14/. Как известно, входившие в Кангюй хорезмийцы и согдийцы, были европейскими и ираноязычными. Ясен вопрос о расовой языковой принадлежности и Яньцай (Алань). По словам Аммиана Марцеллина, «почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами». Алан же, по-гречески означал “кочевник”, “бродяга” /15/.

Значительную трудность и сложность представляет определение территории расселения кангюйцев. Первым этот вопрос рассмотрел, как мы уже отмечали, Н.Я.Бичурин, который считал, что это земли, на которых кочуют казахи Большой и Средней орды, то есть Южный и Центральный Казахстан. В советской историографии утверждалось, что в 50-е годы II века н.э., когда “неукротимые” хунны бежали на запад и заняли северо-запад Аральского моря и Приуралья, их соседом на юго-востоке был Кангюй, земли которого простирались от Иртыша до рек Чу и Сары-су на юго-западе, владения алан от Аральского и Каспийского морей до Дона /16/. Китайский историк Хэ Цютао считал, что Кангюй – это земли казахов (касаке).

В историографии Средней Азии Кангюй помещен в бассейне среднего течения Сырдарьи, Чу и до юго-западной части озера Балхаш. Однако Л.А.Боровкова считает, что столица Кангюя город Битянь находилась в районе Тараза, а летняя резиденция владете-

ля – близ города Пржевальска. Ю.А.Заднепровский подверг, не без основания критике, версию Боровковой, заявив, что она представляется не только чрезмерно категоричной, но и неверной /17/. Действительно, утверждение Боровковой, например, о столице Кангюя городе Битянь недалеко от современного Тараза не “стыкуется” с указанием китайских источников о городе-крепости, ставке шаньюя Чжичжи на реке Талас, там, где впоследствии, возможно, был построен город Талас (арабизированная форма Тараз). Трудно представить, чтобы столица была расположена на самой восточной границе государства, куда царь Кангюя пригласил Чжичжи для совместной борьбы против Усунь.

С позиции приверженца и даже вдохновителя “теории автохтонности” исследовал историю Кангюя С.П.Толстов. Мы далеки от мысли отрицать или принизить его выдающийся вклад в изучение этой проблемы. Однако Толстов фактически подменяет реальный этногенетический процесс искусственной конструкцией. Так, он явно преувеличивает время жизни героя эпоса каракалпаков и казахов Кобланды батыра, когда, уверовав в народные предания, утверждает, что Кобланды жил в городище Курганча (в 20 км к востоку от города Тахта-Купира), существование которого он относит к III-V векам н.э., то есть в то время, когда не только каракалпаков и казахов не было, но и тюрки вряд ли были в регионе /18/.

Отметив, что около 140-х годов до н.э. Греко-Бактрийское царство пало в результате нашествия больших юэчжей, Толстов утверждает, что в ханьское время этот этноним звучал как “большие гветы (геты)”, что они уже давно и основательно отождествлены Ремюза, Клапротом и Григорьевым “великими гветами”. Однако в греко-римских источниках они фигурируют не под общим названием, а отдельными племенными наименованиями: асии, пасиаки (апасиаки), тохары, сакараваки (сакаравлы), и что они представляют основные племена массагетской конфедерации. В.В.Бартольд связывает падение Греко-Бактрийского царства с внутренними усобицами и указывает дату этого события – 175 год до н.э. Как у Бичурина, так и других русских и советских китаеведов, мы не нашли подтверждения тому, что этноним большие юэчжи в ханьское время звучал, как большие гветы или великие гветы (геты). Рассуждения автора, на наш взгляд, имеют цель доказать тождество массагетов и больших юэчжей. Действительно, Толстов утверждает, что в конце IV- начале III веков до н.э., после похода Александра Македонского, массагеты мигрировали на восток в Восточный Туркестан и вплоть до Монго-

лии и Китая. Там они получают у китайцев название больших юэчжей. Во второй половине III века до н.э. они оказываются соседями гуннских племен и пытаются подчинить их своей власти. Наличие у Модэ-шаньюя латной конницы, как и останки прекрасного коня из Пазарыкского кургана Толстов связывает с влиянием массагетов. Во II веке до н.э. под именем больших юэчжей массагеты, по мнению автора, возвращаются обратно в Среднюю Азию /19/. Эта версия Толстова не подкреплена данными источников. Задолго до появления работы С.П. Толстова (1948 г.) В.В. Бартольд, которого Толстов справедливо назвал “корифеем русского востоковедения”, подверг обоснованной критике сходные положения немецкого историка О. Франка, который утверждал о тождестве больших юэчжей и массагетов (“великих гетов”). По мнению Франка, массагеты сначала переселились с запада Средней Азии на восток. «Об этом переселении, – пишет Бартольд, – не говорит ни один источник», считая мнение автора «гипотезой, не подтвержденной никакими вескими данными» /20/. Сказанное можно в полной мере отнести и к версии С.П. Толстова.

Толстов считал Кангюй доахеменидским Хорезмом, тесно увязывал их историю, фактически отождествлял Хорезм и Кангюй, видел в авестинском Кангха – Хорезм, хотя и признавал, что Кангха несколько более широкое понятие, чем Хорезм. Определяя хорезмийско-кангюйский период IV века до н.э.-I век н.э., Толстов считал, что временем наивысшего могущества Хорезмо-Кангюйского государства является I век до н.э.-I век н.э. В конце I века до н.э. Кангюй подчинил Яньцай (Аланию), считает автор. К концу своего правления Канишка (78-123 годы) присоединил к своей империи Кашгар, Яркенд, Хотан, и пределы Кушанской империи простираются от нижнего течения Инда до Хотана, от Аральского моря до Бенареса. Кангюй входит в состав Кушанской империи. Крушение ее относится к середине IV века н.э. Упомянутое китайской хроникой “Таншу” государство Канн автор считает древним Кангюем. С образованием в середине V века государства эфталитов Кангюй входит в его состав. Толстов полагает, что и эфталиты не пришлое, а местное автохтонное население, сформировавшееся на северо-восточной окраине Хорезма из потомков массагетов /21/.

Толстов утверждает, что под именем кидаритов и хионитов эфталиты впервые выступают на исторической арене и что первое из этих имен тесно связано с именем Кердер, которым еще в X и даже XIII веках именовалась северо-восточная присырдарьинская окра-

ина Хорезма /22/. Необходимо отметить, что утверждение автора о тождестве кидаритов-хионитов и эфталитов не соответствует действительности, ибо хиониты, названные по имени своего царя Кидары, кидаритами, являлось аборигенным населением, в то время как эфталиты пришли в Среднюю Азию с востока – с южного склона Алтая – и именовались китайцами-йеда. С другой стороны, именно хиониты унаследовали власть кушанских царей. Только, покорив хионитов-кидаритов, эфталиты упрочили свою власть и к началу VI в. практически овладели всеми землями Кушанской империи. Таким образом, в состав державы эфталитов вошли: весь современный Афганистан, Северная Индия, Кашмир, Согд, Бухара, Кашгар, Хотан. В 563-567 годах эфталиты были разбиты тюрками, однако Хорезм сохранил свой суверенитет как при эфталитах, так и тюрках, заявляет Толстов. В соответствии со своей концепцией, С.П. Толстов приходит к выводу: «Никакого перерыва в культурной истории сырдарьинских городов между эфталитами и огузским периодом их истории усмотреть невозможно. Огузская культура X века – прямое развитие эфталитской культуры V-VI веков» /23/. Кроме присущих “теории автохтонности” недостатков для объяснения этногенетического процесса, этнической истории, которая по справедливому выражению Л.Н. Гумилева дисперсна, Толстов искусственно соединил в одно целое оседлую и кочевническую культуры.

Концепция Толстова особенно негативно сказывается при освещении этнической истории. Так, он заявляет о тождестве исседонов, асиев и усуней, преувеличивает не только преемственную генетическую связь, но и влияние гуннов, принимая за них и хионитов, и эфталитов. По его словам, на скифское племя аугасиев, обитавших в междуречье Куван-дарьи и Сырдарьи в III-IV веков, сильное влияние оказала гуннская культура, что привело к образованию в низовьях Сырдарьи одного из центров варварского государства хионитов-эфталитов, и что потомки тюркизированных в VI-VII веков хионитов-эфталтов, выступают в VIII-IX веках под собирательным именем огузов. Еще более категоричен автор, когда утверждает: «На территории аугасиев в низовьях Сырдарьи сформировались, а не в Монголии, огузы. Имя огуз, очевидно, было занесено в период экспансии эфталитов (VI век), в составе которых в качестве существенного элемента входили и сырдарьинские протоогузские племена» /25/. Думаем, что абсолютизация археологических материалов при исследовании этнических проблем, игнорирование известий письменных памятников (Орхонские надписи, “Диван лугат ат-турк”

Махмуда ал-Кашгари и др.) привели автора к явно неверному выводу. А ведь история миграции ни одного тюркского народа не зафиксирована письменно так достоверно, как огузов: Алтай и Западная Монголия, Семиречье, Приаралье и Туркменистан, Малая Азия. Что касается протоогузов, то они имели свое название – огуры, также зафиксированное в письменных, но уже в западных, источниках. И, наконец, автор усматривает прямую связь между древним Кангюем и тюркским племенем канглы средневековья, говоря: «Кангха (Кангюй) выступает в средневековье в качестве имени большого союза присырдарьинских тюркских племен – канглы (более древняя форма кангар», не упомянув при этом тюркскую форму кангара – кенгерес /26/.

Таким образом, этногенетическую линию, представленную Толстовым, можно определить следующим образом: Кангха – Кангюй – Кан – Кангар (Кенгерес) – Канглы. Однако, при кажущейся простоте, ее вряд ли можно принять в качестве достоверного вывода, отражающего реальную этническую историю. Заметим попутно, что эта этногенетическая линия весьма привлекательна для объяснения казахского этногенеза, имея в виду, что канглы (казахская форма канлы) наряду с кыпчаками и куманами являются основными этническими компонентами, вошедшими в его состав. Однако такое представление не учитывает факта смешения указанных трех этносов с монголами, в результате которого образовался новый суперэтнос “узбек” или “ногайлы” во второй половине XIV века, от которого “пошли” современные казахи, ногайцы, каракалпаки и те племена узбеков (ногайлы), последовавшие в Среднюю Азию под началом Шейбани-хана.

Источники и литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 2. Алматы, 1998. С. 153, 154.
2. Там же.
3. Там же. С. 156.
4. Там же. С. 190.
5. Там же. С. 190-191.
6. Там же. С. 191-192.
7. Там же. С. 192.
8. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-

- Л., 1948. С. 144.
9. Бичурин. Том 2. С. 193-194.
10. Там же. С. 237.
11. Там же. С. 269.
12. Там же. С. 278.
13. Там же. С. 280-281, 291.
14. История Казахстана. (Очерк). С 47.
15. Античные историки о Северном Кавказе. Нальчик, 1990. С. 163, 242.
16. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том 2. Л., 1926. С. 120; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 43.
17. История Казахстана. (Очерк). С. 44; "Восток", 1991, № 3. С. 158; Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э.- VII в. н.э. М., 1989. С. 63.
18. Толстов С.П. По следам... С. 21.
19. Там же. С. 125, 141.
20. Бартольд В.В. Сочинения. Том VII. С. 354-356.
21. Толстов. По следам. С. 125, 146, 152, 211.
22. Там же. С. 214.
23. Там же. С. 214-215.
24. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 196-201,
25. Там же. С. 242, 276.
26. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнейшая история или палеолит на территории Казахстана продолжались более 800 тысячи лет. Древняя же история Казахстана всего 25 столетий (с 2-го тысячелетия до н.э. - по V век н.э.). Ее начало практически совпадает с эпохой бронзы (2-1 тыс. до н.э.), которая почти синхронна с так называемой андроновской археологической культурой (XVIII- IX века до н.э.). Она получила распространение в обширнейших районах Евразии: Южной Сибири, Казахстане, Южном Урале, Средней Азии, Афганистане. Одновременно с андроновской – развиваются близкие ей срубная и тазабагъябская культуры на западе и юго-западе Казахстана. В эпоху бронзы на смену длительной прохладно-влажной фазе приходит более чем тысячелетний период постепенного изменения климата в сторону потепления и большей сухости, что усиливает аридность климата. Примитивное земледелие, охота и рыболовство, характерные для предшествующего периода, уступают место орошаемому земледелию и довольно развитому скотоводству. С появлением повозок, боевых колесниц, более совершенного оружия меняется быт и образ жизни людей. Дальнейшее развитие получает градостроительство, сооружаются укрепленные линии и крепости. Большое развитие получает скотоводство, которое из придомно-пастушеского постепенно перерастает в яйлажное животноводство, а в эпоху поздней бронзы – кочевого скотоводства. Значительное развитие получает металлургия, бронзовые изделия широко используются в хозяйстве в качестве оружия и украшения.

С эпохи бронзы можно говорить и о начале этнической истории Казахстана, когда вместо безымянной популяции ранних эпох появляются племена, упоминаемые в Авесте: арии, тура, хьона, дана, сайрима, саина, даха (даи), собирательным названием которых было арья. По вопросу происхождения андроновской культуры и ее носителей в науке нет однозначного ответа. Казахстанские археологи придерживаются мнения о том, что андроновская культура образовалась на основе естественного развития родственных и по культуре, и по происхождению племен северной полосы казахстанских степей и прилегающих районов Зауралья и Западной Сибири эпохи неолита и энеолита. Таким же естественным они считают появление населения. Такой подход представляется не совсем правильным хотя бы потому, что в эпоху энеолита и, тем более, неолита полностью

господствовала каменная индустрия, поэтому внезапное появление производства бронзы, боевых колесниц и т.д. трудно объяснить. Между тем в науке давно уже утвердилось мнение о возникновении в V-IV тысячелетиях до н.э. в Западной Европе индоевропейской языковой и культурной общности. В 3 тысячелетии из нее выделились индоиранцы, часть которых направилась в Переднюю Азию, другая – на освоение азиатских степей. Наиболее крупные продвижения ираноязычных скотоводческих племен из Поволжья и Причерноморья происходят в 1800-1600 годах до н.э. Частично оседая в степных районах Казахстана, они продвинулись далеко на восток – до пределов Енисея и Западной Монголии. Смешавшись или истребив местное субстратное население, они создают срубную и андроновскую культуры. В середине II и в начале I тысячелетия отмечены две крупные миграционные волны этих племен на юг и юго-восток. Гипотеза о естественном развитии андроновской культуры от эпохи неолита не получает подтверждения и примером соседней с Казахстаном территории Южной Сибири.

Идея, утверждающая тождество индоиранских скотоводческих племен эпохи бронзы с носителями андроновской культуры, получает все большее признание, что открывает реальную перспективу этнической атрибуции последних отказаться от некорректного наименования их андроновцами. Высказанная в 30-40-х годах XX века гипотеза о тождестве, упоминаемых в Авесте племен с андроновцами, благодаря сравнительному историко-лингвистическому анализу самого текста Авесты, а также по результатам археолого-этнографических исследований, получает сегодня серьезное подтверждение. Следует признать, что ожесточенные войны и сражения между ариями и турами (туранцами), хьона и другими племенами, носили не расовый или этнический характер, ибо они были близкородственными племенами, говорившими на одном языке, молившимися одним и тем же богам. Это была также не война цивилизаций: оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. Эта была война за господство в степи, за власть над другими племенами, в которой заметную роль играл и религиозный фактор. В то время как арии начинают исповедовать новую религию – зороастризм, туры, хьона, и другие остаются приверженцами старой языческой религии.

Признавая индоиранское или арийское происхождение племен эпохи бронзы, утверждая, что население Казахстана этого времени в целом имело общую антропологическую основу, представленную протоевропеоидной расой без какой-либо монголоидной примеси,

отечественные археологи, не приведя сколько-нибудь серьезных аргументов, заявляют о частичной его тюркоязычности.

Имена племен эпохи бронзы не исчезли бесследно. Они остались в наименованиях Иран и Туран, Туранская низменность. Лишь много столетий спустя, после завоевания Турана тюрками он стал называться Туркестаном. Племена сайрима, даи и хьона имеют своих преемников в лице савроматов и сарматов, массагетов и парфян, хитонов-кидаритов. Стремление отдельных исследователей, опирающихся на великий авторитет Фирдоуси, переименовавшего “тура” в “тур”, а последнего – в “тюрк”, видеть в Туране – Туркестан, сегодня можно считать совершенно некорректным. В условиях политического господства тюрков Фирдоуси вынужден был внести радикальные изменения в сюжет иранского народного эпоса, не только включив в древнюю историю арья-тюрков, которых еще не было в Средней Азии, но и представить их благородными героями и мудрыми правителями. Конечно, абсолютно не выдерживает критики попытка представить казахский род адай, генетически связанным с даями Авесты.

В начале I тысячелетия до н.э. с формированием нового типа скотоводческого хозяйства – кочевнического, на смену племенам андроновской и срубной культуры приходят новые скифы. По новейшим исследованиям, скифы – это собирательное название племен раннего железного века. Они разделялись: на азиатских и европейских. Скифы на территории Казахстана состояли из двух больших племенных объединений: саков и савроматов. Археологические и антропологические материалы убедительно доказывают генетическую связь скифов с арьей, преемственность материальной и духовной культуры саков и савроматов с населением эпохи бронзы. “Ранний железный век”, “эпоха ранних кочевников”, “скифская эпоха” – таковы наиболее распространенные определения в исторической науке периода (VIII–III веков до н.э.), когда в казахстанских и уральских степях господствовали саки и савроматы (сарматы), создавшие культурную общность, отличительными чертами которой стали определенный тип вооружения и конского убора, характерная одежда и так называемый “звериный” стиль в искусстве, составившие “скифскую триаду”. В последние годы археологи к триаде добавляют еще два элемента – литые бронзовые котлы и бронзовые зеркала.

Этническая история Казахстана в период раннего железа предстает гораздо богаче и достовернее, чем в предыдущую эпоху бронзы. Объясняется это, в первую очередь, тем, что она зиждется не на

легендах и мифах, а на многообразных, в большей мере, достоверных известиях письменных источников: ахеменидские надписи, труды античных авторов. Определенное значение в исследовании этнической истории имеют и материалы археологических изысканий. Из всех скифских племен наиболее подробные и разносторонние сведения в “Истории” Геродота содержатся о массагетах: хозяйстве (скотоводство и рыболовство), войнах и военном искусстве, вооружении, быте, одежде и пище, обрядах захоронения и браках, религии (поклонение солнцу) и т.д. Уникальным является сообщение “Отца истории” о миграции ираноязычных кочевников с востока на запад. Она была первой в истории письменно зафиксированной миграцией с востока на запад, которая произошла, вероятно, в VIII-VII вв. до н.э. До сих пор перемещения кочевников были с запада на восток и юг. Из сообщения Геродота видно, что аримаспы изгнали исседонов, те, в свою очередь, вытеснили скифов, которые заняли земли причерноморских киммерийцев. Информация Геродота очень важна для локализации скифских племен на территории Казахстана. Однако она осталась вне внимания казахстанских исследователей, что видно по той картине расселения племен раннего железа, которую они дают: на юге – это саки-тиграхауда, они же массагеты греко-римских источников, и дахи (даи); на западе – савроматы (сарматы); в центральных районах – исседоны; на северо-востоке – аримаспы. На этом фоне довольно неожиданным является вывод о том, что большинство племен, населявших территорию Казахстана в эпоху раннего железа – его южные, восточные и центральные районы, входили в савроматскую конфедерацию. Несколько по-иному представляют расположение и названия племен западные историки. Так, по мнению французского историка Рене Груссе, саки-тиграхауда населяли район Приаралья и низовья Сырдарьи, сака-хаомаварга – Фергану и Кашгар, сака-парадрайя – Южную Россию. Современный американский историк Стюарт Легг (Legg) локализует часть сарматов на севере и востоке Каспийского моря, а другую их группу – саков – располагает между Аральским морем и озером Балхаш.

В исследовании материальной культуры саков и савроматов отечественные археологи добились серьезных успехов. Обнаружение К.А.Акишевым на Исыкском кургане “Золотого человека” (IV век до н.э.) стало одним из выдающихся мировых научных открытий. На один момент сакской эпохи, имеющий важное значение для последующей этнической истории края, стоит обратить внимание. Речь идет о появлении в казахстанских степях монголоидных пришель-

цев и начале процесса метизации населения Казахстана. Однако их еще очень мало, и монголоидная примесь в общей массе местного европеоидного населения не превышает 20%, но даже она кажется явно преувеличенной, поскольку в предшествующую эпоху она равнялась нулю.

Таким образом, европеоидный физический тип саков и савроматов в науке получило общее признание. Что же касается их языковой этнической принадлежности, то, как в прошлом, так и сегодня предпринимаются усилия со стороны отдельных исследователей, в особенности лингвистов, чтобы признать хотя бы часть саков тюркоязычными. Они заявляют о генетической связи между саками и казахами. Сторонники этой “концепции” не приводят никаких серьезных аргументов, кроме сходства звучания имени легендарного первопредка скифов Таргитае с казахским. Между тем сам Геродот считал предания о Таргитае и Геракле, как первопредках скифов, баснословными и отказался им верить. Кстати, имя Таргитай встречается в литературе VI века н.э. – так звали посла аварского кагана Баяна к византийскому императору (568 г.) Авары или жужаны были, как известно, предками монголов. Не будем также забывать, что среди племен раннего железа только аргиппеи, населявшие Южное Приуралье, обладали ярко выраженными монголоидными признаками, и отличались от скифов языком. Однако считать их тюркоязычными нет никаких оснований, ибо они были скорее протоуграми.

Разумеется, общий образ жизни кочевников порождал у различных и по языку, и по расовому типу народов близкие, зачастую сходные, бытовые, культурные признаки, скажем, все они питались мясом, пили кобылье молоко (кумыс), жили в юртах-кибитках, носили штаны, случайно могли совпадать отдельные слова не только по звучанию, но и по смыслу. Однако это не дает оснований утверждать, что у этих народов было единое происхождение, как в нашем случае, саков и казахов, разделенных хронологически на тысячи лет, но живших на одной и той же территории.

На заключительном этапе древней истории Казахстана (II век до н.э.-V век н.э.) произошли события, положившие начало коренному повороту в этнической истории Казахстана. Этот период в казахстанской историографии не совсем удачно был назван периодом древних государств Хунну и Усунь. Таким образом, ранний железный век не получил своего логического продолжения позднего железного века по ряду причин: «установка» С.П. Толстова, субъективная оценка исследователей, слабое знание и даже игнорирование из-

вестий достоверных китайских источников – главных, а зачастую единственных для освещения истории этого периода, принижение роли хуннов в истории и этногенезе казахского народа и, наоборот, явное преувеличение роли усуней – все это негативно отражается в освещении этого этапа древней истории Казахстана.

Возникшая в 209 году до н.э. держава Хунну была великой мировой империей, заставившей платить дань Поднебесную, – государство Хань. В IV-V веках н.э. две римские империи (Западная и Восточная) также стали данниками гуннов. Хунны – первый тюркский, правильнее сказать, тюркоязычный народ, который постепенно, мирно, в течение 2-3 столетий проникал на территорию современного Казахстана. Можно четко проследить три этапа миграции хуннов на запад в Кангюй: 1) вторая половина I века до н.э. Он связан с приходом на восточные границы Кангюя хуннских племен под руководством шаньюя Чжичжи, который имел свою ставку, город-крепость, на реке Талас. Возможно, что город Тараз был построен именно на этом месте. 2) Он связан с уходом в Кангюй северных хуннов после поражения от сяньбийцев в 93 году н.э. Мы полагаем, что они заняли район Центрального Казахстана. Так называемые “слабосильные” хунны в количестве 200 тысяч человек, не последовавшие на запад, остались на Тарбагатае и в Джунгарии. По мере ухода усуней в центральные районы Тянь-Шаня, а потом на Памир, они постепенно проникали в Семиречье, где создали государство под названием Юэбань, просуществовавшее до 484 года. 3) В середине II века н.э. “северяне” были окончательно разбиты объединенными силами сяньбийцев, южных хуннов, китайцев, динлинов и вынуждены были уйти на запад. Они заняли территорию к северо-западу от Аральского моря и Южное Приуралье. Два с лишним века “неукротимые” хунны не подавали о себе никаких вестей или, как справедливо отмечает французский историк Рене Груссе, не было рядом с ними крупного цивилизованного государства, которое могло бы письменно зафиксировать их жизнь и историю. Но в 370-е годы н.э. они, получившие у римских и византийских источников название “гунны”, перешли Волгу и, частично разгромив, частично покорив готов, аланов, антов и другие народы, вступили в пределы Восточной, а затем и Западной Римской империй. Паннония (современная Венгрия) становится центром расселения гуннов, где был построен город – столица империи. Имя короля гуннов Атиллы стало нарицательным (“Бич божий”) и вошло в эпос ряда европейских народов. Одновременно с походом на запад гунны выступили и на юго-восток, где покорили

Судэ – древний Яньцай китайских источников. Таким образом, ко 2-й половине IV века вся территория Казахстана оказалась занятой гуннами (хуннами, сюнну). В IV-V веках в Северном Китае хунны создали три государства. Поразительно, но все гуннские государства, разделенные между собой расстоянием в тысячи километров, испытывавшие серьезные этнические изменения, сошли с исторической арены почти одновременно – во 2-й половине V века

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности хуннов можно считать в целом решенным. Хотя в науке доминирует мнение о монголоидности хуннов, вместе с тем, отмечается их смешанный расовый тип как результат раннего смешения монголоидных и европеоидных элементов. Несмотря на дискуссионный характер вопроса о языковой, этнической принадлежности хуннов, большинство исследователей поддерживают идею их тюркоязычности. Более того, по их мнению, именно хунны положили начало процессу тюркизации местного европеоидного и ираноязычного кочевого населения. Гораздо более сложным и трудным является вопрос об этнической принадлежности гуннов. Хотя некоторые исследователи утверждают, что гунны – это совершенно новый этнос, возникший на угорской субстратной основе, однако это мнение не получило дальнейшего развития в науке. Ряд ученых не без основания утверждают о тождестве хуннов и гуннов. Поддерживая это мнение, мы, вместе с тем, признаем правоту тех ученых, которые считают, что гунны – это объединение трех этнических групп: собственно гуннов, огуров (протоогузов) и угров. Действительно, гунны предстают как конгломерат указанных народностей, в котором его компоненты еще недостаточно смешались, чтобы возникла новая этническая общность, как скажем, “узбек” или “ногайлы” в результате смешения тюркских народностей: кыпчаков, канглы, куманов и монголов в XIII- XIV веках. Кстати, в дореволюционной русской этнографии существовало, если не сказать, доминировало, ошибочное мнение о казахском народе как конгломерате племен. Что касается гуннов, то представляется бесспорным одно: все три компонента гуннов были тюркоязычны. Если гунны и огуры были по происхождению монголоидами и тюркоязычны, то булгары – угры по происхождению были отюречены, вероятно, еще в Западной Сибири, где они впервые столкнулись с хуннами и огурами. Именно эти народности гунны, огуры и булгары были “гуннами” римских и византийских авторов. Не случайно западные источники никогда не употребляют этот термин в отношении покоренных гуннами готов, аланов-сарма-

тов, антов и других народов, отличавшихся от последних антропологически и лингвистически.

После неожиданной кончины Аттилы (453 г.) государство гуннов в Европе существовало около 20 лет и пало в результате междоусобиц и поражения от готов и Византии. Гунны вернулись в Причерноморские, Приазовские и Прикаспийские степи, где образовали три политических объединения на этнической основе: савиров, огуров и болгар. Во второй половине VI века они были покорены тюрками и вошли в состав Западнотюркского каганата. В 635 году в Приазовье возникает государство Великая Булгария, в 651 году – Хазарский каганат. Булгары были разбиты хазарами, часть из них уходит на Дунай, где создает Болгарское царство, часть – в район Волго-Камского бассейна, где создают государство волжских болгар. Значительная часть болгар вошла в состав Хазарского каганата. Судьба гуннов-савир, как и огур неизвестна, вероятно, они растворились в окружающей тюркской среде как, впоследствии, и хазары.

В исторической литературе стало фактически “переходящей ошибкой”, понятие “белые гунны”. Источники, кроме китайских, их называли хионитами и эфталитами, хотя некоторые византийские авторы отличали их от гуннов. По нашей версии, хиониты были потомками одного из арийских племен бронзового века – хьона. В период распада могущественной Кушанской империи в середине IV века н.э. хиониты под руководством своего царя Кидары захватывают верховную власть над распадающейся империей. Эпоним становится этнонимом: народ стал называться кидаритами при сохранении старого названия – хиониты. Возникновение могущественной Гуннской державы приводит к тому, что имя гунн становится названием каждого нового народа, вступившего на путь завоевания, и поскольку хиониты столкнулись с персами, то они были приняты за новых завоевателей и прозваны гуннами-кидаритами. Пришедшие из Восточного Туркестана в начале V века эфталиты (по-китайски Йеда), покорив хионитов к 60-м годам V в., создают на землях бывшей Кушанской империи свое государство. Они также были прозваны гуннами, оба народа были названы “белыми гуннами”. Тогда же часть непокорившихся хионитов, по-видимому, мигрировала на Северный Кавказ, где они стали известны под именем хазар. Что касается эфталитов, то их держава в 50-е годы VI века была разгромлена тюрками, земля их разделена между победителями: тюрками и их союзниками-персами. Имя оставшихся на Сырдарье хионитов-кидаритов трансформировалось в кердери (кердеритов). Наличие в

составе казахов рода кердери позволяет нам предположить о существовании определенной исторической и генетической связи между хазарами и казахами.

Что же касается Усунь, то он был небольшим владением, покоренным еще Модэ-шаньюем в 176 году до н.э., и почти полвека находился в подчинении хуннов. Не без помощи последних Усунь переселяется в 120-е годы до н.э. в Семиречье, занятое юэчжи, разгромленные и изгнанные из своей земли (Ганьсу) Лаошан-шаньюем в 165 году. Ответив черной неблагодарностью своему сюзерену, усуньский гуньмо отделяется от державы Хунну, но скоро, прельстившись подарками, попадает в зависимость от Китая и до конца своего существования (I век н.э.) остается преданным его вассалом. В истории от Усуни не осталось следов, могущество Усуни – это миф, как и роль усуней в этногенезе казахского народа. Под давлением сначала сяньбийцев, а потом жужан, усунь постепенно оставляют Семиречье, чтобы окончательно затеряться в V веке на Памире, вероятно, среди таджиков. Семиречье, по мере ухода усуней, было занято хуннами-юэбань, государство которых дожило до конца V века. К сожалению, отдельные казахстанские исследователи продолжают по-прежнему утверждать о преемственной генетической связи между древними усунями и казахскими уйсунами и даже настаивать на их тождестве. О какой связи и тождестве можно говорить, если по такому аутентичному источнику как “Джами ат-таварих” Рашид ад-Дина, хушин (уйшун, уйсун) – это коренное монгольское племя из группы дарлекин. Кстати племя уйсун в Семиречье до XVI века вообще не было.

Вопрос о происхождении усуней вряд ли вызывает сомнения. Как по данным письменных источников, так и археологическим материалам европеоидность усуней не подвергается сомнению. Однако по вопросу этнической принадлежности мнения расходятся. Хотя большинство ученых относят усуней к ираноязычному народу, казахстанские исследователи придерживаются их тюркоязычности, не приводя, как и в случае с саками, ни одного серьезного научного аргумента, не останавливаясь даже перед явной передержкой фактов. Так, они объявили сторонниками тюркоязычности усуней известных ориенталистов А. Ремюза и Ю. Клапрота, выступавших за их арийское происхождение, то есть высказывавшихся, по сути, за их ираноязычность. На еще более радикальной позиции, чем казахстанские исследователи, стоит китайский ученый Су Бэйхай. Он категорически утверждает не только о тюркоязычности усуней, но и признает

их прямыми предками казахов. Су Бэйхай делает заявления далеко не объективного порядка: исторически большая часть казахского народа, в особенности роды и племена, населявшие юго-восток озера Балхаш, со времен династии Хань (202 года до н.э.-по 225 год н.э.) до Цин (1616-1911 годы), были в подчинении различных китайских государств. В период династии Тан (618-907) и Юань (1206-1368) власть китайских правителей распространялась на все казахские земли. Если даже принять к сведению, что Су Бэйхай следует китайской исторической традиции о неизменности политических образований и этнических общностей, то и в этом случае лживость утверждений автора очевидна.

Кстати, отрывки из книги Су Бэйхая в переводе на казахский язык неким Закоулы были опубликованы на страницах журнала “Казак тарихы” (“Казахская история”) в 1998 году. Прискорбно, но редакция не сделала никаких комментариев, дав “зеленый свет” ненаучным, политически опасным выводам Су Бэйхая. Сказался, конечно, низкий уровень исторического знания самой редакции, всеядность, этноцентризм, вдохновляющий сегодня правящие круги и большую часть казахских историков. Правдивая, достоверная историография – это национальное достояние, ее нельзя приватизировать, чтобы под видом свободных рыночных отношений наживалась правящая верхушка, как от продажи нефти и других полезных ископаемых. Тщеславное стремление “удревнить” отечественную историю, может привести к утрате ее национальной сути, что угрожает самой национальной безопасности. При наличии коррумпированных чиновников, угодливых и зачастую невежественных “ученых”, готовых подтвердить все, что пожелает, такая перспектива представляется не такой уж нереальной.

Что касается вопроса о происхождении и этнической принадлежности населения Кангюя и Яньцая, то он, как ни странно, не представляет особой сложности. Как китайские письменные памятники, так и археологические материалы не оставляют сомнений в преемственной генетической связи между саками и савроматами (сарматами) и кангюйцами, яньцай. В конце I века до н.э. древний Яньцай был переименован в Аланью – страну алан – одного из крупных племенных союзов сармат. Также очевидна прямая связь между сако-массагетскими племенами и кангюйцами. Не лишена интереса идея, отождествляющая Кангха Авесты с Кангюем. На европеоидность и ираноязычность и кангюйцев, и яньцай не повлиял и приход с востока в 120-е годы до н.э. юэчжей – китайских источников или четырех

племен: асиев, пасиаков, тохаров и сакаравлов – греческих авторов. На вопрос о том, были ли они разными этносами или представляли один народ, пока в науке нет ясного ответа, хотя большинство исследователей полагают, что юэчжи – это тохары. Не вызывает сомнений расовое происхождение и этническая принадлежность пришельцев: они были европеоидами и говорили на диалектах иранского языка, а, может быть, инфевропейского?

В начале V века н.э. в Средней Азии появляются из Восточного Туркестана эфталиты или йеда из китайских источников, которые также не повлияли на этническую картину населения региона, так как были европеоидами и ираноязычными. Китайские источники вполне определенно утверждают, что они были отраслью юэчжей. Здесь они столкнулись за кушанское наследие с хионитами, которые в середине IV века захватили верховную власть в распадающейся Кушанской империи, возникшей в I веке н.э. на основе одного племенного объединения тохар (юэчжей) – кушан. При правителе кушан Канишке (78-123) Кушанская империя достигает пика своего могущества: ее владения распространяются от нижнего течения Инда до Хотана, от Аральского моря до Бенареса.

Хиониты во главе со своим царем Кидара (отсюда другое их название – кидариты), захватив верховную власть в Кушанской империи, были вынуждены сражаться сначала с персами, а потом с эфталитами и потерпели, в конечном счете, поражение от последних. К началу VI века эфталиты устанавливают свою власть на территории Кушанской империи. История Кангюя в письменных источниках представлена довольно скудно. К тому же она, на наш взгляд, не совсем правильно смешивается с историей Хорезма. Так, С.П.Толстов утверждает о периоде Хорезмо-Кангюйской конфедерации (IV век до н.э.-I век н.э.), считая I век до н.э.-I век н.э. периодом наивысшего расцвета Кангюя. Именно тогда он подчиняет своей властью Яньцай, но вскоре вошел в состав Кушанской империи, впоследствии – государства эфталитов. Какой же народ на самом деле представлял население Кангюя – неизвестно. В одном можем быть уверены – оно было европеоидным и ираноязычным.

Обобщая все сказанное, можно заключить, что с древней историей Казахстана фактически заканчивается история его европеоидных ираноязычных племен и народностей. С начала нашей эры на территории Казахстана происходит относительно интенсивно, чем в прошлом, процесс метисации местных кочевников пришельцами из Центральной Азии – хуннами (гуннами) – тюркоязычным наро-

дом монголоидного происхождения. Одновременно идет массовый отток европеоидных кочевников, последними из которых можно считать усуней, поэтому трудно говорить о какой-то роли их в этногенезе казахского народа. В этногенетическом процессе на территории Казахстана принимали участие и угро-финские племена. Однако решающую роль в этом процессе сыграли две народности: хунны и кангюйцы. Хунны заняли практически всю территорию Казахстана. Хотя кангюйцы были европеоидным и ираноязычным этносом, однако они первыми подверглись тюркизации и ассимиляции. С VI века начинается не просто средневековая история страны, она является уже историей тюркских и отчасти монгольских племен и народностей, которая, в конечном счете, перерастает в историю собственно казахского народа с момента его формирования в особый этнос в XIV-XV веках.

Түйін

Бұл еңбекте Қазақстан тарихнамасындағы ең бір күрделі, аз зерттелген проблема – ежелгі Қазақстанның этникалық тарихы баяндалады. Еңбек екі бөлімнен тұрады. Бірінші бөлімде кеңес және қазіргі батыс тарихнамасындағы этнос, этногенез және этникалық тарихты зерттеудегі теориялық-әдістемелік қырлары қаралады. Сонымен қатар, тарихи процесстің негізгі кезеңдері, тарихи ойдың дамуы, көшпелі қоғамды зерттеудегі ерекшеліктер де қаралады. Екінші, негізгі бөлімде, зерттеу тақырыбының мәселелері қаралады.

Сонғы археологиялық деректер бойынша Қазақстан территориясына адамға ұқсас мақұлықтар – гоминидтер б.з.д. 800 мың жылдарда қоныстана бастаған. Алайда, Қазақстанның этникалық тарихы тек қола дәуірінен (б.з.д. XX ғ.– б.з.д. IX ғ.) басталады. Осы кезде аты-жөні жоқ бұрынғы дәуірлердегі ру-тайпалардың орнына этникалық белгілері айқын, өз атаулары (этноним) бар тайпалар пайда болады. Шынында да, андронов археологиялық мәдениеті (б.з.д. XVIII – IX ғғ.) кезіндегі тұрғындарды қазіргі таңда ғалымдардың көпшілігі Авестада аталған арий, тура, хьона, сайрима, даха (даи) тайпаларымен бірдейлейді. Ол тайпалардың тілі ирандық, нәсілі европеоидтық болған.

Ғылымда ежелгі темір дәуірінің (б.з.д. VIII-III ғғ.) тұрғындарымен (скифтер) қола дәуірінің тайпаларының арасында генетикалық қатынас сабақтастығы туралы пікір қалыптасқан. Қазақстан жеріндегі ежелгі мемлекеттер: Кангюй, Яьцай, Усін тұрғындары да евро-

пеоидтық, иран тілдес болған. Сөйтіп, ежелгі Қазақстанда этникалық процесс бірыңғай орталықта дамыған. Тек біздің заманның басында Орталық Азиядан монголоидтық, түркі тілдес тайпалар біртіндеп Қазақстан территориясына кіре бастады. Олар хун тайпалары еді. IV-V ғғ. хундар (гундар) Қазақстан территориясын түгелдей қоныстады. Сөйтіп олар түркілену және жартылай араласу процессіне алғашқы ұйтқы болды. Гунн мәселесі еңбекте негізгі орын алады, сондықтан да оның түрлі қыр-сыры баяндалады. Айталық, қытай қайнарларына шолу жасау, Хун көшпенді империясының құрылуы, саяси тарихы, Евопадағы гундар, Солтүстік Кавказдағы гун мұрасы, “ақ гундар”: хиониттер және эфталиттер, хазарлардың тегі, хун мен гундардың шығу тегі және этникалық қарауы. Бұрын да, әсіресе қазіргі таңда кейбір зерттеушілер тіпті қола дәуірінде, одан да соңғы кезеңдерді айтпағанда, түркі тілдес, тіпті түрік тайпаларының (тура-туран, дайлар, сактар, кангюй, усін) болғанын пайымдамақшы. Бұл қисынға келмейді, жазба дерек мәліметтеріне қайшы, ойша құрастырған үйлесім десе артық болмайды. Еңбекте усін мәселесі де арнайы зерттеледі. Сондықтан, Усіннің саяси тарихы, олардың мекендері, шығу тегі қаралады. Усін, кангюй этностары мен этнонимдері қазақтың үйсін, қаңлы тайпаларынан тегі мен атаулары мүлде бөлек екендігі дәлелденеді.

Б.з. VI ғ. қазақ даласын көшпенді европеоидтық, ирантілдес тайпалар біржолата тастап кетті. Осыдан бастап Қазақстанның ортағасырлық тарихы басталады. Енді этногенетикалық процесс жаңа, түркі негізінде дамиды. Бұл процеске монғол, угро-фин, тунгыс элементтері де қатысты. Олар түркіленді. Сондықтан да, XIV-XV ғғ. этникалық түркі ортасына қазақ халқы құрылды.

Summary

The current work highlights one of the complex and poorly researched topics of Kazakh historiography – ethnic history of ancient Kazakhstan. The book consists of two parts: the first one focuses on the theory and the methodology of ethnic research, ethnogenesis and ethnic history in Soviet and modern Western historiography, as well as key milestones of historic process and thought, and distinctiveness of the study of nomadic society.

In the second, main part, ethnic history of ancient Kazakhstan itself is reviewed in detail. According to the latest archeological artifacts, on the territory of Kazakhstan the first hominids appeared 800 thousand years ago. However, ethnic history of Kazakhstan begins in the Bronze epoch

(2000 to the 9th century BC), when instead of unknown populations of previous epochs appear the tribes with distinct ethnic characteristics and names. Indeed, humans from the Andronov archeological culture (18th to the 9th century BC), whom many researchers rightfully identify with peoples mentioned in Avesta: the Arians, the Turas, the Hions, the Dahas (the Dais), etc. They were Europeoid-looking and spoke Indo-European languages. Also, in the current field, the relationship between the people of the early Iron period (8th through the 3d centuries BC), the Scythians, and the peoples of the Bronze epoch has been widely accepted. The inhabitants of the ancient states on the territory of Kazakhstan (2d century BC to the 5th century AD) were also Europeoid-looking and spoke Indo-European languages. Therefore, ethnic processes in ancient Kazakhstan occurred in a homogeneous racial and ethnic environment. Only at the start of this millennium, Mongoloid-looking tribes from Central Asia that spoke Turkic languages begin penetrating the territory of modern Kazakhstan. These are the Huns, who by the 4th-5th century took, practically, over the entire Kazakhstani territory, thus, laying the foundation of Turkic linguistic assimilation and partial mixing of the native population.

The study of the Huns occupies central place in the book and, thus, such aspects as review of Chinese sources, formation of the nomadic empire of Hsiung-nu, political history, the Huns in Europe, Hun heritage in the Northern Caucasus, "white Huns", Hionites, Ephtalites, the origin of Khazars, and ethnic origin of the Huns – they all receive a detailed review. Suppositions of some of the researchers both in the past and, especially, the present, that some tribes even in the Bronze epoch, not to mention the subsequent periods (the Turas, the Dais, the Sakas, the Kangyuis, the Wusun) were, ostensibly, Turkic-speaking and even Turks have no serious, scholarly basis, contradict the data from written sources and are, merely, conjectures. In the book, the subject of Wusuns is researched: their political history, habitation, racial and ethnic origin. The author concludes that the Wusun and the Kangyuis and the Kazakh tribes of Uisun and Kangly are completely different ethnic groups and are just ethnonims not only in time, but genetically as well.

By the 6th century AD, Europeoid nomads who spoke Indo-European languages leave the Kazakh steppes entirely. From this point onward, the medieval history of Kazakhstan begins, when ethnogenetic process develops on the new Turkic basis with significant Mongolian, Ugro-Finnish and Tungus elements, which underwent Turkic assimilation. Thus, from Turkic ethnic medium in the 14th-15th centuries formed the Kazakh nation.

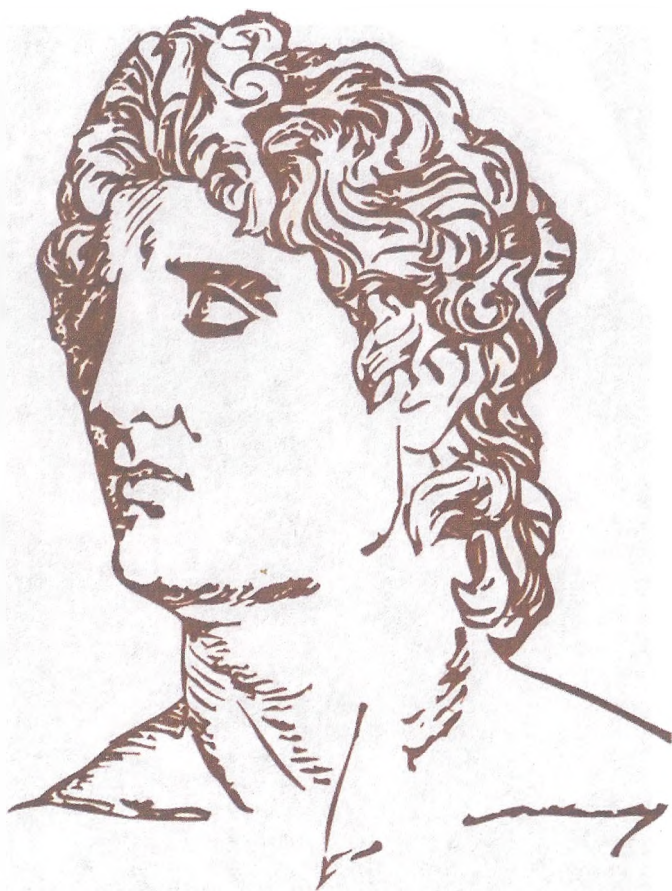
Приложение

Дарий I (522-486) гг. до н.э.

Голова сакского воина из Гяур-кала
(Древний Хорезм) II в. до н.э.

Александр Македонский
(356-323 гг. до н.э.)

Электровая (Сплав золота и серебра)
ваза из кургана Куль-Оба.
(Древний Панпикатей - г. Керчь). (IV в. до н.э.)
Скиф перевязывает ногу раненому товарищу

Сцена беседы двух скифов

Беймбет Бабикиевич Ирмуханов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

Научное издание

Редактор *Алишер ХАЛИЛОВ*

Корректор *Андрей ЗУБКОВ*

Дизайн обложки *Зухра ЖАМИЕВА*

Технический редактор *Зульфия СУЛТАНОВА*

Подписано в печать 25.01.2010 г.
Формат 60х90 $\frac{1}{16}$ Печать офсетная.
Гарнитура "Times New Roman"
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20
Тираж 1000 экз. Заказ №3796

Издательский дом «МИР»
г. Алматы, ул. Жибек-Жолы, 64,
уг. ул. Ш. Валиханова.
Тел: +7/ 727/ 273-39-89

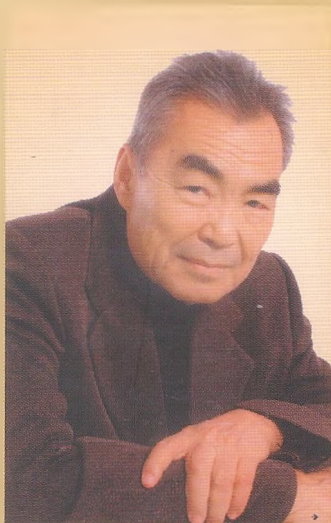
63.51(5Кз3)

И 827

Б.Б. Ирмуханов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

Беймбет Бабиктиевич Ирмуханов родился 10 июня 1936 г. в пос. Володаровка Астраханской области РФ. Окончил педучилище, с отличием истфак КазГУ, аспирантуру МГУ и докторантуру АОН при ЦК КПСС. Доктор исторических наук (Москва, 1980 г.), профессор, заслуженный работник высшей школы КазССР (1986 г.)

Он первый казах доктор наук по всеобщей истории, автор монографий: Борьба ФКП за единство действий рабочего класса и левых сил, Франция: профсоюзы и проблемы единства и более 50 статей на страницах союзных («Французский ежегодник», «Рабочий класс и современный мир» и др) и республиканских изданий по вопросам всеобщей истории и международного рабочего движения. В последние годы работает над малоисследованными проблемами истории Казахстана. Им опубликованы книги: «Казахстан: историко-публицистический взгляд, Древняя история Казахстана, Этническая история древнего Казахстана, Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н.э. - XV в.н.э. (1998, 2007), Исторические воззрения мыслителей XX века, Қазақстан: тарихи-публицистикалық көзқарас, Из истории казахов: Аз-Жанибек, Казахское ханство, жузы, Казахстан: прошлое и настоящее, Хазары и казахи, История Казахстана. Опыт теоретико-методологического исследования, Усунь и этногенез казахского народа, К вопросу о происхождении казахского народа, более 80 статей по отечественной истории на русском и казахском языках. Выступал на международных научных конференциях, читал лекции в вузах Кубы, США. Награжден медалью Вьетнама «За дружбу», удостоен звания «Почетный гражданин» г. Хошимин. С 1992 г. работает в Казахском Национальном педагогическом университете имени Абая.